

Soviet Economists of
the Twenties
Names to be Remembered

BY NAUM JASNY

CAMBRIDGE
At the University Press
1972

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

НАУМ ЯСНЫЙ

Советские экономисты 1920-х годов.

Долг памяти

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва, 2012

УДК 330.8
ББК 65.02
Я82

Научный редактор
А. А. Белых
Перевод с английского
А. В. Белых

Ясный, Наум

Я82 Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти/Наум Ясный; пер. с англ. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. — 344 с. — (Сер. «Экономическая история в прошлом и настоящем») ISBN 978-5-7749-0679-6

Книга Наума Ясного (1883–1967), известного экономиста и историка, заслуженно считается классическим трудом по истории советской экономики и экономической мысли. На русский язык она переводится впервые, это его первая публикация в России после 1929 г.

Данный труд стал завершением продолжавшейся несколько десятков лет работы автора по изучению советской экономики. Он писал только о тех, кого лично знал до своей эмиграции, а это были практически все крупные экономисты 1920-х годов, не принадлежавшие к марксистской школе.

Для всех, кто интересуется историей экономической мысли.

ISBN 978-5-7749-0679-6

УДК 330.8
ББК 65.02

На обложке даны портреты:

верхний ряд слева направо — В. А. Базаров, А. Л. Вайнштейн, Н. В. Валентинов, Л. Б. Кафенгауз, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, Л. Н. Юровский,

нижний ряд слева направо — Н. П. Огановский, Н. Н. Суханов, Д. Б. Рязанов, А. Ф. Фортунатов, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Ф. А. Череванин, М. П. Якубович

© Белых А. А., научн. ред., «Наум Ясный и его книга», 2012

© Белых А. В., пер. с англ., 2012

© Cambridge University Press, 1972

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2012

Оглавление

Белых А. А. Наум Ясный и его книга	7
Введение	49
ЧАСТЬ I. ЭКОНОМИКА	57
Глава 1. Период до НЭПа	58
Военный коммунизм · 58; Конец военного коммунизма · 63; Оппозиция в период военного коммунизма · 65	
Глава 2. Период НЭПа	66
Начальный период · 66; Экономическая политика · 70; Промышленность · 74; Сельское хозяйство · 79; Железнодорожный транспорт · 81; Настроения оппозиции · 82	
Глава 3. Период после НЭПа	90
Сельское хозяйство · 92; Промышленность · 96; Фактический выпуск промышленности · 99; Данные о ежегодном выпуске · 103; Производственные и потребительские товары · 108; Железнодорожный транспорт · 109; Цены · 110; Заключительные замечания · 111; Оппозиция · 112	
ЧАСТЬ II. ПРОЦЕСС	116
Глава 4. Обвинительное заключение	116
Предварительные замечания · 116; Правда и ложь · 120; «Преступления» в экономической сфере · 125	
Глава 5. Обвинения в создании группировок	129
Союзное бюро и заграничный меньшевистский центр · 133; Финансовая поддержка · 138; Приговор · 141; Нежелательный свидетель · 142	

ЧАСТЬ III. ЭКОНОМИСТЫ	146
Глава 6. Владимир Густавович Громан	146
Ранний период · 148; Первая мировая война · 150; Революция · 156; Период славы · 163; Программа меньшевиков · 172; Последние годы жизни · 180	
Глава 7. Владимир Александрович Базаров	189
Ранний период · 189; Период работы в Госплане · 191; Перспективное планирование · 195; Последние годы жизни · 202	
Глава 8. Абрам Моисеевич Гинзбург	207
Проект пятилетнего плана Гинзбурга · 211; Заключение · 228	
Глава 9. Николай Дмитриевич Кондратьев	231
Кондратьев как ученик Туган-Барановского · 232; Теория больших циклов · 234; Конъюнктурный институт · 237; Крестьянские индексы · 239; Пятилетний план развития сельского хозяйства и другие планы · 242; Политическая позиция Кондратьева · 250; Заключение · 257	
Глава 10. Другие меньшевики	257
Суханов · 258; Штерн · 264; Соколовский · 265; Громанцы · 267; Рубин · 270; Лосицкий · 271; Маслов · 273; Череванин · 275; Финн-Енотаевский · 276; Кафенгауз · 277; Другие подсудимые · 278; Валентинов · 279	
Глава 11. Другие неонародники	281
Макаров · 283; Чайанов · 287; Челинцев · 292; Огановский · 294; Вайнштейн · 297; Вихляев · 300; Другие · 302	
БИБЛИОГРАФИЯ Н. ЯСНОГО	306
ПРИЛОЖЕНИЯ	321
Письмо И. В. Сталина В. Р. Менжинскому (после 2 октября 1930 года) · 321; Письмо М. Якубовича · 323	
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	337

Наум Ясный и его книга

Книга Н. Ясного «Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти» была опубликована в издательстве Кембриджского университета в Великобритании в 1972 г., через пять лет после смерти автора¹, и заслуженно считается классическим трудом по истории советской экономики и экономической мысли. Почему небольшая книга и через 40 лет с момента издания продолжает привлекать внимание?

Прежде всего, интересен сам объект исследования. События, происходившие в изучаемый Н. Ясным период — с 1917 г. по 1931 г., во многом определили всю дальнейшую историю СССР. Перефразируя известное высказывание, можно сказать, что XX век в России начался в феврале 1917 г., а закончился в августе 1991 г. Значимость объекта исследования, однако, никогда не сможет заменить качество самого исследования. Особенность книги в том, что она стала завершением продолжавшейся несколько десятков лет работы Ясного по изучению советской экономики. Он был крупным ученым, и его публикации во многом сформировали научное представление о ее развитии. Ясный писал о людях, которых он лично знал до и во время своей эмиграции; кроме того, частично он и сам участвовал в описываемых событиях. Это делает публикуемую книгу почти уникальной, если не считать мемуаров Н. Валентинова², о котором Н. Ясный тоже пишет в своей

¹ Рукопись была подготовлена к печати П. Стивенсоном, Г. Гарви и К. Бранкованом. По просьбе дочерей Н. Ясного Натальи Брансвик и Татьяны Мосс редакторская подготовка книги была выполнена М. Кайзером.

² См.: *Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания.* М.: Современник, 1991.

работе. Существенно и то, что книга хорошо написана — ее просто интересно читать.

Н. Ясный считал своим моральным долгом по отношению к экономистам 20-х годов написать о тех, кто, не разделяя коммунистическую идеологию, помогал восстанавливать экономику страны после гражданской войны и кто пытался выступать за нормальное развитие народного хозяйства России. Почти все они были репрессированы — либо расстреляны, либо отправлены в лагеря. Н. Ясный хотел сохранить память об этих людях и объективно оценить их вклад в науку.

К настоящему времени сначала зарубежными, а затем и российскими историками и экономистами немало сделано для выполнения этой задачи. Во второй половине 1980-х годов в России начались переиздания трудов Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Л. Н. Юровского. Выполнены ценные исторические исследования, в том числе о деятельности ряда политических партий. Завершен фундаментальный проект публикации документов по истории меньшевистского крыла РСДРП¹. Тем не менее предстоит большая работа. Многие вопросы истории Октябрьской революции и периода 20-х годов не только не решены, но и не исследуются². За исключением трех названных выше ученых, изданные в 1920-е годы труды российских экономистов немарксистского направления почти не переиздавались.

¹ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 г./Сост., автор вводной статьи и комментариев С. В. Тютюкин. М., 1996; Меньшевики в 1917 году. В 3 т. 4 кн./Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994–1997; Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. В 4 т./Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 1999–2004; Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП 1922–1951 гг. В 2 ч./Отв. ред. А. Либих, А. Ненароков. М., 2010. Все книги изданы издательством РОССПЭН.

Большое значение имеют публикации, подготовленные видным историком А. Л. Литвиным: Меньшевики в советской России. Сборник документов под ред. А. Л. Литвина. Казань, 1998; Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов. В 2-х кн. М.: РОССПЭН, 1999. Биографические данные о меньшевиках, которые приведены в примечаниях научного редактора, взяты в: Литвин А. Л. Судебный процесс над несуществующей партией // Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 1. С. 3–36; См. также: Кн. 2. С. 388–398.

² В частности, практически не изучен вопрос об экономических взглядах Л. Троцкого. В серии планируется издание перевода книги канадского историка Р. Дэя «Лев Троцкий и политика экономической изоляции».

Книга Ясного восполняет важный пробел: в ней дан краткий, но комплексный анализ экономики СССР в условиях военного коммунизма и в 20-е годы, а также рассмотрены биографии и научные взгляды почти всех не являвшихся коммунистами экономистов 20-х годов. То, о чем он пишет, часто неизвестно не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Это прежде всего относится к главным героям книги — В. Г. Громану, В. А. Базарову¹, А. М. Гинзбургу.

Издавая эту книгу в России, мы не только выполняем свой долг по отношению к экономистам 20-х годов, о которых писал Ясный. Это и наш долг по отношению к самому Науму Ясному. Он напечатал десятки книг и брошюр, сотни статей. Его основные работы по советской экономике были написаны на английском языке, и ни одна из них не была переведена на русский язык². До сих пор они мало известны в нашей стране³. Мы убеждены, что все значимые исследования зарубежных ученых о России должны быть изданы в нашей стране и стать доступными историкам, экономистам, широкому кругу читателей. Это одна из целей, для достижения которой была создана серия «Экономическая история в прошлом и настоящем». Потому издание в этой серии книги Ясного вполне логично.

Как и всякое ценное исследование, книга говорит сама за себя. Тем не менее не все ее выводы бесспорны, и представ-

¹ В настоящей серии готовится публикация избранных трудов В. А. Базарова в двух томах.

² Есть одно исключение, которое, как говорится, подтверждает правило. Статья Н. Ясного о советской статистике (Soviet Statistics // Review of Economics and Statistics, vol. 32, no 1, February, 1950, p. 92–99) была переведена и получила гриф «для служебного пользования». Документ хранится в Российском государственном архиве экономики (ф. 1562. Оп. 329. Д. 4592. Л. 1–22). На документе есть пометка: «С переводом ознакомлены все члены коллегии». Имеется в виду коллегия Центрального статистического управления Госплана СССР. Выдержки из этой статьи вошли в книгу: Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.) / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М., 1996. Они также доступны онлайн: <http://his95.narod.ru/doc08/30.htm>.

³ Только в последнее время ситуация стала меняться. Так, в предисловии к сборнику документов о меньшевиках в эмиграции Н. Ясный назван «выдающимся экономистом», и внимание читателя обращено на публикуемую нами книгу. См.: Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП 1922–1951 г. Т. 1. С. 50.

ленный автором материал заслуживает анализа и дополнительных комментариев. Начнем с краткого биографического очерка об авторе. Наша задача упрощается тем, что Ясный написал мемуары, которые, как и публикуемая книга, были изданы только после его смерти¹. В изложении событий его жизни мы, естественно, в большой степени следуем его мемуарам.

НАУМ ЯСНЫЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ИСТОРИК

Кто без неистовства, посланного Музами², подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых.

Платон. Федр (246, а).

По воспоминаниям тех, кто хорошо знал Н. Ясного, он был наследником лучших традиций российской науки, прирожденным исследователем, который всегда страстно стремился к познанию истины. В предисловии к сборнику статей «Советское планирование», который был издан к 80-летию юбилею Ясного, известный историк А. Ноув писал: «Его нетерпимость и периодически возникающее раздражение вытекают из страстного желания разобраться в происходящем в СССР. В относительно преклонном возрасте он погрузился в детальное исследование советской экономики, поскольку был глубоко убежден, что совершенно необходимо исправить накопившиеся при ее изучении серьезные ошибки и неверные интерпретации. ... Он рассматривает поиск истины как бесконечный процесс и, не колеблясь, нападает на тех, кто, по его мнению, недооценивает советскую экономическую мощь, или на тех, чей ана-

¹ To Live Long Enough. The Memoirs of Naum Jasny, Scientific Analyst. Edited, with Biographical Commentaries by B. A. Laird, R. D. Laird. Lawrence-Manhattan-Wichita: University Press of Kansas, 1976. Редакторы книги дополнили текст, написанный Н. Ясным, ценными комментариями, восполняющими пробелы в мемуарах. В дальнейшем эта книга будет цитироваться как «Мемуары» с указанием страниц.

² Одной из девяти муз, дочерей Зевса, покровительниц искусств и наук, была Клио, муза истории.

лиз искажен стереотипами холодной войны»¹. Он обладал характером «воинствующего миссионера»² и считал себя «борцом за правду»³. В научной полемике он часто был резок и нетерпим к своим оппонентам, а порой и несправедлив. Но неистово критикуя недостатки анализа других исследователей, он был столь же требователен к себе и всегда открыто признавал свои ошибки.

Название мемуаров Ясного «*To Live Long Enough*» можно перевести как «Такая длинная жизнь». Действительно, он прожил длинную жизнь — 83 года, но свое призвание ученого нашел не сразу. Первую статью Ясный опубликовал в 33 года, в 1916 г., а к изучению советской экономики он обратился только после Второй мировой войны, когда ему было уже больше 60 лет.

Наум Ясный родился 25 января 1883 г. в Харькове, в семье преуспевающего еврейского предпринимателя. Он был вторым из шести детей. Его отец, Михаил Ясный, в молодости собирался стать раввином, но затем занялся мукомольным бизнесом. Его мать, Роза, занималась хозяйством и воспитанием детей, для которых нанимали частных учителей. В девять лет Наум поступил в классическую гимназию в Харькове. По закону, для поступления в российский университет еврей, не принявший христианскую веру, должен был окончить гимназию с золотой медалью. Наум усиленно учился, отлично сдал выпускные экзамены, и должен был получить золотую медаль. Однако его заставили повторно сдать экзамен по греческому языку и поставили заниженный балл. В результате он окончил гимназию со вторым результатом и получил только серебряную медаль.

В связи с этим Ясному пришлось продолжить образование за границей — в 1901 г. он поступил в Берлинский университет, на химический факультет. Однако в 1902 г. законодательство изменилось, еврею для поступления в университет в России золотая медаль уже не была нужна. Ясный возвратился в Харьков, поступил в университет и стал учиться на юриста. В 1904 г. его исключили за участие в политической деятельности и лишили

¹ *Nove A. Introduction//Soviet Planning. Essays in Honour of Naum Jasny. Edited by J. Degras and A. Nove. Oxford: Basil Blackwell. 1964. P. VII – VIII.*

² *Richter J. H. Naum Jasny at Eighty//Soviet Planning. Essays in Honour of Naum Jasny. P. 217.*

³ Мемуары. С. 147.

права обучаться в российских университетах. Он опять уехал за границу и продолжил обучение в Цюрихе, затем в Вене. В это время его отец перевел свой бизнес в Петербург, семья стала жить в роскошной квартире на Невском проспекте (больше десяти комнат, не считая помещений для прислуги).

После январского кровавого воскресенья 1905 г. Ясный решил вернуться в Россию для борьбы с царизмом. В Петербурге он вступил в меньшевистскую организацию. О его революционной работе в этот период почти ничего неизвестно, кроме того, что в Варшаве он организовал первомайскую демонстрацию (Мемуары, с. 10). В конце осени он заболел тифом, из-за осложнений болезнь затянулась, что, впрочем, спасло его от ареста¹. После поражения революции и вплоть до 1917 г. он не участвовал в политике.

В 1906 г. Ясный поступил в Санкт-Петербургский университет, который закончил в 1908 г. В этот период бизнес его отца расширялся, он приобрел кирпичный завод в Санкт-Петербурге, стекольный завод в Москве. Роза уговорила его купить книжное издательство, которое возглавил сын Владимир. Михаил Ясный купил бумагоделательную фабрику и книжный магазин на Невском проспекте. Это привело к тому, что у семьи появились контакты в литературном мире — в гостях бывал молодой кузен Роман Якобсон, интересовавшийся лингвистикой. Однажды пришедший в гости Владимир Маяковский шокировал собравшихся тем, что бросал куриные кости через плечо на пол (Мемуары, с. 13).

Наума бизнес отца совсем не интересовал, кроме того, он влюбился в Марию Орлову, энергичную красивую девушку из Нижнего Новгорода, разделявшую социалистические убеждения Ясного. Она изучала медицину в Московском университете и была православной. Поскольку Ясный, будучи евреем, не мог открыто ездить в Москву, чтобы встречаться с ней, он приобрел фальшивый паспорт, хотя это было небезопасно (Мемуары, с. 13)². Несмотря на сопротивление родителей, моло-

¹ Царская охранка о нем забыла.

² Эта информация приведена не в тексте Ясного, а в комментариях редакторов мемуаров. Мотивы приобретения паспорта неясны. Иудейское вероисповедание — весьма сомнительная причина. Действительно, формально Москва не входила в черту оседлости. Но, во-первых, С.-Петербург тоже

дые решили пожениться, но для этого Марии пришлось перейти в протестантство¹.

Юридическая практика Ясного не была успешной — он был хорошим специалистом, но, употребляя современную терминологию, плохим клиентщиком: дела, которые он вел, не приносили ему дохода, клиенты не платили. Мария ждала ребенка, надо было делать выбор. Вскоре у них родилась дочь, ее назвали Наташей. Наум согласился стать управляющим убыточной мельницы в Харькове, принадлежавшей его отцу, и сделал ее прибыльной. Правда, сам он управлял лишь частью операций — закупками зерна и мукомольным производством. Продажами муки занимались другие люди, которые умели это делать. Однако, когда после начала первой мировой войны доходы мельницы стали резко расти, Ясный, по его словам, «стал ощущать себя грабителем» (Мемуары, с. 14). В 1916 г. он уехал из Харькова и стал работать в Союзе городов², в Пскове.

Неудовлетворенный работой в Пскове, Ясный вскоре переехал в Москву и стал работать в скромной должности помощника в личном секретариате Н. И. Астрова, одного из руководителей Союза городов, который одновременно возглавлял экономический отдел этой организации³. Летом 1916 г. в помещении секретариата состоялось знакомство Ясного с Громаном, который вскоре перевел Ясного в свой отдел. В рамках экономического отдела Союза городов были созданы московское и петроградское статистические бюро. Громан направил Ясного работать в петроградское бюро⁴. Период совместной работы, который Ясный впоследствии называл «эрой Громана», длился

не входил в черту оседлости, а Ясный ездил в Москву из Петербурга. Во вторых, ограничения на проживание и передвижение евреев не распространялись на лиц с высшим образованием, Ясный же к этому времени окончил С.-Петербургский университет.

¹ По действовавшим законам брак иудея и православной был невозможен.

² Союз городов (Всероссийский союз городов) был учрежден 8–9 августа 1914 г. в Москве на съезде городских голов. Целью союза была помощь раненым воинам.

³ В 1917 г. Астров стал московским городским головой. Секретариат Астрова возглавлял М. В. Вишняк, впоследствии секретарь Учредительного собрания.

⁴ В главе 6 настоящей книги говорится, что Ясный перешел в отдел Громана в июне 1916 г. В мемуарах их знакомство датировано началом июля 1916 г. (Мемуары, с. 16).

с июля 1916 г. по 27 февраля 1917 г. «Всего семь месяцев, но этот короткий период определил мой жизненный путь» (Мемуары, с. 25). Это высказывание звучит несколько пафетично, но оно верно. В этот период Ясный осознал свое истинное призвание: он стал экономистом, исследователем.

В начале 1917 г. Ясный публикует первую книжку — «Опыт регулирования снабжения хлебом», в которой описывает историю регулирования хлебного рынка в России в период первой мировой войны. Он закончил работу над книжкой 1 февраля 1917 г. и сделал следующий вывод: «Форма регулирования, осуществлявшаяся осенью 1916 года, уже не применима в 1917 году, так как отпали все важнейшие элементы: система согласованных между собою цен, преимущественно добровольный характер сделок и работа частно-торгового аппарата. При создавшихся условиях государственная монополия снабжения хлебом — единственный выход из положения»¹. Действительно, хлебная монополия была введена вскоре после Февральской революции — 25 марта 1917 г.

Споры о том, как в условиях усиления инфляции платить крестьянам за хлеб, привели к разрыву Ясного с Громаном, который полагал, что правильные цены могут быть получены в ходе составления единого плана народного хозяйства, причем отводил на выполнение этой задачи всего шесть недель. До расчета новых цен он предлагал платить крестьянам сертификатами, по которым впоследствии они получили бы компенсацию. Ясный справедливо считал это очевидной утопией, что и послужило причиной ссоры². После этого Громан сосредоточился на работе председателя Продовольственной комиссии Совета рабочих депутатов Петрограда. Ясный остался работать в Союзе городов и позднее стал представителем Союза в Государственном продовольственном комитете, товарищем (заместителем) председателя которого был Н. Д. Кондратьев. Он стал также консультантом Высшего экономического совета и Министерства земледелия.

¹ Опыт регулирования снабжения хлебом / Под ред. Ф. А. Липкина. Петроград: тип. Андерсона и Лойцянского, 1917. С. 154. Отметим, что редактором этого издания был Ф. А. Череванин (Липкин), о котором Ясный пишет в своей книге.

² Эти события подробно описаны в шестой главе публикуемой книги.

В дальнейшем, в 1917 г. Ясный опубликовал несколько статей в газете «День» и небольшую брошюру «Продовольственный кризис и хлебная монополия». Она была издана П. И. Поповым, который впоследствии возглавлял ЦСУ СССР. Ясный подготовил более проработанный вариант для Министерства продовольствия, в котором за печатные издания отвечал руководитель экономического отдела Л. Н. Юровский. Книга уже была в печати, Ясный даже получил гранки, когда произошла Октябрьская революция. По-видимому, книга так и не была напечатана. В декабре 1917 г. Ясный с женой и дочерью уехал в бывший тогда столицей Украины Харьков, где у него сохранилась квартира в том же квартале, где находилась мельница. В Харькове Ясному удалось устроиться преподавателем в университет, Мария время от времени подрабатывала дантистом. Отец и мать Ясного сразу после революции уехали в Кисловодск, а затем эмигрировали и поселились в Вене. Михаил Ясный вскоре занял значимый пост в венском банке.

Во время гражданской войны жизнь в Харькове, переходившем из рук в руки, была нелегкой. Для красных Ясный был буржуем, для белых — жидом. Еврейские погромы на Украине в это время происходили часто. Несколько раз семья едва спаслась как от красных, так и от белых. Несмотря на сложные жизненные условия, Ясный продолжал исследовательскую работу. Он публиковался в газетах, начал писать большую книгу о зерновых культурах. В 1918 г. он издал брошюру «Может ли Украина быть экономически независимой?». В ней Ясный писал: «У нас на юге почему-то начали свысока относиться к Великодержавии. Кто-то посмотрел на карту и увидел, что Киев лежит немного западнее Москвы, и возгордился. Не следует, однако, забывать, что дело не столько в расстоянии, сколько в скорости передвижения. А из Москвы поезд на запад всегда ходил скорее, чем из Киева»¹. Ясный доказывал, что «перспективы будущего промышленного развития Украины рисуются в самых темных красках» и что под флагом «самостийности» к власти пришли «сторонники одного только вида свободы — свободы обдирания»². Впрочем, в брошюре Ясного слишком много полемического

¹ Может ли Украина быть экономически независимой? Харьков: Товарищество потребительских обществ Юга России, 1918. С. 60.

² Там же. С. 64, 72.

задора, его выводы недостаточно аргументированы. Впоследствии он трезво оценил свою работу: «Я опубликовал памфлет под нелепым названием „Может ли Украина быть экономически независимой?“ Конечно, может, только перспективы независимого государства были не столь радужными, как представлялось некоторым украинцам» (Мемуары, с. 39).

В апреле 1918 г. Мария родила вторую дочь, которую назвали Татьяной. Вскоре Мария тяжело заболела уреимией, а в конце осени вместе с дочерью и служанкой уехала в Анапу, чтобы оправиться от последствий продолжительной болезни. Однако там она заболела брюшным тифом, а у Тани началась дизентерия. Когда Ясный узнал об этом, на Харьков уже наступала Красная армия. Он смог уехать из города последним поездом, чуть не замерз в пути, но добрался до Анапы и смог выводить жену и дочь. Ясный с семьей переехал в Кисловодск, а в начале 1920 г., по приглашению грузинских меньшевиков, уехал в Тбилиси (в то время Тифлис).

В Тбилиси Ясный работал в министерстве продовольствия, писал статьи о хлебном рынке в меньшевистскую газету «Борьба», некоторое время участвовал в осуществляемом для министерства обороны строительстве фабрики по очистке зерна. Относительно спокойная жизнь в Грузии, руководимой меньшевиками, продолжалась около года: 16 февраля 1921 г. Красная армия начала вторжение в Грузию с нескольких сторон. Слабая и плохо обученная грузинская армия некоторое время пыталась сопротивляться. Тбилиси был взят 25 февраля, накануне грузинское правительство, во главе с Н. Жордания, последним поездом выехало в Кутаиси. Этим же поездом уехал и Ясный с семьей. Из Кутаиси они переехали в Батум, в который Красная армия вошла 19 марта. Хотя красноармейцы уже начали проверять пассажиров пароходов, Ясному повезло: он смог отплыть в Константинополь, Мария, задержавшаяся из-за болезни Тани, прибыла с дочерьми на другом судне.

Из Константинополя Ясный с семьей перебрался в Вену, где смог устроиться клерком в банк, в котором работал его отец¹. Сначала семья жила в Линце, а Наум снимал комнату в Вене

¹ Странно, что в своих мемуарах Н. Ясный не приводит названия банка, в котором работал он и его отец, и не говорит о том, в чем заключалась его работа. Должность отца тоже не названа.

недалеко от банка, затем все они поселились в пригороде Вены. У Ясного был грузинский паспорт, но в связи со сложными отношениями с грузинским правительством в эмиграции, был вынужден оформить советский паспорт, в котором указал партийную принадлежность — меньшевик (Мемуары, с. 50–51). То, что ему выдали советский паспорт, достаточно характерно для рассматриваемого периода, когда отношение к эмигрантам было относительно либеральным.

В начале 1923 г. Ясный перебрался в Берлин. В своих мемуарах он пишет, что начал публиковаться в журнале комиссариата внешней торговли, а материалы в журнал передавал через работавшего в представительстве этого комиссариата в Берлине М. И. Тейтельбаума, впоследствии осужденного на процессе меньшевиков в 1931 г. (Мемуары, с. 59). Несмотря на то, что Ясный был эмигрантом, у него были возможности публиковать свои статьи в СССР и в советских зарубежных изданиях. В частности, в 1923–1925 гг. в журнале «Внешняя торговля» опубликованы 33 его статьи о конъюнктуре хлебного рынка.

В 1924 г. торговое представительство СССР в Германии издало «Энциклопедию русского экспорта» в двух томах. В первый том вошло 15 статей Ясного. В начале 1925 г. он поступил на работу в это торговое представительство в качестве эксперта в хлебный отдел. Вскоре отдел переехал в Гамбург, где Ясный проработал два года. В 1925 г. он издал в СССР брошюру «Элеваторы в Северной Америке и в России». Казалось, что для Ясного ситуация стабилизировалась. Однако 14 марта 1927 г. Ясный получил извещение о том, что со следующего дня он уволен. Увольнение без предварительного предупреждения и без выплаты компенсации, естественно, противоречило германскому законодательству, однако в советском представительстве понимали, что эмигрант не сможет отстаивать свои права через суд. До середины 1929 г. Ясный жил литературным трудом, был редактором раздела «Хлеб» во втором издании «Энциклопедии советского экспорта»¹ и напечатал в нем 26 статей, издавал в немецких журналах статьи по аграрной тематике.

¹ Во втором, значительно расширенном издании, русский экспорт стал называться советским.

В середине 1929 г. Ясного пригласили на работу в Институт конъюнктурных исследований в Берлин¹, а с 1 января 1930 г. он перешел на работу в Институт по исследованию сельскохозяйственных рынков². Его научная карьера развивалась успешно, он опубликовал на немецком языке пять книг, значительное количество статей. Две книги — «Закат ржи»³ и «Трактор в сельском хозяйстве»⁴ — имели значительный позитивный резонанс в научных кругах. В первой книге Ясный проанализировал потребление ржаного хлеба в Германии и правильно предсказал существенное уменьшение среднечеловеческого потребления этого продукта в связи с ростом потребления пшеничного хлеба. Во второй он обосновал эффективность использования тракторов в различных условиях — при существовавшем уровне техники это еще не было очевидным. Финансово он и его семья были обеспечены. Но, как это уже бывало, спокойный период в жизни Ясного продолжался недолго.

В 1932 г. после нескольких месяцев болезни умерла его жена Мария. 30 января 1933 г. А. Гитлер стал рейхсканцлером Веймарской республики. Ясный сразу обратился в посольство США за въездной визой. Позднее он писал, что сделал это не потому, что предвидел жестокости нацистского режима. Он решил уехать «просто потому, что покинул свою страну из-за нежелания жить в условиях диктатуры. Еще меньше мне хотелось жить в условиях иностранной диктатуры» (Мемуары, с. 74). Решение Ясного ехать именно в США объяснялось прежде всего тем, что в этой стране на очень высоком уровне проводились статистические исследования сельского хозяйства. Он рассчитывал, что в США у него будут возможности найти работу по специальности экономиста-аграрника и заниматься наукой. Несмотря на возникшие трудности, он смог получить американскую визу. Перед отъездом Ясный женился на Марии Филиппи, сотруднице института,

¹ Institut für Konjunkturforschung (IKF). В настоящее время этот институт называется «Германский институт экономических исследований» (Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung).

² Institut für Landwirtschaftliche Marktforschung.

³ Die Zukunft des Roggens. Sonderheft 20 der Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. Institut für Konjunkturforschung. Berlin: R. Hobbing, 1930.

⁴ Der Schlepper in der Landwirtschaft, seine Wirtschaftlichkeit und weltwirtschaftliche Bedeutung. Berlin: P. Parey, 1932.

в котором работал. В августе 1933 г. Ясный с женой и дочерью Таней отплыли в Нью-Йорк. Ему было в это время 50 лет.

Годы, прожитые в США, для Ясного оказались периодом наиболее плодотворной научной работы. Его публикации на английском языке насчитывают 12 тыс. страниц¹, при этом основная их часть была посвящена СССР. К сожалению, в течение многих лет он не получал признания большинства американских ученых и русских эмигрантов. Для антикоммунистов он был человеком, который пытался объективно оценить экономические достижения СССР и тем самым занимал недостаточно жесткую позицию по отношению к коммунизму. Для левых и тех, кто с симпатией относился к СССР, он был, наоборот, слишком резким критиком советской действительности. Для многих американских ученых, занимавшихся изучением СССР, его стремление исправить фальсификации советской статистики и публиковать собственные расчеты, в определенной степени ставило под сомнение результаты их исследований². Основные проблемы у Ясного возникли именно с американскими учеными. Ученые из Великобритании относились к его исследованиям более лояльно. В частности, журнал «Soviet Studies» (сейчас — Europe-Asia Studies) опубликовал значительное число его статей, что во многом способствовало признанию его научных заслуг.

Вполне ожидаемо, что в СССР исследования Ясного либо замалчивались, либо подвергались голословной критике. Позицию советской официальной науки ярко демонстрирует следующее высказывание: «Известный своими клеветническими писаниями о Советском Союзе американский экономист Н. Ясный назойливо убеждал своих читателей в том, что мероприятия КПСС по совершенствованию управления промышленностью и строительством не имеют якобы большого значения, так как они-де ничего не дают для демократизации советского государства»³.

¹ Richter J. H. Naum Jasny at Eighty // Soviet Planning. P. 219. Ясный публиковался в издававшемся на русском языке журнале меньшевиков «Социалистический вестник» (см. библиографию).

² Библиография дискуссии о подходах Ясного к статистике советской экономики приведена в книге «Soviet Planning. Essays in Honour of Naum Jasny» (р. 224–225). Она была составлена Майклом Кайзером.

³ Дробижев В. З., Изрицкий Ю. И. Извращение истории совнархозов в англо-американской буржуазной литературе // Вопросы истории. 1961.

История научных исследований Ясного, его публикаций по советской экономике, научной полемики, которую он вел с американскими учеными, неотделима от общей истории советологии в США и Западной Европе. Детальное описание вклада Н. Ясного в изучение экономики СССР и его взаимоотношений с советологическим майнстримом выходит, конечно, за рамки данной статьи. Отметим лишь, что сейчас, когда полемические страсти улеглись, его идеи и расчеты вполне объективно оцениваются западными экономистами и историками¹. Здесь мы ограничимся краткими комментариями об американском периоде жизни Ясного.

Через два месяца после приезда в США он устроился на работу в Вашингтоне в министерство сельского хозяйства² — на должность старшего экономиста. После этого Ясный работал в Институте проблем продовольствия Стэнфордского университета (1938), затем снова в министерстве сельского хозяйства (1940). В это время он активно изучал сельское хозяйство США, а также международные аспекты зернового рынка. Итогом этой работы стало фундаментальное исследование «Конкуренция зерновых», опубликованное в 1940 г.³ В этом же году он начал работу над историей возделывания пшеницы. Полученные результаты опубликованы в книге «Хлеб античности», изданной в 1943 г.⁴ Эта работа принесла ему заслуженное признание специалистов по истории античного периода Греции и Рима.

№ 3. С. 184. В этой публикации речь шла о статье Ясного, в которой он анализировал экономическую политику Хрущева. См.: Chruschtschow und die Sowjetwirtschaft // Ost Europa. Vol. 7, no 10 (October, 1957). P. 709–718.

¹ См. напр.: *Wilhelm J. H.* The Failure of the American Sovietological Economics Profession // *Europe-Asia Studies*. Vol. 55, No 1, January 2003. P. 59–74; *Harrison M.* Soviet Industrial Production, 1928 to 1955: Real Growth and Hidden Inflation // *Journal of Comparative Economics*. 1999. Vol. 28, no 1. P. 134–155. Эта статья доступна онлайн: http://wrap.warwick.ac.uk/213/1/WRAP_harrison_7470248-161008-jce00postprint.pdf.

² USDA — United States Department of Agriculture.

³ *Competition among Grains*. Grain Economic Series of Stanford University, Food Research Institute. Vol. 2. Stanford University, Calif., 1940.

⁴ *The Wheats of Classical Antiquity / The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science*, ser. 62, no 3. Baltimore, Md.: The Johns Hopkins Press, 1944.

После начала Второй мировой войны Ясный хотел поступить на работу в русский отдел Управления стратегических служб¹, но ему было отказано. С лета 1942 г. он стал работать в экономическом департаменте обороны (Economic Defense Board), который в 1943 г. вошел в Международное экономическое агентство (Foreign Economic Administration). В сентябре 1945 г., когда агентство было расформировано, Ясный вернулся в министерство сельского хозяйства, а в конце 1947 г. уволился. Получив в это время финансовую поддержку от Института проблем продовольствия Стэнфордского университета и от Фонда Рокфеллера, он смог сосредоточиться на научных исследованиях советской экономики.

В 1949 г. Ясный опубликовал фундаментальный 837-страничный труд «Социализированное сельское хозяйство СССР»². В этой работе он подверг резкой критике официальную советскую статистику и дал собственные расчеты реальных экономических показателей сельского хозяйства. В частности, он показал, насколько велика была разница между официально фиксируемым биологическим урожаем и реальным сбором зерна. Ноув писал, что методы расчетов Ясного были раскритикованы советологами, но истина восторжествовала, когда при Хрущеве была опубликована исправленная статистика. «Если только хрущевские статистики не заимствовали данные об урожайности в 1937 г. из работы Ясного, он может гордиться тем, что рассчитал их с точностью до 1%»³. В 1962 г., когда ему было уже 78 лет, он издал книгу «Советская индустриализация. 1928–1952», которую посвятил Громану, «плановику, бойцу, великому человеку»⁴. Эту работу, в которой была детально проанализирована история советского планирования, сам Ясный иногда называл своим лучшим произведением.

Несмотря на возраст и ухудшающееся здоровье, он продолжал работать. В 1962 г. вышла еще одна книга — «Очерки о советской

¹ Эта организация была предшественницей ЦРУ.

² The Socialized Agriculture of the USSR: Plans and Performance. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1949.

³ Nove A. Introduction//Soviet Planning. Essays in Honour of Naum Jasny. P. VIII.

⁴ Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago: University of Chicago Press, 1961.

экономике»¹, в 1963 г. Ясный закончил работу над книгой о политике Хрущева в отношении зерновых культур². Постепенно его вклад в изучение советской экономики получил признание. К его 80-летию были опубликованы сборник статей «Советское планирование» и книжка с простым названием «Наум Михайлович Ясный»³. В последние годы жизни он писал мемуары и книгу-воспоминание о советских экономистах 20-х годов. Они были опубликованы уже после его смерти. Умер он 12 апреля 1967 г. в Вашингтоне.

Наум Ясный прожил долгую, насыщенную событиями жизнь. Свои мемуары он закончил следующими словами: «Непросто жить тому, кто, не будучи наделен необычными способностями, тем не менее, упорно занимается только теми проблемами, которые, как ему кажется, он может успешно решить, анализирует эти проблемы, полностью используя все свои возможности, и старается опубликовать полученные результаты, независимо от степени влиятельности тех, кому не нравятся его работы. Но, конечно, такую жизнь стоит прожить. И если он достаточно настойчив и проживет достаточно долго, у него будут хорошие шансы добиться признания. Прожить достаточно долго — быть может, это самое важное средство для достижения цели» (Мемуары, с. 161–162).

ПОЛИТИКА И СУДЬБЫ ЭКОНОМИСТОВ 1920-Х ГОДОВ

В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор.

И. Бродский. Нобелевская лекция

Издаваемая книга стала последней научной монографией Наума Ясного. В своем предисловии он пишет, что в нее частично вошли результаты некоторых его предыдущих работ. Тем самым в книге подведены итоги его многолетнего изучения экономики СССР. Ясный ставил своей целью описать эконо-

¹ *Essays on the Soviet Economy*. New York: Praeger, 1962. — 297 p. Эта книга была в том же году издана в Мюнхене Институтом по изучению СССР.

² *Khrushchev's Crop Policy*. Glasgow, Scotland: George Outram, for Institute of Soviet and East European Studies, University of Glasgow, [1965].

³ *Армбрустер В. Г.* Наум Михайлович Ясный. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1963. Автор книги имел доступ к текстам мемуаров Н. Ясного.

мическое развитие страны в период с 1917 г. по 1931 г., показать роль тех экономистов, которые, как он пишет, принадлежали к некоммунистической оппозиции режиму (первая часть книги); дать анализ процесса меньшевиков (вторая часть), рассказать о судьбах и научных достижениях наиболее крупных экономистов 20-х годов (третья часть). В результате он написал глубокую и интересную книгу — поставленная цель была им, безусловно, достигнута.

Жанр предисловия не предполагает детального анализа взглядов автора публикуемой книги. Более того, сразу отметим, что в целом основные идеи и выводы Ясного не вызывают сомнений. Мы не считаем правильным обсуждать в этой статье точность сделанных Ясным оценок темпов роста советской экономики, процентов выполнения планов, иных экономических показателей. Изучать его подходы и методы расчетов следует в более широком контексте — в рамках комплексного исследования истории развития советской экономики. Для такого исследования необходимо провести сравнительный анализ советской статистики, зарубежных работ и альтернативных расчетов экономических показателей, проводимых российскими учеными. Эта задача может быть решена только в результате отдельного фундаментального исследования, предпринятого историками, экономистами, статистиками.

Вместе с тем, некоторые проблемы, изучаемые Ясным в его книге, заслуживают дополнительного обсуждения. Прежде всего, это вопросы о внутренней оппозиции и о репрессиях в отношении экономистов. Кроме того, сделанные Ясным оценки некоторых экономистов нуждаются в существенном уточнении.

Внутренняя оппозиция экономистов

В первой части своей книги Ясный пишет о том, что в 20-е годы в СССР существовала внешняя и внутренняя оппозиция. Внешнюю оппозицию представляли, естественно, эмигранты. К внутренней оппозиции он относит тех экономистов, которые не эмигрировали и не разделяли коммунистической идеологии. Такое определение, конечно, нельзя назвать неправильным. В то же время оно может привести к неверному пониманию проблемы. Из текста Ясного со всей очевидностью следует, что эти экономисты не делали ничего специфически оппози-

ционного — они активно работали в различных советских организациях, внесли значительный вклад в развитие экономики страны, публиковали исследования, в которых достаточно открыто отстаивали свои идеи. Можно ли считать их оппозиционерами? С другой стороны, именно эти экономисты подверглись жестоким преследованиям в конце 20-х годов, многие были осуждены на длительные сроки заключения, а затем расстреляны. У читателя, естественно, возникает мысль о каком-то сумасшествии власти. Конечно, не случайно в последней фразе книги ситуация в СССР названа перевернутым с ног на голову миром, достойным страны чудес, в котором побывала Алиса¹.

Вместе с тем, при обсуждении логики действий советской власти уместна еще одна литературная аналогия. Полоний о поведении Гамлета сказал: «Если это и безумье, то по-своему последовательное»². Рассмотрим этот вопрос подробнее, но подчеркнем, что попытка изучить логику взаимоотношений власти и тех экономистов, о которых пишет Ясный, не меняет общей оценки репрессий: они были преступны с любой точки зрения. Вместе с тем, они не были случайны и имели вполне объяснимые причины.

Отношения власти и экономистов за период с 1917 по 1931 г. были разными и прошли несколько этапов. Многие из тех, о ком

¹ Вспомним, что Алиса присутствовала на суде, который по своей абсурдности был схож с советскими судебными процессами. Валета обвиняли в краже кренделей, лежавших на блюде, которое стояло на столе перед Королем. И основной уликой на суде было письмо, написанное почерком, непохожим на почерк Валета. Как раз это показалось подозрительным. Валет пытался оправдываться:

« Я этого письма не писал. ...Там нет подписи.

— Тем хуже, — сказал Король. — Значит, ты что-то дурное задумал, а не то подписался бы, как все честные люди. ...

— Пусть присяжные решают, виновен он или нет, — произнес Король.

— Нет! — сказала Королева. — Пусть выносят приговор! А виновен он или нет — потом разберемся». (См.: *Кэррол Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье*. Подготовка издания Н. М. Демуровой. М.: Наука, 1979. С. 95–96).

Трагизм ситуации заключался в том, что Алиса смогла просто проснуться, а советские суды проходили наяву и приговоры были вполне реальными и жестокими.

² *Весь Шекспир в двух томах. Т. 2. Гамлет. Перевод Б. Л. Пастернака. Москва: Олма-Пресс, 2001. С. 279.*

пишет Ясный, не приняли Октябрьскую революцию. Некоторые, в частности, Громан, действительно активно выступали против политики большевиков.

В. Г. Громан участвовал в съезде всех продовольственных организаций, проходившем в Москве 18 ноября 1917 г. На съезде он был выбран председателем Совета по продовольствию. Громан пытался от имени Совета по продовольствию влиять на политику наркомата продовольствия и выступал за передачу продовольствия Учредительному собранию. За это его вместе с Кондратьевым и другими членами Совета арестовал лично Ф. Э. Дзержинский. Впрочем, через некоторое время по постановлению Совнаркома и ЦИКа Громан и Кондратьев были освобождены. Громан настоял на созыве второго съезда продовольственных организаций, где уже блокировался с большевиками и был снова избран председателем Совета. Его заместителем стал А. И. Рыков, видный большевик и будущий член Политбюро и председатель Совнаркома.

Учитывая близкое знакомство с Громаном, Ясный не мог не знать об этом эпизоде, хотя бы потому, что Громан упоминал о нем в своих показаниях на меньшевистском процессе. Однако, в своей книге Ясный об этом не пишет. Возможно, это расходилось бы с его концепцией: экономисты всегда были лояльны советской власти, а она поступила с ними вероломно и жестоко.

Во время гражданской войны Громан участвовал в партийной меньшевистской работе, входил в специальную экономическую комиссию, подготовившую опубликованное в начале июля 1919 г. воззвание ЦК РСДРП «Что делать?», адресованное всем рабочим и работницам¹. В воззвании была четко описана программа предлагаемой меньшевиками экономической реформы: закрепление земли за крестьянами, отказ от продразверстки, переход к экономическим методам получения продовольствия у крестьян, денационализация промышленности, возрождение кредитной системы, обеспечение независимости профессиональных рабочих союзов. В 1921 г., после того, как на X съезде РКП (б) была провозглашена новая экономическая политика (НЭП), частично реализовавшая требования меньшевиков, Громан подготовил документ ЦК РСДРП (меньшевиков)

¹ Большевики в 1921–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2002. С. 23.

«О продналоге», который был опубликован в журнале «Социалистический вестник» (1921, № 7, 4 мая)¹. В этом документе резко критиковались недостатки организации сбора продовольственного налога. Однако вскоре Громан отошел от оппозиционной деятельности. 27 февраля 1922 г. Громан подал в ЦК РСДРП заявление о выходе из партии². По-видимому, политической деятельностью он больше не занимался.

Громан был не единственным экономистом, которого арестовали. Еще один из обвиняемых на меньшевистском процессе — А. М. Гинзбург — в 1921 г. работал заместителем председателя Киевского губплана. Затем он был арестован Киевской губернской ЧК, находился в заключении два месяца, был выпущен, работал в Киеве, а с августа 1922 г. перешел на работу в ВСНХ³.

Переход к НЭПу ознаменовал новый этап отношений власти и научной интеллигенции. Он позволил экономистам, которые не эмигрировали, активно включиться в работу по восстановлению экономики страны. У нас нет никаких оснований считать, что экономисты, о которых пишет Ясный, в период 20-х годов, после начала НЭПа, принимали участие в какой-либо политической оппозиционной деятельности. Естественно, они имели свое представление о тех или иных экономических проблемах, при этом у них были определенные возможности для изложения и отстаивания своих теорий. В период НЭПа, особенно в первой его половине, идеологический контроль над экономической наукой был, по сравнению с последующими периодами советской истории, относительно мягким. Не выступавшие открыто против марксизма ученые могли отстаивать свои взгляды в ходе широких экономических дискуссий, в частности, по вопросам планирования. Существовало много возможностей для публикаций. Так, в 1927 г. в СССР издавалось более 400 экономических журналов, а социально-экономических — более 750⁴.

¹ См.: там же. С. 218–220. Авторство В. Г. Громана установлено научными редакторами сборника по воспоминаниям Б. Двинова. См.: *Двинов Б. От легальности к подполью (1921–1922)*. Stanford, 1968. С. 32.

² *Меньшевики в 1921–1922 гг.* С. 446.

³ См.: *Меньшевистский процесс 1931 года*. Т. 1. С. 199.

⁴ *Методология генерального плана. Дискуссия в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского. Доклад Н. А. Ковалевского и обсуждение // Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 134.*

Экономисты не совершали ничего, что даже по меркам того времени могло бы считаться незаконным.

Разумеется, степень существовавшей в период НЭПа свободы не стоит преувеличивать — достаточно вспомнить высылку осенью 1922 г. за границу группы интеллигенции, в которую входили и крупные экономисты, в том числе Б. Д. Бруцкус и С. Н. Прокопович. Планировали выслать Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского и А. А. Рыбникова, но к ним эта мера не была применена в связи с ходатайствами экономических ведомств¹. Анализ противоречий марксистской доктрины и последствий ее применения в России, проведенный Б. Д. Бруцкусом в статьях, опубликованных в журнале «Экономист», оказался неприемлемым для власти. Сам журнал закрыли².

Концепция НЭПа — относительная экономическая свобода при отсутствии свободы политической — позволяла многим экономистам работать на благо страны и чувствовать, что их работа оценивается по достоинству. Политическая борьба происходила внутри самой коммунистической партии. Беспартийные экономисты могли иметь свои кружки, организовывать периодические встречи, где они обсуждали происходившие в стране события. Строго говоря, это даже не была внутренняя оппозиция, как ее называет Ясный. Более уместен термин, который принято применять по отношению к советским диссидентам 60-х — 70 годов XX в. — «внутренняя эмиграция».

Характерным примером была Лига наблюдателей — кружок интеллигентов, о котором известно из мемуаров Н. Валентинова. Кружок состоял из восьми человек, к которым иногда присоединялся девятый. Семь из них в прошлом были меньшевиками, двое остальных к ним близко примыкали. Они периодически встречались, обсуждали политические и экономические события. Участниками лиги был сделан весьма интересный анализ НЭПа³. К сожалению, в российском издании мемуаров Валентинова не полностью напечатан список участников этого

¹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. М.: Наука, 1993. Кн. 1. С. 450.

² Б. Пастернак очень точно назвал НЭП «самым двусмысленным и фальшивым советским периодом». См.: *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго / Пастернак Б. Л. Собр. соч. в 5 тт. М.: Художественная литература, 1990. Т. 3. С. 459.

³ Подробнее см.: *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 31–58.

кружка. Приведем его целиком: В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, Н. В. Валентинов (Вольский), П. Н. Малянтович, Э. Л. Смирнов (Гуревич), В. А. Левитский, В. Н. Малянтович, М. В. Малянтович, Я. М. Букшпан¹. Однако неучастие в политике не было гарантией безопасности. Впоследствии четверо из них — В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, Э. Л. Гуревич и П. Н. Малянтович — были арестованы в 1930 г. по делу о меньшевистской организации.

Проблема была не в оппозиционности ученых-экономистов. В конце концов, они просто хотели создавать и развивать нормальную экономику, то есть обычное рыночное хозяйство, в котором, с учетом специфики России, значительную роль играл бы государственный сектор. У них было иное представление о перспективах развития страны, чем у руководителей правящей партии. Для нормальных экономистов был совершенно неприемлем широко распространенный в конце 20-х годов подход к решению экономических проблем, который ярко иллюстрирует высказывание представителя Кузнецкстроя: «Если вы спросите нас, сколько мы израсходовали, то ответа не получите. ...Обычно мы руководствуемся формулой: строить во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило»².

Основная проблема заключалась в общей экономической и политической ситуации, сложившейся в СССР во второй половине 20-х годов. Необходимость индустриализации страны обострила противоречие между политической диктатурой и частным сельским хозяйством³. То, как это противоречие было разрешено Сталиным, хорошо показано в публикуемой книге. Вернемся к высказыванию Полония. То, что в результате репрессий страна лишилась лучших экономистов, трудно оценить иначе, чем «безумие» власти. Идеи сторонников правого уклона (Бухарина, Рыкова, Томского) были реалистичнее, чем взгляды Сталина и его группы, а концепции таких экономистов, как Базаров, Громан, Кондратьев, Чаянов, были более реалистичными и научными, чем идеи Бухарина. В связи с этим экономисты и сторонники так называемого правого уклона

¹ См.: *Валентинов Н.* нэп и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 255.

² За индустриализацию. 1931. № 35. 5 февр. С. 4.

³ Подробнее см.: *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. С. 180–190.

представляли угрозу курсу, проводимому Сталиным. Поэтому «последовательность» власти заключалась в том, что нужно было расправиться и с теми, и с другими. Составной частью «наступления социализма по всему фронту» стали репрессии против инженеров и экономистов.

Обвинения экономистов:

вредительство и организация интервенции

Общепризнанно, что одной из основных причин репрессий, начавшихся в конце 20-х годов, было желание руководства страны создать образ врага, найти тех, на кого можно было возложить ответственность за собственные ошибки, за снижение жизненного уровня населения. Так был создан миф о вредительстве: недостатков в экономике и жизни людей много потому, что существуют вредители, сознательно мешающие социалистическому строительству. В случае с экономистами важным фактором также стало желание подавить всех, кого считали идеологическим противником. Кроме того, партийная пропаганда связывала деятельность так называемых вредителей с оппозиционными группами внутри самой ВКП (б), прежде всего с ее правым крылом. Логическим завершением этого подхода было желание обвинить так называемых вредителей в попытках содействовать иностранной интервенции. Настоящий внутренний враг должен быть связан с внешним врагом.

Темы интервенции, необходимости мобилизации страны перед лицом внешней угрозы играли большую роль во внутренней политике. Приведем только один пример. Ясный в своей книге много цитирует работу одного лучших советских экономистов А. Н. Малафеева «История ценообразования в СССР (1917–1963)». Малафеев рассказывал автору этих строк, что во время учебы в лесном техникуме в 1930 г. он участвовал в коллективизации деревень Ленинградской области вместе с матросом-партийцем. На собрании крестьян первым выступал Малафеев с лекцией о международном положении и об опасности интервенции. После лекции матрос доставал маузер, клал его на стол рядом с листом бумаги и предлагал всем записываться в кол-

хоз. В 1937 г. матроса расстреляли¹. Рассмотрим, как эти общие политические процессы отразились на экономистах.

Резкое ужесточение отношения к ученым, не разделявшим коммунистическую идеологию, началось после речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР». В своем выступлении он попытался подвести научную основу под политику ускоренной коллективизации. При этом Сталин потребовал объявить беспощадную борьбу буржуазным теориям и сам показал пример того, как это надо делать. Теории Чаянова он назвал «антинаучными», Громана обвинил в том, что тот, якобы доказывал, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянству. Резкая критика прозвучала в адрес статистиков: «То, что опубликовало ЦСУ в 1926 году в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифири. Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства»².

Летом 1930 г. начались аресты экономистов. Первыми 19 июня были арестованы Кондратьев и находившийся в момент ареста у него на квартире Громан. Впервые об арестах стало известно из газеты «Известия». 3 сентября в разделе «Хроника» было мелким шрифтом опубликовано следующее сообщение: «ОГПУ арестованы: Кондратьев Н. Д., Громан В. Г., Садырин П. А.³, Чаянов А. В., Юровский Л. Н., Суханов (Гиммер) Н. Н., Рамзин Л. К., Базаров В. А. и другие как участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов. Арестованные признали свою руководящую роль в этих контрреволюционных организациях и свою связь с вредительскими организациями специалистов, в том числе и с шахтинцами. Следствие продолжается»⁴.

¹ Об А. Н. Малафееве см.: <http://gallery.economicus.ru/>.

² *Сталин И. В.* Собр. соч. М.: Госполитиздат, 1953. Т. 12. С. 156, 152, 171.

³ Садырин Павел Александрович (1877–1938). Депутат I Государственной Думы от Вятской губернии. С 1916 г. член ЦК партии кадетов. Принимал участие в создании кооперативного Московского народного банка. После 1917 г. был председателем Сельскосоюза, затем работал в Госбанке, был членом правления. В 1920-е гг. член ЦИК СССР. В 1930–1932 гг. проходил по делу Трудовой Крестьянской партии. Повторно осужден в 1938 г. и приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

⁴ Известия. 1930. 3 сент. С. 5.

Анализ документов того времени позволяет сделать вывод о том, что сначала было решено арестовать группу экономистов, а затем постепенно были сформированы конкретные обвинения. В приведенном выше сообщении об арестах говорится только о том, что перечисленные экономисты были связаны с вредительскими организациями и ставили целью свержение советской власти. Ход следствия и принимаемые решения становятся гораздо более понятными после изучения писем Сталина Молотову, которые были опубликованы только в 1995 г. Первоначально предполагалось сформировать две группы обвиняемых — «буржуазную» и «крестьянскую». Первая получила название Промпартии, вторая — Трудовой крестьянской партии (ТКП). Решение о формировании так называемой группы меньшевиков и проведении соответствующего процесса было принято позже, в конце 1930 г. В связи с этим понятным становится следующий эпизод, произошедший на меньшевистском процессе. Государственный обвинитель Крыленко задал Громану вопрос: «Вы были арестованы вначале по делу ТКП?». Громан ответил, и, скорее всего, это было правдой: «Я не знал, по какому делу я арестован»¹.

Следствие над арестованными велось под личным контролем Сталина. Не позднее начала августа он писал Молотову: «Следствие по делу Кондратьева — Громана — Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»². Как видим, пока рассматривалось единое дело. Вскоре (но не ранее 23 августа) следует дополнительная директива Молотову: «Надо обязательно арестовать Суханова, Базарова, Рамзина. Нужно пощупать жену Суханова (коммунистка!): она не могла не знать о безобразиях, творившихся у них дома»³.

¹ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). М.: Советское законодательство, 1931. С. 323.

² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 194. Эта книга доступна онлайн: http://militera.lib.ru/docs/da/stalin_molotov/index.html.

³ Там же. С. 198–199.

Сталин имел в виду собрания интеллигенции, происходившие на квартире Суханова, которые, как пыталось доказать следствие, носили контрреволюционный характер. Ирония судьбы заключалась в том, что за 13 лет до этого, 10 октября 1917 г. на квартире Суханова состоялось заседание ЦК большевиков¹. Из 21 члена ЦК присутствовали 12 человек — Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. За предложенную Лениным резолюцию, ориентировавшую партию на вооруженное восстание, голосовали 10 человек, против были Зиновьев и Каменев. Это заседание ЦК было организовано женой Суханова Г. К. Флаксерман, работавшей в 1917 г. в секретариате партии большевиков. Суханова дома не было, он остался ночевать в редакции газеты «Новая жизнь». По свидетельству жены Н. И. Бухарина А. Лариной, он знал о готовящемся заседании и специально не пришел домой². Понятно, что Сталин был лично знаком с женой Суханова. В ходе следствия Суханов пытался выгородить жену, правда, делал это как-то неловко. На допросе 22 января 1931 г. он заявил, что «на квартире у меня никаких совещаний не бывало, так как я с женой располагал единственной комнатой, а моя жена, человек совершенно не общественный и притом панический и нервнობольной, не имела самого отдаленного представления о моей нелегальной деятельности». Но уже на допросе 1 февраля он достаточно подробно рассказал о том, что у него по воскресеньям регулярно собирались гости³. ОГПУ не поверило Суханову — 16 февраля Флаксерман была арестована. Однако, что в то время было редкой случайной обстоятельством, через неделю после завершения процесса, 13 марта 1931 г. она была освобождена за отсутствием в ее действиях состава преступления⁴.

Если подготовка процесса Промпартии в конце лета — начале осени 1930 г. шла полным ходом, то ситуация с Трудовой крестьянской партией была для Сталина менее очевидной. Еще 2 сентября он пишет Молотову: «Разъяснение в печати „дела“

¹ Квартира находилась по адресу: Петроград, набережная реки Карповки, д. 32, кв. 31.

² Ларина А. М. Незабываемое. М.: изд. АПН, 1989. С. 27.

³ Меньшевицкий процесс 1931 года. Сборник документов. Т. 2. С. 74, 121–126.

⁴ Там же. С. 397.

Кондратьева целесообразно *лишь в том случае*, если мы намерены передать это „дело“ в суд. Готовы ли мы к этому? Считаем ли нужным передать „дело“ в суд? Пожалуй, трудно обойтись без суда. Между прочим: не думают ли господа обвиняемые признать свои *ошибки* и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Советской власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно¹. Однако, уже 22 сентября Сталин дал новую директиву: «Подождите с делом передачи в суд кондратьевского „дела“. Это не совсем безопасно. В половине октября решим этот вопрос совместно. У меня есть некоторые соображения *против*»².

По-видимому, Сталин понимал, что в условиях борьбы за коллективизацию, уничтожения целого класса зажиточных крестьян публичное обсуждение «вредительства» ученых-аграрников, которых заставят признаваться в том, что из-за них в стране не хватало хлеба, не будет полезным для правящей партии. В 1930 г. дело ограничилось тем, что в печати стали появляться материалы о вредительстве в сельском хозяйстве. Одним из наиболее характерных примеров этой кампании стали доклад В. П. Милютина «О контрреволюционном вредительстве в сельском хозяйстве», сделанный 1 октября в Аграрном институте Коммунистической академии, и его обсуждение. Однако высказанные обвинения носили достаточно абстрактный характер и касались в основном научных взглядов критикуемых экономистов. В докладе Милютина и выступлениях участников обсуждения не говорилось ни об интервенции, ни о взаимодействии с другими «вредительскими» организациями. Из меньшевиков упоминались только Громан и Суханов, но и их критиковали за «вредительские» научные теории, а не за конкретные дела.

В дальнейшем основной акцент в обвинениях экономистов было решено сделать на том, что они якобы содействовали интервенции. Сталин цинично и откровенно ориентировал ОГПУ на получение от обвиняемых необходимых признаний (см. в приложении к настоящему изданию письмо Сталина Менжинскому). Вопрос об интервенции стал фактически основным

¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С. 211. Здесь и ниже сохранена орфография оригинала.

² Там же. С. 224.

на процессе Промпартии, проходившем с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. Это был первый открытый судебный процесс 30-х годов. Затем в марте 1931 г. состоялся процесс меньшевиков, о котором достаточно подробно пишет Ясный во второй части публикуемой книги. Впоследствии состоялись еще три открытых «московских процесса» — процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра (август 1936 г.)¹, процесс антисоветского троцкистского центра (январь 1937 г.)² и процесс правотроцкистского блока (март 1938 г.)³. Все эти процессы имели общие черты: заранее запланированные и согласованные с высшим руководством страны сценарии и приговоры, абсурдные обвинения, отсутствие реальных улик, практически полное признание своей вины обвиняемыми, суровые наказания.

На процессе Промпартии в качестве обвиняемых выступили восемь человек: Л. К. Рамзин, И. А. Калинин, В. А. Ларичев, Н. Ф. Чарновский, А. А. Федотов, С. В. Куприянов, В. И. Очкин и К. В. Ситнин. Они признавались во вредительстве, шпионаже и содействии в организации интервенции.

Интересен якобы существовавший конкретный план интервенции, который был озвучен на процессе. Она должна была начаться с выступления Румынии, что спровоцировало бы пограничный инцидент в Бессарабии. Затем должна была выступить Польша вместе с прибалтийскими государствами. Белая армия Врангеля, пройдя через Румынию, должна была соединиться с южной армией интервентов. Британский флот проводил бы операции на Черном море, имея в виду отрезать кавказские нефтяные месторождения, и в Финском заливе против Ленинграда. Предполагалось также высадить десант красновских казаков на побережье Черного моря. Они должны были поддерживать восстание среди донских казаков. Восстания на Украине и на Дону необходимы были для того, чтобы перерезать же-

¹ Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. М.: Народный комиссариат юстиции, 1936.

² Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М.: Юридическое издательство, 1937.

³ Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». М.: Народный комиссариат юстиции, 1938. Этот отчет переиздан: СССР. Верховный Суд. Военная коллегия. Судебный отчет. Москва: Международная семья, 1997. Доступен онлайн: <http://www.hrono.ru/dokum/1938buharin/index.php>.

лезнодорожную связь между Донецким угольным бассейном и Москвой и увеличить кризис в снабжении советской промышленности металлом и горючим. Военный план сводился к одновременному удару на Москву и Ленинград, причем южная армия предполагала двигаться по правобережной части Украины, опираясь на правый берег Днепра¹. Никаких доказательств существования этого фантастического плана, кроме признаний обвиняемых, не приводилось. Единственным аргументом того, что в тот период кто-то вообще хотел войны против СССР, была ссылка на статью Рябушинского «Необходимая война», опубликованную в парижской газете «Возрождение» 7 июля 1930 г.² Если трезво оценить существовавшую в тот период международную обстановку, то нельзя не согласиться с мнением Эрлиха: «Трудно поверить, что такие события, как разрыв британским правительством дипломатических отношений с СССР, совершенное террористом-эмигрантом убийство в Варшаве советского посла или то, что Чан Кайши разорвал союз с коммунистами, могли быть интерпретированы как прелюдия к вооруженной интервенции»³.

Организаторы процесса считали, что интервенция должна была происходить в условиях экономического кризиса, вызванного вредительством. Но обвинения во вредительстве были еще более нелепы, чем план интервенции: фактически речь шла об обычных недостатках экономического развития в различных отраслях. В частности, описание «преступной работы Промпартии» в нефтяной отрасли можно почти дословно использовать в современном обзоре российской экономики: «Замедление темпа развития путем сокращения объема буровых работ; сильное отставание нефтеразведок, неправильное использование нефтяных газов; медленный темп нефтепроводного строительства; замедление развития рационального нефтеперегонного оборудования и получение поэтому менее выгодного ассортимента нефтепродуктов; сильная задержка в развитии

¹ См.: Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.) Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М.: ОГИЗ — Советское законодательство, 1931. С. 26.

² Текст этой статьи приведен в материалах процесса. См.: Там же. С. 260–261.

³ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. С. 183.

крекинг-установок». Аналогичными были обвинения во «вредительстве» в других отраслях: «несоответствие ассортимента металла потребности в нем», «неправильное и нерациональное использование подвижного состава», «отставание в развитии нефтешипов», «медленность постройки и дорогая стоимость электростанций»¹.

В период проведения процесса Промпартии вопрос о процессе Трудовой крестьянской партии еще не был решен, а меньшевистский процесс еще не был продуман. Это выразилось и в показаниях обвиняемых. Так, В. А. Ларичев в своем выступлении сказал, что «Промпартия имела очень мощных союзников в лице других контрреволюционных организаций, а именно, по линии группы Кондратьева—Чаянова и экономической группы Громана»². Вместе с тем, в показаниях И. А. Калининкова, при обсуждении вредительства в Госплане, о меньшевиках или экономистах группы Громана вообще не говорилось³. Когда вызванный в качестве свидетеля Юровский упомянул о ТКП, обвинитель Крыленко прервал его и попросил председателя суда сказать Юровскому, чтобы он не рассказывал о ТКП, а ограничился описанием связей с Промпартией. Подчеркнутая вежливость председателя суда по отношению к Юровскому прозвучала откровенной издевкой: «Имейте в виду, что следствие по делу этой организации [ТКП. — А. Б.] не закончено и оглашать или не оглашать отдельные моменты, если Вам это понадобится, вы можете только со специального разрешения, которое благоволите у меня получить предварительно»⁴.

Суд приговорил трех обвиняемых к десяти годам тюремного заключения, а пятерых — к расстрелу. В день окончания процесса профессор Рамзин и четверо других подсудимых, приговоренных к смертной казни, подали в ВЦИК ходатайство о помиловании. Суд удовлетворил их ходатайство. Сталин писал об этом в письме А. М. Горькому: «Процесс группы Рамзина окончился. Решили заменить расстрел заключением на 10 и меньше лет. Мы хотели этим подчеркнуть три вещи: а) глав-

¹ Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). С. 32.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же. С. 292–293.

ные виновники не рамзиновцы, а их хозяева в Париже — французские интервенты с их охвостьем «Торгпромом»; б) людей раскаявшихся и разоружившихся советская власть не прочь помиловать, ибо она руководствуется не чувством мести, а интересами советского государства; в) советская власть не боится ни врагов за рубежом, ни их агентуры в СССР»¹.

То, что создание образа врага, поиск вредителей, нагнетание истерии по поводу возможной интервенции считалось руководителями страны, и прежде всего самим Сталиным, политически полезным, понятно. Неясно, однако, в какой степени они сами верили в возможность скорой интервенции. Скорее всего, не верили, хотя для точного ответа на этот вопрос необходимо исследовать документы высших партийных органов, внешней разведки, наркомата иностранных дел. Если Сталин и писал об интервенции, то нужно учитывать, что он никогда не был полностью откровенным даже с приближенными к нему людьми — это видно, в частности, из публикуемого письма Менжинскому. Кроме того, в психологии известны случаи, когда человек, убеждающий в чем-то других людей, начинает верить в это сам. Выдуманная руководством страны опасность близкой по времени интервенции могла начать восприниматься им как в какой-то степени реальная.

Во всяком случае, каких-либо значимые экономические или военные действия, подтверждающие ожидание близкой интервенции, отсутствовали. Эрлих был совершенно прав, когда писал, что «если воспринимать неоднократные высказывания Сталина о резко возросшей опасности войны буквально, то принятая в первом пятилетнем плане политика выглядит как самоубийство, вызванное страхом смерти. ...Создание крупной промышленности, производящей вооружения, было еще далеко впереди, а между тем страна находилась в самом глубоком со времен Гражданской войны кризисе»². Правда, в письме Молотову от 1 сентября 1930 г. Сталин писал: «Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на *максимальное* увеличение производства водки на предмет обеспечения действи-

¹ Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1997. № 9. Доступна онлайн: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/stalin_gorky1.html.

² Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. С. 183.

тельной и серьезной обороны страны»¹. Но это была чисто фискальная мера, рассчитанная на длительный период.

Процесс меньшевиков готовился осенью 1930 г., но окончательный сценарий был определен, по-видимому, после завершения процесса Промпартии, в декабре. Подготовка шла под личным контролем Сталина. 10 января 1931 г. он писал Горькому: «Посылаю документы о 1) группе Кондратьева и 2) о меньшевиках. Просьба — не принимать близко к сердцу содержание этих документов, не волноваться. Герои документов не стоят того. К тому же есть на свете подлецы почище этих пакостников»². Как известно, Сталин всегда негативно относился к меньшевикам, известны и его антисемитские высказывания. Вернувшись с V съезда РСДРП, проходившего в Лондоне в 1907 г., Сталин в статье, опубликованной в газете «Бакинский рабочий», писал: «Большинство меньшевистской фракции составляют евреи ...Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские. ...По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский³), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно-русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»⁴. Большевики действительно устроили погром меньшевиков, но это произошло позже — после Октябрьской революции. Однако он был вызван не национальными, а политическими мотивами, и обусловлен логикой политической и военной борьбы.

Процесс по делу контрреволюционной организации «Союзного бюро» ЦК РСДРП (меньшевиков) состоялся вскоре после

¹ Соответствующее решение об увеличении производства водки было принято Политбюро ВКП(б) 15 сентября 1930 г., ответственным за его выполнение назначили А. И. Рыкова. См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С. 209–210.

² См. сноску 1 на с. 37.

³ Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) — большевик, депутат II Государственной думы, с 1909 г. один из руководителей группы «Вперед», с 1914 г. — социал-патриот, с 1918 г. в эмиграции. Именно он в 1917 г. опубликовал материалы, обвиняющие В. И. Ленина в шпионаже в пользу Германии.

⁴ Сталин И. В. Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (записки делегата) // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 2. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. С. 50–51.

процесса Промпартии. Он проходил 1–9 марта 1931 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Процесс достаточно подробно описан в книге Ясного. Основываясь на своем знании реального положения вещей, личном знакомстве с обвиняемыми, он проанализировал опубликованную стенограмму и убедительно доказал, что процесс был плохо организованным спектаклем. О том, как на самом деле проходила подготовка к процессу, ярко свидетельствует публикуемое в приложении к настоящему изданию письмо осужденного по этому делу М. П. Якубовича, написанное им генеральному прокурору в 1967 г.

Наиболее серьезную работу по историографии и анализу меньшевистского процесса провел известный историк А. Л. Литвин, подготовивший два сборника важных материалов по данному вопросу¹. По его авторитетному мнению, наиболее достоверную версию случившегося сообщил Ф. А. Череванин: «У Суханова был салон, где собирались люди, занятые на высокой советской службе и безусловно лояльные, но иногда фрондирующие. ... Никакой меньшевистской или партгруппировки там не было. Никакого Союзного бюро никогда не существовало. ... Все дело СБ² началось с показаний Кондратьева, который струсил по пустяку и наворотил на себя черт знает что. А затем ему предложили, опираясь уже на показания Рамзина, развернуть дело шире, не ограничиваясь только ТКП, но „создав еще и меньшевистскую организацию“. Затем, писал Череванин, на помощь Кондратьеву следователи привлекли Громана, который и придумал дело СБ»³. Эта версия подтверждается публикуемым письмом М. П. Якубовича.

По данным Литвина, всего по делу о меньшевистской организации судебному преследованию были подвергнуты 122 человека. 14 были осуждены на открытом процессе, остальных отправили в заключение внесудебные тройки и коллегия ОГПУ.

Процессы инженеров и меньшевиков имели много общего. Существенное различие между ними — судьбы основных

¹ Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов; Меньшевики в советской России. Сборник документов. Казань, 1998.

² Союзного бюро меньшевиков.

³ Меньшевики в советской России. С. 118, 119, 122, 125, 137–129. Здесь цит. по: Литвин А. Л. Судебный процесс над несуществующей партией / Меньшевистский процесс 1931 года. Т. 1. С. 14.

обвиняемых. Рамзин в заключении продолжал свои исследования по созданию новой конструкции прямоточного котла, в 1934 г. возглавил ОКБ прямоточного котлостроения, организованное в составе 9-го управления ОГПУ. Это конструкторское бюро, в котором работали арестованные инженеры, стало одной из первых «шарашек». Рамзин был освобожден по амнистии в 1936 г. Впоследствии, 7 июля 1943 г., он был награжден орденом Ленина и Сталинской премией в размере 150 тыс. рублей за создание конструкция прямоточного котла, признанного лучшим в мире. Громан после процесса был помещен в Верхнеуральский политический изолятор. Затем его перевели в Суздальский исправительно-трудовой лагерь, где он умер 11 марта 1940 г.

Персональные оценки

В целом Ясный объективно оценивает научный вклад экономистов, которым посвящена его книга. Тем не менее ряд высказанных им положений нуждается в уточнении, а некоторые суждения спорны. Мы ограничимся краткими замечаниями по поводу Громана, Базарова и Чайнова. Пристрастность, в которой часто обвиняли Ясного и которую он всегда отрицал, все же проявилась в его отношении к этим ученым. Кроме того, заслуживают упоминания несколько крупных экономистов, о которых Ясный не пишет.

Начнем с Громана. Ясный был первым, кто проанализировал взгляды этого действительно крупного ученого. Значение Громана в истории российской науки недооценено, поэтому большое внимание, которое Ясный уделяет его теориям и биографии, вполне оправданно. Однако он считал, что Громану принадлежала основная роль в создании системы планирования в СССР. Эта точка зрения неверна, хотя психологически понятна — Ясный хорошо знал Громан, тот оказал на Ясного большое влияние и, по-видимому, во многом сформировал его как экономиста. Вместе с тем, переоценка роли Громана в создании планирования вольно или невольно ведет к принижению вклада других ученых, прежде всего А. А. Богданова и В. А. Базарова.

Концепция планирования Богданова была основана на принципе системности и равновесия. Он сформулировал свой

подход к составлению народнохозяйственного плана в выступлении на I Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства в январе 1921 г.¹ Влияние Богданова признавал и сам Громан, который на процессе меньшевиков сказал: «В 1919, 1920 годах я сблизился с Богдановым. Я принял участие в устраиваемых совещаниях в Пролеткульте, где принял участие в первом наброске методов построения народнохозяйственного плана»². Ясный писал о том, что Громан и Богданов познакомились до революции, в Пензе, и отмечал, что «идею народнохозяйственного целого Громан воспринял у Богданова» (Мемуары, с. 17). Идеи Богданова оказали большое влияние на многих экономистов 20-х годов.

В своих публикациях Ясный пытался доказать, что Громан сыграл большую роль в создании теории межотраслевого баланса и тем самым повлиял на создание анализа «затраты–выпуск», разработанного В. Леонтьевым. Он подчеркивал, что именно по настоянию Громана было принято решение ЦСУ от 21 июня 1924 г., в соответствии с которым ЦСУ должно было разработать баланс народного хозяйства³. Это, конечно, верно. ЦСУ СССР опубликовало «Баланс народного хозяйства СССР за 1923/24 г.» в 1926 г.⁴ Это была новаторская работа. Баланс ЦСУ содержал сводные таблицы — баланс капиталов, производства и распределения общественного продукта, народного дохода — и вплотную подводил к идее межотраслевого баланса. В таблицах баланса ЦСУ, однако, число строк еще не совпадало с числом столбцов. Высокую оценку балансу ЦСУ дал В. Леонтьев, который писал: «Принципиально новым в этом балансе является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта, чтобы

¹ Богданов А. А. Организационная наука и хозяйственная планомерность // Труды Первой Всероссийской Инициативной Конференции по научной организации труда и производства 20–27 янв. 1921. Вып. I. Заседания пленума конференции. М., 1921. С. 8–12.

² Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). М.: Советское законодательство, 1931. С. 378.

³ См., например: *Jasny N. The Russian Economic 'balance' and Input-Output Analysis: a Historical Comment // Soviet Studies. 1962. Vol. 14, no 1. P. 76.*

⁴ Баланс народного хозяйства Союза ССР за 1923/24 год / Под ред. П. И. Попова. Труды ЦСУ, т. XXIX. М., 1926.

таким путем получить общую картину всего процесса воспроизводства в форме некоторого *tableau economique*»¹. Однако сам Громан отнесся к работе ЦСУ достаточно критично и назвал его оборотной ведомостью народного хозяйства. Он считал, что «основная идея баланса — органическое единство производства, распределения, обмена и потребления — осталась неосуществленной»².

Мнение Ясного о том, что Громан повлиял на Леонтьева, встретила обоснованные возражения Х. Левина, считавшего, что «баланс народного хозяйства не является исследованием типа «затраты–выпуск», и никогда им не был. Он одновременно представляет собой и нечто большее и меньшее, чем такое исследование». Большее, поскольку он содержит систему балансов, меньшее — так как в нем не была сформулирована математическая модель народного хозяйства³. Вопрос о том, в какой степени на создание В. Леонтьевым анализа «затраты–выпуск» повлияли работы российских экономистов 20-х годов, еще не решен в истории экономической мысли. Советские ученые, в частности, В. С. Немчинов, считали наличие этого влияния очевидным (обычно отмечалась также работа В. К. Дмитриева «Экономические очерки»⁴). Сам Леонтьев отрицал такое влияние, равно как и влияние схем воспроизводства К. Маркса. Во всяком случае, говорить о вкладе Громана в создание анализа «затраты–выпуск» неправильно.

Перейдем к В. А. Базарову. В нашей серии предполагается издать работы Базарова, и в сопроводительной статье к этой публикации будет проанализирована его роль в создании советского планирования. Здесь же отметим, что он первым начал разрабатывать методологию перспективного планирования. Его концепция сочетания телеологического и генетического подходов была наиболее интересной и адекватной из всех тео-

¹ Леонтьев В. Баланс народного хозяйства СССР (методологический обзор работы ЦСУ) // Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 254.

² Громан В. Г. Баланс народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 69.

³ Levine H. S. The Russian Economic 'Balance' and Input-Output Analysis: A Reply // Soviet Studies. 1963. Vol. XV, no 3. P. 353.

⁴ Дмитриев В. К. Экономические очерки. (Серия 1-я: Опыт органического синтеза теории ценности и теории предельной полезности). М.: Типография В. Рихтер, 1904.

рий планирования, выдвинутых в 20-е годы в СССР. Возможно, Базаров был самым разносторонним экономистом своего времени.

Но одно высказывание Ясного о Базарове следует отметить. Глава о Громане завершается следующей фразой: «Базарову, после того, как он разошелся с Громаном, так и не удалось достичь чего-либо важного. Он полностью утратил свой авторитет, и одной из причин этого, пусть и не самой главной, был его разрыв с Громаном». Это неверно. Ясный считал, что их разрыв произошел в 1927 г., но статьи Базарова, опубликованные в 1928 г., принадлежат к лучшим образцам его научного творчества¹. Весьма странной представляется мысль об утрате Базаровым авторитета — она ничем не подтверждается.

Обратим внимание на поведение Базарова после ареста по делу о Союзном бюро меньшевиков. Большой интерес представляют протоколы его допросов, вошедшие в сборник материалов, изданных Литвиным. Во вступительной статье Литвин совершенно справедливо поддерживает мнение Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха о том, что следственные дела осужденных на политических процессах нельзя использовать для сравнительной характеристики обвиняемых: кто лучше или хуже себя вел или кто кого «оговорил». Действительно, недопустимы ни повторный суд, ни посмертное стравливание невольных участников процессов². Но если неверно осуждать тех, кого ОГПУ вынудило давать ложные показания на суде, то тем больше уважение должны вызывать такие люди, как Базаров. Протоколы допросов Базарова ясно показывают, что он держался достойно, не оговаривал ни себя, ни других, в крайнем случае, ссылаясь на то, что чего-то не помнил³. ОГПУ не удалось сломить его волю и заставить участвовать в меньшевистском процессе.

¹ Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 38–63; О перспективах хозяйственного и культурно-го развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 54–66.

² Ананьич Б. В., Панеях В. М. Принудительное соавторство (к выходу в свет сборника «Академическое дело 1929–1931 гг.». Вып. 1) // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 87–88. Цит. по: Литвин А. Л. Судебный процесс над несуществующей партией / Большевистский процесс 1931 года. Кн. 1. С. 20.

³ Большевистский процесс 1931 года. Кн. 1. С. 46–52.

Если Ясный недооценивал Базарова, то по отношению к А. В. Чайнову он просто несправедлив. Прежде всего, по мнению Ясного, среди неонародников Чайнов занимал третье место, после Н. Д. Кондратьева и Н. П. Макарова — это видно из расположения материалов в книге. Объективные историки и экономисты с этим, конечно, не согласятся — в этой тройке Чайнов занимает как минимум второе место.

Ясный неточно цитирует статью Чайнова «От классовой крестьянской кооперации к социалистической реконструкции сельского хозяйства», опубликованную в газете «Экономическая жизнь» 15 февраля 1929 г., и на основании неверных цитат приписывает ему восхваление военного коммунизма и поддержку генеральной линии партии¹. Раздражение Ясного также вызвали работы Чайнова, посвященные организации крупных сельскохозяйственных предприятий². Все это расценивается Ясным как попытка, впрочем неудачная, спастись путем предательства собственных убеждений. По нашему мнению, сама постановка вопроса у Ясного некорректна. При всех попытках Чайнова найти в 1929–1930 гг. компромисс с советской властью он не выступал на процессах, не признавался в несуществующих преступлениях и не свидетельствовал против других обвиняемых³.

Несколько слов скажем об экономистах, взгляды которых не анализируются в публикуемой книге. Так, в ней не нашлось места для крупного экономиста Л. Н. Литошенко⁴. Возможно, это было вызвано политическим фактором: Ясный был меньшевиком, а Литошенко — кадетом. В нашей серии предполагается издать сборник его работ.

То, что в книге не говорится о крупных экономистах Е. Е. Слуцком (1880–1948) и А. А. Конюсе (1895–1990), хотя они работали в Конъюнктурном институте, который возглавлял Кондратьев, вполне объяснимо. Они оба были экономистами-

¹ Ошибки в цитатах указаны нами в соответствующих сносках в главе 11.

² Более подробно о вкладе Чайнова в теорию оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий см.: *Белых А. А. История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет.* М.: URSS, 2007. С. 96–98.

³ Возможно, что на отношение Ясного к Базарову и Чайнову повлияло то, что у него гораздо большую симпатию вызывали Громан и Кондратьев.

⁴ См. напр.: *Литошенко Л. Н. Социализация земли в России.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

математиками, и их значение для экономической науки выявилось не сразу. Знаменитая статья Слуцкого «К теории сбалансированного бюджета потребителя» была опубликована в 1915 г. в итальянском журнале и на русском вышла только в 1963 г.¹ В настоящее время его работы переизданы². Две основные работы Конюса, опубликованные в 1924 и 1926 гг., были посвящены проблемам индекса стоимости жизни и покупательной способности денег³. Конюс рассказывал автору этих строк, что публикация его статьи в 1926 г. в какой-то мере была результатом случайности. Конъюнктурный институт издавал «Экономический бюллетень», но Кондратьев хотел добиться выпуска отдельного периодического издания, в котором можно было бы публиковать серьезные теоретические статьи. Разрешения на это ему удалось получить у Н. И. Бухарина. Так стали выходить сборники «Вопросы конъюнктуры», в которых, в частности, были опубликованы знаменитые статьи Кондратьева о длинных циклах. К счастью, Слуцкий и Конюс избежали репрессий.

Итак, книга Наума Ясного, наконец, издана в нашей стране. Почти все экономисты, о которых он писал, были репрессированы и ошельмованы как вредители, сторонники интервенции, враги народа (сам Ясный остался жив только благодаря

¹ Слуцкий Е. Е. К теории сбалансированного бюджета потребителя // Экономико-математические методы. Народнохозяйственные модели. Теоретические вопросы потребления. М.: АН СССР, 1963. С. 241–270. Впервые опубликовано: Sulla teoria del bilancio del consumatore // *Giornale degli economisti*. 1915. Vol. 6, July. P. 1–26. Английский перевод: On the Theory of the Budget of Consumer // *Readings In the Price Theory*. 1952. Vol. 6. P. 27–56. См. также: Чипман Дж. С., Ланфан Ж.-С. История одной находки: как была заново открыта и интерпретирована статья Слуцкого 1915 г. // *Экономическая школа*. 1999. Вып. 5. Эта статья доступна онлайн: http://www.portalus.ru/modules/economics/print.php?subaction=showfull&id=1102411689&archive=1120043562&start_from=&ucat=2&.

² Слуцкий Е. Е. Экономические и статистические произведения. Избранное. Серия «Антология экономической мысли». М.: Эксмо, 2010.

³ Конюс А. А. Проблема истинного индекса стоимости жизни // *Экономический бюллетень Конъюнктурного института*. 1924. № 9–10. С. 36–37. Перевод на английский: The Problem of the True Index of the Cost of Living // *Econometrica*. 1939. Vol. 7, no 1. P. 10–29; Конюс А. А., Бюшгенс С. С. К проблеме покупательной силы денег // *Вопросы конъюнктуры* / Под ред. Н. Д. Кондратьева. М., 1926. Т. II, вып. I. С. 151–178.

тому, что эмигрировал). Их теории долго замалчивались. Это было трагедией не только для них, но и для всей страны. Сейчас пришло осознание того, что многие труды экономистов 20-х годов составляют гордость российской науки¹. Эти труды важны не только для историка — многие из них полезны для решения сегодняшних экономических проблем. Публикуемая книга Наума Ясного дает широкую панораму развития советской экономики и экономической мысли. Надеемся, она будет по достоинству оценена российским читателем.

А. А. Белых

¹ Уместно вспомнить мысль, высказанную П. А. Александровым в его речи в защиту В. Засулич: «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко — только одновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время» (см.: Судебные речи известных русских юристов. Сборник. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1958. С. 31).

Наум Ясный

**Советские
ЭКОНОМИСТЫ
1920-Х ГОДОВ**

Долг памяти

Введение

Я посвящаю эту книгу советским экономистам 1920-х годов, взгляды которых не укладывались в рамки традиционного марксизма. Я с гордостью исполняю свой долг памяти перед экономистами-народниками и другими неортодоксальными марксистами. Именно они в начале 1920-х годов сделали все возможное, чтобы выволить Россию из катастрофического положения, в котором она оказалась по воле безумного плана Ленина в одночасье превратить в коммунистический рай отсталую сельскохозяйственную страну, ослабленную революцией, первой мировой и гражданской войнами. Позднее эти экономисты пытались помешать реализации сталинских планов по коллективизации и индустриализации страны.

После Второй мировой войны в советской экономике был не продолжительный период, когда экономика народного хозяйства и особенно промышленность развивались высокими, если не сказать сверхвысокими, темпами. На этом основании можно было бы сделать вывод, что экономическая политика Сталина была оправданна. Однако, если исключить из рассмотрения годы Второй мировой войны, то можно увидеть, что между периодом быстрого развития экономики, наступившим только в послевоенные годы, и экономическим всплеском, начавшимся в конце 1920-х годов, пролегло целое десятилетие жесточайших потрясений. Курс на экономическое развитие, выбранный Сталиным в конце 1920-х годов, не только не смог обеспечить высокие темпы роста в 1930-е годы, но в начале 1930-х годов привел к экономическому спаду, который зимой 1932–1933 гг. вылился в настоящую катастрофу. Теперь, когда Сталина уже нет в живых, нам не суждено узнать, мог ли он предвидеть столь плачевные последствия своей экономической политики и считал ли он на-

ступившую катастрофу неизбежной платой за экономический прогресс. Сталин, наверное, не мог полностью предугадать пути экономического развития в начале 1930-х годов. Точно так же и Ленин не ожидал, что попытки в 1919–1920 гг. в одночасье ввести военный коммунизм приведут в 1920–1921 гг. к катастрофе, масштабы которой были даже больше, чем в начале 1930-х годов. Экономическая ситуация, сложившаяся в начале 1930-х годов, возникла в результате установления диктатуры невиданных ранее размаха и жестокости. Крестьяне сопротивлялись полномасштабной коллективизации до тех пор, пока не потеряли половину поголовья скота, пока зимой 1932–1933 гг. не началась массовая гибель крестьян от голода.

В 1930–1931 гг. угроза нависла над компетентными экономистами, которые делали ставку не на силовые методы, а на здравый смысл, а также над всеми честными людьми, не разделявшими коммунистические взгляды. Состоялся открытый процесс, на котором меньшевики были приговорены к тюремным заключениям сроками от 5 до 10 лет¹. Тысячи, а, возможно, даже десятки тысяч людей были отправлены в ссылку. Позднее в ссылку начали прибывать заключенные, отбывшие тюремный срок.

Тюремное заключение, к которому Громан был приговорен на показательном процессе, на первый взгляд могло бы выглядеть безобидным наказанием по сравнению со смертным приговором, вынесенным таким преданным членом большевистской партии, как Рыков или Бухарин. (Сталин приберегал смертную казнь исключительно для своих соратников по партии и близких друзей.) Однако если говорить о последствиях этих событий для интересов страны в целом, то тюремное заключение немногим отличалось от казни. Страна лишилась целого поколения лучших представителей интеллигенции, которым не суждено было трудиться на ее благо. Те немногие, кому посчастливилось остаться в живых в течение 20 лет, проведенных в тюрьмах и лагерях, и кого после смерти Сталина освободили по амнистии (реабилитированы были, наверное, не все), естественно, уже не могли занимать высокие должности в эко-

¹ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931). М.: ОГИЗ-Советское законодательство, 1931. Далее я буду ссылаться на этот документ как на «Процесс».

номических структурах и в высших учебных заведениях, хотя, формально, в период правления Хрущева такая возможность у них была.

Существовавшая в 1920-е годы оппозиция действовала как в России, так и за границей но преследовала различные цели. Представители оппозиции, жившие за границей, интересовались в основном политическими вопросами. Тех же, кто занимался оппозиционной деятельностью в России, волновали вопросы развития экономики. В этой книге я рассматриваю только представителей внутренней российской оппозиции, работавших в сфере экономики.

Внутренняя российская некоммунистическая оппозиция 20-х годов до ее подавления состояла из разнообразных группировок — от монархистов до социалистов. Отметим, однако, что если российская монархическая оппозиция и действовала в области экономики, то она себя ничем не проявила. Оппозиция из числа социалистов в основном была представлена буржуазными группировками, выступавшими за республиканскую форму власти, различными последователями народников, которых после Октябрьской революции стали называть неонародниками. Неонародники объединяли в своих рядах различные группировки — от трудовиков до социалистов-революционеров. И, наконец, к этой оппозиции принадлежали меньшевики, разделявшие различные взгляды, но в целом представлявшие крайнее левое крыло.

Первоначально я собирался посвятить эту книгу только меньшевикам, однако, по некоторым соображениям решил также включить в рассмотрение и неонародников. Во-первых, в 1928–1930 гг., т.е. в самый трагический период, рассматриваемый здесь, меньшевики и неонародники выступали единым фронтом. Кроме того, если социалистическому движению и суждено когда-нибудь возродиться в России, то маловероятно, что оно разделится на меньшевиков и социалистов иного толка. И, наконец, было бы несправедливо рассмотреть деятельность одного крыла демократической интеллигенции и пренебречь другим, особенно если учесть, что по менталитету и идеологии они практически не отличались¹.

¹ Однако в процессе работы над этой книгой выяснилось, что нецелесообразно включать в рассмотрение представителей иных партий, кроме

Прежде всего, я должен пояснить, кого в этой книге буду называть «меньшевиками». Термин «меньшевик», как правило, используется в двух смыслах. Во-первых, он обозначает формальную принадлежность к той или иной меньшевистской организации. Во-вторых, с помощью этого термина описывается определенное мировоззрение: обычно меньшевиками называют социал-демократов, которые выступили против диктатуры партии и против ее вождя, точнее, против якобинства Ленина. Например, в течение долгого времени я формально не был членом какой-либо меньшевистской организации, однако, всегда разделял взгляды меньшевиков.

На следствии по делу меньшевиков Громан, например, утверждал (Процесс, с. 46), что он состоял в рядах РСДРП(м) до 1922 г., а затем с 1926 по 1930 г. Это не означает, однако, что в период с 1922 по 1926 г. он не был меньшевиком: ведь его политические взгляды оставались неизменными. Будем считать, что принадлежность к меньшевикам в данной книге определяется исключительно по политическим взглядам. В частности, таких видных личностей, как Громана, Базарова и Гинзбурга, можно назвать меньшевиками лишь согласно их мировоззрению. Не исключено, что некоторые из тех, кого в данной книге я называю меньшевиками, и формально были членами меньшевистской организации.

В части I этой книги обсуждается развитие советской экономики начиная с Октябрьской революции и вплоть до 1931 г., а также деятельность оппозиции в целом в период 1922–1931 гг. Часть III посвящена наиболее ярким личностям из оппозиции. В отдельных главах описана деятельность тех, кого считали лидерами — В. Г. Громана, В. А. Базарова, А. М. Гинзбурга и Н. Д. Кондратьева. Возможно, не имело смысла посвящать отдельную главу деятельности Гинзбурга, однако, составленный им проект пятилетнего плана представляет для нас особый интерес. Наверное, логичнее было бы обсудить проект плана Гинзбурга в части I и посвятить отдельную четвертую

меньшевиков, поскольку среди видных фигур в области экономики, включая экономическую теорию, нам не удалось обнаружить никого, кого можно было бы безоговорочно отнести к эсэрам. Учитывая количественное преобладание эсэров в Учредительном собрании, для меня это было неожиданным.

главу в части III деятельности Н. Суханова, гораздо более яркой и мужественной личности, чем Гинзбург. В последних двух главах кратко описана деятельность разных экономистов, выбор которых, безусловно, порой носит произвольный характер и зависит от моего личного знакомства с ними, от количества опубликованных ими работ и т. д. Так, я не пишу подробно о С. А. Первушине, который, безусловно, был первоклассным экономистом. Его имя вычеркнули из списка постоянных авторов журнала «Плановое хозяйство» после выпуска № 5 за 1930 г. и, по всей вероятности, его деятельность встречала неодобрение со стороны властей¹.

Аналогично, я не обсуждаю деятельность С. А. Фалькнера. Он был компетентным экономистом, владел несколькими иностранными языками. По всей вероятности, в течение некоторого времени он находился в тесном контакте с Громаном, поскольку оба они интересовались вопросами баланса народного хозяйства. И его имя вычеркнули из списков авторов, регулярно публиковавшихся в «Плановом хозяйстве», после выпуска № 6 за 1930 г.

В работе не упоминается имя неонародника А. Рыбникова, друга Кондратьева, хотя, конечно, и его работы заслуживают отдельного рассмотрения. Очень жаль, что у меня не было возможности написать о всех представителях оппозиции, которые попадают под широкое определение «социалист». Все они в течение длительного времени оказывали сопротивление и не пресмыкались перед властями с целью попасть в «избранные». В результате одни из них лишились возможности заниматься своей работой, другие умерли в лагерях. Безусловно, каждый из них достоин хотя бы краткого упоминания в этой книге.

Данная работа в некоторой степени пресекается с другими моими публикациями. В первую очередь, это относится к главам II, III и IV книги «Soviet Industrialization 1928–1952» (Chicago, 1961). В статье «Перспективное планирование» — в одной из четырех, составивших «Essays on the Soviet Economy» (New York, 1962) — более или менее подробно рассматриваются долгосрочные и краткосрочные планы, в частности, ленин-

¹ Список постоянных авторов журнала «Плановое хозяйство» рассматривается в главе 3 (с. 113 настоящего издания).

ский план ГОЭЛРО и Первый пятилетний план. Короткую заметку о Громане я опубликовал в «Russian Review» в январе 1954 г. Только в некоторых случаях, например, при рассмотрении плана ГОЭЛРО, я посчитал достаточным привести ссылки на ранее опубликованные работы. Если бы я попытался полностью избежать повторений, то данную работу было бы невозможно читать.

В подготовке этой книги важную роль сыграло мое личное знакомство с экономистами, которым она посвящена. Я был хорошо знаком с В. Г. Громаном, одним из главных руководителей оппозиции из числа экономистов. Я лично знал еще одного лидера оппозиции, Н. Д. Кондратьева, а также Н. Н. Суханова, который, как будет показано ниже, на определенных этапах играл важную роль. Я был знаком с Ф. А. Череваниным и встречался с некоторыми другими, среди которых были М. И. Тейтельбаум, А. М. Гинзбург, Л. Б. Кафенгауз, А. Е. Лосицкий, Н. П. Макаров и А. В. Чайнов.

Получив необходимые разрешения, я активно использовал мемуары покойного Н. В. Валентинова, который с 1922 по 1928 г. был редактором Торгово-промышленной газеты, ежедневно издаваемого органа Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) в Москве. Благодаря должности, у него были обширные контакты с людьми, занимавшимися практической деятельностью, которым и посвящена эта книга. В 1928 г. он переехал в Париж, где вплоть до 1930 г. издавал советский журнал¹. В конце 1930 г. он прервал все контакты с советским режимом².

¹ Н. Валентинов был заместителем ответственного редактора «Торгово-промышленной газеты», а затем редактором издававшегося на французском языке журнала «Экономическая жизнь Советов», органа Торгпредства СССР в Париже. — *Примеч. научн. ред.*

² Весьма подробные мемуары Валентинова за период с 1922 по 1927 г. имеются только в рукописном виде в Колумбийском университете. В ходе работы над этой книгой возможность ознакомиться с этими материалами была воистину бесценной, особенно учитывая тот факт, что представленная в них информация дополнялась информацией из писем, которыми Валентинов любезно обменивался со мной, несмотря на преклонный возраст (тогда ему было 82 года) и плохое самочувствие. Должен добавить, что у Валентинова была великолепная память. Так, он писал мне о статье Преображенского, опубликованной, по его словам, в «Вестнике Коммунистической академии» за 1923 г. Мне удалось обнаружить эту работу в «Вестнике Коммунистической академии» за 1924 г. Тем не менее, Ва-

Не требуется никаких специальных комментариев относительно того, как в данной работе использованы книги и статьи, однако необходимо сказать несколько слов по поводу привлечения официальных документов «Процесса». Сам процесс был фарсом. Обвиняемые и свидетели со стороны обвинения (других свидетелей и не было) говорили то, что им было приказано говорить¹. Конечно, опубликованные материалы процесса, официально озаглавленные как «стенографический отчет», ни в коей мере не могут претендовать на точность (см. главу 4).

Поскольку этот процесс носил показательный характер, то остался без внимания тот факт, что в опубликованном отчете содержались исключительно ценные материалы. В первую очередь, когда речь шла о «преступлениях», в совершении которых признавались обвиняемые. Если отбросить стандартные фразы типа «я признаюсь в совершении преступления» или «я признаю свою изменническую деятельность», то станет очевидным, что своей так называемой преступной деятельностью обвиняемые могли гордиться. Большой интерес представляют также показания обвиняемого Громана и свидетеля обвинения Кондратьева, в которых сходство и различие в позициях меньшевиков и неонародников сформулированы гораздо понятнее, чем в любом другом документе. И, конечно, ценность представляет информация о политических взглядах обвиняемых, об их возрасте, дате ареста и любая иная. В показаниях Суханова, как ни в одном другом документе, удивительно отчетливо прослеживается типичная судьба меньшевика, кото-

лентинов утверждал, что хорошо запоминал лишь разговоры, а не даты. (Эти мемуары были опубликованы после смерти Н. Ясного. — см.: *Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Стэнфорд, [1971]. В этой книге цитаты приведены по российскому изданию: *Валентинов Н.* (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. — *Примеч. научн. ред.*)

¹ Конечно, могли быть и некоторые исключения. Возможно, Кондратьеву, который проходил как свидетель обвинения, пообещали, что от него не потребуют называть имена всех членов его группы. Но это был случай «показательного выступления ведущего исполнителя», поэтому ему были сделаны незначительные уступки.

ВВЕДЕНИЕ

рый в 1923 г. подал заявление о вступлении в члены Коммунистической партии, а затем оказался на скамье подсудимых на этом процессе.

Безусловно, нужно понимать, что источники, из которых взята эта информация, нельзя считать абсолютно надежными. Здесь трудно отличить правду от лжи, порой оценки могут быть произвольными. Читателю предстоит самому решить, достаточно ли обоснована представленная информация, чтобы считать ее верной.

ЧАСТЬ I. ЭКОНОМИКА

Передо мной стоит непростая задача: обрисовать в общих чертах развитие советской экономики за период, включающий почти 15 лет, начиная с Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до процесса меньшевиков в марте 1931 г. В течение этого относительно короткого периода в Советском Союзе наблюдались многочисленные изменения, имеющие далеко идущие последствия и нередко носящие насильственный характер. В работе «Soviet Industrialization, 1928–1952»¹ для сжатого описания несколько более длительного периода (начиная с Октябрьской революции и заканчивая концом 1952 г.) мне потребовались четыре большие главы. Здесь же мне придется рассмотреть чуть менее короткий период всего лишь на нескольких страницах, хотя я намереваюсь обсудить ряд вопросов, которые не затрагивал в предыдущих работах.

В книге «Soviet Industrialization» весь рассматриваемый период я разделил на четыре этапа, а в данной работе выделяю только три этапа. В обеих работах первые два этапа — это, соответственно, так называемые период военного коммунизма (который в данной работе будет называться периодом до НЭПа, поскольку термин «военный коммунизм» применительно к этому периоду представляется не совсем точным, и период НЭПа. Период военного коммунизма продолжался с Октябрьской революции до 21 марта 1921 г., когда была провозглашена новая экономическая политика. НЭП просуществовал с 1921 г. до декабря 1927 г., когда на XV партийном съезде было объявлено о начале кампании против зажиточных крестьян

¹ *Jasny N. Soviet Industrialisation. Chicago: University of Chicago Press, 1961.*

и о начале политики индустриализации, что, по сути, означало конец НЭПа.

В работе «Soviet Industrialization» вслед за периодом НЭПа я рассматривал «подготовительный» период, продолжавшийся до 7 ноября 1929 г., когда Сталин в статье «Год великого перелома», опубликованной в газете «Правда»¹, объявил о начале полномасштабной коллективизации. Четвертый период представлял собой период «решительного наступления», то есть индустриализации и коллективизации, который сопровождался вакханалией планирования. Зимой 1932/33 г. этот период завершился катастрофой. Принято считать, что он закончился после пленума Центрального Комитета партии, состоявшегося 10 января 1933 г., на котором была принята резолюция «Итоги первой пятилетки и народно-хозяйственный план 1933 г. — первого года второй пятилетки»².

В данной работе я не выделяю период, продолжавшийся с конца НЭПа и до процесса меньшевиков, поскольку после выхода вышеупомянутой статьи Сталина в ноябре 1929 г. люди, которым посвящена эта книга, находились на свободе лишь в течение непродолжительного времени³.

Глава 1. Период до НЭПа

Военный коммунизм

После захвата власти в октябре 1917 г. большевики не были готовы наладить жизнь в стране, особенно в области экономики. Лучше всего это можно проиллюстрировать словами Ленина, человека, который, в любом случае, был гораздо прозорливее многих других большевиков: «При социализме все будут

¹ Сталин И. В. Собр. соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1953. С. 118–135. Далее ссылки на это издание будут содержать фамилию, номера тома и страницы. — *Примеч. научн. ред.*

² Здесь у Н. Ясного неточность: это был Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), проходивший с 7 по 12 января 1933 г. См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1953. Изд. 7-е. Ч. II. 1925–1953. С. 717–730. Далее цитируется как «КПСС в резолюциях». — *Примеч. научн. ред.*

³ Лидеры эсеров были арестованы еще раньше.

управлять по очереди и быстро привыкнуть к тому, чтобы никто не управлял»¹. С тех пор, как были сказаны эти слова, прошло почти полвека. Более 30 лет назад было официально провозглашено, что социализм построен. Тем не менее ситуация, когда страной «никто не управляет», столь же далека, как и тогда.

Но Ленин проявил достаточно здравого смысла, чтобы, столкнувшись с практическими сложностями, отказаться от буквального смысла своего высказывания. Одна из этих сложностей состояла в том, что среди коммунистов не было людей, готовых к решению ответственных задач.

Валентинов цитирует письмо Ленина к Горькому, в котором говорится, что врачей-коммунистов ни при каких обстоятельствах нельзя приглашать к тяжелобольному, поскольку коммунисты, сколь бы компетентными они ни были в вопросах политики, ничего не смыслят в вопросах медицины². Следовательно, даже в период военного коммунизма на ключевые позиции пришлось поставить большое число беспартийных. Когда Ленин призвал к началу работы над планом ГОЭЛРО, то в числе тех, кто был привлечен к работе по составлению этого плана, не было ни одного коммуниста, за исключением руководителя проекта Кржижановского, деятельность которого в основном ограничивалась общим администрированием.

В своей статье о планировании, опубликованной в газете «Правда» 22 февраля 1921 г., Ленин вновь проявил пренебрежение к коммунистам, занимавшимся вопросами планирования³. В результате, когда в апреле 1921 г. был сформирован

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат. Т. 33. С. 116. Далее в ссылках на это издание будут приведены фамилия, номера тома и страницы. — *Примеч. научн. ред.*

² См. Валентинов Н. Указ. соч. С. 90–91; Ленин. Т. 29. С. 44. — *Примеч. научн. ред.*

³ См.: Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане. Т. 42. С. 339–347. (*Примеч. научн. ред.*) Он назвал статьи Крицмана, опубликованные в газете «Экономическая жизнь», «пустейшим говореньем». По его мнению, не лучше были и статьи Милютин и Ларина. Между тем, из всех участвовавших в экономическом планировании, кроме Крицмана, Милютин и Ларина, коммунистов почти не было. (На самом деле, статьи Л. Н. Крицмана содержали ценные идеи о планировании. Возможно, раздражение В. И. Ленина было вызвано тем, что Крицман находился под влиянием А. А. Богданова. Подробнее см.: Белых А. А. История российских экономико-математических исследований. Первые сто лет. С. 57–58. — *Примеч. научн. ред.*)

Госплан, в него вошли те же беспартийные специалисты, которые участвовали в работе по составлению плана ГОЭЛРО. Единственным коммунистом, которому доверили ведущую позицию в Госплане, был С. Струмилин, вступивший в партию незадолго до этого.

Во время Октябрьской революции и после октябрьских событий основная идея Ленина состояла в том, что первая мировая война должна привести к коренным социальным изменениям. Согласно этой идее, за Октябрьской революцией последует волна национализации. В соответствии с требованиями, изложенными в программе эсэров, к которым присоединились и большевики, земля подлежала «социализации». (Эти или аналогичные мероприятия могли бы привести к совершенно иным последствиям, будь они осуществлены несколькими месяцами ранее октября 1917 г., что было вполне возможно.) Помимо земли были национализированы банки и большая часть промышленных предприятий, а также транспорт, оптовая торговля, значительная часть розничной торговли и т. д. Была установлена монополия на внешнюю торговлю. Национализации подверглись даже маленькие предприятия с одним или двумя служащими. Работа по учету всех этих крошечных предприятий могла бы занять долгие годы. Все это происходило в стране, полностью обесиленной сначала первой мировой войной, а затем длительной гражданской войной.

Ленин придавал решающее значение национализации банков. По его мнению, еще до революции банки достигли такой степени развития, что могли бы сыграть важную роль в обобществлении экономики при условии внесения определенной корректировки в их деятельность. Ленин полагал, что слияние всех банков в единый гигантский Государственный банк, имеющий отделения в каждой деревне и на каждой фабрике, могло бы составить девять десятых всего социалистического аппарата управления экономикой¹.

¹ Цит. по: Pollock F. Die planwirtschaftlichen Versuche in der Sowjetunion, 1917–1927. Leipzig, 1929. В. 32. (Об этой книге см. рецензию: *Вайнштейн А.* Опыт плановой работы в СССР в изображении немецкого исследователя // Вопросы торговли. 1930. №1. С. 112–116. Предполагался перевод этой книги на русский язык в СССР. — *Примеч. научн. ред.*)

С самого начала предпринимались попытки взять под контроль управление социализированной землей. Когда только что национализированная земля была передана крестьянам, Ленин стал говорить, что поначалу им нужно выделять лишь небольшие участки. Согласно указу от июня 1918 г., в деревнях были организованы печально известные комбеды (комитеты бедняков), задача которых состояла в борьбе с кулаками и в объединении всех, кто, как ожидалось, будет способствовать достижению целей социалистической революции. Ленин относился к комбедам со всей серьезностью и, когда они были сформированы, заметил: «Мы от социализма неустроенного переходим к истинному социализму»¹.

На самом деле комбеды мало отличались от бандитских группировок. Под их прикрытием крестьяне грабили друг друга. Примерно через четыре месяца после создания комбеды были отменены декретом, опубликованным 23 ноября 1918 г. После этого неудавшегося эксперимента мысль о какой-либо «насильственной» коллективизации сельского хозяйства была отброшена, и Ленин примирился с идеей об индивидуальном крестьянском хозяйствовании на национализированной земле. Теперь он сосредоточил усилия на введении элементов коммунистического строя в городах, что осуществлялось с помощью поставок сельскохозяйственной продукции из деревни без оплаты труда крестьян.

Принятие новой программы партии на VIII партийном съезде в марте 1918 г. стало важной вехой на пути построения коммунизма. В программе была поставлена задача заменить торговлю планомерно организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов². Согласно декрету от 11 октября 1920 г., отменялась плата за телефон, воду, канализацию, газ и электричество, при этом рабочим и служащим предоставлялось бесплатное жилье, топливо и транспорт. В дополнение к этому декрету 4 ноября 1920 г. был издан еще один декрет, по которому потребительские товары должны были бесплатно распределяться среди рабочих и служащих³.

¹ Цит. по: *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 41. См. также: *Ленин.* Т. 37. С. 134. — *Примеч. научн. ред.*

² См.: КПСС в резолюциях. Т. 1. С. 425. — *Примеч. научн. ред.*

³ См.: *Pollock F.* Op. cit.

Однако с помощью этих декретов Ленину не удалось создать ни социалистическую, ни тем более коммунистическую экономику. Его главное достижение состояло в том, что экономика забуксовала. Через несколько месяцев, когда этот эксперимент достиг своего пика, Ленин был вынужден отказаться от него.

Национализация банков не дала никаких ощутимых результатов для развития социалистической экономики, но привела к прекращению всех банковских операций. К 1920 г. объем производства крупной промышленности составил 13% от объема производства в 1913 г. Выпуск чугуна и листовой стали был прекращен. Объем производства хлопковых материалов на ткацких фабриках составлял менее 4%. К 1920 г. объем грузоперевозок по железным дорогам (в тонно-километрах) составил 23%. Это колоссальное сокращение объема производства сопровождалось соответствующим падением производительности труда. Для достижения этих 13% выпуска крупной промышленности потребовалось вдвое меньше рабочих по сравнению с 1913 г. В 1920 г. рабочих, занятых на железных дорогах, было на 77% больше, чем в 1913 г.¹

Об бедственном состоянии социалистической промышленности, в котором она каким-то образом продолжала существовать, свидетельствует и тот факт, что хотя заработная плата в 1920 г. снизилась до 59% от уровня 1913 г., себестоимость относительно 1913 г. увеличилась на 69%². Система денежного обращения была полностью разрушена, а покупательная способность рубля упала в триллионы раз.

По сравнению с этим, дела в сельском хозяйстве, хотя бы в процентном выражении, обстояли не так плохо. Совокупный объем сельскохозяйственной продукции составил 61% от уровня 1913 г. в 1920–1921 гг. и 52% — в 1921–1922 гг.³ Однако и эти показатели объема сельскохозяйственной продукции означали не менее масштабную катастрофу, чем в промышленности. Выпуск сельскохозяйственной продукции в целом не мог

¹ См.: Плановое хозяйство. 1927. № 11. С. 258–259.

² См.: Гухман Б. А. Экономическое обозрение. 1928. № 9. С. 114. (Здесь допущена неточность — сноска неверная. — *Примеч. научн. ред.*)

³ Согласно данным книги «Народное хозяйство СССР в 1958 г. (М., 1959. С. 350), объем производства сельскохозяйственной продукции в 1921 г. составил 60% от уровня 1913 г.

обеспечить потребности даже самих крестьян. Практически все сельскохозяйственные продукты для снабжения городского населения поступали по продразверстке. По подсчетам Центрального статистического управления, общий объем выпуска продукции сельского хозяйства в 1920 г. составлял лишь 866 млн довоенных рублей. Из этой величины продукция на сумму 704 млн руб. была получена по продразверстке. Это означает, что собственно продажи составили лишь 162 млн руб.¹

Неравномерное распределение произведенных продуктов питания по огромной территории России еще больше усугубляло ситуацию, миллионы людей умирали от голода. По подсчетам Лоримера, только в 1920 г. население Советского Союза сократилось на 2,8 млн человек². Следующие два года унесли жизни еще 386 тыс. и 406 тыс. человек, соответственно³.

КОНЕЦ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В начале 1921 г. руководство страны неожиданно отказалось от «первоначальных амбициозных планов по созданию пролетарской безденежной экономики»⁴ — планов, принятых к действию буквально в одночасье. Была провозглашена новая экономическая политика (НЭП).

На грандиозный по замыслу эксперимент военного коммунизма голодающее население ответило мятежами. В стенограмме X партийного съезда перечислен ряд вооруженных крестьянских восстаний, произошедших во второй половине 1920 г. и в начале 1921 г. Любопытно, что нередко эти восстания возглавляли коммунисты. В начале 1921 г. и рабочие начали проявлять беспокойство. В Петрограде произошли жестокие столкновения между правительством и рабочими⁵. Отказ от

¹ Цит. по статье В. Г. Громана в журнале «Социалистическое хозяйство» (1923. № 1–2. С. 89). (См.: Громан В. Г. Наше хозяйственное положение (Конъюнктурный обзор) // Социалистическое хозяйство. 1923. № 1. С. 88–100. — *Примеч. научн. ред.*)

² Lorimer F. The Population of the Soviet Union / League of Nations. Geneva, 1946.

³ Если бы не голод, то, несмотря на потери населения в первой мировой и гражданской войнах, в 1920 г., скорее всего, наблюдался бы прирост населения.

⁴ Л. Крицман, цит. по: Pollock F. Op. cit. В. 77.

⁵ См. Abramovich R. The Soviet Revolution, 1917–1939. New York, 1962. P. 193–194.

военного коммунизма совпал по времени с хорошо известным мятежом матросов в Кронштадте (28 февраля — 18 марта 1921 г.). С 8 по 16 марта 1921 г. состоялся X съезд партии, на котором Ленин объявил о завершении периода военного коммунизма. На заседании Центрального комитета партии был одобрен закон о замене продразверстки на продналог с 18 марта 1921 г.

В своей знаменитой речи на X партсъезде Ленин заявил: «Либо мы должны облегчить экономическое положение середняка и согласиться на свободную торговлю, либо нам не удастся удержать власть пролетариата в России. Об этом мы должны сказать четко и откровенно»¹. У делегатов партсъезда практически не было времени обдумать эту ситуацию, поскольку Ленин потребовал: «Нужно, чтобы о принятом вечером же было оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев, что съезд ... выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством»².

Хотя Ленин, возглавлявший страну, население которой умерло от голода, и признал непоправимые последствия своей ошибочной политики³, официальная позиция партии по этому вопросу состояла в том, что введение в экономику коммунистических принципов хозяйствования было вынужденной мерой, поскольку страна находилась в состоянии войны. Именно поэтому политику, проводимую в этот период, стали называть вводящим в заблуждение термином «военный коммунизм».

¹ Pollock F. Op. cit. В. 116. (Выступления В. И. Ленина на X съезде партии опубликованы в томе 43 полного собрания сочинений. Точно такой цитаты в нем нет, но смысл позиции Ленина передан верно. — *Примеч. научн. ред.*)

² Ленин. Т. 43. С. 73. — *Примеч. научн. ред.*

³ В своей речи 17 октября 1921 г. Ленин сказал: «На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским». (См.: Ленин. Т. 44. С. 159. — *Примеч. научн. ред.*)

Оппозиция в период военного коммунизма

После Октябрьской революции белое движение, опираясь на поддержку иностранных государств, продолжало борьбу с большевизмом. Меньшевики по большей части решили перейти на сторону большевиков, однако, как эсеры и даже некоторые представители левого крыла, например, Суханов, они выражали откровенное несогласие с предлагаемой Лениным моделью социализма¹.

В своих мемуарах Валентинов писал: «В течение первых лет Советского режима я делал все для меня доступное, чтобы этой власти не служить»². Его спасла бесценная библиотека: свою энциклопедию Брокгауза и Ефрона в 84 томах он выменял на 2 пуда (приблизительно 72 фунта) муки. По словам Валентинова, негативное отношение к государственной службе было типичным для того времени.

Однако многие охотно поступали на работу в продовольственные организации. В потребительских кооперативах и особенно в Центросоюзе работало много беспартийных. Среди них были, например, Громан и Гинзбург, которые позднее ярко проявили себя в области планирования. Я также оказался среди тех, кто нашел себе убежище в Центросоюзе. Для тех, чьи взгляды расходились со взглядами Ленина, оставалась еще одна возможность — заняться преподавательской деятельностью.

В мемуарах Валентинова есть интересная информация об отношении к работе тех, кто все-таки поступил на государственную службу.

Федоров, инженер, специалист по производству хлопчатобумажных тканей, говорил Валентинову: «Почему до НЭПа мы, специалисты, так плохо работали? Ведь не только потому, что нам плохо платили и смотрели на нас как на приспешников капитала, саботажников и тайных контрреволюционеров. Бывало, идешь на работу, а самого тошнит. На службе нужно было воду решетом таскать, делать то, что осмысленным

¹ О неприятии Сухановым военного коммунизма см. посвященный ему раздел в этой книге (гл. 10).

² Служить было необходимо, чтобы получать продуктовую карточку и не считаться «буржуем». (См.: Валентинов Н. Указ. соч. С. 29. — *Примеч. научн. ред.*)

быть не могло»¹. Затем этот инженер продолжает описывать бессмысленность своей работы, рассказывая, как ему однажды поручили подсчитать стоимость определенного вида ткани, но не в денежном исчислении, а в часах рабочего времени. При этом люди, давшие ему это задание, сами не имели ни малейшего представления о том, что это означает!

Еще более интересную историю поведал Л. А. Калинин, видный сотрудник ГОЭЛРО², а позднее Госплана, который был обвиняемым на процессе Промышленной партии в декабре 1930 г. Вот что он рассказывал Валентинову: «В 1920 г. мы должны были работать над планом электрификации страны и, попутно, ее индустриализации [это очень показательно — план индустриализации считался чем-то второстепенным. — Н. Я.]³. Но ведь весь этот план мысленно разворачивался не в абстрактном пространстве, а в совершенно определенной экономической обстановке. Чтобы работать в эпоху военного коммунизма, нужно было постоянно гипнотизировать себя мыслью, что сей неразумный строй есть строй идеальный и устанавливается на вечные времена... говорю не о себе только. У многих из нас было такое чувство, что благодаря НЭПу, мы, слава богу, с луны спрыгнули на землю»⁴.

Глава 2. Период НЭПа

Начальный период

Провозглашение НЭП означало коренную смену экономического курса. Главным образом это проявилось в том, что в отличие от принципов военного коммунизма, предполагавших отмену торговли и ее замену бесплатным распределением потребительских товаров, новая экономическая политика свелась

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 50.

² Подробнее о плане ГОЭЛРО см. мою книгу: *Essays on the Soviet Economy*. New York, 1962. P. 185–193.

³ Здесь и далее так будут обозначаться комментарии Н. Ясного. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ Валентинов Н. Указ. соч. С. 61.

к следующей формуле: основой должен стать обмен товаров. В первую очередь, обмен товаров должен был осуществляться между городом и деревней. Этот основной принцип был сформулирован на партийной конференции, состоявшейся 28 марта 1921 г. Однако традиционно считается, что НЭП ведет свое начало от X съезда партии, проходившего с 8 по 16 марта 1921 г., или, точнее, 21 марта, когда был принят декрет о замене продразверстки сельскохозяйственной продукции на продналог, что давало некоторую возможность обмена товарами между городом и деревней.

Продразверстка фактически означала изъятие у крестьян не только всех излишков, но и продуктов, необходимых для их существования. Заменявший продразверстку единый сельскохозяйственный налог, взимаемый натурой, оставался очень тяжелым. Хотя в результате введения продналога государство получало меньше продуктов, чем по продразверстке, продналог продолжали считать источником обеспечения базовых потребностей армии, городских рабочих и остального населения, не занимавшегося сельским хозяйством. Руководители страны почувствовали, что прямой налог с крестьян теперь можно уменьшить, поскольку восстановление транспорта и промышленности позволяло получать сельскохозяйственную продукцию по обычным каналам, т. е. путем обмена на продукцию крупной и мелкой промышленности¹. После сбора урожая в 1924 г. было решено, что единый продналог должен выплачиваться не в натуральном выражении, как раньше, а в денежном. Эта мера уничтожила последние следы военного коммунизма².

Отмена продразверстки сопровождалась устранением и других принципов военного коммунизма, введенных в 1919–1921 гг. В 1919 г. казалось, что независимо от того, как дальше будут развиваться события, начавшаяся после Октябрьской революции национализация экономики все равно будет продолжена. Однако, согласно декрету от 17 марта 1921 г., вся последующая национализация была запрещена. В декрете от 27 октября 1921 г. были предусмотрены еще более радикальные меры: все промышлен-

¹ X съезд РКП (б) (8–16 марта 1921 г.). См.: КПСС в резолюциях. Ч. I. С. 563.

² XIII съезд РКП (б) (14–15 января 1924 г.). См.: КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 798. (У Ясного здесь неточность: речь идет о резолюции XIII конференции РКП (б). — *Примеч. научн. ред.*)

ные предприятия, которые на 17 марта не были фактически переведены под государственное управление, а лишь формально конфискованы, возвращались своим владельцам. Таким образом, восстанавливалась частная мелкая промышленность. Крупная промышленность в целом оставалась в руках государства, но было разрешено сдавать в аренду частным предпринимателям или даже иностранному капиталу те крупные предприятия, которыми государство не могло эффективно управлять. Кооперативная собственность, которая предполагала более гибкие методы управления, чем государственная, теперь получала всестороннюю поддержку в городах и в деревнях.

НЭП был провозглашен весной 1921 г., однако в этот год советское сельское хозяйство настолько пострадало от засухи, что серьезных сдвигов в экономике не наблюдалось. В 1921/22 г. производство продукции крупной промышленности выросло на 32 %, что было практически незаметным приростом, если учесть поразительно низкий уровень выпуска продукции в 1920/21 г., составивший менее 20 % от уровня 1913 г.¹ Засуха нанесла значительный ущерб сельскому хозяйству. Сократились посевные площади, начался падеж скота, заметно ухудшились условия содержания выжившего скота. Население продолжало голодать. Поллок, внимательно следивший за ситуацией в России², подразделил период НЭПа на фазы и охарактеризовал первую фазу, продолжавшуюся с марта 1921 г. по октябрь 1923 г., как период экономического хаоса.

НЭП привел к улучшению ситуации, что проявилось во время сбора урожая 1922/23 г. Процесс восстановления нельзя было назвать ровным. В своем обзоре 1922/23 хозяйственного года

¹ Pollock F. Op. cit. В. 137.

² В своей работе Поллок наряду с тщательным исследованием опубликованных материалов описывает собственные впечатления от поездки в СССР в 1927 г. Ему не разрешили встретиться практически ни с кем, кроме коммунистов. За помощь, оказанную ему в Госплане, Поллок благодарит только Кржижановского и председателя Госплана Р. Е. Вайсберга, о котором я подробнее пишу во второй части этой книги. Именно от Вайсберга Поллок впервые услышал о Громане, Базарове, Кондратьеве и других экономистах. Во время своего визита в Госплан Поллок, по-видимому, не смог встретиться даже со Струмилиным, не говоря уже о Громане или Базарове. (Здесь у Ясного неточность: председателем Госплана в 1927 г. был не Р. Е. Вайсберг, а Г. М. Кржижановский. — *Примеч. научн. ред.*)

Громан писал: «1922/23 есть первый — после восьми ненормальных лет — нормальный год хозяйственной жизни. Страна пользовалась внутренним и внешним миром, удовлетворительным сбором хлебов, вступила в заметно развитые отношения с мировым хозяйством»¹.

Однако экономические механизмы настолько заржавели, что заставить их работать в нужном темпе было очень трудно. Выпуск продукции крупной промышленности увеличился приблизительно на 30% в 1922/23 г., но на конец финансового года составил немногим более трети от уровня 1913 г. По-видимому, Громан делал свои оптимистичные выводы по поводу экономического развития за 1922/23 г. в состоянии эйфории, в котором он пребывал в связи с официальным отказом от внедрения в экономику принципов коммунизма ленинского толка. Представленные в его обзоре показатели свидетельствовали о некотором улучшении ситуации, однако, оставленная им без комментариев структура ценообразования в тот год оставляла желать лучшего. Именно тогда возник огромный разрыв между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты, который Троцкий метко назвал «ножницами цен» (см. табл. 2.1).

Если в конце 1921/22 финансового года соотношение цен было не в пользу сельскохозяйственной продукции, то к концу 1922/23 г. разрыв стал действительно огромным. Эта катастрофическая ситуация стала результатом недальновидной политики членов ВСНХ, в частности, зампреда Пятакова. Известный указ ВСНХ от 16 июля 1923 г., составленный Пятаковым, предписывал: «Общим руководящим началом деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период, является прибыль как задача, и баланс как метод»². Эта директива осуществлялась самым жестким образом. В результате возникла абсурдная ситуация: выпуск продукции крупной промышленности составлял лишь 40% от довоенного уровня, а рынок был затоварен непроданными промышленными товарами. В 1924 г. темп роста выпуска продукции крупной промышленности был значительно снижен (см. табл. 2.2). Соотношение между ценами на сель-

¹ Громан В. Г. 1922/23 хозяйственный год. (Сводный обзор)// Народное хозяйство СССР. Статистико-экономический ежегодник. Вып. 3. М.-Л.: Экономическая жизнь, 1924. С. VII.

² См.: Валентинов Н. Указ. соч. С. 159.

Таблица 2.1. Отношение индекса цен промышленных товаров к индексу цен сельскохозяйственных товаров (розничный индекс цен Кондратьевского института)¹

Год	Месяц	Отношение	Год	Месяц	Отношение
1922	Октябрь	1,61	1924	Ноябрь	2,49
	Ноябрь	1,51		Декабрь	2,02
	Декабрь	1,67		Январь	1,78
1923	Январь	1,84	Февраль	1,59	
	Февраль	1,80	Март	1,60	
	Март	1,80	Апрель	1,41	
	Апрель	2,21	Май	1,27	
	Май	2,23	Июнь	1,47	
	Июнь	2,19	Июль	1,37	
	Июль	2,11	Август	1,22	
	Август	1,87	Сентябрь	1,29	
	Сентябрь	2,80	Октябрь	1,41	
	Октябрь	2,97			

Источник: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 386.

скохозяйственную продукцию и на товары, которые могли закупать крестьяне, несколько выровнялось в конце финансового 1922/23 г., однако, за весь период НЭПа, даже в самые удачные годы, это соотношение не превышало 75% довоенного уровня.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Самым важным событием периода НЭП было то, что партия пересмотрела свои взгляды на взаимоотношения между сельским хозяйством и промышленностью, т. е. между городом и деревней, а также на различные группы крестьян в деревнях. В резо-

¹ У А. Н. Малафеева — индекс Конъюнктурного института. — *Примеч. научн. ред.*

люции XII партийного съезда было заявлено: «Сельское хозяйство, несмотря на то, что оно все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России. ... Наша партия не должна ни на минуту забывать или хотя бы упускать из виду при оценке любого своего шага фактически преобладающего значения крестьянского хозяйства»¹.

Несколько страницами ранее в этой резолюции подчеркивалось, что «сельское хозяйство еще долго будет оставаться основой хозяйства советской страны»². В то время никто не мог себе представить, что может произойти хоть сколько-нибудь существенный перенос акцента с сельского хозяйства на промышленность. Об этом можно судить по тому факту, что если в резолюции и говорилось о смене приоритетов, то предполагалось, что это может произойти лишь после выполнения плана электрификации страны³. Аналогичные утверждения прозвучали и на XIII партийной конференции, проходившей 16–18 января 1924 г.: «Крестьянское хозяйство является основной базой для восстановления промышленности а, следовательно, и для роста рабочего класса. Поэтому возможно большая поддержка крестьянского хозяйства требуется не только общими интересами Советской власти, но и интересами быстрейшего развития самой промышленности»⁴.

В целом создание колхозов в деревнях приветствовалось, однако, отмечалось, что этот процесс должен проходить «постепенно» и «на добровольной основе». Одновременно подчеркивалась необходимость развивать индивидуальные крестьянские хозяйства. Кроме того, ожидалось, что принимаемые меры пойдут на пользу более крепким крестьянским хозяйствам. Так, в решении Пленума ЦК РКП (б) от 23–30 апреля 1925 г. прозвучал призыв «решительно бороться с попытками частых переделов» земли, что отражало стандартные требования зажиточных крестьян⁵. Помимо этого, было решено облегчить процедуру

¹ КПСС в резолюциях. Ч. I. С. 687–688.

² Там же. С. 682.

³ Там же. С. 687. Это утверждение свидетельствует либо об иллюзиях относительно темпов электрификации, либо о полной безграмотности.

⁴ Там же. С. 789.

⁵ См.: КПСС в резолюциях. Ч. I. С. 926–927. — *Примеч. научн. ред.*

получения крестьянами земли в аренду. И, наконец, крестьянам вновь разрешили использовать наемную рабочую силу. Сталин неоднократно подчеркивал, что крестьяне могут делать накопления, а Бухарин в своем знаменитом лозунге призывал более зажиточных крестьян «обогащаться»¹.

Однако к следующему году официальные заявления стали звучать несколько иначе. В резолюции Пленума ВКП (б) от 6–9 апреля 1926 г. говорилось: «Рост производительных сил в деревне совершается в условиях борьбы между различными социальными группами крестьянства. Неизбежное усиление кулачества в данный период нэпа и борьба кулацких элементов за овладение деревней ставят перед партией задачу укрепления хозяйственной и политической смычки пролетариата с основной середняцко-бедняцкой массой крестьянства»². Далее в резолюции говорилось о мерах, имеющих своей целью умерить аппетиты кулачества.

Через несколько месяцев на XV партийной конференции, проходившей с 26 октября по 3 ноября 1926 г., прозвучала мысль о том, что приоритетным направлением должно стать развитие промышленности. По-видимому, на этой же конференции впервые была отмечена необходимость «в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»³.

НЭП доживал свои последние дни. Об этом свидетельствует тот факт, что на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 21–23 октября 1927 г., вновь, но теперь уже более отчетливо, была сформулирована мысль о том, что ведущее место в экономике должна занять социалистическая промышленность, а тяжелая промышленность должна стать приоритетным направлением в развитии промышленности в целом. Пленум

¹ Имеется в виду следующее высказывание Н.И.Бухарина: «Всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство» (Большевик. 1925. № 9–10. С. 4–5). — *Примеч. научн. ред.*

² КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 144. (Начиная с данной сноски и до конца этой части книги, при цитировании этого издания в книге Ясного номера страниц указаны неверно. При переводе проведена сверка. — *Примеч. научн. ред.*)

³ Там же. С. 175.

потребовал «более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком»¹.

Менее чем через два месяца состоялся XV съезд партии, который стали называть «съездом коллективизации». Само это название свидетельствует о том, каким проблемам он был посвящен. На съезде прозвучало мнение, что всеобщая коллективизация является неотложной мерой, и был разработан план по расширению и укреплению системы колхозов и совхозов. На съезде было объявлено, что «пролетариат, преодолев противосредняцкий уклон в среде своей партии, на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока, вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему более систематическому и устойчивому ограничению кулака и частника»². «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и механизации земледелия)»³.

Как уже отмечалось, согласно решениям пленума ЦК (апрель 1925 г.), коллективизация должна была проводиться «постепенно» и «на добровольной основе». В резолюции XV съезда партии слово «постепенно» еще присутствует, однако уточнение «на добровольной основе» из текста исчезло. Что касается политики по отношению к кулакам, то, если в апреле 1926 г. на пленуме говорилось об «ограничении кулаков», то на XV съезде партии прозвучал призыв «окончательно экономически покончить» с ними. Эта формулировка уже немного отличается от печально известного призыва «уничтожить кулачество как класс», который впервые прозвучал в статье Сталина «Год великого перелома», опубликованной в газете «Правда» от 7 ноября 1929 г.⁴

¹ КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 296.

² Там же. С. 334.

³ Там же. С. 317.

⁴ См.: Сталин. Т. 12. С. 118–135. Здесь Ясный неточен: в этой статье И. Сталина не было призыва к уничтожению кулачества как класса. Эта формулировка появилась позже, в его речи на конференции аграрников-марксистов, произнесенной 27 декабря 1929 г.: «Мы перешли в последнее время от по-

Кроме того, в этой статье коллективизация сельского хозяйства уже не называется «постепенной».

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В табл. 2.2 приведены годовые темпы роста выпуска продукции крупной промышленности в период НЭПа по сравнению с уровнем 1913 г. (в процентах). Используются цены 1926/27 г.¹

Таблица 2.2. Объем выпуска крупной промышленности в ценах 1926/27 г.

Год	Выпуск, млн руб.	% от 1913 г.	Годовой прирост, %
1913	10 251	100	...
1920	1 410	13,8	...
1921	2 004	19,5	42,1
1922	2 619	25,5	30,7
1923	4 005	39,1	52,9
1924	4 660	45,4	16,4
1925	7 739	75,5	66,1
1926	11 083	108,1	43,2
1927	12 679	123,7	14,2

Эти цифры наглядно свидетельствуют о неравномерности темпов роста в разные годы. Отличия настолько существенны, что значительные несовпадения проявляются в темпах роста даже

литики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса» (Там же. С. 169). — *Примеч. научн. ред.*

¹ Социалистическое строительство СССР. Стат. сборник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. С. 3. Суммарные цифры не включают данные по лесозаготовкам и рыбному хозяйству, по ремонтным работам на железнодорожном транспорте.

между календарными и финансовыми годами. Таким образом, хотя цифры в таблице показывают резкое падение темпов роста в 1924 г. (до 16,4 %), в 1923/24 финансовом году такого замедления не наблюдалось.

Существенное замедление темпов роста крупной промышленности в 1924 г. стало результатом «ножниц цен» в 1922/23 г. К концу 1924 г., т.е. спустя почти четыре года после завершения периода «военного коммунизма», выпуск продукции крупной промышленности еще не достиг 50 % уровня 1913 г., и только теперь наступил момент, когда советская промышленность была готова совершить большой рывок. Согласно данным, приведенным в табл. 2.2, в 1925 г. объем выпуска промышленности увеличился на $\frac{2}{3}$. Понятно, что такого быстрого роста трудно было ожидать в следующем году. Тем не менее в 1926 г. прирост составил 43,2 %, следовательно, с 1925 г. по 1927 г. рост промышленности составил почти 140 %. Если верить данным табл. 2.2, то в 1926 г. был превышен уровень производства 1913 г. Это означает, что увеличение выпуска на 43,2 % было весьма существенным.

Оглядываясь назад, не представляется труда объяснить тот факт, что самый значительный рост объема производства крупной промышленности произошел лишь на пятом году НЭПа, т.е. в предпоследний год восстановительного периода. Однако в то время еще не были разработаны методики прогнозирования развития производства. Согласно прогнозам Громана, который на тот период был самым крупным исследователем в области экономических тенденций, в 1925 г. должен был наблюдаться рост на 20 % выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции. О росте выпуска сельского хозяйства Громан говорил с большей уверенностью, чем о росте выпуска промышленности¹. Его прогнозы оказались достаточно точными для роста выпуска сельскохозяйственной продукции — в 1925/26 г. он составил 18 %. Что же касается прогнозов по объему производства промышленности, то, как мы видим, они оказались весьма далеки от действительности.

После впечатляющего роста промышленного производства в 1925 и 1926 гг. темп роста в 1927 г. замедлился приблизительно

¹ См.: Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1925. № 5 (ноябрь). С. 189. Громан сделал этот прогноз в июле 1925 г.

до 15%. Сегодня хорошо понятны причины столь бурного роста объема промышленного производства (и в связи с этим развития других отраслей экономики) до 1926 г. включительно, а также причины его значительного замедления. Высокие темпы экономического роста вплоть до 1926 г. могли быть достигнуты благодаря тому, что было создано много новых предприятий и были существенно расширены старые предприятия, на что не потребовалось крупных капиталовложений. По-видимому, ввод в действие ранее не используемых мощностей продолжался и после того, как выпуск промышленности в целом вышел на довоенный уровень, причем это происходило за счет частных предприятий, еще не достигших этого уровня.

Такое снижение темпов экономического роста — от высоких темпов восстановительного периода, когда еще оставались неиспользуемые производственные ресурсы, до гораздо более медленных темпов последующего периода — и дальнейший переход к более естественным невысоким темпам роста на основе увеличившегося основного капитала, получило название «затухающей кривой». Это, конечно, не означало, что экономический рост вообще прекратится. Впервые логичное объяснение этого явления предложил Громан в начале 1925 г.¹ Затем гипотеза Громана получила развитие в работах Базарова, и вскоре эта теория стала общепризнанной. Важно отметить, что подобное объяснение затухания темпов полностью удовлетворяло партийное руководство. На XV партийной конференции, проходившей с 26 октября по 3 ноября 1926 г., было заявлено следующее: «С завершением восстановительного периода дальнейшее развитие народного хозяйства упирается в недостаточность и отсталость унаследованной от буржуазного общества производственно-технической базы. Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп его развития сильно замедляется сравнительно с истекшими годами. Совершенно неправильна пораженческая идеология, которая проявлялась в выступлениях оппозиции, связывающей с этим замедлением темпа срыв индустриализации и угрозу диктатуре пролетариата. ... Развитие индустрии промышленно-

¹ Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 94–100. (Статья состояла из двух частей, см. также: Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 125–141. — *Примеч. научн. ред.*)

сти на основе расширения основного капитала никогда не могло и может идти с такой быстротой, с какой происходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период»¹. Затем в виде утешения в этом документе говорилось: «Однако специфические условия Советского государства обеспечивают за промышленностью более высокий темп развития, чем в условиях капиталистического государства»².

Еще в 1928 и даже в 1929 гг. ни у кого не вызывало сомнений, что положительное влияние восстановительного периода на темпы роста сохранится и после того, как промышленность в целом достигнет уровня производства 1913 г. Однако во время дискуссии в Коммунистической академии прозвучали некоторые важные оговорки по поводу «затухающей кривой». Так, Струмилин, который отвечал за выполнение первого пятилетнего плана, сказал: «Мы входим в эту пятилетку из очень быстрого в своем росте предыдущего восстановительного периода. Остатки и хвосты этого восстановительного периода в первые годы текущей пятилетки еще будут сказываться. А затем этот рост несколько замедлится»³.

Оценивая темпы роста за 1925/26 г., Громан, по-видимому, предполагал, что показатели за этот финансовый год вплотную приблизятся к довоенному уровню и факторы, вызывающие «затухание роста», проявятся еще в 1925/26 г. Тогда он еще не осознавал, что в тот период темпы роста определялись не столько довоенным уровнем объема производства, сколько более высоким довоенным уровнем производственных мощностей (см. главу 7, посвященную Базарову). Этот фактор, по всей вероятности, проявился гораздо раньше, чем был достигнут довоенный уровень объема производства. Особенно заметно он проявился в 1925/26 финансовом году, когда наблюдался стремительный рост промышленного производства. Однако если бы этот фактор столь значительно повлиял на темпы роста в 1925/26 г., то он неизбежно оказал бы существенное влияние и на темпы

¹ КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 174–175.

² Там же.

³ Эта дискуссия проходила в 1928 г., а Струмилин опубликовал процитированный выше текст в начале 1929 г. (см.: Струмилин С. Г. О темпах нашего развития // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 110). Конечно, если бы его точка зрения изменилась, он не стал бы публиковать это высказывание.

роста в 1926/27 г. Именно поэтому так сложно объяснить сравнительно невысокий рост объема промышленного производства за этот финансовый год¹.

Приоритетное положение промышленности по отношению к сельскому хозяйству, на котором настаивал Преображенский во время кризиса, вызванного «ножницами цен», означало преимущественное развитие тяжелой промышленности. По этой причине темпы роста крупной промышленности, которые в 1923 г. в среднем составляли 52,4 %, при этом в тяжелой промышленности темпы роста составляли 63,8 %, а в легкой (включая пищевую) — 43,7%². Однако в последующие три года, когда были установлены более приемлемые соотношения цен, темпы роста легкой промышленности превышали темпы роста тяжелой промышленности, хотя в третьем году пятилетки этот разрыв сократился (см. табл. 2.3). Разрыв в темпах роста тяжелой и легкой промышленности снова несколько увеличился в 1927 г.: объем производства тяжелой промышленности вырос на 24,8 %, а легкой — на 11,8 %.

Таблица 2.3. Темпы роста крупной промышленности, %

Год	Тяжелая промышленность	Легкая промышленность
1924	9,7	22,8
1925	59,3	71,9
1926	37,9	38,4

После того как в 1923 г. «ножницы цен» оказали губительное воздействие на экономику, были вновь предприняты попытки, правда, более разумные, ускоренного развития тяжелой промышленности за счет легкой. В 1926/27 г. планировалось, что капитальные вложения в тяжелую промышленность возрастут на 53 %, а в легкую — лишь на 23 %. На следующий год эти

¹ В соответствии с данными книги «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.» (М.: Плановое хозяйство, 1928. С. 465) в 1926/27 г. выпуск крупной промышленности вырос на 15,1 %.

² Народное хозяйство СССР. Стат. справочник. М.-Л.: ОГИЗ, 1932. С. 4.

показатели составили 30% для тяжелой и 7% для легкой промышленности. Когда осенью 1928 г. приступили к выполнению первого пятилетнего плана, тенденция преимущественного развития тяжелой промышленности стала набирать обороты. В 1928/29 г. запланированные инвестиции в тяжелую промышленность были уже в 3,4 раза больше, чем в легкую¹.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

При НЭПе крестьян продолжали облагать высокими налогами. Несмотря на это, а также на тот факт, что между сельскохозяйственной продукцией и потребительскими товарами сохранялось невыгодное ценовое соотношение, сельское хозяйство при НЭПе удалось восстановить (табл. 2.4). Существовавшая при военном коммунизме система продразверстки была неизмеримо большим злом, поэтому ее отмена привела к заметному улучшению ситуации. По крайней мере, производство сельскохозяйственной продукции выросло достаточно для того, чтобы обеспечить потребности сельского населения.

В 1920 г. объем производства сельского хозяйства составил почти $\frac{2}{3}$ от уровня 1913 г., а для крупной промышленности этот показатель равнялся лишь 14% от этого уровня. Если выпуск сельскохозяйственной продукции в 1921/22 г. составил почти половину от уровня 1913 г., то выпуск продукции крупной промышленности достиг почти $\frac{1}{4}$ от этого уровня. К 1925 г. сельское хозяйство и крупная промышленность приблизились к уровню 1913 г. практически на одинаковую величину (около 80%). В 1926 г. уровень 1913 г. был превышен как по показателям крупной промышленности, так и по показателям сельского хозяйства. Учитывая неблагоприятные ценовые соотношения между сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами, закупаемыми крестьянами, достигнутый в 1926 г. уровень объема производства сельского хозяйства можно считать весьма высоким. Однако, с 1926–1928 гг. этот показатель перестал увеличиваться, что, очевидно, было связано с неблагоприятным ценовым соотношением.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год. М.: Плановое хозяйство, 1930. С. 454–455.

Таблица 2.4. Индекс сельскохозяйственной продукции (1913=100) в постоянных ценах

Год	Статистический сборник 1958 ^а	Громан ^б	Контрольные цифры на 1927/28 г. ^в
1920	67	—	—
1921	60	—	—
1921/22	—	52	—
1922/23	—	71	—
1923/24	—	76	—
1924/25	—	79	79
1925/26	—	—	100
1926/27	—	—	104
1926	118	—	—
1927	121	—	—
1928	124	—	—

Источники:

^а «Сравнимые цены». Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 350.

^б Цены до I мировой войны. Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве//Плановое хозяйство. 1925. №1. С. 94.

^в Цены до I мировой войны. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год. М.: Плановое хозяйство, 1928. С. 464.

Если судить по следующим цифрам для зерна (в млн пудов), озвученным Сталиным¹, то на рынок поступала лишь малая доля крестьянской продукции.

¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1947. С. 186. По данным Огановского (Реконструкция сельского хозяйства и генеральный план//Социалистическое хозяйство. 1927. №2. С. 38), объем товарного хлеба на душу сельского населения в 1926/27 г. была на 32 % ниже, чем в 1913 г.

Год	Валовая продукция	Товарная продукция
До войны	5000	1300
1926/27	4749	630

В довоенный период на рынок поступала приблизительно четверть урожая зерна. В 1926/27 г. крестьяне продавали на рынке лишь 13 % собранного урожая. Вместо того чтобы поднять закупочные цены, весной 1928 г. партия прибегла к «чрезвычайным мерам» в области хлебозаготовок. Эти «чрезвычайные меры» просуществовали лишь несколько месяцев¹. Партийное руководство признавало факт несбалансированности цен на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию, однако, не желало признать невыгодное соотношение цен на зерно и промышленные товары, закупаемые крестьянами. По этой причине отказ от «чрезвычайных мер» и повышение закупочных цен на зерно произошли лишь на Пленуме ЦК партии, состоявшемся 4–12 июля 1928 г., т. е. когда начался сбор урожая, а не до посевной². Следовательно, положительный эффект от подъема цен на зерно мог проявиться только в последующие годы. Однако этого не произошло в связи с начавшейся кампанией по коллективизации, которая повлияла на цены прямо противоположным образом.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ

Развитие экономики в целом в период НЭПа хорошо иллюстрируют показатели грузоперевозок по железным дорогам³ (табл. 2.5).

К 1918 г. грузоперевозки снизились примерно на 25% от довоенного уровня, и вплоть до 1922 г. ничего не предвещало улучшения ситуации. Однако к концу 1923 г. объем перевозок составил почти половину от уровня 1913 г. Как и в промышленности,

¹ В книге «Народное хозяйство СССР в 1958 г.» (с. 350) утверждается, что рост продукции сельского хозяйства за два года — с 1926 по 1928 г. — составил 5%, но даже в этом небольшом приросте нельзя быть уверенным.

² КПСС в резолюциях. Ч. 2. С. 511–516.

³ Транспорт и связь СССР. Стат. сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 32.

Таблица 2.5. Перевозки грузов по железным дорогам

Год	Объем, млн тонн	Годовое изменение, %
1913	132,4	—
1918	37,2	—
1919	30,5	—18,0
1920	31,9	9,6
1921	37,9	18,9
1922	44,6	17,7
1923	60,7	36,1
1924	70,7	16,5
1925	92,4	30,0
1926	122,2	31,2
1927	139,6	14,3

существенный рост по сравнению с предыдущим годом наблюдался лишь в 1925 и 1926 гг. Хотя в 1927 г. рост грузоперевозок был минимальным за все пять лет, в этот год в результате все же удалось превысить уровень 1913 г.

НАСТРОЕНИЯ ОППОЗИЦИИ

В период военного коммунизма «буржуазные специалисты» пережили голод, унижение и другие испытания. Поэтому, естественно, после введения НЭПа их отношение к советской власти не могло измениться мгновенно. Летом 1922 г., т. е. примерно через год после провозглашения НЭПа, был проведен опрос среди 270 московских инженеров, разделенных на группы в зависимости от занимаемых ими должностей (высоких — группа I или средних — группа II). На вопрос, симпатизируют ли они советской власти, положительно ответили лишь 9% из группы I и 13% из группы II. На вопрос, считают ли они свою работу приносящей пользу, положительно ответили 30% из группы I и 75% из группы II. Хотя число опрашива-

емых было невелико, предполагалось, что их ответы отражали мнение большинства гражданских инженеров. Валентинов придерживался несколько иной точки зрения: «В это время, когда происходил усиленный уход части интеллигенции за границу, в форме как насильственной, так и добровольной высылки, *другая часть* этой интеллигенции с большим подъемом принималась за работу в разных областях советского аппарата. Это происходило не из-под палки, а добровольно, и указываемая мною интеллигенция ни в коей мере не принадлежала к разряду лиц, “примазавшихся” к коммунистической партии»¹.

Совершенно очевидно, почему так много представителей интеллигенции эмигрировало из России. Гораздо труднее понять тех, кто решил остаться. Во многих случаях причины носили материальный характер и были связаны, например, с опасением, что за границей не удастся устроиться. Хинчук, известный меньшевик, перешедший на сторону большевиков и занимавший ответственные посты (одно время он был Советским послом в Берлине), на вопрос, почему он поменял свою идеологическую позицию, ответил следующим образом: «Я боялся, что не смогу занять достойного места в обществе». Вполне вероятно, что и другие представители, независимо от того, какую должность они занимали в период НЭПа, опасались, что если они уедут за границу, то не смогут жить достойно. Кто-то из них понимал, что ни в какой другой стране, кроме России, жить не сможет. Например, очень трудно представить себе Громана в роли эмигранта. Невозможной стала бы жизнь в изгнании и для А. Пешехонова, святого человека, который мог дышать только российским воздухом².

Валентинов считал, что он не имел ничего общего с меньшевиками, проживавшими за границей. Приехав в Берлин, он не захотел обращаться с просьбой к издателям «Социалистического вестника», чтобы получить подшивку журнала. Вместо этого он попросил Андрееву (бывшую актрису Московского Художественного театра, позднее вышедшую замуж за Горького), у которой были знакомые в Советской торговой делегации в Берлине, взять для него в библиотеке этой организации под-

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 30. Курсив дан в оригинале.

² Пешехонов, министр в правительстве Керенского, эмигрировал, но позднее выражал желание вернуться. Однако ему не разрешили это сделать.

шивку «Вестника» за 1923 и 1924 гг. По словам Валентинова, двое других из немногочисленных членов Лиги Наблюдателей, ездивших за границу, были солидарны с ним относительно того, что встречи и беседы с издателями «Социалистического вестника» могли «окончиться лишь взаимными укорами, обвинениями и взаимными стычками» и что при таких обстоятельствах лучше всего было не встречаться с ними¹.

Хотя Валентинов утверждает, что подобные настроения были типичны для большей части интеллигенции, я думаю, что с уверенностью он мог судить лишь о том, какие чувства испытывали его многочисленные соратники-меньшевики. Когда речь заходит о представителях других группировок, он, к сожалению, становится совсем немногословным. Так, в своих мемуарах он пишет: «Были ли еще другие кружки, подобные нашему? Кажется, были — один эсеровский, другой кадетский. Важно то, что без всяких коллективных обсуждений, без образования каких-либо кружков, значительная часть интеллигенции в 1921 и 1922 гг. пришла если не к столь продуманной, как в „Лиге наблюдателей“, концепции, то к тем же настроениям, к тем же практическим выводам»².

Не вполне ясно, какую именно фракцию социалистов-революционеров имел в виду Валентинов. В своих мемуарах он практически не пишет об «ортодоксальных» эсерах; среди упоминаемых им людей вряд ли были неонародники, которые в те годы играли не менее важную роль, чем меньшевики. На процессе меньшевиков Громан и лидер неонародников Кондратьев утверждали, что вплоть до конца 1927 г. между ними существовали серьезные разногласия. В своих показаниях Громан говорил: «Я стоял на сохранении национализации земли, на сохранении за государством не только отдельных предприятий, но и руководящей роли в крупной промышленности и на транспорте»³.

Точка зрения Кондратьева была совершенно иной. В 1922 г. он заявил следующее: «В соответствии с принципами свободы хозяйственной деятельности и гарантиями этой свободы, земельное законодательство, имеющее чрезвычайно глубокое

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 296.

² Там же. С. 59–60.

³ Процесс. С. 68. (Здесь и далее сохранена орфография оригинала. — Примеч. научн. ред.)

значение для развития сельского хозяйства, должно быть пересмотрено в смысле общей свободы и гибкости в земельном обороте и выборе форм землепользования»¹.

На заседании московского Сельскохозяйственного общества 18 февраля 1922 г. Кондратьев выразил свою мысль еще конкретнее: «Надо поставить точку над „i“, поднять вопрос о „развитии русских капиталистических предприятий“, надо приветствовать российский капитализм, раз мы приветствуем вхождение иностранного»². Он также выступал против монополии внешней торговли и говорил в связи с этим: «От современного закрепощенного состояния мы должны перейти к обычным условиям международной торговли»³. В целом, можно сказать, что у Кондратьева было более сильное стремление, чем у Громана, изменить экономические последствия Октябрьской революции⁴.

Кадеты, например, Л. Н. Литошенко, в этом вопросе пошли еще дальше Кондратьева. Милютин в уже упоминаемой статье, опубликованной в газете «Правда», приводит категорическое высказывание Литошенко: «Земля должна будет находиться в руках сильнейших, тех, кто благодаря напряженной работе и любви к частной собственности сможет преодолеть всю вызванную революцией разруху. В сфере сельского хозяйства следует воздерживаться от социализации»⁵.

¹ Кондратьевщина (сборник). Доклад В. П. Милютина. Выступления С. Г. Ужанского, А. С. Бондаренко, И. Д. Лаптева и др. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. Далее цитируется как «Кондратьевщина». (Здесь у Ясного неточность: в указанной книге это высказывание Кондратьева не цитируется. Речь идет о цитате из работы Кондратьева «Изменения мирового и русского сельского хозяйства за время и после войны и основные задачи нашей сельскохозяйственной политики». Доклад 3-му Всероссийскому агрономическому съезду // Вестник сельского хозяйства. 1922. № 6–7. С. 5–22. По-видимому, Ясный взял эту цитату из книги «Против кондратьевщины. Классовая борьба в экономической теории». (Сборник статей под ред. И. Верменичева). М.: Молодая гвардия, 1931. С. 54. — *Примеч. научн. ред.*)

² Цит. по выступлению В. Милютина в газете Правда от 20 октября 1929 г. (Здесь у Ясного неточность: в этом номере газеты «Правда» статьи В. Милютина нет. Цитата приведена по: Кондратьевщина. С. 99. — *Примеч. научн. ред.*)

³ Кондратьевщина. С. 110.

⁴ О расхождении в позициях Кондратьева и Громана в конце 1927 г. см. также главу 9.

⁵ Цитата переведена с английского. См. выше сноску 2. — *Примеч. научн. ред.*

Очень интересны беседы Валентинова с тремя высокопоставленными техническими специалистами, о которых он вспоминает в своих мемуарах. В главе I я уже упоминал о разговорах Валентинова с двумя из них: с Федоровым и Калининковым. Особый интерес представляет его разговор с третьим, с Н. К. фон Мекком, который до революции был председателем правления и крупнейшим пайщиком Московско-Казанской железной дороги. По своим политическим убеждениям он был черносотенцем. Валентинов утверждает, что у фон Мекка не было никаких причин лгать и что он «был вполне искренним». Скорее всего, Федоров и Калининков говорили только о том, что испытали огромное облегчение, когда тяготы периода военного коммунизма остались позади. Однако фон Мекк смотрел на это глубже. Валентинов вспоминает: «По причинам, мне неизвестным, он, видимо, не успел, подобно Гучковым, Коноваловым и другим промышленникам и богатым буржуа, перебраться в эмиграцию, за границу. Этот оставшийся в стране буржуа говорил: “После всего нами пережитого меня совсем не страшит и не смущает, что Советское правительство национализировало огромную часть хозяйства страны. У нас всегда и в прошлое время, при царском режиме, очень значительные отрасли хозяйства принадлежали государству. Кажется, ни в одной стране мира не была так широко проведена национализация”»¹.

Важную роль, которую оппозиция играла в середине 1920-х годов, признавали и ее противники. Так, В. П. Милютин, руководитель Центрального статистического управления, в своем докладе в Аграрном институте Коммунистической академии 1 октября 1930 г. говорил: «Эти агенты мирового империализма у нас внутри, агенты внутренней буржуазии, избирали особые способы борьбы. Они занимали ответственные посты, целый ряд из них занимал крайне ответственные должности в наших центральных правительственных учреждениях. Громан был членом президиума Госплана, Кондратьев долгое время играл крупную роль в Наркомфине² и Наркомземе³, долгое время Суханов был на ответственной работе в Наркомторге и Наркомземе, Макаров

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 62.

² Народный комиссариат финансов. — *Примеч. научн. ред.*

³ Народный комиссариат земледелия РСФСР, существовал с 1917 г. по 1929 г. — *Примеч. научн. ред.*

занимал в Наркомземе ответственную должность, Садырин был членом ЦИК, Юровский в Наркомфине играл выдающуюся роль, был членом коллегии Наркомфина — так что эти люди занимали целый ряд ответственных постов у нас в СССР»¹.

Из перечисленных лиц Громан и Суханов были меньшевиками, Кондратьев и Макаров — неонародниками и в 1930–1931 гг. якобы были членами Трудовой крестьянской партии. Юровский, по всей вероятности, был левым конституционным демократом (кадетом). К какой партии принадлежал Садырин, мне неизвестно.

В материалах Процесса меньшевиков, в книге «Кондратьевщина», в мемуарах Валентинова и в других публикациях имеются указания на то, что меньшевики полностью доминировали в ВСНХ, имели прочные позиции в Госплане и пользовались существенным влиянием в наркоматах финансов и внутренней торговли, а также в Государственном банке. Принято считать, что они занимали сопоставимое количество постов как в ВСНХ, так и в Госплане, однако, как представляется, это не вполне справедливо. В самые важные годы НЭПа на ответственных должностях в ВСНХ, по-видимому, не было ни одного коммуниста, за исключением руководителя ВСНХ Дзержинского и его заместителя Пятакова. Когда сотрудники ВСНХ Гинзбург, Соколовский и Штерн встречались для совместных обсуждений (по словам Валентинова, им обычно удавалось достичь единой точки зрения), это были не конспиративные совещания меньшевиков, а встречи руководителей важнейших отделов этой организации. А главный источник нашей информации, Валентинов, был фактическим издателем Торгово-промышленной газеты, органа ВСНХ. И. Большаков с сожалением писал, что «формирование и развитие этой науки [экономики промышленности], происходило в обстановке почти полного отсутствия марксистских сил на этом участке теоретического фронта»². Это замечание свидетельствует о главенствующем положении в этой области меньшевика Гинзбурга.

Ситуацию в Госплане можно проиллюстрировать на следующем примере. В 1931 г. Вайсберг, прославившийся после НЭПа

¹ Кондратьевщина. С. 7.

² Большаков И. Вредительство контрреволюционного меньшевизма в области теории социалистической промышленности // Пути индустриализации. 1931. № 3–4. С. 3–4.

своими выступлениями против Громана и Базарова, вспоминая 1928 г., отмечал, что «тогда в стенах Госплана уже несколько возросло влияние коммунистов»¹. По его мнению, именно этот факт вынудил «вредителей» пойти на определенные уступки в формулировках своих рекомендаций. Однако Вайсберг очень сожалел, что молодые коммунисты, пришедшие на работу в организации по планированию, так и не получили возможности совмещать работу с учебой².

В Госплане меньшевики играли ведущую роль, хотя их позиции не были столь сильны, как в ВСНХ. Мне неизвестна политическая принадлежность трех из 14 членов комиссии, работавшей над составлением Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1926/27 г. Я доподлинно знаю, что коммунистами не были только Громан, Базаров и Гухман: они были либо меньшевиками, либо стояли на близких к ним позициях. Однако благодаря огромному личному влиянию Громана, первые три состава комиссии по Контрольным цифрам (на 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг.) по духу были меньшевистскими. Несмотря на огромный вклад Громана и Кондратьева в разработку в Госплане пятилетнего плана, в официальных документах их имена никогда не упоминались. Однако в Госплане, помимо Громана, Базарова и других сотрудников, разделявших взгляды меньшевиков, был также коммунист Струмилин. Он был первоклассным специалистом, но в профессионализме уступал Громану и Базарову. В Госплане также трудились еще несколько коммунистов, например, Мендельсон и Вайсберг, однако в профессиональном отношении они были на уровень ниже.

Среди беспартийных инженеров ГОЭЛРО меньшевиков не было. В 1921 г. они в основном перешли в Госплан, где продолжали работать в течение многих лет и играли достаточно важную роль. Меньшевики занимали ведущие позиции и в других организациях помимо ВСНХ и Госплана, например, в системе потребительской кооперации. Одним из ведущих преподавателей марксистской теории в системе высшего образования был Рубин, осужденный на процессе меньшевиков. Финн-Енотаевский, также осужденный на этом процессе, был извест-

¹ Вайсберг Р. Е. Десять лет нэпа и плановой системы // Плановое хозяйство. 1931. № 2–3. С. 12.

² Там же. С. 15.

ным преподавателем мировой экономики. Среди талантливых экономистов можно назвать также имена П. П. Маслова, меньшевика с большим стажем, а также близких к Громану Первушина, Фалькнера и других.

Неонародники фактически занимали доминирующее положение в Наркомземе и особенно в Земплане (отделе планирования Наркомзема РСФСР)¹. Экономическую сельского хозяйства практически целиком преподавали неонародники и их сторонники. В книге «Кондратьевщина» об их деятельности говорится следующее: «Всем известно, какую роль играли кондратьевцы в сельскохозяйственных учебных заведениях, например, в Москве „чаяновским“ называли Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики; большинство кафедр экономического факультета б. Тимирязевской сельскохозяйственной академии занимали кондратьевцы (Учение о рынках — Кондратьев и Жиркович, Планирование сельского хозяйства — Макаров, Организация сельского хозяйства — Чайнов, Районирование сельского хозяйства — Челинцев, Экономическая география — Рыбников, Агрономическая помощь — Фабрикант и др.) По учебникам Чайнова, Челинцева, Макарова и других обучались тысячи студентов и учащихся техникумов. Влияние кондратьевщины было велико, вредители использовали все возможности; создавая себе опорные пункты, пытались захватывать в свои руки командные высоты, они имели большое влияние на дело подготовки кадров и имели свои кадры. Известно, например, что Чайнов, читая лекции на повторных курсах Наркомзема для агрономов (по своей прежней работе в большинстве земские агрономы или управляющие имениями), пользовался большим успехом»².

¹ М. Краев высказывал сожаление, что «такое центральное звено Наркомзема, как Земплан, был в руках буржуазных реставраторов». См.: *Краев М. Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства* // Плановое хозяйство. 1931. № 1. С. 129.

² Кондратьевщина. С. 26–27. (В оригинале допущена неточность. Эту цитату см.: *Иванович К. Экономические основы и вредительская работа кондратьевщины* // Кондратьевщина и борьба за кадры. М.: Госиздат сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы, 1931. С. 26–27. — *Примеч. научн. ред.*) Еще один автор этого сборника высказывал сожаление, что Конъюнктурный институт был «сплошь наполнен кондратьевцами» (С. 33).

Конечно, нельзя сказать, что преобладающее положение неонародников и их сторонников наблюдалось буквально во всех государственных организациях, связанных с сельским хозяйством. Вишневский, видный специалист по сельскохозяйственному планированию, не был ни неонародником, ни меньшевиком, а разделял идеи Громана. Лосяцкий, занимавшийся вопросами потребления сельскохозяйственной продукции, был меньшевиком. Юровский, известный благодаря своей деятельности в области финансов, не был социалистом, но признал свою принадлежность к кондратьевской Трудовой крестьянской партии. Характерно, что в декабре 1930 г., на процессе Промпартии при рассмотрении финансовых вопросов воспользовались даже услугами Кутлера, который при царском режиме занимал должность министра финансов.

Стоит особо отметить, что практически никто их перечисленных здесь людей в царское время не находился на государственной службе, за исключением преподавательской деятельности. Громан и большая часть его сторонников, например Лосяцкий, Попов и многие другие, работали статистиками при земствах, что было типично для представителей демократически настроенной интеллигенции (земства были местными государственными органами, действующими повсеместно, за исключением больших городов). Гинзбург был свободным журналистом. Суханов тоже много времени посвящал журналистике. До революции, пожалуй, только Суханов занимался не преподавательской деятельностью, а находился на государственной службе, но и он работал в организации, которая по тем или иным причинам оставалась достаточно либеральной — в отделе статистики и экономики сельского хозяйства при Министерстве сельского хозяйства.

Глава 3. Период после НЭПа

В период после НЭПа началась ускоренная, полномасштабная насильственная коллективизация сельского хозяйства, которая привела к падению выпуска сельскохозяйственной продукции, вследствие чего от голода погибли миллионы людей. Кроме того, в этот период наблюдалось увеличение выпуска промыш-

ленной продукции, особенно выпуска продукции тяжелой промышленности. Однако качество произведенной продукции, производительность труда и производственные затраты совершенно не учитывались. Все это привело к такой дезорганизации экономики, что рост выпуска промышленной продукции прекратился. Для периода после НЭПа была характерна настоящая вакханалия практически невыполнимых планов. Во многих случаях выполнение плана подменялось фальсифицированными отчетами. И, наконец, это был период преследования всех тех, кто не был согласен с генеральной линией Сталина, в результате чего практически все представители оппозиции оказались в тюрьмах или в лагерях.

С позиций сегодняшнего дня мне кажется странным, что в то время, много лет назад, я не мог с уверенностью назвать время окончания НЭПа. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, проходившем в апреле 1928 г., в типично сталинском стиле было заявлено, что «злостная агитация кулачества, нэпманов и их подголосков об отмене нэпа, должна встретить решительный отпор со стороны партии»¹.

Понять, когда именно закончился НЭП, я смог, по-видимому, лишь после знакомства с опубликованной в 1943 г. книгой О. Ланге, который в то время был профессором Чикагского университета. Вполне вероятно, что Ланге, который был послом Польши в США после 1945 г., а впоследствии стал видным польским экономистом, еще находясь в Чикаго, имел доступ к неофициальной информации. Во всяком случае, он связывал окончание НЭПа с решениями XV съезда партии (2–19 декабря 1927 г.)². Конечно, почва для решений XV съезда партии была подготовлена различными резолюциями, заявлениями и конкретными мероприятиями, подлинный смысл которых проявился несколько позже. Однако, чем дольше занимаешься историей тех лет, тем яснее понимаешь, что предположение Ланге ближе всего к истине. По словам Валентинова, за несколько месяцев до XV съезда партии Громан предрекал, что на этом съезде с НЭПом будет покончено (см. главу 6)³.

¹ КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 377. — *Примеч. научн. ред.*

² *The Working Principles of the Soviet Economy*. New York, 1943. P. 16.

³ А. Цилига в книге *The Russian Enigma* (London, 1940. P. 94) утверждал, правда, без уточнения деталей, что 29 декабря 1929 г. Сталин сказал: «К черту

По поводу интересующих нас вопросов в резолюции XV съезда партии говорилось следующее: «XV съезд поручает ЦК продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации... XV съезд считает, что по отношению к элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»¹. Приоритетным направлением съезд назвал постепенное преобразование мелкого крестьянского производства в крупномасштабное социалистическое производство. В другой части резолюции содержалось решение продолжать всеми доступными средствами коллективизацию сельского хозяйства, включая разработку плана увеличения и укрепления колхозов и совхозов.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

XV съезд партии получил официальное название «съезд коллективизации». В документах, определявших политику развития сельского хозяйства, одна за другой появлялись все более жесткие политические установки, за которыми немедленно следовали конкретные мероприятия. Незадолго до окончания НЭПа главной задачей была «ликвидация кулака». Теперь в резолюции съезда говорилось о «наступлении на капиталистические элементы с целью их последующей ликвидации»².

Однако называть XV съезд «съездом коллективизации» было, наверное, несколько преждевременным. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК партии, проходившем 21–23 октября 1927 г., была дана установка на более энергичное наступление на «кулаков»,

НЭП». (Имеется в виду следующее высказывание: «Если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту». См.: Сталин. Т. 12. С. 171. — *Примеч. научн. ред.*) Однако в постановлении VI Съезда Советов от 12 марта 1931 г. текущий период характеризовался как последняя стадия НЭПа (Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957, т. II. М.: Госполитиздат, 1957. С. 248). Таким образом, согласно официальной точке зрения, НЭП существовал по крайней мере вплоть до начала 1931 г.

¹ КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 318.

² Ясный употребляет термин liquidation — ликвидация. Это неточно. В решениях XV съезда употребляются выражения: «хозяйственное вытеснение» и «настойчивое ограничение» (Там же. С. 318 и 334). — *Примеч. научн. ред.*

которая, по всей вероятности, действительно означала наступление не на все крестьянство в целом, а только на кулаков. Более того, решение XV съезда о переходе от мелких крестьянских хозяйств к крупному производству должно было осуществляться «постепенно». Даже в окончательном варианте первого пятилетнего плана, утвержденном больше чем через год после XV съезда партии, говорилось, что к 1932–33 гг. производство зерновой продукции подлежало коллективизации лишь в размере 11,2%. Планировалось, что по сельскому хозяйству в целом доля хозяйств, которые войдут в колхозы и совхозы, составит 15,8%¹.

Кампания по ускоренной полномасштабной коллективизации, открыто и широко использующая насильственные меры, началась за несколько дней до публикации статьи Сталина «Год великого перелома»². Появление в печати этой статьи 7 ноября 1929 г. можно считать началом кампании по сплошной коллективизации. Теперь кампания была направлена против всех крестьян-единоличников. Каждого крестьянина, отказавшегося вступить в колхоз, причисляли к кулакам, независимо от размера его хозяйства. Именно в это время Сталин сформулировал свой знаменитый призыв «ликвидировать кулака как класс»³. В течение нескольких месяцев более половины всех хозяйств были коллективизированы. Затем наступил период временного затишья. Это, однако, не означало, что партийное руководство отказалось от своих планов. Число коллективизированных крестьянских хозяйств (в тысячах) было следующим⁴:

1 июня 1928 г. — 417
 1 июня 1929 г. — 1 008
 1 мая 1930 г. — 5 998 *
 1 июля 1931 г. — 13 033

* В феврале 1930 г. эта величина составляла более 10 млн.

¹ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 1. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 138.

² Сталин. Т. 12. С. 118–135. — *Примеч. научн. ред.*

³ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1947. С. 290. (См. Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин. Т. 12. С. 169. — *Примеч. научн. ред.*)

⁴ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1934. С. 161.

После публикации в газете «Правда» от 2 марта 1930 г. циничной статьи Сталина «Головокружение от успехов» последовал относительно спокойный период¹. Через два месяца после выхода этой статьи процент коллективизированных хозяйств по Российской Федерации упал с 60 до 23,4%. Однако скоро цифры снова начали расти, правда, с меньшей скоростью. К 1 июня 1933 г. было коллективизировано 64,4% всех крестьянских хозяйств², хотя в первом пятилетнем плане планировалась коллективизация лишь 15,8% хозяйств.

За период после отмены НЭПа произошло резкое ухудшение ситуации, как в планировании, так и в функционировании сельского хозяйства. Проект первого пятилетнего плана, разрабатываемый Госпланом, был завершен весной 1929 г., т. е. еще в период НЭПа. В этом проекте предусматривался рост выпуска сельскохозяйственной продукции на 22,8% за период с 1925/26 до 1930/31 г.³ Таким образом, менее чем через два года после составления проекта первого Пятилетнего плана, утвержденного весной 1927 г., Госплан поставил задачу перед сельским хозяйством более чем вдвое увеличить запланированные цифры роста выпуска сельскохозяйственной продукции. В соответствии с первым пятилетним планом, в период между 1927/28 и 1932–33 гг. выпуск сельскохозяйственной продукции должен был увеличиться на 55%, производство зерновых должно было возрасти на 56%, а выпуск животноводческой продукции — на 54%⁴ (не считая естественного прироста поголовья скота на 50%). Ситуация в сельском хозяйстве в течение короткого периода менее двух лет, между утверждением пятилетнего

¹ Сталин. Т. 12. С. 191–199. — *Примеч. научн. ред.*

² Социалистическое строительство СССР. Стат. сборник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. С. 317.

³ Госплан СССР. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/7–1930/1 годы. М.: 1927. Таблицы. С. 3. (Далее — «Перспективы»). Общая величина для сельского хозяйства не включает лесное хозяйство, охоту и рыболовство. Целевые показатели для сельского хозяйства в пятилетнем плане Госплана, принятом весной 1927 г., фактически были перенесены в проект Гинзбурга. В соответствии с работой «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР 1927/28–1931/32» (М., 1927. С. 17), целью было увеличение на 23,3%. (Далее — «Материалы»).

⁴ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 1. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 133.

Таблица 3.1. Индекс выпуска продукции сельского хозяйства (1927=100)

Год	Общий валовой продукт	Зерновые	Животноводство
1927	100	100	100
1928	103	104	103
1929	100	102	96
1930	96	111	75
1931	94	111	69
1932	88	110	56
1933	83	107	50

Источник данных Ясный не приводит. — *Примеч. научн. ред.*

плана весной 1927 г. и его окончательным составлением, в действительности свидетельствовала о том, что понижение плановых заданий было бы более оправданным, чем их повышение. Ставить задачу повысить выпуск сельскохозяйственной продукции на 55 % за период с 1927/28 по 1932–33 гг. было совершенно нереальным с учетом существующих условий: сплошной коллективизации, очень незначительных капиталовложений в сельское хозяйство и т. д.

Вместо увеличения на 55 % за пятилетний период с 1927/28 по 1932–33 гг., что было предусмотрено утвержденным вариантом пятилетнего плана, общий выпуск сельскохозяйственной продукции снизился на 14 % в промежутке между 1928 г. и 1933 г.¹ Выпуск животноводческой продукции сократился на 48 %, вместо запланированного роста на 50–54 %. Это означало, что пятилетний план по этим показателям был выполнен чуть больше чем на одну треть.

В табл. 3.1 приведены показатели выпуска сельскохозяйственной продукции за интересующий нас период по годам. В 1928 г. в сельскохозяйственном производстве наблюдался не-

¹ Народное хозяйство СССР в 1958 г. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1959. С. 350.

значительный рост (3%). После утверждения первого пятилетнего плана в 1928 г. наблюдалось ежегодное снижение как общего выпуска сельскохозяйственной продукции, так и выпуска продукции животноводства, причем даже в большей степени.

Падение уровня выпуска сельскохозяйственной продукции и особенно резкое сокращение выпуска животноводческой продукции грозило катастрофой, особенно если учесть такие факторы, как стремительный рост городского населения, неравномерное распределение по районам спада производства и др. В последние годы первой пятилетки миллионы людей умерли от голода. Голод продолжался и в период второй пятилетки.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Если в развитии сельского хозяйства акцент делали на сплошной коллективизации, а выпуску сельскохозяйственной продукции уделялось второстепенное значение, то в промышленности первоочередной задачей была борьба за рост производства, а все остальное считалось не столь важным. Такое различие в подходах, *inter alia*¹, выражалось в увеличении плановых заданий. Хотя в период после окончания НЭПа увеличение планов по выпуску сельскохозяйственной продукции было весьма значительным, но и оно меркло по сравнению с ростом плановых заданий для промышленности.

Согласно проекту пятилетнего плана, составленному Госпланом весной 1927 г., перед крупной государственной промышленностью стояла задача увеличить выпуск продукции на 79%². В соответствии с проектом пятилетнего плана ВСНХ, составленного Гинзбургом, в отраслях промышленности, находящихся в ведении ВСНХ, рост промышленного производства должен был составить 82,1%³. В оптимальном варианте первого пятилетнего плана для тех же отраслей промышленности было вы-

¹ Между прочим (лат.) — *Примеч. научн. ред.*

² Перспективы... Раздел таблиц. С. 3.

³ Материалы. С. 403. Разница в показателях проектов первого пятилетнего плана, составленных Госпланом и ВСНХ в 1927 г., была незначительной. Цитируемые проекты были для каждой организации вторыми. В первых вариантах, которые мы здесь не рассматриваем, планируемый рост был еще ниже, чем приведенные здесь показатели.

двинуто требование повысить рост промышленного производства уже на 179%, т. е. за промежуток времени меньше двух лет между составлением первого и окончательного вариантов плана запланированные цифры по росту промышленного производства выросли более чем вдвое. Вскоре после принятия пятилетнего плана, в резолюции XVI съезда партии (июнь-июль 1930 г.) для некоторых наиболее важных отраслей промышленности был предусмотрен дальнейший рост промышленного производства¹. Достойным завершением этой ничем не сдерживаемой вакханалии планирования стало решение VI съезда Советов (8–18 марта 1931 г.): утвержденные плановые задания пятилетнего плана надлежало выполнить за четыре года, а для особо важных отраслей промышленности отводился срок три года². Таким образом, цифры в заданиях двух пятилетних планов, составленных в первой половине 1927 г., были увеличены более чем вдвое, а в некоторых случаях почти утроены.

До сих пор мы рассматривали плановые задания для крупной государственной промышленности в целом или для отраслей промышленности, находившихся в ведении ВСНХ, т. е. для той категории промышленных предприятий, в которых предусматривался наибольший рост производства. Информация именно об этих предприятиях занимала в те годы первые страницы официальных статистических отчетов. Приводилось гораздо меньше данных по выпуску промышленности в целом и по выпуску крупной промышленности. Меньше всего сведений имелось по выпуску мелкой промышленности.

Что касается статистики по выпуску мелкой промышленности, то это особая история, о которой стоит сказать несколько слов. В 1927 г. статистические отчеты еще соответствовали действительности, поэтому оба пятилетних плана, составленные Госпланом и ВСНХ и утвержденные в 1927 г., содержали некоторые данные по мелкой промышленности. Однако в первом пятилетнем плане данные по выпуску мелкой промышленности отсутствуют, хотя в целом сам план был гораздо более подробным, чем его проект, разработанный Госпланом в 1927 г. Начиная с 1929 г., информация по выпуску мелкой промышленности

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. II. М.: Госполитиздат, 1957. С. 192–196.

² Там же. С. 248.

отсутствует и в большинстве статистических сборников¹. Конечно, если имеются данные как для промышленной продукции в целом, так и для продукции крупной промышленности, то цифры для мелкой промышленности можно получить методом простого вычитания². В официальной статистике, издаваемой после 1928 г., приводимые данные уже были фальсифицированными.

В табл. 3.2 приведены цифры плановых заданий по выпуску промышленности в целом и по выпуску крупной промышленности, взятые из рассмотренных выше вариантов пятилетних планов.

Таблица 3.2. Темпы роста в различных проектах первого пятилетнего плана, %

Вся промышленность	
Проект Гинзбурга, с 1927/28 до 1931/32 ^а	73,0
Госплан, весна 1927, с 1926/27 по 1930/31 ^б	70,4
Госплан, пятилетний план, оптимальный вариант, с 1927/28 по 1932/33 ^в	136
Крупная промышленность	
Проект Гинзбурга, с 1927/28 до 1931/32 ^г	82,1
Госплан, весна 1927, с 1926/27 по 1930/31 ^д	76,7
Госплан, пятилетний план, оптимальный вариант, с 1927/28 по 1932/33 ^е	164

Источники:

^а ВСНХ, Материалы... С. 17.

^б Госплан, Перспективы... Раздел таблиц. С. 3.

^в Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 1. С. 131.

^г ВСНХ, Материалы... Раздел таблиц. С. 403 (крупная промышленность, управляемая ВСНХ).

^д Госплан, Перспективы... С. 23.

¹ См. напр.: Народное хозяйство СССР в 1957 г. Стат. справочник. М., 1957. Та же картина в справочнике за 1964 г.

² Книга «Промышленность СССР. Статистический сборник» (М.: Статистика, 1964) не содержит данных даже для крупной промышленности.

Как уже говорилось, в рассматриваемый период исчезло само понятие «мелкая промышленность», однако данные для этой отрасли можно получить вычитанием показателей выпуска крупной промышленности из показателей выпуска промышленности в целом. После таких расчетов данные для запланированного выпуска мелкой промышленности (в процентном соотношении к выпуску за последний год перед принятием плана) выглядят следующим образом:

Таблица 3.3

Проект Гинзбурга, с 1927/28 до 1931/32 ^а	29,2
Госплан, весна 1927, с 1926/27 по 1930/31 ^б	36,2
Госплан, пятилетний план, оптимальный вариант, с 1927/28 по 1932/33 ^в	50,0

Источники:

^а ВСНХ, Материалы... Раздел таблиц. С. 698.

^б Госплан, Перспективы... С. 23.

^в Подразумевается по данным книги «Пятилетний план» (т. 1. С. 131). Цифра 50% была приведена в английском издании текста пятилетнего плана (The Soviets Look Ahead. The Five-Year Plan for Economic Development. New York, 1929. P. 231–233). Однако эта небольшая книга представляет собой сокращенный вариант трех томов плана, изданных в СССР.

Отсутствие упоминаний о мелкой промышленности частично можно объяснить меньшим количеством доступных данных и их меньшим соответствием реальности. Однако это не единственная причина. Плановые задания для мелкой промышленности были самыми низкими, поэтому лучше было не привлекать к ним большого внимания.

ФАКТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Обратимся теперь к проблеме выполнения плана. В имеющей отношение к этому вопросу резолюции совместного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) от 10 января 1933 г. говорилось следующее: «Выполнение пятилетки не в пять лет, а в четыре года (точнее, в четыре года и три месяца), есть факт наиболее выдающийся

в современной истории»¹. Конечно, это, а также многие другие заявления того времени делались без малейшей увязки с реальностью.

Согласно официальным статистическим источникам, за четыре года, с 1928 по 1932 г., выпуск промышленности вырос на 101% (по промышленности в целом) и на 132% (по крупной промышленности). В это же время выпуск мелкой промышленности сократился на 2%². Для сравнения: планировалось увеличить рост производства на 136% по промышленности в целом, на 164% по крупной и на 50% по мелкой промышленности.

Показатели роста промышленного производства, публикуемые в регулярно издаваемых официальных статистических отчетах, намного отставали от показателей плановых заданий. Даже если к этим цифрам добавить показатели за весь 1933 г., то статистика покажет рост производства на 114% по промышленности в целом и на 151% по крупной промышленности, а согласно пятилетнему плану, ожидался рост производства на 136% в целом по промышленности и на 164% по крупной. Наибольшим оставалось расхождение между показателями плана и реальным выполнением плана в мелкой промышленности. Хотя расхождения между плановыми заданиями и выполнением плана, обнаруженные в официальных статистических отчетах, были довольно большими, сравнение плановых заданий с фактическим выполнением плана обнаруживает гораздо более серьезные расхождения.

Наттер предлагает семь отдельных индексов выпуска советской промышленности³. Ни один из них даже близко не приближается к официальным плановым заданиям. Сетон дает самый высокий индекс скорости роста по промышленности в целом в 1928–1932 гг. — 81%. Однако этот показатель получен в виде регрессии от моделей роста, построенных не для СССР, а для

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. II. М.: Госполитиздат, 1957. С. 363.

² Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1957. С. 31. Те же показатели повторены в книге «Народное хозяйство СССР в 1958 г.» (С. 135). Показатели для мелкой промышленности определены исходя из общих величин для промышленности и данных по крупной промышленности.

³ *Nutter W.* The Growth of Industrial Production in the USSR. Princeton, N. J., 1962. P. 158.

других стран и, следовательно, строго говоря, не релевантный. Другие предложенные показатели имеют мало различий. Для наших целей достаточно обсудить индексы Ходжмана и Наттера. На первый взгляд, они существенно отличаются друг от друга, но это полностью объясняется различием в подходах.

Согласно Ходжману, выпуск крупной промышленности с 1927/28 по 1932 г. вырос на 72%. Индекс Ходжмана для этого периода, который в официальных источниках считается пятилеткой, практически соответствует плановым заданиям, поставленным в пятилетнем плане 1927 г., но почти вдвое меньше показателей, запланированных в окончательном варианте плана. Они будут еще меньше, если учесть увеличение показателей этого пятилетнего плана в 1930 и 1931 гг.¹ Подсчеты Наттера обнаруживают рост выпуска на 40% в целом по промышленности в период с 1928 по 1932 г.² Наттер приводит годовые показатели темпов роста, которые составили 44% в 1928–1929 гг. и 53% в 1928–1933 гг. (табл. 53 в его книге).

Гораздо важнее обсудить факторы, обуславливающие расхождение в оценках Ходжмана и Наттера, чем различия в их подсчетах. Как уже отмечалось, главным фактором стал существенный спад производства в области мелкой промышленности. Обсуждая период двух первых пятилетних планов, Наттер (с. 187 и далее) совершенно оправданно выделяет раздел «Исчезновение мелкой промышленности». В своей работе Наттер использует данные по мелкой промышленности, приведенные А. Кауфманом, согласно которым выпуск мелкой промышленности в 1933 г. составил лишь 37% от выпуска 1927/28 г.³

Необходимо признать важный вклад Кауфмана, выполнившего в своем исследовании мелкой промышленности невероятную сложную задачу. Даже для более раннего периода (с 1913 по 1928/29 г.) статистических данных было очень мало, а для

¹ Процент роста за период с 1927–1928 до 1932 г., о котором пишет Дональд Ходжман (*Soviet Industrial Production*, Cambridge, Mass., 1954), мог бы полностью соответствовать плановым заданиям, сформулированным на 1927 г., или даже несколько превышать их, если сделать поправку на то, что плановые задания в пятилетнем плане 1927 г. определялись на период пять лет.

² *Nutter W.* Op. cit. P. 158.

³ *Kaufman A.* *Small-Scale Industry in the Soviet Union*. New York: National Bureau of Economic Research, 1962. P. 54.

начала 1930-х годов, наиболее важного периода в истории советской промышленности, ситуация в статистике была просто плачевной. Кауфман пишет (с. 53): «Данные по выпуску промышленности, с которыми приходится работать, мягко говоря, очень неполны по многим важным вопросам». Он приводит список, состоящий не менее чем из 96 различных источников (с. 92–95), однако, по его словам, «в них не охвачены некоторые важные виды деятельности в области мелкой промышленности, такие как, например, индивидуальный пошив мужской и женской одежды. Причиной этого является невозможность измерить фактический выпуск такой продукции». Но даже в тех случаях, когда Кауфману удается найти статистические данные по выпуску отдельных видов продукции мелкой промышленности, с некоторыми его оценками трудно согласиться. Например, для улова рыбы предприятиями мелкой промышленности приводятся следующие цифры (с. 84): улов рыбы в 1933 г. составил 1,5 % от улова в 1927/28 г., т.е. практически упал до нуля. Мясозаготовки, по его оценкам, в 1933 г. составили 1,6 % от уровня 1927/28 г. В последнем случае показатели оказались столь низкими в связи с тем, что при расчетах учитывались лишь данные для государственной промышленности (с. 83).

Кауфман объективно оценивал результаты своего исследования и надеялся, что рассчитанный им индекс можно считать, по крайней мере, более или менее корректным (с. 59). Действительно, даже самые грубые ошибки не умаляют огромной ценности проведенного им анализа и полученных результатов. Предположим, что приведенный им индекс снижения выпуска мелкой промышленности на 63 % за период с 1927/28 г. по 1933 г. нуждался в корректировке. Допустим, что его нужно было бы понизить, скажем, на 50 %. Тогда снижение выпуска равнялось бы приблизительно 45 %. Но и в этом случае данный индекс представлял бы ценную информацию о весьма существенном спаде производства в тот период.

Данные Кауфмана показывают, что основной, хотя и не единственной причиной столь значительного спада в производстве мелкой промышленности была нехватка сырья, вследствие чего возможные объемы выпуска продукции так и не были достигнуты. Напомним, что, по подсчетам Кауфмана (с. 54), в период с 1927/28 г. по 1933 г. выпуск крупной промышленности увеличился на 74 %. Используя цифры, подсчитанные для выпуска

мелкой промышленности за тот же период (спад на 63%), Кауфман получает темпы роста выпуска по промышленности в целом (37%). Если его показатели по крупной промышленности лишь немного ниже плановых заданий Гинзбурга, то показатели роста по промышленности в целом отстают от расчетов Гинзбурга уже на значительную величину.

На самом деле, расчеты Кауфмана вряд ли нуждаются в серьезном пересмотре, а мелкие уточнения не столь существенны для ситуации, когда плановые задания и статистика их выполнения расходятся в такой степени, как это было в тот период.

ДАННЫЕ О ЕЖЕГОДНОМ ВЫПУСКЕ

О полной дезорганизации экономики свидетельствует огромное различие между моделью ежегодных изменений в выпуске промышленности, предусмотренной в проекте пятилетнего плана, и данными о фактических изменениях. Задания по планируемому промышленному выпуску, сформулированные в первой половине 1927 г. в проекте пятилетнего плана и в утвержденном пятилетнем плане, приведены в табл. 3.4, а реальные изменения суммированы в табл. 3.5.

Поскольку рост выпуска промышленности прогнозировался еще в 1928 г., темпы роста планировались на основе теории затухающих темпов роста. Так, в 1927/28 и 1928/29 гг. предусматривались более медленные темпы роста, чем в предшествующие годы. Согласно «Контрольным цифрам народного хозяйства СССР на 1927/28 год», рост выпуска крупной промышленности в 1926/27 г. составил 15,1% (с. 464–465)¹. Плановое задание на 1927/28, сформулированное в «Контрольных цифрах», предполагало рост выпуска на 14,1%. При этом официально признавалось, что выполнение такого задания потребует огромных усилий (с. 11). По этой причине в задании на 1928/29 г. по увеличению темпов роста выпуска крупной промышленности были запланированы более низкие показатели, чем достигнутые

¹ В Контрольных цифрах выделялась ценовая (крупная) и мелкая промышленность. Ценовая промышленность включала предприятия определенного цента, т.е. размера. В рассматриваемый период к ценовым относились промышленные предприятия с числом рабочих не менее 16 при наличии механического двигателя и не менее 30 рабочих без наличия двигателя (в отдельных отраслях были свои критерии размера). — *Примеч. научн. ред.*

Таблица 3.4. Плановые показатели прироста выпуска крупной промышленности, %

Год	Перспективы, весна 1927	Проект ВСНХ, середина 1927	Принятый пятилетний план
1926/27	19,1	—	—
1927/28	13,2	16,3	—
1928/29	10,6	13,1	21,4
1929/30	9,9	13,7	21,5
1930/31	9,2	10,5	22,1
1931/32	—	10,0	23,2
1932/33	—	—	25,2
1925/26 к 1930/31	79,5	—	—
1926/27 к 1931/32	—	82,0	—
1927/28 к 1932/33	—	—	179

Источник: *Jasny N. Soviet Industrialization*. P. 57.

в 1927/28 г.¹ Затем началась вакханалия планирования, и в планах была сформулирована сложнейшая задача: увеличить выпуск крупной промышленности в 1929/30 г. на 32,1%².

Таким образом, по всей вероятности, в период с 1926/27 г. по 1929/30 г. включительно происходило определенное увеличение темпов роста промышленности. Затем снижение темпов роста наблюдалось в 1931 г., а в 1932 г. темпы роста выпуска промышленности резко упали. Можно назвать две главные причины, по которым экономика стала развиваться иначе, чем было предусмотрено в проекте пятилетнего плана, составленного в первой половине 1927 г. Первой причиной был эффект «затухающей кривой темпов роста».

¹ На 1928/29 г. было запланировано 17% (см.: *Гринько Г. Ф.* О контрольных цифрах на 1928/29 г. // *Плановое хозяйство*. 1928. № 9. С. 18. В статье говорилось о всей промышленности. — *Примеч. научн. ред.*). Предварительные данные о выполнении плана в 1927/28 г. дают рост на 23,5% (Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 год. М.: *Плановое хозяйство*, 1929. С. 422–423).

² Там же. С. 423.

Таблица 3.5. Оценка фактического прироста выпуска промышленной продукции, %

Год	Официальные данные ^а	Крупная промышленность ^б	Вся промышленность ^в
1928	19	нет данных	нет данных
1929	20	20 (1928/29)	14
1930	22	16 (1929/30)	15
1931	20	18 ^г	7
1932	15	5	1
1933 ^д	5	12	6
1928–1932	101	72 (1927/28 до 1932)	42
1927–1933	114	92 (1927/28 до 1933)	51

Источник:

^а Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1957, с. 34,31.

^б *Hodgman D. Soviet Industrial Production.* P. 89.

^в *Nutter W. Growth of Industrial Production.* P. 196.

^г Год и квартал (Имеется в виду, что 20 сентября 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О переносе начала хозяйственного года с 1 октября на 1 января». — *Примеч. научн. ред.*).

^д По мнению Раймонда Поуэлла, в 1933 г. в промышленности произошло снижение выпуска продукции. (См. его статью в: *Bergson A., Kuznets S. (eds.). Economic Trends in the Soviet Union.* Cambridge, Mass. 1963. P. 187).

С понятием «затухающая кривая» связана отдельная история. Как было показано в главе 2, в период НЭПа идея затухающей кривой принималась всеми, включая партийное руководство. Вскоре после окончания НЭПа (до начала процесса меньшевиков) разработка теории «затухающей кривой» попала в список преступлений, инкриминируемых Базарову, Громану и Гинзбургу¹. И. Гладков в работе «К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана» уже мог позволить себе написать, что «троцкистско-правоуклонистская теория потухающей кривой» была разгромлена². Таким образом, если из-

¹ См. напр.: *Рагольский М. О вредительской теории планирования Громана-Базарова*// *Плановое хозяйство.* 1930. № 10–11. С. 82–83 и 92.

² *Плановое хозяйство.* 1935. № 4. С. 139.

начально в этой теории ничего предосудительного не видели, то позднее ее начали использовать для обвинения тех, кого хотели подвергнуть гонениям. Когда в 1935 г. Гладков опубликовал свою работу, Громан и его сторонники уже не представляли интереса в качестве достойных мишеней. К этому времени объектами для нападок стали троцкисты и бухаринцы, т. е. правые коммунисты, а процессы 1936–1938 гг. были уже не за горами.

Однако вернемся к темпам роста выпуска промышленности в период после отмены НЭПа. Как уже было показано, в 1927/1928 г. выпуск промышленности не понизился, как прогнозировали составители плана, а значительно вырос. Еще до завершения финансового года Базаров частично разъяснил эту ситуацию. Вопреки его ожиданиям, влияние кривой отчетливо проявилось не после того, когда был достигнут довоенный уровень *выпуска* промышленности, а когда в условиях национализированной промышленности был превышен довоенный уровень *мощностей* промышленности. По словам Базарова, уровень мощностей промышленности превышал уровень выпуска на 20–30%¹. Как представлялось, отложенное воздействие кривой должно было предотвратить падение темпов роста выпуска промышленности в течение какого-то времени после 1927/28 г. Однако предположительно, действие кривой не могло привести к увеличению темпов роста.

Как уже отмечалось, согласно «Контрольным цифрам на 1927/28 год», плановые задания по росту выпуска крупной промышленности на 1927/28 г. были несколько ниже показателей за 1926/27 г. Даже эти более низкие планы были объявлены впечатляющими, великими, трудными для достижения и т.д. Однако поставленные в плане задачи не должны были выполняться в ущерб факторам качества (качества произведенной продукции, производительности труда, производственных затрат). Эта мысль настойчиво подчеркивалась в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927/28 год». В сводном обзоре этой работы говорилось: «Качественный рост обобществленного сектора является центральной идеей народнохозяйственного плана предстоящего года»². На с. 28 сводного обзора та же мысль была выражена

¹ Подробнее см. главу 7, с. 200–201.

² Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927–1928 год. М.: Плановое хозяйство, 1928. С. 13.

более отчетливо: «Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что для предстоящего года неизмеримо важнее запроектированных количественных сдвигов в соотношении социальных секторов является решение труднейшей задачи по повышению качества работы всего социалистического сектора».

В действительности, если в «Контрольных цифрах на 1927/1928 год» и делался акцент на факторы качества, то на практике наблюдалась борьба за выпуск, полностью пренебрегавшая этими факторами. В течение какого-то времени это невнимание к факторам качества, по-видимому, позволяло достичь определенного ускорения роста выпуска промышленности. Однако за это ускорение приходилось платить все большей дезорганизацией промышленности. К 1932 г. экономическая система практически развалилась. Зимой 1932/1933 гг. показатели выпуска промышленности были существенно ниже, чем в 1931–1932 гг.¹

Уже в 1929/30 г. экономика была в значительной степени парализована. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что за два с четвертью года, начиная с 1929/30 г. по 1932 г., выпуск стали увеличился лишь на 2,9%, а выпуск проката даже снизился на 4,8%. Несмотря на это, Сталин 7 ноября 1929 г. в своей речи «Год великого перелома» заявил: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации... Мы станем страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации»².

Несколько слов надо сказать по поводу строительных материалов. За три года (1930–1933) производство строительной древесины увеличилось на 1,5%, а выпуск кирпича и цемента упал

¹ Об усилении дезорганизации также можно судить по данным о трудовых ресурсах. В крупной промышленности происходил незначительный рост трудовых ресурсов (в среднем на 6,4%) в 1926/27 и 1927/28 гг. (Контрольные цифры... на 1929–30 г. С. 487). Рост трудовых ресурсов за 1928/29 г., составивший 8,7%, также можно считать незначительным. Однако в дальнейшем в крупной промышленности произошел скачок в количестве трудовых ресурсов на 26,6% в 1930 г. и на 28,8% в 1931 г. Поскольку рост выпуска был ниже этих величин (даже если при подсчетах пренебречь ухудшением качества производимой продукции), необходимо признать факт значительного снижения производительности труда. В 1932 г. было невозможно достичь какого-нибудь увеличения выпуска, независимо, подчеркнем еще раз, от снижения качества продукции. Но все же трудовые ресурсы увеличились на 21,6% (Социалистическое строительство. Стат. ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. С. 508–509).

² Сталин. Т. 12. С. 135.

на 20% и 9,9% соответственно¹. В период первой пятилетки «собственная индустриальная база реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства»² создавалась, скорее всего, при почти постоянной нехватке строительных материалов.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ

Задания пятилетнего плана по выпуску промышленности в целом были значительно невыполнены. При этом наблюдались существенные различия в темпах роста по двум категориям промышленных товаров. Темпы роста выпуска промышленных товаров отставали от плановых заданий в меньшей степени, чем по промышленности в целом. В то же время невыполнение гораздо более низких заданий по темпам роста выпуска потребительских товаров было более масштабным (см. табл. 3.6).

Даже завышенные официальные цифры фактического роста выпуска средств производства сильно отставали от плановых заданий. Что же касается выпуска товаров народного потребления, то в этой области не произошло практически никакого увеличения выпуска. По данным Наттера, увеличение выпуска этой категории товаров, запланированное на 103%, фактически составило лишь 3%³.

Таблица 3.6. Официальные показатели прироста в первом пятилетнем плане

	Задачи за период с 1927/28 до 1932/33 ^а	Выполнение за период с 1928 по 1933 ^б
Вся промышленность	136	113
Средства производства	204	190
Предметы потребления	103	63

Источники: ^а Первый пятилетний план... Т. 1. С. 131.

^б Народное хозяйство СССР в 1958 г. ... С. 136.

¹ Народное хозяйство СССР в 1958 году. М.: Статистика, 1959. С. 251, 264 и 259.

² Резолюция Объединенного пленума ЦК и ЦК ВКП (б) 7–12 января 1933 г. «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 года — первого года второй пятилетки» // КПСС в резолюциях. Ч. II. С. 718.

³ Nutter W. Growth of Industrial Production. P. 193.

Так, потребление хлопка текстильной промышленностью за четыре с четвертью года, с 1928 г. по 1933 г., увеличилось всего на 6,6%¹. Если учесть серьезное ухудшение качества промышленной продукции в целом, то показатели выпуска продукции текстильной промышленности за этот период в действительности должны означать падение. Наттер (с. 197) приводит данные об уменьшении на 7% объема выпуска текстильной и сопутствующей продукции. Этот показатель не противоречит нашим рассуждениям.

Естественно, полное отсутствие роста выпуска товаров народного потребления в течение пятилетки было настоящей трагедией, поскольку в те годы наблюдался огромный прирост городского населения².

Таким образом, задания пятилетнего плана, предусмотренные в 1927 г., были значительно невыполнены, хотя они были существенно ниже заданий пятилетнего плана, принятого в 1928 г. Также имеются свидетельства, что в 1931 и 1932 гг. серьезно снизилось качество промышленной продукции, упала производительность труда и значительно увеличились производственные затраты. Такое состояние экономики привело к трагическим последствиям в непродуманной сфере, например, к высокой смертности населения. Подводя итоги, необходимо отметить, что скромные показатели выпуска промышленности (гораздо более скромные, чем могли бы быть, если бы период НЭПа продолжился и после 1927 г.) были получены ценой невероятных потерь и жертв.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ

Данные по транспорту показывают, что в этой области влияние «затухающей кривой» проявилось лишь спустя три календарных года. Эти данные также отчетливо свидетельствуют о том, что в период первой пятилетки наблюдалось не только воздействие «затухающей кривой», но и факторов, которые фактически превратили ее в прямую линию. Только полный крах экономиче-

¹ Социалистическое строительство СССР. Стат. сборник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. С. 242.

² По данным Уоррена Исона, городское население СССР увеличилось с 27,6 млн в январе 1928 г. до 41 млн в январе 1934 г. (См.: Bergson, Kuznets (eds.). *Economic Trends...* P. 72–73).

Таблица 3.7. Годовой прирост железнодорожных грузовых перевозок, %

Год	Тонно-километры	Тонны
1926/27 ^a	19	17
1927/28 ^a	18	11
1929	21,0	20
1930	18,6	27
1931	13,6	8
1932	11,3	8
1933	0,1	0,4
1928–1933	81,5	71

Источник: Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/1930 год... С. 438–439; *Hunter H. Soviet Transportation Policies.* Cambridge, Mass. 1957. P. 316, 331.

^a финансовый год

ской системы мог привести к таким показателям по железнодорожному транспорту, которые приведены в табл. 3.7.

К 1933 г. рост железнодорожных перевозок прекратился.

Цены

Катастрофа, которой завершился период первого пятилетнего плана, *inter alia*, отчетливо проявилась в ценообразовании. Работа Малафеева «История ценообразования», хотя и не лишена некоторых недостатков, содержит весьма показательные данные по этому вопросу. В ней показано, что в течение всего периода первого пятилетнего плана и особенно в последние два года пятилетки наблюдались огромный рост цен на товары народного потребления и резкое падение размеров поставок этих товаров в сеть розничной торговли. Эти данные особенно впечатляют, если рассматривать их в расчете на душу городского населения. Согласно Малафееву, продажи продуктов питания через государственную розничную торговлю сократились с 7367 млн руб. в 1930 г. до 5538 млн руб. в 1932 г.¹ На протяже-

¹ Малафеев А. Н. История ценообразования... С. 172.

нии всей пятилетки продажи розничной продукции, исключая продукты питания, росли, но их рост составил всего 1,5%. Но одновременно цены¹ на обе категории товаров увеличились на 62,4% в период между 1930 г. и первой половиной 1932 г.² Это означало, что за два года, с 1930 г. по 1932 г., фактический объем государственной торговли сократился больше чем вполтину.

За этот же короткий период цены на частных рынках выросли на 233%. Уже в 1931 г. в частной торговле рост цен на розничную продукцию был достаточно высоким. В период с 1927/28 г. по 1930 г. рост цен составил 131%, а в период с 1927/28 г. до первой половины 1932 г. наблюдалось почти восьмикратное увеличение цен. Следующий существенный скачок цен на розничные товары пришелся на вторую половину 1932 г.³

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопрос о том, «был ли необходим сталинизм»⁴, продолжает оставаться актуальным и сегодня. В последние годы этот во-

¹ Текущие цены, не индексные величины.

² Малафеев А. Н. Указ. соч. С. 402.

³ Это ясно демонстрируют данные, приведенные Малафеевым (С. 402). Если принять цены 1927/28 г. за 100, то индексы розничных цен в первой половине 1932 г. составили:

общественный сектор	—	176,6;
частный сектор	—	760,3;
общий индекс	—	251,8.

Если принять цены 1928 г. за 100, то индекс розничных цен в государственной и кооперативной торговле в 1932 г. составил 255 (Там же. С. 407). Таким образом, рост розничных цен в общественном секторе во второй половине 1932 г. был настолько велик, что если при анализе учесть данные за вторую половину 1932 г., то индекс роста цен в общественном и частном секторе применим для характеристики отдельно взятого общественного сектора.

То, что Малафеев не указывает на рост цен во второй половине 1932 г., не вполне соответствует научным стандартам. (Возможно, А. Н. Малафеев не акцентировал этот факт по цензурным соображениям. — *Примеч. науч. ред.*)

⁴ Имеется в виду вопрос о том, можно ли было проводить индустриализацию страны, которая была действительно необходима, другим способом, чем это сделал Сталин. Формулировку вопроса обычно связывают с названием книги Алека Ноува (*Nove A. Was Stalin Really Necessary? Some Problems of Soviet Political Economy*. L., George Allen & Unwin, 1964). — *Примеч. научн. ред.*

прос поднимается все чаще. Если говорить о периоде первого пятилетнего плана, то необходимо признать, что сталинизм нанес серьезный урон советской экономике, и здесь можно ставить вопрос только о величине этого урона. Выпуск промышленности не увеличился даже на величины, предусмотренные пятилетним планом 1927 г., т. е. планом, составленным в период НЭПа, который еще тогда подвергался серьезной критике за низкие плановые задания. Кроме этого, качество произведенной продукции и производительность труда резко упали, производственные затраты увеличились, а выпуск сельскохозяйственной продукции понизился. Ситуация ухудшалась с каждым годом, и рассматриваемый период завершился катастрофой. К этому списку можно также добавить ухудшение морального климата в стране.

«Большие чистки» конца 1930-х годов весьма негативно повлияли на экономическое развитие, причем не только в 1937–1938 гг., т. е. непосредственно во время самих процессов. Отдаленные последствия устранения самых опытных директоров, инженеров и технического персонала ощущались еще многие годы спустя. Физическое уничтожение выдающихся военачальников и огромного количества офицеров среднего ранга, а также моральное разложение низшего воинского состава значительно ухудшили готовность Советского Союза ко Второй мировой войне. Этот факт признает даже И. Дейчер в своей книге «Сталин»¹.

Оппозиция

Завершение НЭПа породило массу поводов для критики. Критических замечаний возникало все больше, и они становились все более серьезными. Одновременно с этим еще быстрее стала исчезать возможность публично высказать те или иные критические замечания. Очень скоро критика была полностью запрещена.

Вскоре давление властей стало невыносимым. Неонародники начали складывать оружие еще во второй половине 1928 г. К концу 1929 г., когда сдал свои позиции Макаров, все вид-

¹ См.: *Deutscher I. Stalin: A Political Biography.* New York and London: Oxford University Press, 1949. — *Примеч. научн. ред.*

ные неонародники (Чаянов, Челинцев, Кондратьев, Вайнштейн и, возможно, еще некоторые другие) согласились со сталинской генеральной линией и тем самым признали свое поражение.

После окончания периода НЭПа борьбу продолжили, как минимум, несколько меньшевиков, и среди них Громан и Суханов. Последним из известных мне выступлений оппозиции было письмо Громана к Рыкову, написанное 10 октября 1929 г. (см. главу 6). Незадолго до этого Суханов принял участие в дискуссии по докладу Л. Н. Крицмана «Анализ крестьянского двора», причем выступил там с весьма критических позиций¹.

Существует очень простой и вместе с тем верный способ понять, как долго меньшевикам было позволено выступать в печати с собственной точкой зрения: для этого нужно выяснить, насколько регулярно появлялись публикации того или иного меньшевика в журнале «Плановое хозяйство». В те годы список авторов этого журнала был достаточно длинным. Но в выпуске «Планового хозяйства» № 7–8 за 1930 г. в списке авторов уже не осталось ни одного человека, кого можно было бы заподозрить в нежелании признать генеральную линию партии, т. е. генеральную линию Сталина. Имена тех, кого я упоминаю в этой работе, исчезали из «Планового хозяйства», начиная с № 2 за 1930 г., в следующем порядке:

Вишневский	(№ 3 за 1930 г.)
Штерн	(№ 3 за 1930 г.)
Громан	(№ 3 за 1930 г.)
Базаров	(№ 5 за 1930 г.)
Гухман	(№ 6 за 1930 г.)
Первушин	(№ 6 за 1930 г.)
Гинзбург	(№ 7–8 за 1930 г.)
Кафенгауз	(№ 7–8 за 1930 г.)
Фалькнер	(№ 7–8 за 1930 г.)

Возможно, имя Штерна было вычеркнуто из списка в связи с его смертью². В случае же с остальными, их имена были вы-

¹ См.: На аграрном фронте. 1929. №. 6–7. С. 101–102.

² Это произошло в апреле 1930 г. — *Примеч. научн. ред.*

черкнуты из списка авторов по понятным причинам¹. На самом деле, исключение из списков происходило не мгновенно. По-видимому, далеко не каждый редактор «Планового хозяйства» испытывал должную степень враждебности к представителям оппозиции.

Единственным досадным поступком, совершенным если не меньшевиком, то человеком, сочувствующим меньшевикам, было выступление Базарова на конференции, посвященной генеральному плану, которая состоялась в 1930 г., незадолго до ареста Базарова. Но даже это выступление Базарова было гораздо меньшим компромиссом с официальной точкой зрения по сравнению с заявлениями неонародников.

Трудно объяснить, почему неонародники сложили оружие до того, как начались их аресты, а в некоторых случаях даже намного раньше. Я могу объяснить это только тем, что Громан, Базаров, Гинзбург и, возможно, некоторые другие еще задолго до революции испытали на себе тяготы тюремного заключения, поэтому аресты не вызывали у них такого ужаса. Большинство неонародников были еще слишком молоды, чтобы при царском режиме оказаться в тюрьме. В любом случае, в целом они занимали гораздо более умеренную позицию, чем меньшевики.

Другая причина в том, что аресты неонародников начались раньше, чем аресты меньшевиков. В течение некоторого времени никто не сомневался, что состоится открытый процесс по делу неонародников, к которому будут привлечены лишь несколько меньшевиков. Подчеркнем еще раз, что так и осталось непонятным, почему этого не случилось. Можно лишь предположить, что в конце 1929 г. и в начале 1930 г., т. е. в разгар сплошной коллективизации, неонародники могли вызывать больше опасений у властей, чем меньшевики, поскольку они были специалистами по сельскому хозяйству. К середине 1930 г. дезорганизация экономики достигла такой степени, что пристальное внимание властей начали привлекать вопросы, но-

¹ Невозможно проверить, происходили ли аналогичные процессы в других журналах, поскольку их выпуск был прекращен до начала активного преследования нежелательных авторов. Так, журнал «Экономическая жизнь» перестал выходить после марта (1930 г. — *Примеч. научн. ред.*). Большое количество журналов стало ненужным, поскольку главной задачей было восхваление генеральной линии партии, то есть линии Сталина.

сившие более универсальный характер, по которым с принципиальной критикой в первую очередь выступали меньшевики¹.

Подготовка к открытому процессу меньшевиков началась в конце 1930 г. — начале 1931 г., и, по-видимому, проводилась в спешке. Процесс начался в марте 1931 г. Единственным неонародником, привлеченным к процессу, был Кондратьев. Никакого открытого процесса над неонародниками так и не было организовано. Неонародники и те меньшевики, которые не фигурировали на открытом процессе, были тайно осуждены или просто отправлены в ссылку (см. главу 4).

¹ Эту дезорганизацию ярко продемонстрировала ситуация с ценообразованием, о которой мы писали выше. Рост цен в частной розничной торговле начался сразу после окончания НЭПа и продолжался с ускорением. В 1927/28 г. рост цен составил 7,5 %, в 1928/29 г. — 23,4 %. Затем за год и четыре месяца (до 1930 г. включительно) произошел скачок на 83,1 % (см. *Малафеев А. Н.* Указ. соч. С. 401).

ЧАСТЬ II. ПРОЦЕСС

Глава 4. Обвинительное заключение

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С позиций сегодняшнего дня Процесс меньшевиков, проходивший 1–8 марта 1931 г., выглядит коротким эпизодом в длинной цепи открытых процессов, которые были неотъемлемой частью ожесточенной борьбы Сталина за единоличную власть. Первый процесс состоялся в мае 1928 г. Это было так называемое шахтинское дело — процесс инженеров. За ним последовал процесс Промпартии, проходивший с 25 ноября по 7 декабря, на котором главным обвиняемым был Л. К. Рамзин, ведущий специалист в области энергетики. И, наконец, последним процессом, организованным против инженеров и беспартийных (неважно, какой специальности), стал процесс инженеров фирмы Виккерс, состоявшийся в апреле 1933 г.¹

Широкомасштабное преследование членов партии началось на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде партии, который положил конец периоду НЭПа. Именно в это время были исключены из партии Зиновьев, Каменев и некоторые другие. Несколько человек были отправлены в ссылку. Самым известным из них был Троцкий, которого выслали в Казахстан. Начиная с 1935 г., состоялось так много открытых процессов, что не представляется возможным подсчитать их точное число. Самыми известными были московские процессы большевиков: процесс Зиновьева, Каменева и еще 14 человек, состоявшийся в 1936 г.;

¹ DTV dokumente, Die Moskauer Schauprozesse, 1936–1938. Munich, September 1963. P. 55–56.

процесс Пятакова, Радека и еще 15 человек 1937 г.; процесс Бухарина, Рыкова и еще 19 человек 1938 г., а также закрытый процесс против маршала Тухачевского и других военачальников. В 1956 г. на XX съезде партии Хрущев предоставил неопровержимые доказательства того, что судебные процессы и обвинения строились исключительно на «признательных показаниях», вырванных у подсудимых жестокими пытками и истязаниями.

В 1935 г. типичным приговором еще было тюремное заключение (в январе Зиновьева приговорили к десяти годам заключения, а Каменева — к пяти в январе и к десяти годам заключения в июле). В период с 27 июля 1935 г. и до начала первого открытого процесса, состоявшегося в августе 1936 г., стандартным приговором все чаще становилось не тюремное заключение, а смертная казнь. Усилившаяся суровость при вынесении приговоров и огромное число процессов, организованных с 1936 г. по 1938 г., позволили некоторым исследователям сделать вывод об уникальности этого периода. Существует мнение, что в течение именно этого периода впервые проявилась паранойя Сталина.

Нужно отдать дань прозорливости Ленина, который еще в 1923 г. почувствовал опасные черты в характере Сталина и предложил устранить его от поста генерального секретаря партии. К концу 1938 г. наиболее выдающиеся партийные руководители уже были физически уничтожены, поэтому можно было предположить, что в череде ужасающих репрессий двух предыдущих лет наступит передышка. Однако пытки, смертные приговоры и физическое уничтожение, правда, в менее пугающих размерах, продолжались вплоть до смерти Сталина в 1953 г. В 1950 г. Вознесенский, талантливый руководитель Госплана СССР, был обвинен в измене и приговорен к высшей мере наказания. Незадолго до своей смерти Сталин готовил так называемые процессы врачей, которые, по мнению многих, планировались с таким же размахом, как и процессы конца 1930-х годов.

В целом, то, что происходило в 1930-е годы, сегодня более или менее понятно. Гораздо труднее дать объективную оценку Процессу меньшевиков, поскольку этот процесс состоялся намного раньше, чем волна насилия достигла своего пика. Необходимо также отметить, что используемые методы, которые предполагали применение жестоких пыток, в 1930–1931 гг. не были еще такими бесчеловечными, как несколькими годами

позже. Согласно тексту приговора по делу контрреволюционной организации меньшевиков, на открытом судебном заседании обвинялись:

- 1) В. Г. Громан, 56 лет, бывший член Президиума Госплана;
- 2) Шер В. В., 47 лет, бывший член правления Государственно-го банка СССР;
- 3) Суханов Н. Н., 48 лет, по профессии литератор;
- 4) Гинзбург А. М., 52 лет, по профессии экономист;
- 5) Якубович М. П., 39 лет, бывший зам. нач. сектора снабжения Наркомторга СССР;
- 6) Соколовский А. Л., 47 лет, экономист;
- 7) Залкинд Л. Б., 45 лет, экономист;
- 8) Волков И. Г., 47 лет, бывший экономист ВСНХ СССР;
- 9) Петунин К. Г., 46 лет, бывший член правления Центросоюза;
- 10) Финн-Енотаевский А. Ю., 58 лет, профессор политической экономии Ленинградского Политехнического института;
- 11) Берлацкий Б. М., 41 год, бывший член правления Госбанка СССР;
- 12) Иков В. К., 49 лет, по профессии литератор;
- 13) Тейтельбаум М. И., 54 лет, бывший старший директор по стандартизации экспортных товаров НКТорга СССР;
- 14) Рубин И. И., 45 лет, профессор политэкономии¹.

В приговоре было отмечено, что все 14 человек в разное время состояли в Российской социал-демократической рабочей

¹ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1–9 марта 1931 г.) Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М.: Советское законодательство, 1931. С. 465–466. (Далее «Процесс». — *Примеч. научн. ред.*) Этот том состоит из 476 страниц большого формата, Качество печати очень плохое. Текст напечатан мелким шрифтом, в две колонки на страницу. Приблизительно на десятке страниц из используемой мною фотокопии имеется штамп «Копия изготовлена с очень плохого оригинала». Несколько страниц практически невозможно прочесть, хотя на них и отсутствует этот штамп. В этой большой книге нет указателя. Трудно сказать, действительно ли это стенографический отчет, не содержащий изменений и пропусков. На основе такого материала проводить анализ было нелегко. Кроме того, оказалось совершенно невозможно использовать большую часть книги. Надеюсь, что читатели извинят меня за неизбежно возникающие недостатки в моей работе.

партии (меньшевиков). Согласно приговору, Залкинд, Финн-Енотаевский и Тейтельбаум принадлежали к партии большевиков в 1903–1907, 1903–1915 и 1900–1907 гг., соответственно. В протоколе также говорилось, что Соколовский был членом ЦК еврейской социалистической партии с 1906 г. по 1920 г. Из 14 обвиняемых 13 полностью признали свою вину. Четырнадцатый, самый старший из них, Финн-Енотаевский, на вопрос: «Обвиняемый Финн-Енотаевский, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?» ответил: «Да, признаю» (Процесс, с. 54). Позднее, однако, он отказался от своих признаний по некоторым пунктам обвинения. Помимо Громана, главного подсудимого, большинство остальных обвиняемых также занимали важные руководящие посты в экономической сфере (Гинзбург, Соколовский, Шер, Залкинд и др.) или были известны в иных областях (Финн-Енотаевский, Суханов, Рубин). Однако из шести свидетелей, вызванных государственным обвинителем с самого начала (Процесс, с. 53; седьмой свидетель, М. Н. Иоффе, был вызван уже в ходе судебного заседания), по крайней мере, пятеро были не менее выдающимися личностями, чем подсудимые меньшевики. Главным свидетелем был Кондратьев, которому планировали предъявить обвинения на не состоявшемся процессе контрреволюционной эсеровско-кулацкой группы Кондратьева–Чаянова (Процесс, с. 194–210). Видным деятелем был Рамзин, главная фигура среди подсудимых на процессе «Промпартии», проходившем в конце 1930 г. (Процесс, с. 172–183). Другой свидетель, В. А. Ларичев, был осужден на том же процессе вместе с Рамзиным (Процесс, с. 183–186).

В качестве свидетеля суд привлек также К. А. Гвоздева (Процесс, с. 307–310), одного из выдающихся и, пожалуй, самого известного представителя рабочего класса, участвовавшего в политической борьбе еще до Февральской революции, а также во время февральских революционных событий. В 1910–1911 гг. Гвоздев был председателем союза металлистов в Ленинграде, а в 1915–1916 гг. — председателем рабочей группы военно-промышленного комитета, важной всероссийской организации. В 1917 г. Гвоздев был министром труда в правительстве Керенского.

Еще одним видным фигурантом, привлеченным к процессу, был Н. В. Некрасов, член Временного правительства Керенского (Процесс, с. 289–295). По заявлению государственного обви-

нителя, дела Некрасова и Гвоздева были выделены из процесса меньшевиков. И. З. Желудков с самого начала был вызван в качестве шестого свидетеля (Процесс, с. 151–153), однако, его показания не содержали никакой важной информации¹.

Отношение к свидетелям на суде было практически таким же, как к обвиняемым. Все свидетели представляли только сторону обвинения. Защита о вызове свидетелей не ходатайствовала. Ни одному из свидетелей не был задан вопрос о месте его проживания; свидетели, как и обвиняемые, прибыли на суд непосредственно из тюремной камеры. В отличие от подсудимых, из которых только один отказался полностью «признать» свою вину, все свидетели по собственной инициативе сознались в совершении практически тех же преступлений, которые инкриминировались обвиняемым. На суде государственный обвинитель и суд обращались к свидетелям только по фамилии, очень редко добавляя слово «свидетель» и практически обходясь без слова «гражданин».

Правда и ложь

При работе со «стенографическим» отчетом труднее всего отделить правду от лжи. После 1928 г. десятки тысяч достойнейших людей «сознавались» в преступлениях, которых они никогда не совершали. Будет правильно остановиться на этом вопросе более подробно, учитывая тот факт, что рассматриваемый Процесс меньшевиков был одним из первых, а все происходившее на нем, включая жестокость и масштабы лжи, потом только набирало обороты. Прежде всего отметим, что грубой ошибкой были сфабрикованные показания о том, что Р. А. Абрамович, один из видных лидеров меньшевиков за границей, летом 1928 г. посетил Москву и провел ряд важных встреч с российскими меньшевиками. Обвинение не учло, что Абрамович найдёт возможность заставить суд в Германии признать этот факт

¹ В своих показаниях Желудков признался, что за 2000 рублей предоставил свой маленький домик для проведения нечастых собраний членов меньшевистской организации, а также размещения их единомышленников, приезжавших из провинции. Он также признал, что хранил и распространял «Социалистический вестник» и другую литературу. Другой свидетель, Иоффе, признался, что «сознательно преуменьшал» планы выпуска и распределения текстиля (Процесс, с. 275–279).

не соответствующим действительности. Абрамович выступил с обвинением в адрес берлинской коммунистической газеты, которая освещала ход московского процесса. Интересы этой газеты представлял юрист по фамилии Левенштейн, член Рейхстага от коммунистической фракции. Он был вынужден признать, что в указанные в обвинении сроки Абрамович никак не мог находиться в России, поскольку в это же самое время он участвовал в работе Конгресса Социалистического рабочего интернационала. Редактору-коммунисту, признанному виновным в клевете, надлежало опубликовать подробную информацию о решении суда и оплатить судебные издержки¹.

Ложь о том, что Абрамович якобы посетил Москву летом 1928 г., служит достаточным доказательством того, что ни одно слово, сказанное во время этого процесса, нельзя считать абсолютной правдой. При этом необходимо учесть, что вероятность появления лживых показаний увеличивалась пропорционально тому, насколько сильно представители власти хотели что-либо доказать. Так, например, не следует верить всему тому, что было сказано о зарубежной интервенции. Можно вспомнить и о других фактах, которые опровергают то или иное утверждение, прозвучавшее на Процессе, хотя, возможно, они и не будут столь показательными, как в случае с вымышленным визитом Абрамовича.

По поводу подготовки материалов и составления статей для журнала «Социалистический вестник», издаваемого в Берлине меньшевиками-эмигрантами, Якубович свидетельствовал следующее: «Писали... [для «Социалистического вестника». — *Н. Я.*], сколько я знаю, систематически И. И. Рубин, А. М. Гинзбург, Л. Б. Залкинд, В. А. Базаров, В. В. Шер, В. Г. Громан, а из лиц, не входивших в ЦК, — Ф. А. Череванин и П. П. Маслов» (Процесс, с. 45). Все это выглядит совершенно неправдоподобным. Скорее всего, Громан не стал бы скрывать от меня того факта, что он сотрудничал с «Социалистическим вестником». Что же касается Гинзбурга, то Валентинов писал о нем: «Нельзя обойти его исключительную лояльность по отношению к власти. Он не хотел иметь дело абсолютно ни с чем, носящим или имеющим антисоветский характер». Далее Валентинов рассказывает, что однажды он предложил Гинзбургу ознакомиться с нескольки-

¹ *Abramovich R. Op.cit. P. 386.*

ми номерами «Социалистического вестника», которые случайно оказались у Валентинова в связи с его работой: «Гинзбург отскочил от меня как ошпаренный кипятком. На лице его был написан страх и негодование». По словам Валентинова, Гинзбург сказал: «С этой литературой [он имел в виду всю эмигрантскую прессу. — Н. Я.] я знакомиться не хочу. Она мне не нужна; то, что там пишется, меня ни с какой стороны не интересует»¹.

Валентинов был эмоциональным человеком. Одним из его любимых слов было «отвращение», его он использует в своих мемуарах для описания чувств, которые испытывал к экономисту-троцкисту Преображенскому, а также к такому выдающемуся человеку, как Маслов. В «Социалистическом вестнике» с помощью этого же слова он описывает свое отношение к Громану. Хотя Валентинов недолго любил Гинзбурга, он не мог выдумать описанную выше ситуацию. Более того, имеются и иные свидетельства того, что в последние годы своей жизни Гинзбург не отличался особой храбростью. Другой очевидной ложью стало озвученное на Процессе утверждение о том, что столь малочисленная организация, какой организация меньшевиков была в СССР в конце 20-х годов, за полтора года смогла получить финансирование в размере 480 тыс. рублей (см. раздел «Финансовая поддержка» с. 138—141 — в этом издании).

Совершенно неправдоподобными представляются все обвинения во вредительстве в 1929 и 1930 гг. и, особенно, в поддержке иностранной интервенции. Что касается подсудимых, то предъявленные им на процессе меньшевиков обвинения выглядят достаточно нелепыми. Как следует расценивать обвинения в адрес Чайнова по поводу его участия в совещаниях, на которых якобы обсуждался вопрос о возможности интервенции в 1929 и 1930 гг. (показания Рамзина на процессе, с. 176—177), если еще в 1928 г. Чайнов открыто заявил, что он полностью принимает генеральную линию Сталина?² Чайнову также приписываются слова о том, что крестьян нужно загонять в колхозы с помощью армии. Макаров позволял себе не менее верноподданнические высказывания, чем Чайнов, но, в отличие от последнего, не публиковал их. Тем не менее высказывания

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 206—207.

² См. раздел, посвященный Чайнову, в главе 11. (Н. Ясный не вполне точно передает позицию А. В. Чайнова. — *Примеч. научн. ред.*)

Макарова, якобы произнесенные им во время чистки Наркомзема (Комиссариата по сельскому хозяйству) в декабре 1929 г., позднее были воспроизведены в печати (см. раздел, посвященный Макарову, в главе 11). По словам Рамзина, в 1929 и 1930 гг. Макаров принимал участие в тех же совещаниях, что и Чайнов, и на Процессе это было отмечено при рассмотрении деятельности Чайнова.

По словам Рамзина (Процесс, с. 174), Гинзбург, в целом занимавший лояльную позицию и не имевший ничего общего с «Социалистическим вестником», весьма активно участвовал в совещаниях оппозиционеров в 1928 и 1929 гг., на которых большое внимание уделялось вопросу об организации иностранной интервенции.

Нелишним будет привести еще один пример, который по сравнению с остальными не столь важен. На самом деле, можно обойтись без него, но в этой истории речь идет обо мне. Один из подсудимых меньшевиков, Тейтельбаум, свидетельствовал, что в 1925 г. в Берлине существовала небольшая организация, созданная «с целью вербовки членов из приезжающих за границу лиц, командированных из различных учреждений, старых меньшевиков и всех тех, кто принимает для себя их платформу...». Предполагалось, что «эти лица должны возвращаться обратно в СССР [и должны поставить перед собой задачу не допускать проведения таких намечаемых советской властью мероприятий, которые характеризовали бы рост народного хозяйства]» (Процесс, с. 254–255)¹. На процессе было сказано, что я был представителем Вукоспилки (Совета украинских потребительских кооперативов) и состоял членом этой организации. В то время я находился в полной безопасности за границей, и даже если бы это было правдой, у меня не было никаких резонов отрицать этот факт. Но все это было ложью. Тейтельбаум, по всей вероятности, дал такие показания лишь потому, что знал, что я нахожусь за границей, и мне ничего не угрожает. На самом же деле, именно Тейтельбаум был представителем Вукоспилки в Берлине. Я же в то время находился в Гамбурге. Пока я не прочитал стенограмму процесса, я не имел ни малейшего представления о том, что Тейтельбаум

¹ В квадратных скобках нами добавлено продолжение цитаты, приводимой Н. Ясным. — *Примеч. научн. ред.*

был меньшевиком. Меня связывали с ним чисто деловые отношения: поскольку он был представителем украинского наркомата торговли, в его полномочия входила выплата мне гонораров за статьи, написанные для украинского еженедельника и посвященные вопросам зарубежной торговли. О его показаниях мне стало известно лишь приблизительно в 1958 г., когда удалось раздобыть фотокопию стенограммы процесса¹.

Когда люди начинают давать ложные показания, в их словах неизбежно появляются противоречия. В письменных показаниях А. И. Ложнева, который по причине болезни не был вызван в суд в качестве свидетеля, можно прочесть следующее: «Он [Броунштейн. — Н. Я.] сообщал, что имел личные встречи с Громаном...» (Процесс, с. 232). Всего через три страницы в показаниях В. Г. Громана говорится, что он лично с Броунштейном не встречался (Процесс, с. 235). Возможно, обвинитель Н. В. Крыленко надеялся, что Громан изменит свои показания по этому вопросу, поэтому далее он уточняет: «Так что, лично вы с ним [Броунштейном. — Н. Я.] не встречались?» Однако Громан не поддался на эту провокацию. На Процессе всеми силами пытались доказать, что меньшевистская организация, а также ТКП и Промпартия, с которыми меньшевики якобы создали единый блок, основную цель своей деятельности считали организацию иностранной интервенции. Утверждалось, что даже находившийся в эмиграции меньшевик Броунштейн, который тайно приехал из Берлина в СССР, поддерживал идею интервенции. В действительности, Броунштейн придерживался крайне левых взглядов и по своим убеждениям был очень близок к большевикам. Он, якобы, даже говорил, что не стал больше-

¹ В общем с Тейтельбаумом я общался не больше 10 минут. Из обвиняемых я лично был хорошо знаком только с Громаном и гораздо меньше — с Сухановым. С Громаном я был в таких дружеских отношениях, что в 1927 г. он, возвращаясь в СССР из Бад-Наухайма через Берлин, специально сделал крюк и заехал в Гамбург, чтобы несколько дней погостить у меня. Можно только гадать, почему на процессе Громан не упомянул моего имени. Конечно, в то время у меня были весьма слабые контакты с меньшевистской организацией, если не сказать, что я в контакте с ними не состоял. Какое бы обвинение в мой адрес ни сделал на процессе Громан, мне ничто не могло повредить. Совершенно очевидно, что он сам решил не упоминать моего имени, а следователям ЧК, которые вели это дело и указывали Громану, что он должен сказать, обо мне ничего не было известно.

виком лишь по той причине, что очень многие из его соратников находились в тюрьмах.

Совершенно очевидно, что весь Процесс был сфальсифицирован, однако не следует недооценивать материалы этого Процесса, поскольку они представляют огромный интерес. Официальные документы и различные публикации наглядно свидетельствуют о том, что меньшевики и в некоторой степени неонародники и другие представители оппозиции играли исключительно важную роль в управлении народным хозяйством и особенно в подготовке годовых и пятилетнего планов. Наверное, именно этим фактом можно объяснить, почему на Процессе на них нападали с особым ожесточением. С этим же были связаны столь резкие формулировки, используемые Крыленко¹ в обвинительном заключении, которое он зачитал как Высший Судья. Этим же фактом был обусловлен и приговор по делу Громана, Базарова, Кондратьева и др.

Главным обвинением стало вредительство в государственных организациях, в которых работали подсудимые, занимавшие как низовые, так и руководящие посты. Это обвинение легче всего опровергнуть, и по этому вопросу имеется достаточное количество официальных свидетельств.

«ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Что касается преступлений в области экономики, то обвинение использовало очень простые методы. В показаниях обвиняемые чистосердечно рассказывали о своей деятельности. Затем их деятельность объявлялась ошибочной и квалифицировалась как умышленная попытка нанести вред советской экономике. Обвиняемые были вынуждены «признавать» такую интерпретацию событий². В действительности, к преступлениям причисляли даже те действия, которые трудно было назвать неправильными.

¹ В 1905 г. Крыленко имел партийную кличку «товарищ Абрам».

² До сих пор неизвестно, какими именно способами обвиняемых принуждали делать признания, однако не вызывает сомнений, что во многих случаях использовались насильственные методы. (См. приложение — письмо М. П. Якубовича. — *Примеч. научн. ред.*)

Согласно приговору, подсудимых обвиняли в следующих преступлениях, якобы совершенных ими на местах своей службы.

— По Государственной плановой комиссии: «Проведение в контрольных цифрах и конъюнктурных обзорах народного хозяйства заведомо враждебных политике советской власти плановых построений и заведомо искаженных конъюнктурных оценок; отставание по промышленности, сельскому хозяйству и др. отраслям народного хозяйства мероприятий, приводивших к торможению, заведомому срыву и дезорганизации этих отраслей народного хозяйства (Громан)» (Процесс, с. 466).

— По Высшему совету народного хозяйства: «Проектировка роста продукции по пятилетнему плану давалась, в целях срыва социалистического строительства, в минимальных размерах, в особенности по таким определяющим отраслям народного хозяйства, как металл, уголь, нефть, химия и электротехника, а также сельскохозяйственное машиностроение и искусственное удобрение (Гинзбург). Разработка и представление таких конъюнктурных обзоров по промышленности, которые не только не содействовали социалистическому строительству, но запутывали руководящие хозяйственные круги (Гинзбург); противодействие осуществлению взятых советской властью темпов развития металлургической, машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности (Гинзбург, Волков¹); построение и проведение минимальных темпов в сырьевой пятилетке, в особенности, по хлопку (Соколовский)» (Процесс, с. 467).

Столь же нелепые обвинения были выдвинуты относительно деятельности подсудимых в Государственном банке (Шер, Берлацкий), в Народном комиссариате торговли и Центросоюзе (Залкинд, Якубович, Петунин) и т. д. В материалах Процесса отмечалось, что эти обвиняемые, как и те, которые работали в Госплане и ВСНХ, занимали в своих организациях важные, а порой ведущие позиции.

Громан свидетельствовал, что он и его коллеги из Госплана СССР виновны в совершении следующих преступлений: «Вредительство меньшевиков в Госплане СССР в сфере конъюнктурных наблюдений, контрольных цифр и перспективных планов, датируясь в своей последней фазе 1928 годом, осуществлялись мною, Громаном, и Базаровым, а также примыкавшими к нам

¹ Волкову предъявили другое обвинение. — *Примеч. научн. ред.*

бывшими меньшевиками: Зелингером, Гухманом, Шубом, Пистраком, Бройтманом и беспартийным Вишневым, составлявшими контрреволюционную и вредительскую группу в Госплане СССР, — подготовлялось в течение предыдущего пятилетия (1923–1927 гг.) Контрреволюционная госплановская группа, возглавляемая мной и Базаровым, начиная с 1928 г., осуществляла директивы новой вредительской тактики заграничного ЦК РСДРП(м) и сложившегося внутри Союза ССР «Союзного бюро» ЦК РСДРП(м)» (Процесс, с. 36–37).

Согласно обвинительному заключению, эти директивы состояли «в проведении в контрольных цифрах и конъюнктурных обзорах враждебных генеральной линии партии плановых построений и заведомо искаженных конъюнктурных оценок (сжатие темпов строительства, искажение классового подхода, раздувание трудностей, недоучет ресурсов); в выдвигании признаков надвигающейся экономической катастрофы (Громан) или, что близко к тому, в признании шансов на успех осуществления партийной линии, направленной на социалистическое наступление, ничтожными (Базаров, Гухман); в выставлении при выработке перспективных планов примата генетической точки зрения над телеологической (Громан) или их равноправия (Базаров) вместо активной целевой установки на социалистическую переработку исторически данной среды; в такой трактовке сельскохозяйственной проблемы, рассматриваемой как узкое место в народном хозяйстве, которая дала базу для идеи двухлетки с с.-х. уклоном, противоречащей в корне плану социалистического преобразования отношений в СССР» (Процесс, с. 36–37). Далее в обвинительном заключении приведены показания Громана: «... с 1928 г. я и моя группа — Зелингер, Гухман, Бройтман, Шуб, Пистрак, б. меньшевик, к которым примыкали Базаров и беспартийный Вишневы, — сознательно противопоставляли свои планы планам правительства и генеральной линии партии в целях извращения классовой линии и хозяйственных установок, что достигалось тенденциозным освещением конъюнктурных процессов, выпячиванием трудностей и пессимистическими прогнозами с целью отклонить советскую власть с принятого пути. То, чего не удалось сделать при построении планов, проводилось при их осуществлении, пользуясь положением ответственных работников, и, таким образом, создавались условия для расстройств

снабжения и вызывалось политическое недовольство населения» (Процесс, с. 37)¹.

Большинство из приведенных выше показаний, по сути, соответствуют действительности. Вне всякого сомнения, Громан и его единомышленники не принимали генеральную линию партии. Помимо этого, Громан, конечно, настаивал на примате генетической точки зрения в планировании, а Базаров надеялся, что эта точка зрения будет равноправной с телеологической. Однако, ни Крыленко, ни члены суда не верили, что действия Громана и его коллег были сознательно направлены на причинение вреда СССР. Важно подчеркнуть, что прогнозы, сделанные обвиняемыми задолго до суда, оказались совершенно верными. В то время, когда проходил Процесс, темпы промышленного роста были уже очень низкими, на порядок ниже тех, которые приводили в своих расчетах меньшевики. Близким к катастрофическому было положение в сельском хозяйстве, в связи с массовым забоем скота. Реальная катастрофа наступила через полтора года, к концу 1932 г., когда миллионы людей начали умирать от голода. Фактически, ситуация оказалась гораздо серьезнее, чем прогнозировали обвиняемые.

Вредительская деятельность в ВСНХ, в которой «признавались» меньшевики «контрреволюционеры», была аналогична той, которую Громан якобы проводил в Госплане. Гинзбург признал свою ответственность за вредительские действия в ВСНХ, в том числе, за сознательное занижение роста продукции при составлении в 1927 г. варианта пятилетнего плана, который называли пятилеткой Гинзбурга (Процесс, с. 34). Сначала темпы роста действительно были выше тех, которые Гинзбург прогнозировал в плане, однако, к 1931 г. они начали снижаться, по крайней мере, согласно надежным статистическим источникам. Что же касается прогнозов, сделанных Гинзбургом в пятилетнем плане, то в их пользу можно привести один бесспорный аргумент. (Этот аргумент сочли бы решающим в любом государстве, но не в СССР, где царила сталинская «подлинная демократия».) Речь идет о том, что одновременно с пятилетним планом, разрабатываемым Гинзбургом в ВСНХ, коммунист Струмилин в Госплане составлял план фактически на тот же период. Зада-

¹ Согласно Процессу, эта часть обвинительного заключения основана на показаниях Громана, данных им в декабре 1930 г.

ния в плане Струмилина практически не отличались от заданий в плане Гинзбурга. Однако как на самом Процессе меньшевиков, так и в советской прессе этот факт был обойден молчанием. Конечно, Гинзбург не мог не знать о плане Струмилина, но, вне всякого сомнения, ему было запрещено поднимать этот вопрос.

Приведем теперь совершенно нелепые показания Шера по поводу вредительской работы в Государственном банке: «Основное заключалось в неправильном распределении кредитов, урезывании одних отраслей и преувеличении нужд других отраслей. Это осуществлялось путем неправильного составления планов, усложнения методов планирования, задержки кредитования наиболее острых нужд промышленности...» (Процесс, с. 36) и т. д. Отметим также, что его показания были совершенно бездоказательными и не иллюстрировались примерами.

Глава 5. Обвинения в создании группировок

Гораздо труднее делать конкретные выводы в тех случаях, когда речь идет об организационных вопросах, о политических программах и т. п. Согласно показаниям Гинзбурга (Процесс, с. 74), в начале 1926 г. были предприняты попытки возобновить деятельность меньшевистской партии на территории СССР. В материалах Процесса говорится, что эту работу возглавил Громан. Большой интерес к ней проявлял Шер, который в то время продолжал работать в Госбанке. Позднее к этому был якобы привлечен и Гинзбург.

На процессе утверждалось, что в феврале 1928 г. было организовано «Союзное бюро» меньшевиков (Процесс, с. 17). Согласно обвинительному заключению, в это бюро входили десять человек: Громан, Шер, Штерн, Гинзбург, Соколовский, Волков, Петунин, Якубович, Залкинд и Финн-Енотаевский. Утверждалось, что в начале 1929 г. Громан привлек в эту организацию Суханова. Хотя Рубин и Базаров не входили в состав бюро, они, согласно материалам обвинительного заключения, часто принимали участие в его заседаниях. Для руководства текущей деятельно-

стью «Союзного бюро» была выделена руководящая пятерка в составе Громана, Суханова, Шера, Гинзбурга и Штерна. Создали комиссию для разработки программы партии в следующем составе: Базаров — председатель, Громан, Суханов, Гинзбург и Рубин. Кроме того, была сформирована финансовая комиссия. Шер дал показания (Процесс, обвинительное заключение), что ему, якобы, «известны периферийные ячейки» [Союзного бюро. — *Н. Я.*] в Нижнем Новгороде, Орле, Туле, Астрахани, Харькове, Ростове-на-Дону, Саратове и других городах.

В начале 1929 г. Громан и Суханов якобы обсуждали с Кондратьевым возможность создания блока «Союзного бюро» меньшевиков и возглавляемой Кондратьевым Трудовой крестьянской партией (ТКП). Эти беседы привели к созданию блока (Процесс, с. 22, 24), который успешно закрепил существовавшие ранее непрочные связи между «Союзным бюро» и ТКП.

Согласно материалам Процесса, переговоры с Промпартией, которую также называли «Инженерно-промышленный центр», проводились еще в начале 1928 г., при этом Громан представлял меньшевиков, Кондратьев и Макаров — Трудовую крестьянскую партию, а Рамзин и кто-то еще (его имя не называлось) выступали как представители Промышленной партии (Процесс, с. 22). На этой встрече также было принято решение о создании блока, однако, по словам Кондратьева, отношения между Промпартией и ТКП не были такими прочными, как между меньшевиками и ТКП. По этому вопросу Кондратьев дал следующие показания: «Я должен сказать, что отношения крестьянской партии, которую я представлял, с организацией Рамзина имели несколько иной характер, чем с организацией, представляемой Громаном, Сухановым, т. е. меньшевистской организацией. Если отношения той организации, к которой я принадлежал, и организации меньшевиков можно было действительно назвать отношениями блока, то отношения с организацией Рамзина, или с организацией, которая получила впоследствии название «Промпартии», я бы не мог назвать по совести отношениями блока. Я бы их мог назвать отношениями соглашения» (Процесс, с. 196).

В обвинительном заключении говорится, что на встрече представителей трех группировок, состоявшейся в конце 1928 г., Кондратьев якобы заявил об их возможных совместных действиях в борьбе с Советской властью (Процесс, с. 22). В качестве «программного задания» он указал на «свободу хозяйствен-

ных отношений, на компенсацию „пострадавшим“ капиталистам и на буржуазно-демократическую республику». Он также подчеркнул, что «возможна и вероятна поддержка извне в виде интервенции» (Процесс, с. 22). Когда Кондратьев начал настаивать на этом вопросе (Процесс, с. 170–180), то Громан и, по всей вероятности, Гинзбург, сначала заявили, что не уполномочены дать ответ. Правда, позднее Громан сказал, что он согласен с идеей интервенции¹. Согласно тем же показаниям Рамзина, эта позиция была подтверждена на встрече, состоявшейся весной 1929 г., на которой Промпартию представляли Рамзин, Ларичев, Калинин², Осадчий и Коган-Бернштейн. Со стороны ТКП на ней присутствовали Кондратьев, Макаров, Чаянов и Юровский, а со стороны меньшевиков — Громан и, по видимому, Суханов (Процесс, с. 176). В начале 1930 г. состоялось еще одно совещание, на котором обсуждалась информация о переносе интервенции с 1929 г. на 1930 г. (Процесс, с. 177). На этом совещании от Промпартии присутствовали Рамзин, Ларичев, Чарновский, Осадчий и Штейн; от ТКП — Кондратьев, Макаров и Чаянов; меньшевистскую организацию представлял Громан.

Поскольку я дилетант в вопросах политики, то у меня нет ясного представления об отношении Громана и Кондратьева к иностранной интервенции. Последний раз я встречался с Громаном летом 1927 г., то есть во время НЭПа. Тогда еще трудно было вообразить себе те ужасы, которые выпадут на долю крестьян в 1929 г. и в последующие годы. После 1917 г. с Кондратьевым я не виделся. Мне, как дилетанту, не кажется невероятной идея о том, что в самый разгар насильственной коллективизации кто-то из представителей оппозиции мог начать рассматривать любые средства защиты от сталинских зверств, вплоть до иностранной интервенции. Однако мне представляется полностью неправдоподобным тот факт, что организация, члены которой на процессе были перечислены Рамзиным и другими, не только выступала за интервенцию, но даже сделала ее главным пунктом своей программы. Гинзбург, который еще в 1925 г.

¹ Здесь у Ясного неточность: в тексте цитируется Рамзин, а не Кондратьев. — *Примеч. научн. ред.*

² Калинин играл видную роль еще в период создания ГОЭЛРО. Это можно сказать и об Осадчем, который в 1925–1927 гг. руководил работой по созданию генерального плана.

боялся притронуться к эмигрантской прессе, не стал бы в 1929 г. и тем более в 1930 г. членом организации, выступавшей за иностранную интервенцию. Чайнов публично отрекся от своих прежних взглядов в 1928 г. Конечно, он был не очень последовательным человеком и поэтому мог решить, что его статья 1928 г. вполне совместима с идеей иностранной интервенции. Но могли ли прийти к аналогичному выводу буквально все участники совещаний, проходивших весной 1929 г., о которых свидетельствовал Рамзин? Это кажется маловероятным. Подведу итог своих рассуждений: я не могу поверить, что Громан и Чайнов выступали за интервенцию. Еще меньше я могу поверить в то, что в этих целях они создали какую-то организацию.

Интересен следующий факт. На процессе утверждалось, что подготовка к интервенции началась еще в 1927 г.¹, однако до конца 1930 г. ГПУ об этом ничего не было известно. Или, лучше сказать, лишь к концу 1930 г. сотрудники ГПУ сфабриковали информацию о готовящейся интервенции. В сборнике «Кондратьевщина», опубликованном в конце 1930 г., выдвигались новые обвинения в дезорганизации экономики (с. 8). Особо отмечались такие преступные действия, как порча оборудования, составление расчетов, которые должны были привести к растрате сырья, топлива и т. д. (с. 7), передача западным странам заведомо ложной информации об СССР (с. 9). Аналогичные обвинения прозвучали в статьях Вайсберга и Рагольского², опубликованных в журнале «Плановое хозяйство» также в конце 1930 г.³ В прессе постоянно писали о «преступлениях» на экономическом фронте в целом и особенно в области планирования, но ни слова не упоминалось об иностранной интервенции. Из этого можно сделать вывод, что либо к этому времени обвинения еще не были сфабрикованы, либо Милютин и другие авторы «Кондратьевщины», а также Вайсберг и Рагольский не хотели ставить свои имена под такой откровенной ложью.

¹ Согласно материалам процесса (Процесс, с. 86), Петунин обсуждал возможность иностранной интервенции с лидером меньшевиков Даном еще в октябре 1927 г. во время их встречи в Берлине.

² Здесь допущена неточность; в дальнейшем используется правильное написание фамилии — Рагольский. — *Примеч. научн. ред.*

³ Вайсберг Р. Е. «Объективная» наука госплановских вредителей // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 27–59; Рагольский М. О вредительской теории планирования Громана и Базарова // Там же. С. 60–97. — *Примеч. научн. ред.*

Итак, вполне вероятно, что информация о возможной иностранной интервенции просочилась или была выдумана позднее. Об этом свидетельствует и тот факт, что некоторые из обвиняемых, например, Петунин, которые якобы давно знали о планах интервенции, были арестованы лишь в конце 1930 г. (Петунина арестовали 17 ноября. — Процесс, с. 323). Можно ли поверить, что ГПУ позволяло оставаться на свободе людям, занимавшимся подготовкой вторжения из-за рубежа?

СОЮЗНОЕ БЮРО И ЗАГРАНИЧНЫЙ МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ЦЕНТР

Раздел обвинительного заключения, посвященный связям между «Союзным бюро» и заграничным меньшевистским центром, начинается следующим образом: «Преступная антинародная работа проводилась контрреволюционной организацией меньшевиков на основе непосредственных указаний заграничного с.-д. меньшевистского центра. Выше уже было выяснено, что самое образование „Союзного бюро“ было результатом организационного воздействия того же заграничного центра. Выше также было установлено, что как при принятии решений и директив, которые давались „Союзным бюро“ по вредительской работе, так и при решении вопросов о блоке с Промпартией и ТКП решающую роль сыграли прямые указания заграничного центра. Этим дело, однако, не ограничилось. За период деятельности „Союзного бюро“ с февраля 1928 г. по 1930 г. имел место целый ряд свиданий отдельных членов „Союзного бюро“ с руководящими деятелями заграничного ЦК меньшевиков, поддерживавшая систематическая письменная связь, наконец имел место непосредственный нелегальный приезд в СССР двух членов ЦК меньшевиков — лидера заграничного центра Абрамовича и члена меньшевистского ЦК Броунштейна» (Процесс, с. 39).

Из материалов процесса не следует, что кто-либо из членов меньшевистской организации выезжал из СССР за границу с целью установления или возобновления контактов с заграничным меньшевистским центром, не говоря уже о получении каких-либо указаний от этого центра. По всей вероятности, пятеро из шестерых обвиняемых в разное время ездили за границу, и кто-то из них мог действительно встречаться с лидерами меньшевиков. Но они выезжали по другим делам, и их поездки

состоялись не позднее конца 1927 г., т. е. еще до того, как, согласно предъявленным обвинениям, было организовано «Союзное бюро» и проведены соответствующие встречи.

Громан выезжал в Германию в 1923, 1925 и 1927 гг. и проездом останавливался в Берлине. Все эти поездки были организованы с целью лечения. Во время каждой из этих поездок он проходил курс лечения в Бад-Наухайме и как минимум дважды посещал известного врача в Берлине. В 1925 г. он нанес визит лидеру меньшевиков Дану и в его доме встретился с Абрамовичем и Далиным. В показаниях на Процессе Громан сказал, что в течение трех лет они вместе с Даном находились в ссылке, что их встреча была «встречей обмена сведениями» и что они встретились «как старые знакомые» (Процесс, с. 68). Кроме встречи с Даном, Абрамовичем и Далиным, у Громана за границей не было никаких контактов с кем-либо из тех, кто официально состоял в Центральном комитете меньшевистской организации либо в ее Заграничной делегации. Появившиеся в последующие годы разногласия были настолько серьезными, что в 1927 г. Громан отказался встретиться с представителями Заграничной делегации. По поводу своего пребывания в Берлине в 1927 г. Громан на процессе сказал, в частности, следующее: «Я завязывание организационной связи [с меньшевиками, находящимися за границей. — Н. Я.] на себя не взял» (Процесс, с. 69–70).

В своих показаниях Громан также упоминает, что в 1923 и 1927 гг. в Берлине он встречался с М. А. Броунштейном, а в 1927 г. — с Ю. П. Денике. Если мне не изменяет память, Громан встречался с Денике также в 1923 г., и, вполне вероятно, в 1925 г. Главным поводом для этих встреч было то, что Денике находился в тесном контакте с членами Германской социал-демократической партии, к которой Громан проявлял большой интерес. С Броунштейном он встречался, скорее всего, потому, что хотел получить более подробную информацию о положении различных групп меньшевиков, находившихся за границей. Но ни Броунштейн, ни Денике не были членами Центрального комитета или Заграничной делегации социал-демократической партии. Согласно показаниям Громана, его встречи с Денике не носили характер «организационных связей».

Гинзбург посетил США в 1927 г. (Процесс, с. 76–77). Как свидетельствуют материалы процесса, по пути в США он останавли-

вался в Берлине и дважды встречался с жившими за границей известными меньшевиками — с Ф. Даном, с П. Гарви и с женой Дана Л. Канцель-Цедербаум. На обратном пути он общался с Даном только по телефону. По показаниям Громана, с меньшевиками, занимавшими официальные посты в своей организации, за границей он встречался только в 1925 г. Однако в обвинительном заключении по этому поводу говорится следующее: «До 1929 г. личные связи с заграницей поддерживали Громан и Гинзбург». Это утверждение не соответствует действительности и в отношении Гинзбурга. В течение обсуждаемого периода он выезжал за границу только один раз — в 1927 г. Финн-Енотаевского вынудили сказать на Процессе, что Громан якобы «состоял в связи с Даном», представлявшим меньшевистскую Заграничную делегацию (Процесс, с. 105).

В материалах Процесса подробно обсуждается одна из первых поездок меньшевиков за границу. Это была поездка Берлацкого. В конце 1925 г. он ездил в США, по пути туда и обратно останавливался в Берлине. В своих показаниях он утверждал, что Шер дал ему поручение встретиться в Берлине с кем-либо из Заграничной делегации. Согласно обвинительному заключению (Процесс, с. 62), в тот раз в Берлине Берлацкий встречался с Борисом Николаевским, который якобы «был уполномочен Заграничной делегацией на официальные переговоры» с Берлацким (там же, с. 62). Как показал Берлацкий, Николаевский считал, что НЭП в деревне должен быть значительно расширен, а социал-демократическая партия должна принять меры по его укреплению в промышленности. Николаевский также полагал, что Советский Союз не сможет восстановить народное хозяйство без привлечения иностранного капитала. Основной акцент Николаевский делал на том, что социал-демократы должны всячески активизировать свою работу во всех правительственных учреждениях. Таким образом, если допустить, что такая директива и существовала, то это была вполне невинная установка по поводу деятельности меньшевиков в России (там же, с. 62–63).

В материалах обвинительного заключения также говорится, что Штерн во время поездок за границу встречался со многими членами меньшевистской организации. Якубович на процессе свидетельствовал: «При каждой поездке он [Штерн] останавливался в Берлине и виделся со всеми членами заграничного

ЦК и присутствовал на его заседаниях. Кроме того, он посещал виднейших деятелей германской социал-демократической партии. Знаю о его посещениях К. Каутского, Э. Бернштейна и Р. Гильфердинга. По поручению русского ЦК А. Б. Штерн подробно информировал заграничный центр и получал от него директивы и информации» (Процесс, с. 40). На Процессе утверждалось, что Штерн должен был представлять меньшевистский центр в Москве, а в случае необходимости в СССР в целом. Однако что касается дат, то здесь имеется противоречие: Якубович утверждал, что поездки Штерна «начались ... в 1925 г.», а в обвинительном заключении сказано, что «поездки Штерна относятся к периоду после 1928 г.».

На Процессе также обсуждалась одна из последних поездок меньшевиков из СССР за границу. Это была поездка Петунина в конце 1927 г. Как показывал Петунин, он действовал по указанию Шера. В соответствии с его инструкциями, Петунин получал директивы у Дана, одного из меньшевиков, живших за границей. Всего поступило три директивы, причем третья не была четко сформулирована. Первые две, в интерпретации главного обвинителя Крыленко, состояли в следующем: «1) поддерживай троцкистскую оппозицию для того, чтобы расшатывать внутри ВКП, 2) поддерживай и проводи дезорганизаторскую работу, чтобы разваливать хозяйственный аппарат и вызывать соответствующие результаты» (Процесс, с. 86). Третья директива касалась неизбежности иностранной интервенции. Сначала этот вопрос вызвал разногласия и споры (там же, с. 87), но, согласно материалам Процесса, после приезда Абрамовича в 1928 г. по поводу интервенции было принято положительное решение. Позднее выяснилось, что история с приездом Абрамовича в Советский Союз не соответствует действительности, поэтому обвинения меньшевиков в том, что они были согласны с идеей интервенции, оказываются фальсифицированными. В материалах Процесса отмечается, что вопрос об интервенции был решен положительно лишь после того, как, якобы, приехал Абрамович.

Обвинению во что бы то ни стало нужно было доказать, что между меньшевиками в СССР и Заграничной делегацией в Берлине существовали прочные связи. Было бы очень удобно выставить Абрамовича эмиссаром Заграничной делегации, потому и была сфабрикована его вымышленная поездка в СССР в 1928 г. Броунштейн действительно приезжал в СССР весной 1929 г.,

но не в качестве эмиссара Заграничной делегации, а по причине болезни сына, который вместе с бывшей женой Броунштейна жил в Москве. Броунштейн не занимал никаких ответственных постов, он не был членом меньшевистского ЦК, не был и членом Заграничной делегации. Тем не менее на него навесили ярлык эмиссара. На процессе Крыленко назвал его представителем заграничной делегации (Процесс, с. 229). В других эпизодах его называли членом ЦК. Главным доказательством пребывания Броунштейна в Москве служат показания обвиняемого Шера (там же, с. 229–231). Характерно, что Шер, называя имя и отчество Броунштейна, говорит «Михаил Абрамович» (там же, с. 229), хотя на самом деле отчество Броунштейна было «Адамович». Я это знаю точно, поскольку в течение многих лет был близко знаком с Михаилом Адамовичем Броунштейном. Вполне вероятно, что Шер видел Броунштейна лишь мельком, а скорее всего вообще не встречался с ним.

Конечно, советской правящей верхушке очень хотелось иметь среди подсудимых эмиссара из-за границы, причем такого, который дал бы признательные показания. Однако, по всей вероятности, выбить «признания» у Броунштейна им так не удалось. Он был арестован через несколько месяцев после возвращения в Москву, поэтому приговор ЧК ему вынесли еще до начала процесса меньшевиков (Процесс, с. 46). Возможно, он и не стал бы возвращаться в Москву, если бы осознавал истинный смысл завершения НЭПа и мог предвидеть последовавшие за этим события¹.

На процессе много внимания было уделено рассмотрению вымышленных поездок в Москву так называемого «члена Заграничной делегации» Броунштейна, а также Абрамовича. Стороне обвинения очень хотелось в качестве доказательства использовать переписку между Москвой и Заграничной делегацией. Однако на Процессе вопрос о переписке подробно не обсуждался. Те несколько писем, которые попали в руки следствия,

¹ Броунштейн М. А. (1886–1938) был арестован 14 июня 1929 г. и в октябре-ноябре приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей (после меньшевистского процесса срок был увеличен до десяти лет). 15 ноября 1934 г. досрочно освобожден. Арестован в октябре 1937 г., приговорен 13 июня 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 19 августа 1993 г. — *Примеч. научн. ред.*

либо были адресованы Икову, либо были написаны им самим. С одной стороны, Иков был единственным подсудимым, который имел организационные контакты с меньшевистской политической организацией в СССР и за его пределами. С другой стороны, Иков не имел никаких связей с «Союзным бюро», если таковое вообще когда-либо существовало. На процессе были предъявлены адресованные ему письма из-за границы, датированные 25 августа, 4 и 23 октября, когда Громан, Суханов и другие обвиняемые уже находились в тюрьме. Единственное написанное самим Иковым письмо в Берлин было датировано 9 января 1931 г. К этому времени в тюрьме находились практически все обвиняемые. В этих письмах не содержалось никакой секретной информации. Они были написаны лишь для того, чтобы подтвердить наличие прямой связи между подсудимым [Иковым. — *Н. Я.*] и заграничным центром (Процесс, с. 45). Таким образом, в переписке на Процессе обвиняли только одного подсудимого. Но что удивительного в том, что Владимир Иков, член РСДРП(м) с 1901 г., время от времени обменивался письмами с кем-то из членов заграничной меньшевистской организации?

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Когда Петунин и Шер в своих показаниях на процессе (Процесс, с. 37 и 185) утверждали, что примерно за полтора года «Союзное бюро» получило финансирование контрреволюционной деятельности в размере 480 тыс. руб., то это выглядело шуткой, правда, неудачной. Из этой суммы 280 тыс. руб. поступили, якобы, от германской социал-демократической партии при посредстве заграничной меньшевистской организации, так называемой «Заграничной делегации». Именно эта организация в течение 40 лет издавала «Социалистический вестник». По личному опыту я знаю, что с финансовой точки зрения эта организация всегда влачила нищенское существование, как и сам журнал. Приблизительно с 1925 по 1960 г. я время от времени публиковался в этом журнале, и в общей сложности за все эти годы написал для него немало статей. Однако в качестве гонорара я не получил от них ни копейки. С 1933 г. я жил в Вашингтоне и когда пользовался услугами машинистки, платил ей сам. Несколько раз мне приходилось посылать свои статьи в редак-

цию в рукописном виде. В этих случаях за машинописные работы журнал денег с меня не брал. На процессе утверждалось, что столь же крупная часть упомянутой выше суммы поступила от русских эмигрантских организаций.

В отношении Финн-Енотаевского мне непонятны два момента. Во-первых, почему он вообще попал в число обвиняемых? На процессе присутствовали 13 подсудимых и 6 свидетелей, полностью и безоговорочно признавшихся в своей преступной деятельности¹, поэтому не было никаких объективных причин портить впечатление и включать в число обвиняемых человека, признавшего свою вину лишь частично. Может быть, репутация Финн-Енотаевского как ученого была столь высока, что организаторы процесса просто не захотели упустить шанс привлечь его к суду и добиться хотя бы частичного признания? Или, может быть, предъявленные ему обвинения, в совершении которых он признался, считались настолько серьезными, что можно было позволить ему не признавать остальные преступления? Далее возникает вопрос: в чем он действительно признался? Было ли это частичным признанием вины или ее полным отрицанием?

Финн-Енотаевский в прошлом был большевиком с большим стажем. К началу процесса он являлся видным специалистом по мировой экономике, профессором Политехнического института в Ленинграде (Процесс, с. 104–107). В период между 1928 и 1930 г. он три или четыре раза приезжал в Москву, причем один раз был проездом. По всей вероятности, во время его продолжительных визитов в Москву его приглашали на обеды, чаще всего к Громану и один раз, как мне кажется, к Кондратьеву. Как правило, на этих обедах присутствовали и другие гости, в том числе, Базаров и Кондратьев. За столом говорили на профессиональные темы. Финн-Енотаевский требовал, чтобы беседы носили чисто теоретический характер, чтобы «вопросы практической политики и вопросы мероприятий абсолютно не обсуждались на этих собеседованиях» (показания Финн-Енотаевского, Процесс, с. 106). Финн-Енотаевский признал, что на этих встречах «говорилось о том, чтобы влиять на советскую власть в известном направлении», но «совершен-

¹ Показания Желудкова, шестого свидетеля, не достаточно четкие для того, чтобы каким-то образом их квалифицировать.

но не было речи о том, что нужно свергнуть советскую власть» (Процесс, с. 106).

Финн-Енотаевский свидетельствовал, что стал членом «Союзного бюро» в апреле 1929 г., однако заявил, что «не участвовал ни в программной комиссии, ни в других комиссиях» (Процесс, с. 188). В его показаниях нет ни слова о предполагаемой иностранной интервенции. Он показал, что его вредительская деятельность ограничивалась тем, что он дважды передавал суммы по 50 тыс. руб. от меньшевистской Заграничной делегации меньшевикам в Москве.

Поскольку в качестве главного «преступления» Финн-Енотаевскому вменялась передача денег из-за границы в Москву, этот вопрос заслуживает подробного рассмотрения. На Процессе все обвиняемые, кроме Финн-Енотаевского, по указанию ОГПУ дали одинаковые показания относительно финансовой помощи, получаемой меньшевистским «Союзным бюро». Петунин, например, свидетельствовал (Процесс, с. 37), что «в общем итоге сумма, поступившая за время „Союзного бюро“, составила что-то около 500 тыс. руб., или, насколько я вспоминаю подсчеты на этот предмет финансовой комиссии, 489 000 руб.»¹. Шер на процессе говорил, что 200 тыс. руб. были получены от «Промпартии», а 280 тыс. руб., собранные II Социалистическим интернационалом, — от Заграничной делегации меньшевиков (Процесс, с. 185–186). Шер заявил, что общая сумма, полученная из этих источников, составляла 489 тыс. руб., однако, согласно его же показаниям, эта сумма могла достигать и 500 тыс. руб. Ларичев, осужденный по делу Промпартии, на Процессе меньшевиков свидетельствовал, что, согласно постановлению ЦК «Промпартии», он передал Громану «около 200 тысяч руб. в три приема» (Процесс, с. 185). Две передачи были произведены осенью 1929 г., а последняя — в начале 1930 г. Одна деталь в показаниях Ларичева весьма характерна: он утверждает, что первые две передачи денег были произведены по возвращении Громана из отпуска. Поскольку третья передача денег состоялась в начале следующего года, это означает, что огромная сумма денег в размере 200 тыс. руб. была передана в течение шести месяцев. Отметим также, что эта помощь (200 тыс. руб.) была получена от одного из двух финансовых ис-

¹ Эти слова принадлежали не Петунину, а Шеру. — *Примеч. научн. ред.*

точников за период времени максимум в полгода. При этом она была передана в организацию, один из лидеров которой, Суханов, принимая по воскресеньям два десятка гостей, обходился тремя стульями и подавал в качестве угощения чай без сахара¹. В ответ на эти показания Громан якобы сказал: «Я подтверждаю цифры [приведенные Ларичевым] и сроки, в которые получались деньги» (Процесс, с. 185).

Тем не менее Финн-Енотаевский также свидетельствовал, что в 1928 г. Громан обратился к нему с просьбой помочь в передаче денег от ЦК Заграничной меньшевистской организации. «В конце октября» [очевидно, что это происходило в 1928 г. — *Н. Я.*] он получил 50 000 руб. для передачи Громану». В другом месте говорится, что он передал Громану 50 000 руб. «в конце октября». Год не был указан, но, по всей вероятности, речь здесь идет о тех же деньгах, которые, как отмечалось выше, были получены Финн-Енотаевским. Далее Финн-Енотаевский якобы сказал: «Второй раз в апреле 1930 года... мне передали 50 тысяч руб.» [для последующей передачи меньшевикам. — *Н. Я.*] (Процесс, с. 186). Громан, дававший показания после Финн-Енотаевского, утверждал следующее: «Он [Финн-Енотаевский. — *Н. Я.*] сообщает, что в феврале 1930 года было передано 300 000 руб.» (Процесс, с. 188). Далее Громан говорит, что всего передавалось не 300 000, а 200 000 руб. Однако показания Финн-Енотаевского свидетельствуют о том, что через его руки прошло лишь 100 000 руб. Если бы эти показания о передаче денег соответствовали действительности, то в них не было бы таких значительных расхождений.

Приговор

Суд приговорил к десяти годам лишения свободы семерых обвиняемых — Громана, Шера, Суханова, Гинзбурга, Финн-Енотаевского, Якубовича и Петунина. Четырех обвиняемых приговорили к восьми годам лишения свободы — это Соколовский, Залкинд, Берлацкий и Иков. К пяти годам лишения свободы были приговорены Тейтельбаум, Рубин и Волков. Десять лет лишения свободы — слишком высокая цена за то, что Финн-Енотаевский был гостем на нескольких обедах и ужинах, орга-

¹ Источник этой информации неясен. — *Примеч. научн. ред.*

низованных у Громана и Кондратьева. Безусловно, этот суровый приговор был связан с его отказом полностью признать свою вину.

В начале 1931 г. осуждение невинных людей на десять лет лишения свободы выглядело бесчеловечно суровым приговором. Но и этот приговор кажется мелочью по сравнению со смертными приговорами, которые в 1936–1938 гг. по приказу Сталина были вынесены бесчисленному количеству его соратников по партии. Впоследствии некоторые из тех, кого в 1930–1931 гг. приговорили к тюремному заключению, были физически уничтожены после закрытых процессов 1936–1938 гг. Такая же судьба ждала и тех, кто как Базаров, не был осужден на открытых процессах 1930 и 1931 гг.¹ Большевики, приговоренные к высшей мере наказания в 1936–1938 гг., имели лишь одно преимущество перед меньшевиками, осужденными на процессе 1931 г.: они находились на свободе в период с 1931 по 1936 г. Конечно, в условиях сталинского режима, это была специфическая свобода.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Антэ Цилица, видный представитель югославского коммунистического движения, провел в СССР более девяти лет (с октября 1926 г. по декабрь 1935 г.) Причины своего приезда в Советский Союз он объяснял следующим образом: «Большевицкая революция, которая со всей решительностью пытается построить общество, основанное на идеях братства наций и освобождения рабочих от рабского ига, с самого начала завоевала мою горячую симпатию»². Во время пребывания в СССР Цилица стал троцкистом. В результате он провел три года в тюрьме (с мая 1930 г. до лета 1933 г.) и два года в ссылке (с лета 1933 г. до конца 1935 г.). Ему удалось добиться разрешения покинуть Советский Союз, поскольку он был иностранным гражданином. В определенной степени этому помогла его голодная забастовка³.

¹ В. А. Базаров умер своей смертью в 1939 г. — *Примеч. научн. ред.*

² *Ciliga A. Russian Enigma. P. I.*

³ А. Цилица (1898–1991) — хорват, один из основателей и член политбюро югославской компартии и Балканского бюро Коминтерна, итальянский подданный. После отъезда из СССР в 1935 г. жил в Париже, после Второй мировой войны — в Италии. Книга «Загадка России», которую цитирует

Цилига пишет: «Как показывает опыт, *не* все средства [курсив Цилиги. — *Н. Я.*] приемлемы в деле революции. Позорные средства компрометируют лучшие цели». Далее он замечает: «Моя цель — рассказать правду. Это особенно ценно в наши дни, когда об СССР говорится огромное количество сознательной и очевидной лжи. Я полностью убежден, что необходимо писать об СССР и о русской революции откровенно, не обращая внимания на то, что в интересах революции большевики традиционно искажают факты»¹. Цилига вновь возвращается к этой теме на странице 210, где говорит: «Я считаю своей обязанностью правдиво и объективно нарисовать портрет советской оппозиции, будь то оппозиция коммунистов, социалистов или анархистов».

Несмотря на то, что ему пришлось пережить в СССР, Цилига не встал на позиции правых. На с. 197, например, мы читаем его восторженное описание гигантской стройки металлургического комбината в Магнитогорске. Я думаю, его можно считать искренним и правдивым свидетелем. Однако в его книге, как и во многих книгах подобного рода, можно найти неточности. С ноября 1930 г. и почти до окончания срока его пребывания в тюрьме он находился в политическом изоляторе в Верхнеуральске. Вскоре после процесса меньшевиков все осужденные были помещены в тот же изолятор, где они провели три года. Поэтому для настоящего исследования Цилига является любопытным свидетелем.

Цилига заявляет, что все показания обвиняемых были «вопящей ложью»². Он также пишет: «В отличие от реакции заключенных в нашей тюрьме на процесс Промпартии [процесс Промпартии конца 1930 г. — *Н. Я.*], наше мнение о процессе меньшевиков был единодушным: все мы считали, что он был инсценирован ГПУ»³. Даже о процессе над Промпартией он го-

Ясный, первоначально издавалась под названием «В стране большой лжи». — *Примеч. научн. ред.*

¹ Ciliga A. Russian Enigma. P. x1.

² Ibid. P. 225.

³ Ibid. P. 222. (Постановлением ВЦИК от 15 ноября 1923 г. Главное политическое управление (ГПУ) НКВД РСФСР преобразовано в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. — *Примеч. научн. ред.*)

ворит лишь следующее: «Единственное, что соответствовало действительности, было недовольство специалистов и их тайное желание дожидаться того дня, когда коммунисты с сожалением убедятся в провале пятилетнего плана. ...Все остальное было ложью и фальсификацией ГПУ»¹.

Открытым остается лишь вопрос о том, каким образом на процессе меньшевиков обвиняемых заставили «сознаться» в совершенных ими преступлениях. Цилига делает несколько общих замечаний по поводу процессов, проходивших с 1928 г. по 1938 г. Так, он пишет: «Успешная организация процессов была характерной чертой сталинской эпохи. Подобные процессы возможны лишь тогда, когда правление безнравственного правительства совпадает с фазой полной апатии общества, уставшего от требований выполнять бессмысленные задачи»². И далее: «ГПУ прекрасно овладело искусством расшатывать нервную систему своих жертв»³. О различных пытках Цилига знал не понаслышке⁴. По поводу процесса меньшевиков он вспоминает: «Как-то я спросил одного из них [осужденных на процессе меньшевиков. — Н. Я.], как из них выбивали эти чудовищные признания. Его ответ был очень характерным: «Мы и сами этого не понимаем. Все это походило на страшный кошмар»⁵.

Из воспоминаний Цилиги по поводу процесса меньшевиков наиболее интересно следующее: «Через несколько лет Суханов распространил в тюрьме копию своего обращения к правительству, в котором он требовал выполнить обещание и освободить тех, кто согласился дать на Процессе ложные показания. В результате ГПУ перевело Суханова в другую тюрьму, но не освободило его»⁶. Это последнее свидетельство подкрепляется воспоминаниями Цилиги о Рамзине⁷. Как известно, Рамзин был обвиняемым на процессе Промпартии в ноябре-декабре 1930 г. Согласно свидетельству Цилиги, «инженеров обвиняли в организации широкомасштабного саботажа и шпионской деятель-

¹ Ciliga A. Op. cit. С. 223.

² Ibid. P. 226.

³ Ibid. P. 228.

⁴ Ibid. P. 149, 153, 158–159, 184.

⁵ Ibid. P. 226–227.

⁶ Ibid. P. 227.

⁷ Ibid. P. 222.

ности в пользу генштаба Франции, готовящего военную интервенцию против СССР. Обвиняемые признали все, вплоть до малейших деталей... и были приговорены к высшей мере наказания. Однако правительство, „принимая во внимание их чистосердечное признание“, заменило смертную казнь различными сроками заключения. Тысячи людей по всей России были расстреляны за несопоставимо менее серьезные преступления. Именно поэтому столь неожиданное милосердие выглядело весьма подозрительным»¹. И далее: «Члены московской оппозиции, арестованные уже после суда над Рамзиным, рассказали нам еще более интересные подробности. После суда Рамзин даже не был отправлен назад в тюрьму. Сразу же по завершении суда, т. е. всего лишь шесть месяцев спустя, Рамзин вернулся к преподавательской деятельности в институте термодинамики² и произнес традиционную профессорскую фразу: «В прошлый раз мы остановились на ...»³. Еще одна интересная деталь: «Через несколько лет его [Рамзина] полностью восстановили во всех правах и наградили Орденом Ленина»⁴. О Рамзине Цилига говорит следующее: «В России все убеждены, что Рамзин добровольно выступил провокатором»⁵.

Завершая описание процесса меньшевиков, приведем еще одну любопытную подробность. Описывая политический изолятор в Суздале, Цилига пишет: «Этот политический изолятор размещен в здании знаменитого древнего суздальского монастыря, находящегося неподалеку от Москвы. Именно здесь проводили репетицию процесса меньшевиков перед тем, как он состоялся в Москве»⁶. Но ведь судебные процессы, в отличие от театральных постановок, в репетициях не нуждаются.

¹ Ciliga A. Op. cit. P. 222.

² Имеется в виду Всероссийский теплотехнический институт. Л. К. Рамзин был одним из его организаторов. С 1921 г. по 1930 г. он был директором, а с 1944 г. по 1948 г. — научным руководителем этого института. — *Примеч. научн. ред.*

³ Ciliga A. Op. cit. P. 223.

⁴ Ibid. P. 224.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 252.

Глава 6. Владимир Густавович Громан

По мнению некоторых моих друзей, и не только их, моя оценка Громана не может быть беспристрастной, поскольку я отношусь к нему с огромной симпатией. По-моему, они ошибаются. По крайней мере, в этой книге, как и в других моих работах, я буду стараться говорить правду, всю правду и ничего кроме правды. На самом деле, я считаю, что Громан был незаурядным человеком с выдающимися способностями и широкой душой. Чтобы подкрепить эту точку зрения, я собрал большое количество материалов, которые будут представлены в данном исследовании. Я не собираюсь заниматься исключительно восхвалением Громана, и читатель почувствует это, когда будет знакомиться с моими комментариями по поводу его деятельности в 1917 г.

Чтобы понять Громана, иностранцу придется сделать невозможное — понять Россию и русский народ. Даже многие русские не способны это сделать. Россия породила несколько гениальных личностей, в судьбах которых прослеживается горькая закономерность: они умерли в молодом возрасте. Гете дожил до 83 лет, а Пушкин был убит на дуэли в возрасте 37 лет. В России было много других талантов, но кого-то стубила страсть к алкоголю, кто-то не смог полностью реализовать свои способности, поскольку тратил часы на пустые разговоры, и т. д. Эта привычка к долгим разговорам частично сохраняется и в наши дни. Так, например, если президенту США на выступление хватает и полчаса, то Хрущеву для доклада порой требовалось не менее 8 часов. По этой причине его аудиторией нередко заранее рекомендовали взять

с собой какую-нибудь еду. Талантливым людям иногда не хватало времени для глубокого изучения интересующей их области знания. Не раз случалось, что русские объявляли о новых открытиях, искренне веря, что именно они стали первооткрывателями, однако, позже оказывалось, что эти открытия уже были сделаны за рубежом гораздо раньше.

Все эти примеры характерны, прежде всего, для русской интеллигенции, особенно для ее правого крыла. Одним из самых типичных ее представителей является Громан, хотя он наполовину был немцем. Вне всякого сомнения, это выдающаяся личность во всех отношениях. Возможно, главными чертами его характера были поразительная энергия, огромная интуиция и честность в высшем смысле этого слова. Когда я впервые встретился с ним, я увидел перед собой огромного полного человека, которому было слегка за сорок. Он не шел, а практически бежал. Полные люди обычно ходят мелкими легкими шажками, а Громан передвигался широким тяжелым шагом. Когда он приближался, его было слышно издали. Дверь он не просто открывал, он врвался в нее. За едой он буквально поглощал пищу и спиртное.

Громан был очень аккуратен с цифрами, но крайне небрежен со словами, которыми он описывал цифры. Слова были некоей формальной оболочкой, а формальностей он не понимал и не принимал. Готовясь к поездке в Москву, он, бывало, в спешке продиктует машинистке важный документ, сунет в карман листок с текстом и отправится на вокзал. Там он заказывал борщ. Между ложками борща он наскоро просматривал текст, а затем отправлял его в печать. Он сердился на меня лишь тогда, когда я на несколько часов задерживал правку документов, которые он хотел отослать немедленно. При этом он утверждал, что документы и так безупречно составлены. Стиль, которым писал Громан, всегда оставлял желать лучшего. Даже в опубликованных материалах можно было заметить пропуски некоторых слов.

Громан не был широко образованным человеком. Слишком много времени он уделял работе. Кроме того, он любил выпить. Он не умел планировать свое время. В США ученые, как правило, владеют только одним языком — американским вариантом английского. В Европе в целом, а особенно в России, ситуация совершенно иная. Однако Громан не знал ни одного иностран-

ного языка. Забавно, но на немецком языке ему было сложно даже заказать еду в ресторане. Его отец, немец по происхождению, преподавал немецкий язык где-то в центральной России, но собственного сына этому языку он так и не обучил. Позднее, когда Громан уже был известным человеком, он просил кого-нибудь переводить для него иностранные материалы. Однако нехватка знаний сполна компенсировалась его невероятной интуицией и врожденным даром улавливать суть проблемы.

Важнейшей частью его характера была честность. Он обладал огромной интуицией, но, несмотря на это, порой совершал ошибки. Свои ошибки он всегда открыто признавал, что помогало устранить их негативные последствия. Он всегда был искренен и откровенен с коллегами и помощниками, с большим энтузиазмом относился к работе, и, благодаря этому, пользовался огромным уважением своих сотрудников.

РАННИЙ ПЕРИОД

Громан родился в 1873 г.¹, в семье учителя. Его отец был немец, а мать — русская. Свою неуемную энергию и бойцовский характер он, по всей вероятности, унаследовал от отца. Материнская славянская кровь порой лишала его чувства реальности, которое развилось в нем, да и то не в полной мере, только в результате горького жизненного опыта.

Вплоть до 1906 г. в его сознательной жизни можно выделить несколько этапов: период активной политической борьбы, период заключения в тюрьме и ссылку, в которой он занимался статистической работой. В молодости он был социал-демократом, а когда социал-демократическая партия распалась на большевиков и меньшевиков, он примкнул к меньшевикам. Как и большинство меньшевиков, он оставался ортодоксальным марксистом вплоть до 1931 г. Мне неизвестно, что с ним стало после 1931 г.

В редакционной статье «Вестника статистики» (№ 2 за 1927 г.), опубликованной к 30-й годовщине научной и статистической деятельности Громана, основное внимание, естественно, сосредоточено на его работах по статистике. В статье описан его жизненный путь, начиная с 1897 г. В тот год его, 24-летнего студента

¹ В. Г. Громан родился в 1874 г. — *Примеч. научн. ред.*

Московского университета, арестовали и выслали в город Орлов, находящийся в Вятской губернии, на северо-востоке Европейской части России. В Орлове, а позднее в Вятке, он активно работал земским¹ статистиком и сделал успешную карьеру в качестве начальника Статистического бюро в земстве Вятской губернии. Именно в это время он разработал собственный метод, так называемую «типологию», которым пользовался для анализа данных статистических обзоров, проводимых его бюро. В 1901 г., после окончания срока ссылки в Вятке, он переехал в Крым, в Симферополь, где стал помощником начальника статистического бюро при губернском земстве. Вскоре он снова был арестован и, проведя полгода в тюрьме, был сослан в Екатеринослав, где начал работу в газете². Следующий арест последовал в 1902 г. Он отсидел в тюрьме еще полгода и был сослан в восточную Сибирь. Громана освободили лишь в феврале 1905 г.

Затем его сослали в Тверь. После недолгого пребывания там он переехал в Москву, где под псевдонимом Владимир Горн опубликовал несколько работ. Наиболее интересной из них, по-видимому, была книга «Крестьянские движения за полтора века»³.

Тогда же, в 1905 г., он был представителем Союза статистиков на проводимом в Финляндии съезде Союза союзов. Этот съезд был главным органом профессиональных и других организаций, занимавшихся общественными проблемами. Здесь Громан прозорливо предсказал будущее булыгинской Думы, которой, по его мнению, суждено было погибнуть под напором революционного движения. Громан, конечно, принял участие в восстании 1905 г. В 1908 г., когда он закончил университет (он был студентом-заочником), известный профессор Н. А. Каблуков предложил ему свою помощь в подготовке к университетской карьере. Но Громан мечтал совсем о другом. В 1909 г. по рекомендации Каблукова его приняли на работу в качестве начальника статистического бюро при земстве Пензенской губернии, расположенной к юго-востоку от Москвы. Здесь начался пери-

¹ Земство представляло собой единицу местного самоуправления губернии (провинции); провинции делились на районы, которые назывались уездами.

² Газета «Днепровский край». — *Примеч. научн. ред.*

³ Горн В. Крестьянские движения за полтора века. М.: Польза, 1909. — *Примеч. научн. ред.*

од его активной работы, в течение которого ему очень много удалось сделать как для самой губернии, так и для российской земской статистики в целом. Находясь в Пензе, Громан разработал методику статистического анализа различных отраслей экономики на основе объединения объектов различного масштаба. Попытки внедрить эту методику привели к конфликту с губернатором. Земство не встало на защиту своего главного статистика, поэтому Громану пришлось вести борьбу в одиночку, и ему, как это ни удивительно, удалось победить.

Приведенные выше факты взяты из редакторской статьи, опубликованной в «Вестнике статистики», в которой описание этого эпизода завершается следующими словами: «В течение этого трудного периода напряженной работы и борьбы за право работы Громан сумел вызвать в своих сотрудниках по Пензенскому Бюро необычайный подъем и необычайный энтузиазм. Все, кто работал с ним в этот ли период или в позднейшие периоды, хорошо знают это особое его свойство вызывать во всех своих сотрудниках тот особый пафос работы, который составляет такую характерную черту всех организованных Громаном рабочих ячеек»¹. Аналогичный вывод сделан в написанной по тому же поводу статье В. И. Зейлингера и Д. В. Шуба², подчиненных Громана. Статистическая работа в Пензе не мешала Громану заниматься активной научной деятельностью

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Вскоре после начала войны в 1914 г., начали расти цены на продукты. Этот факт не вызвал беспокойства у партии кадетов³, однако Громан придерживался иного мнения. Его глубоко волновали интересы рабочего класса, заработные платы которых не поспевали за стремительно растущими ценами. По-видимому, он предвидел, что царское правительство будет не в состоянии

¹ К тридцатилетию статистической и научной работы В. Г. Громана // Вестник статистики. 1927. № 2. С. VI.

² Там же. № 6. С. VIII. (Ссылка неверна: статья В. И. Зейлингера и Г. В. Шуба «В. Г. Громан (к тридцатилетию общественно-научной работы)» была опубликована в журнале «Статистическое обозрение» (1927. № 5. С. V–VIII). — *Примеч. научн. ред.*)

³ Спикером по этому вопросу был А. И. Шингарев, доктор медицины, блестящий оратор и неплохой политик, но не экономист.

контролировать неудержимо растущую инфляцию, которая особенно опасна в период войны. Так или иначе, но он сразу отправился в Москву, и там, при содействии Общества им. Чупрова (Чупров был выдающимся экономистом), организовал «Комиссию по изучению современной дороговизны». Проявив неустойчивую энергию, Громан получил финансовую помощь приблизительно от 20 организаций. На эти деньги было опубликовано трехтомное издание «Трудов комиссии по изучению современной дороговизны», посвященное рассмотрению экономического развития в течение первого года войны¹. В одном из томов А.Н.Иванцов² представил существенно измененные (в сторону повышения) официальные оценки довоенного уровня производства зерна, посевных площадей и урожайности. Каждый из этих показателей, согласно оценкам Громана, был увеличен на 9%, а показатель общего объема выпуска, соответственно, был увеличен на 19%. Эти пересмотренные показатели оказались востребованными после революции. Они были приняты Госпланом и стали основой для официальных статистических подсчетов в течение ряда лет, вплоть до прихода к власти Сталина.

Дезорганизация в экономике, наблюдавшаяся с самого начала войны, вынудила царское правительство уже в 1915 г. создать четыре Особых совещания — по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию. Они начали свою деятельность в августе 1915 г. Эти Особые совещания были представлены различными правительственными организациями; в них также присутствовали так называемые представители общественности. Особое совещание по продовольствию должно было включать по одному представителю от Союза земств и от Союза городов. Представителем от Союза земств стал известный экономист П. В. Струве, который занял весьма пассивную позицию. Союзу городов посчастливилось иметь своим представителем Громана, хотя не исключено, что члены Совета городов думали иначе. Чтобы наладить работу совещания, он создал огромный

¹ На самом деле вышло 4 тома, три в 1915 г. и один — в 1916 г. См.: Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М.: Городская типография, 1915–1916. Вып. 1, Вып. 2, Вып. 3, Вып. 4. — *Примеч. научн. ред.*

² К сожалению, позже, когда Иванцов находился в Праге в среде эмигрантов-монархистов, он отказался от этих оценок, хотя, по большому счету, их правильность не вызывала никаких сомнений.

статистический аппарат с отделами в Москве и Петербурге. Дай ему волю, на развитие статистики он истратил бы весь государственный бюджет. Однако денежные средства тратились не впустую: Громану удалось оказать значительное влияние на работу совещания, а тем самым на организацию поставок продовольствия по всей стране.

Армия была огромной, и ее потребности в снабжении продовольствием были велики. В 1914 г. был собран неплохой урожай, а в 1915 г. урожай был очень хорошим. Кроме того, прекратился экспорт, осуществлявшийся до войны в огромных масштабах. Несмотря на это, правительство продолжало испытывать сложности в обеспечении армии всем необходимым по каналам свободной торговли. В результате были ограничены железнодорожные перевозки грузов для городского населения. Недостаточное снабжение городов и особенно центров провинций только усиливало негативные последствия инфляции. Неудивительно, что представитель Союза городов в Особом совещании по продовольствию выступил с требованием наряду с потребностями армии учитывать в правительственных планах по продовольствию потребности хотя бы крупнейших городов. В этом важном деле Громану удалось достичь значительных успехов.

Вне всякого сомнения, нерасторопность Министерства сельского хозяйства¹, которое отвечало за поставки продовольствия, сильно повлияла на инфляцию. Еще до начала кампании по поставкам продовольствия в 1916–1917 гг. совещание провело особое заседание с участием представителей министерства, отвечающих за продовольственные поставки в различных регионах. На этом заседании попытались установить цены, которые, по мнению Громана, были слишком высокими. Громан со всем пылом бросился в атаку, и ему удалось добиться уменьшения предлагаемых цен. В помятом костюме, с растрепанными волосами, он громоподобным голосом звал к присутствующим на заседании крупным землевладельцам, большей частью происходившим из знати, и в результате его мнение было услышано.

Я не ставлю перед собой задачу подробно описать деятельность Громана в Особом совещании по продовольствию. Я уже упоминал о его борьбе против роста цен на зерно. По его ини-

¹ Особое совещание по продовольствию находилось в подчинении этого Министерства.

циативе был введен запрет на многосортный помол муки, что упростило контроль над деятельностью мельниц и повысило их производительность. Против этого резко выступили владельцы мельниц. Автора этих строк, являвшегося в то время представителем Союза городов, они заклеямили предателем. Мне удалось выступить на этом заседании с предложением исключительно благодаря Громану. Однако я не собираюсь вдаваться во все перипетии этой борьбы¹.

¹ Имеется книга, почти полностью посвященная работе Особого комитета по продовольствию: *Zaitsev K. I., Dolinsky N. V., Demosthenov S. S. Food Supply in Russia during the World War. New Haven, 1930.* Я рад представившейся мне возможности указать на неточности и умалчивание некоторых фактов в этом исследовании эмигрантов, проживающих в Праге и Софии. Работа была написана двумя бывшими сотрудниками Особого комитета по продовольствию, в штате которого состояло много сотрудников. По многословности рассматриваемая работа не уступает аналогичным произведениям сталинской эпохи, опубликованным в СССР. Авторы этого тома недолюбливали Громана и негативно относились к его работам, потому что после Октябрьской революции он не эмигрировал, а работал «на Советы», и, следовательно, по их мнению, занял в российской истории место недостойного человека, предателя, врага. Хотя в данной эмигрантской работе (на стр. 358) упоминается о публикации трех важных томов о дороговизне (см. сноску 1 на с. 151), в ней ни слова не говорится о том, что редактором этой работы был Громан и что он оказал на эту работу значительное влияние. Аналогично этому, хотя Громан занимал важное положение в Особом совещании, его имя в связи с этим упоминается только один раз (стр. 46). На стр. 128–129 много говорится о проведенной Особым совещанием переписи мельниц, но не упоминается, что инициатива по этому вопросу принадлежала Громану. Отдельный раздел книги посвящен стандартизации помола муки, однако умалчивается тот факт, что и по этому вопросу инициатива исходила исключительно от представителя Союза городов. Так, на стр. 85–86 отмечается, что был введен стандарт производства муки, основанный на трехсортном помолу зерна. Однако ни слова не сказано о том, что представитель Союза городов с самого начала настаивал на односортном помолу зерна. В работе не уточняется также, что односортный стандарт был установлен вскоре после введения стандарта на производства муки на основе трехсортного помола, однако, в этом случае инициатива исходила от правительства.

Позднее, с целью последующей публикации Громан поручил мне собрать различные документы, предоставленные Особому совещанию по продовольствию и прикрепленному к нему Центральному бюро по мукомольному производству. Он объяснил, что ему необходимо было выяснить, какие из подписанных им документов он составлял сам, а какие были подготовлены мной. В то время я не до конца осознавал важность

Приблизительно в июне 1916 г. по настоянию Громана меня перевели с невысокой должности, которую я занимал в Союзе городов, в отдел, возглавляемый Громаном в той же организации. Громан определил меня в Санкт-Петербургское бюро. До этого с Громаном я никогда не встречался и почти ничего о нем не слышал. Н. И. Астров, возглавлявший Союз городов и непосредственно руководивший работой Громана и моей, а также некоторые другие мои коллеги отзывались о Громане с уважением, но довольно сдержанно и предупреждали: «Ему лучше не перечить». Я лично был знаком только с одним человеком из отдела Громана, кто говорил о нем с восхищением и уважением и выделял его среди других сотрудников отдела. Это была Вера, жена Владимира Осиповича Левицкого, младшего брата Ю. О. Мартова.

Когда я перешел в отдел к Громану, то смог увидеть собственными глазами, что он был руководителем, вызывавшим у своих подчиненных чувство глубочайшего уважения. Того же мнения придерживались сестра Ленина, Мария, и другие члены коммунистической партии, работавшие в Бюро. За долгие годы работы мне пришлось трудиться под началом разных начальников. Кто-то из них был действительно хорошим руководителем, с кем-то работать было не так приятно, но никого из них даже близко нельзя сравнить с Громаном. Если я высказывал какие-то идеи, пусть порой даже и не очень важные, то обсуждая их с другими, Громан всегда подчеркивал, что это были мои идеи. Он как официальный представитель Союза городов должен был подписывать документы для Особого совещания по продовольствию, и всякий раз огорчался, когда ему приходилось ставить свою подпись под документами, подготовленными мной. При удобном случае он всем объяснял, что документы готовил я, а не он. Хотя это было совершенно необязательно, он взял меня с собой в Москву и, представляя меня в Центральном совете Союза городов, отрекомендовал меня как человека, успешно защищавшего интересы городского населения в вопросах распределения поставок. Вскоре после моего перевода в отдел Громана Особое совещание по продовольствию передало большую часть своих функций отдельно созданной Управе по мукомольному произ-

этого поручения, не понимая, что на моих глазах творится история, поэтому отнесся к этому недостаточно серьезно.

водству. Тогда Громан, даже не предупредив меня, заявил Центральному совету, что отказывается представлять Союз городов в Центральной Управе по мукомольному производству и предлагает назначить на этот пост меня, хотя в то время я имел опыт только провинциального мукомольного производства. Короче говоря, за эти восемь месяцев он дал мне возможность прочно встать на ноги. Затем наши пути разошлись.

Мои личные впечатления о Громане полностью совпадают с оценками, прозвучавшими в его адрес по случаю 30-летнего юбилея, которые я процитировал выше. Об этом свидетельствуют и другие документы.

В № 1 «Вестника статистики» за 1927 г. опубликованы статьи В. Громана, А. Петрова и С. Струмилина, посвященные вопросам равновесия в национальной экономике. Совершенно естественно, что все три автора в своих работах использовали материалы, которые были подготовлены для них их сотрудниками, однако лишь Громан сделал пометку «при участии Р. Я. Бройтмана и Д. В. Шуба». Громан в своей статье о равновесии в народном хозяйстве экономики в 1922/23 г., опубликованной в журнале «Плановое хозяйство» (№ 1, 1925), отдает пальму первенства в исследовании этого вопроса Б. А. Гухману, хотя основная идея этой работы принадлежит ему самому¹. Гухман работал под руководством Громана и, конечно, на различных этапах анализа предоставлял ему значительное количество материалов. С. Г. Струмилин, который сегодня пользуется репутацией ведущего специалиста среди советских экономистов, в те годы работал в тесном контакте с Громаном. Однако он всегда имел собственное мнение, порой отличавшееся от мнения Громана. Это проявлялось даже в том, что они по-разному относились к одним и тем же людям².

«Контрольные цифры на 1925/1926 г.» в основном были составлены Громаном, а Струмилин при написании этой работы играл второстепенную роль. Несмотря на это, Громан отметил,

¹ В. Г. Громан писал: «Основные статистические работы произведены Стат. Бюро Госплана, руководимым С. Г. Струмилиным, научными сотрудниками бюро во главе с Б. А. Гухманом, а в области сельского хозяйства Е. П. Громан, при частичной моей консультации». См.: *Громан В. Г. О некоторых закономерностях...// Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 91 — Примеч. научн. ред.*

² Об этом я знаю от Валентинова.

что в этой работе принимал участие и Струмилин. Струмилин же, в отличие от Базарова¹, даже не упомянул имени Громана ни в одной из своих двух статей, посвященных рассмотрению «Контрольных цифр»². Известно, что Громан воспитал огромное количество учеников, практически всех он упоминает в своих многочисленных работах.

РЕВОЛЮЦИЯ

В первый день Февральской революции в Петрограде была создана Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов и Государственной Думы. Естественно, председателем этой комиссии стал Громан. Первым вопросом, стоявшим на повестке дня, был вопрос о снабжении хлебом. В те дни поставки хлеба стремительно сокращались, и во многих областях страны запасов продовольствия для обеспечения питания огромной армии оставалось только на несколько дней. Позднее говорилось много нелепого о хлебной монополии. Чаще всего, ответственность за введение монополии возлагали на Громана³, хотя, если мне не изменяет память, решение о монополии было принято Продовольственной комиссией единогласно.

Я. М. Букшпан, сотрудник особой продовольственной подкомиссии, который поддерживал дружеские отношения с авторами упомянутой выше пражско-софийской книги, 21 марта 1917 г., за несколько дней до принятия решения о хлебной монополии⁴

¹ В. А. Базаров пишет о работе Громана над «Контрольными цифрами Госплана на 1925/26 год». («Кривые развития» капиталистического и советского хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 54).

² См.: Струмилин С. Г. В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10. С. 7–28; Струмилин С. Г. На плановом фронте // Плановое хозяйство. 1926. № 1. С. 32–43.

³ Тот факт, что успехи или неудачи хлебной монополии связывают с именем Громана, свидетельствует об его огромном влиянии в этой области. В основном это было связано с его работой в Особом совещании по продовольствию еще до революции. В историческом очерке об этом совещании, опубликованном в упомянутой выше книге пражских и софийских эмигрантов, имя Громана вовсе не упоминается, что характеризует данную работу как весьма субъективную.

⁴ Хлебная монополия была введена Временным правительством 25 марта 1917 г. постановлениями «О передаче хлеба в распоряжение государства»

весьма красноречиво высказался в газете «Речь», официальном органе кадетской партии: «То, что давно стояло перед властью, что назрело, запоздало и не терпит отлагательства, должно в спешном порядке быть решено Временным правительством. Назревшей мерой является хлебная монополия»¹. Конечно, Громан не обладал достаточной властью для того, чтобы по собственной инициативе ввести хлебную монополию в национальном масштабе. Мне трудно судить о том, поддерживал ли он эту идею с самого начала. Возможно, монополия на хлеб была исключительно важна для рациональной организации поставок продовольствия, и уроки Второй мировой войны вполне подтверждают эту мысль. Однако нет сомнений, что неумелое решение продовольственной проблемы царским правительством во время Первой мировой войны ускорило принятие решения о хлебной монополии. Аналогичные рассуждения содержались в моей брошюре о регулировании хлебного рынка², которая была опубликована Союзом городов в 1917 г. в Петрограде. Я написал эту работу непосредственно перед началом Февральской революции и незадолго до введения монополии на хлеб. Когда я уже находился в Вашингтоне, мне, к сожалению, не удалось найти копию этой работы.

Хотя никто не оспаривал необходимость введения монополии на хлеб, возникли неожиданные затруднения, которые привели к досадному замедлению с принятием окончательного решения. Все понимали, что зафиксированные осенью 1916 г. закупочные цены на хлеб не поспевали за темпами инфляции. Члены Продовольственной комиссии пришли к единому мнению, что цены на хлеб необходимо повысить, однако, было не вполне понятно, насколько. Громан утверждал, что с учетом развалившейся экономики невозможно сразу установить справедливые цены. Надеясь, что Февральская революция откроет новые возможности для развития экономики, он предложил сохранить на некоторый период старые цены. Кроме того, он предложил выдать производителям зерна сертификаты. Громан полагал, что необходимо немедленно создать комиссию, которая в тече-

и «Временным положением о местных продовольственных органах». — *Примеч. научн. ред.*

¹ Букшпан Я.М. Хлебная монополия // Речь. 1917. 21 марта. — *Примеч. научн. ред.*

² См.: Ясный Н. Опыт регулирования снабжения хлебом. Петроград, 1917. — *Примеч. научн. ред.*

ние нескольких недель разработает единый план по урегулированию национальной экономики и трудовых ресурсов. Ожидалось, что в этом плане будут определены твердые цены на хлеб, которые будут сразу выплачиваться производителям. Впоследствии предполагалось выплатить производителям остаток стоимости хлеба, в соответствии с выданными им сертификатами. Мнения членов Продовольственной комиссии разошлись по поводу того, выпускать подобные сертификаты или нет.

В политическом отношении совершенно неразумно было надеяться, что только что сформированное правительство сможет потребовать от крестьян поставок зерна в обмен на клочок бумаги (т. е. сертификат). Выдвигались справедливые аргументы о том, что неразвитость страны в целом, ужасающее состояние экономики, усугубляющееся ежедневной инфляцией, отсутствие статистического контроля, а также общая дезорганизация помешают созданию любого плана, не говоря уже о плане, который необходимо было разработать в течение нескольких недель и сразу начать претворять в жизнь. В этом со всей очевидностью проявилось отсутствие у Громана практической жилки. К сожалению, в то время такую непрактичность обнаруживал не только он один.

Я отчаянно пытался бороться против предложения Громана. При этом я был единственным из сторонников Громана, кто затеял эту борьбу. Я говорил ему, что революция пока не создала никаких новых возможностей для развития экономики, что не было ни одного компетентного специалиста, который мог бы составить единый план. Ответ Громана прозвучал для меня шуткой: он сказал, что я и «другие» вполне с этим справятся. На мои слова «Вам не хватает чувства реальности», он закричал: «Как Вы смаете так говорить! Я двадцать лет проработал в статистических бюро и хорошо изучил крестьянскую жизнь». Я достаточно грубо возразил ему: «Да, Вы видели только цифры, но не видели жизнь, которая стоит за цифрами». И так далее, и тому подобное. Во всяком случае, к единому мнению мы так и не пришли.

Идея Громана об отсрочке выплаты полной стоимости поставляемого хлеба до тех пор, пока создаваемая комиссия не разработает план, при голосовании была отвергнута с небольшим перевесом голосов. Предложение Громана о выработке единого плана было также отклонено, после чего Громан выдвинул его на рассмотрение Совета рабочих и крестьянских

депутатов. В результате Правительством был создан Главный экономический комитет, председателем которого назначили некомпетентного в этих вопросах С. Н. Прокоповича. В этом комитете полностью отказались не только от предложения Громана, но и от самой идеи работать над созданием какого-либо плана. Никакие конкретные мероприятия также не проводились.

Прекрасной иллюстрацией того, насколько Громан был одержим совершенно нереальной идеей по созданию единого экономического плана в 1917 г., служит история, рассказанная Кондратьевым в 1925 г., во время обсуждения в Госплане пятилетнего плана развития сельского хозяйства. Когда Громан отвечал в Петрограде за распределение потребительских товаров, он однажды, якобы, заявил: «Я не распределяю ни единой пары обуви до тех пор, пока не будет урегулировано народное хозяйство в целом»¹.

Я не пытаюсь оправдать Громана. В те годы, разговаривая с Череваниным, я даже называл Громана «сумасшедшим»². По правде говоря, мне до сих пор непонятна логика его рассуждений в те дни. Что касается единого плана, то некоторым оправданием может служить тот факт, что приверженность Громана к централизованному планированию возникла в результате его знакомства с работами Ю. Лурье (Ларина), где описано централизованное регулирование экономики Германии во время Первой мировой войны. Ю. Лурье был человеком, которого даже Ленин, испытывавший глубокое сожаление по поводу опыта военного коммунизма, считал сумасшедшим.

История, рассказанная Кондратьевым, показывает, что многие знали об увлеченности Громана идеей централизованного планирования. Эта история также подтверждает мое личное

¹ Пути сельского хозяйства. 1925. № 3. С. 137. (В сноске неверно указан год. Приведем цитату целиком: «Мне вспомнился один анекдот о В. Г. Громане. Однажды он стоял во главе большого практического дела, заведующим снабжением населения г. Петрограда и распределением среди него предметов первой необходимости. Население требовало обуви. И злые языки говорили, будто в ответ на это В. Г. Громан объявил: „Не выдам обуви, пока не будет урегулировано народное хозяйство в целом“. Конечно, это анекдот, но как всякий анекдот, он очень характерен». См.: Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства. Пленарное заседание Президиума Госплана СССР 1 августа 1925 г. Заключительное слово Н. Д. Кондратьева // Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 137. — *Примеч. научн. ред.*)

² Череванин был заместителем Громана и моим непосредственным начальником.

мнение о том, что хотя Громана можно критиковать за предлагаемые им способы внедрения централизованного плана, необходимо признать, что именно он первым заговорил об идее такого плана.

Гриневецкий, создатель теории долгосрочного планирования, был наверняка знаком с идеями Громана и, по-видимому, при написании своей книги находился под их сильным влиянием¹.

Здесь уместно привести фрагмент показаний Суханова на Процессе. Когда читаешь его слова, то в голову приходит мысль о том, что безумие охватывало людей не только в 1917 г., но и 14 лет спустя. В показаниях Суханова говорится следующее: «Громан был автором военного коммунизма. Когда он его провозгласил? Он провозгласил его вскоре после Февральской революции. Он в качестве руководителя экономического отдела тогдашнего меньшевистско-эсеровского комитета [по-видимому, Совета рабочих и солдатских депутатов. — Н. Я.] взял за горло кадета Шингарева и выдал из него основной элемент военного коммунизма, т.е. хлебную монополию². На хлебной монополии дело не остановилось. Меньшевистско-эсеровским комитетом была тогда же, 16 мая, принята программа, которая предполагала всю систему, вместе взятую, военного коммунизма» (Процесс, с. 386). Правда, Суханов признает, что эту программу одобрил и Ленин.

Трудно представить себе, как Суханов мог до такой степени неверно истолковать позицию Громана³: ведь хлебная монопо-

¹ См.: *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Всеросс. центр. союз потреб. обществ, 1919. Из текста книги знакомство ее автора с идеями В. Г. Громана не следует. Валентинов в своих воспоминаниях писал, что эта книга оказала большое влияние на В. И. Ленина (Валентинов Н. Указ. соч. С. 260–261). — *Примеч. научн. ред.*

² Цитата полностью соответствует тексту документа. — *Примеч. научн. ред.*

³ До революции Громан придерживался более правых взглядов, чем я. По моему мнению, когда мы имели дело с теми или иными правительственными учреждениями, нам следовало занимать недвусмысленную позицию, которая не позволила бы возложить на нас ответственность за предпринимаемые этими организациями шаги, даже в тех случаях, когда инициатива исходила от нас. Я не видел никакой возможности проследить, как люди, находившиеся на службе у царского правительства, будут выполнять те или иные предложенные нами меры. Громан считал мою позицию по этому вопросу безответственной. Когда Громан хотел донести свои мысли до общественности, он, как и я, публиковался в газете пра-

лия не имела ничего общего с политикой военного коммунизма. Даже если бы Громану удалось разработать свой экономический план, то и тогда хлебная монополия не имела бы никакого отношения к военному коммунизму.

Я подробно рассматриваю события, произошедшие в период Первой мировой войны, включая первые дни после Февральской революции, поскольку без этого невозможно понять те серьезные позитивные изменения, которые произошли с Громаном в течение всего пяти лет. Я не встречался с ним с марта 1917 г. до начала лета 1923 г. Он встретил меня следующими словами: «Вы действительно были правы тогда». Спустя 37 лет из мемуаров Валентинова я узнал, что Громан говорил о своей ошибочной позиции не только мне. Свои ошибки он признавал открыто и даже подшучивал над ними.

Громан всегда смотрел фактам в лицо и признавал ошибки, не пытаясь найти для себя никаких оправданий. Эти качества были исключительно важны для той серьезной работы, которой он занимался в Госплане на момент нашего разговора в 1923 г. и которую ему предстояло выполнять еще в течение пяти или шести лет. Без этого он так и остался бы мечтателем, который верил бы в реальность фантастических планов, составленных группой более или менее образованных людей. Всем этим планам, как и его плану 1917 г., суждено было остаться на бумаге.

По всей вероятности, Громан серьезно изменил свое отношение к политике Советов еще в начале 1921 г., при введении НЭПа. Когда НЭП провозгласили, он, безусловно, был в первых рядах сторонников новой политики. Как и Ленин, он считал, что этой политике суждено существовать в течение длительного времени. Не исключено, что он задумывался о ее возможных долгосрочных последствиях. По воспоминаниям Валентинова

вых меньшевиков. Выбор этого печатного органа был обусловлен личными контактами и никак не свидетельствует о том, что я или Громан полностью разделяли взгляды правых меньшевиков. Во всяком случае, после революции ситуация для Громана изменилась. Как часто шутили в те дни, «Громан пробежал по кругу и, в результате, оказался левее Ясного». Громан перестал печататься в газете правых меньшевиков и переключился на газету «Новая жизнь», издаваемую Горьким. Находившиеся в правительстве меньшевики и эсеры, согласно Суханову, считали эту газету большевистской и второразрядной (Процесс, с. 386).

(см. главу 2), Громан состоял в «Лиге наблюдателей» с первых дней существования этой организации, т. е. с конца 1922 г.

Легче всего понять, на каких позициях стоял в те годы Громан, на примере его высказывания (цитирую по работе Р. Вайсберга, который позицию Громана в целом оценивал как преступную): «Изменения социальных форм хозяйства [я бы сказал, „движение к социалистической форме экономики“.— Н. Я.], заявил Громан в президиуме Госплана в марте 1924 г., возможны только при условии а) развития производительных сил, б) при улучшении положения трудящихся масс города и деревни, в) без применения методов внеэкономического принуждения»¹.

Самую серьезную ошибку Громан допустил в 1917 г. Он нашел в себе силы откровенно признать свою неправоту, что благотворно повлияло на его дальнейшую карьеру. Об этом факте практически никто не знает. Зато всем хорошо известна похожая ситуация: в 1919–1920 гг. Ленин ввел военный коммунизм, а затем смог отказаться от него. Можно сказать, что в этом отношении у Громана и Ленина было много общего.

Ошибка

Ленин попытался ввести коммунизм практически в одночасье. Он надеялся, что такую систему удастся создать, если насильственно, фактически без компенсаций, изымать хлеб у крестьян. Сразу же после Февральской революции Громан мечтал за несколько недель разработать единый план, который позволит регулировать народное хозяйство и распределение трудовых ресурсов в России в целом.

Обстоятельства

Ленин был достаточно хорошо знаком с экономической жизнью в России, что очевидно по его публикациям, и наверняка осознавал неосуществимость задуманных им планов. Правда, не следует забывать, что большую часть своей зрелой жизни, до революции, он провел в эмиграции. Громан также хорошо

¹ См.: Вайсберг Р. Десять лет нэпа и плановой системы // Плановое хозяйство. 1931. № 2–3. С. 12.

знал экономическую ситуацию в России и не мог не понимать, что неразвитость страны в целом и беспокойные условия того времени полностью исключали возможность создания единого экономического плана или чего-то похожего на экономический план за несколько недель, месяцев или даже лет. Кроме этого, Громан работал в основном в губернских статистических бюро, которые занимались исследованием текущих проблем. Он, как и Ленин, не смог оценить перспективы развития России в тот период.

Цена ошибки

Ленин признал свою ошибку после того, как его эксперимент полностью разрушил советскую экономику. Громан также признал свою ошибку, хотя она и не причинила большого ущерба экономике. Однако если бы Громан направил свой талант на решение более реалистичных задач, страна от этого только выиграла бы. Временное правительство, возглавляемое представителями умеренного революционного крыла, не смогло справиться с решением этих задач, что и привело к Октябрьской революции.

ПЕРИОД СЛАВЫ

На процессе меньшевиков Громан свидетельствовал (Процесс, с. 377): «Октябрьская революция. Я через пять дней опубликовываю статью в „Новой жизни“ 1 ноября о том, что пора понять, что это не есть авантюра, это есть народное движение, что большевики возглавили народное движение, что политика коалиции изжила себя. Еще в сентябре я во фракции социал-демократов высказался за народное социалистическое министерство и получил во фракции Дана всего 5 голосов. Я не принял тактики саботажа [по отношению к советскому правительству. — *Н. Я.*] и [после Октябрьской революции. — *Н. Я.*] продолжал работу по продовольствию». Громан работал в правительстве большевиков до 1922 г., когда его по предложению Красина, наркома торговли и промышленности РСФСР, назначили на ответственный пост председателя комиссии по вычислению убытков, полученных СССР от интервенции и блокады (Процесс, с. 378). Однако в Большой Советской Энциклопедии сказано, что

в 1919–1920 гг. местом работы Громана был Главтоп (Главное управление по топливу).

В этот период Громан неоднократно настаивал на необходимости создания централизованного плана. От него мне известно, что по этому поводу у него состоялся как минимум один разговор с Лениным. В 1920 г., т. е. еще в период военного коммунизма, он также начал публиковать обзоры экономического положения (так называемые «конъюнктурные обзоры») в издательстве «Экономическая жизнь» и в различных профессиональных журналах. Эти обзоры, которые издавались ежегодными, квартальными и ежемесячными выпусками, быстро приобрели известность. Учитывая политическую ситуацию, поначалу Громану приходилось публиковаться без подписи. Однако в выпущенном «Экономической жизнью» ежегоднике «Народное хозяйство в 1921/22 году» Громан уже назван редактором. Крумин, занимавший должность главного редактора, осуществлял лишь общее руководство.

Непосредственно после Октябрьской революции Громан не испытывал никакой враждебности по отношению к Советскому правительству, однако провозглашенный в 1919 г. лозунг о полном переходе страны на коммунистические рельсы не мог не подействовать на него отрезвляюще. Он не был привлечен к участию в создании ГОЭЛРО скорее всего потому, что Ленин по причине своего невежества полагал, что для такой работы нужны только инженеры. После создания Госплана в начале 1921 г. единственным экономистом, которому предложили работу в этой организации, был С. Г. Струмилин, бывший меньшевик, незадолго до этого сменивший свою политическую принадлежность. Громана пригласили в Госплан лишь в 1922 г. На первых порах он был консультантом в отделе Струмилина. Базаров, по видимому, начал свое сотрудничество с Госпланом несколько раньше, поскольку уже в мае 1922 г. по Госплану был разослан составленный им важный документ. Все сторонники Громана, которых ему удалось привлечь к работе в Госплане, стали сотрудниками отдела Струмилина.

Сразу после того, как Громан приступил к работе в Госплане, он начал проталкивать идею о составлении баланса народного хозяйства. Для того времени это была чрезвычайно амбициозная задача, хотя в теоретическом аспекте она не была новой. Впервые эта мысль прозвучала еще в XVIII в. в рабо-

те Кенэ «Tableau économique»¹. Позднее она подробно обсуждалась различными учеными, включая Маркса. Но одно дело — развить идею о макроэкономическом балансе в чисто теоретическом исследовании, без учета особенностей данной страны и конкретного периода, и совсем другое дело — подготовить баланс определенной страны на конкретный год или конкретный период. Громан первым попытался заняться подобными научными изысканиями. В начале 1923 г. он впервые выступил на эту тему перед Статистическим отделом Госплана². На заседании Президиума Госплана 21 ноября 1923 г. он представил более подробный отчет, в котором сообщалось о предварительных попытках разработать баланс на 1922/23 г.³ Однако в то время в Госплане было недостаточно сотрудников, чтобы заняться составлением такого баланса. По настоянию Громана и его единомышленников, Совет Труда и Оборона (СТО), являвшийся комиссией Совнаркома с важными полномочиями⁴, поручил Центральному статистическому управлению (ЦСУ) подготовить баланс на 1923/24 г. ЦСУ завершило работу в 1925 г. Спустя много лет идея макроэкономического баланса была заимствована

¹ См. напр.: Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. — *Примеч. научн. ред.*

² Бюллетень Госплана. 1923. Январь. С. 31. (Ясный ссылается на статью М. М. Марковича «К вопросу о современном состоянии народного хозяйства Р. С. Ф. С. Р.». Но в этой статье говорится о выступлении В. Г. Громана в президиуме Госплана с докладом о современном состоянии народного хозяйства РСФСР. — *Примеч. научн. ред.*)

³ В президиуме Госплана // Бюллетень Госплана. 1923. № 11–12. С. 199–122. (На этом экстренном заседании, посвященном планированию народного хозяйства в целом, было заслушано два доклада — В. А. Базарова о принципах и методах построения перспективного плана развития народного хозяйства и В. Г. Громана о балансе народного хозяйства. — *Примеч. научн. ред.*)

⁴ Совет рабочей и крестьянской обороны создан постановлением ВЦИК 30 ноября 1918 г. Ему были предоставлены все права в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны. Председателем стал председатель Совнаркома В. И. Ленин, в совет входили: председатель Революционного военного совета республики (Л. Д. Троцкий), представитель ВЦИК (И. В. Сталин), нарком путей сообщения, председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии (Л. Б. Красин), заместитель наркома продовольствия. В 1920 г. переименован в Совет труда и обороны. — *Примеч. научн. ред.*

экономистами в США, где она появилась в преобразованном виде, как анализ «затраты—выпуск»¹.

Развитие экономики СССР в 1922/23 г. не давало поводов для оптимизма. Хотя Кржижановский продолжал лелеять мечту о дальнейшем развитии плана ГОЭЛРО и создании генерального плана развития на 10–15 лет, в этот период проявилась огромная диспропорция между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, которую Троцкий удачно назвал «ножницами цен». Покупательная способность крестьян резко падала, одновременно в огромном количестве накапливались нераспроданные промышленные товары, хотя общий промышленный выпуск составлял лишь треть от выпуска 1913 г. В ситуации, когда восстановление экономики оказалось под угрозой срыва, власти были вынуждены предоставить определенные полномочия Громану, который к тому времени уже проявил реальные способности управлять экономическими процессами. В декабре 1923 г. Госплан создал Конъюнктурный Совет и входящее в его состав Бюро. Хотя в Совете численно преобладали сотрудники-коммунисты, сам Совет и его Бюро были детищами Громана, и через них он мог организовывать работу. Почти сразу Громан начал подготовку единого плана экономического развития, но не на период 10–15 лет, а на ближайший период.

Краеугольным камнем в развитии советского планирования стала работа Громана «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве», опубликованная в журнале «Плановое хозяйство»². Важно отметить, что Громану было поручено работать над созданием только годового плана, а долгосрочным планированием занимался П. С. Осадчий, инженер ГОЭЛРО, которого в 1927 г. сменил Н. А. Ковалевский. Струмилин должен был заниматься перспективным планированием, то есть составлением пятилетнего плана. Я не могу с точностью утверждать, но не исключено, что такое распределение обязанностей соответствовало высказанным Громаном пожеланиям. Составление годовых планов хоро-

¹ Имеются в виду работы В. Леонтьева. См. предисловие к этому изданию. — *Примеч. научн. ред.*

² Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 89–100; № 2. С. 125–141.

шо вписывалось в его работу по изучению конъюнктуры, которой он серьезно занялся в 1920 г. и продолжал вплоть до 1928 г.

Оказалось, что даже подготовительная работа для составления хорошего годового плана требует много времени и в ближайшем будущем план не может быть составлен. На основе работы «О некоторых закономерностях ...» и других работ в 1925 г. Громану удалось составить «Контрольные цифры», сначала на 1925/26 г. Однако даже эта работа вызвала определенные трудности. «Контрольные цифры» были написаны за четыре месяца и опубликованы в июле 1925 г. Прогнозы урожая — в те годы решающего фактора для экономики в целом — были благоприятными. В соответствии с этими прогнозами были сделаны расчеты. Однако вследствие сильных дождей собранный урожай оказался хуже прогнозируемого, поэтому в «Контрольные цифры на 1925/26 г.» пришлось вносить изменения. В переработанном виде они были изданы в октябре. Однако сложности на этом не закончились.

Как в первоначальном, так и в переработанном виде «Контрольные цифры» представляли собой брошюру в 100 страниц, напечатанных не очень плотно. Я часто задавал себе вопрос, какие чувства испытывал Громан, когда смотрел на эту брошюру — результат стольких трудов и усилий, сопряженных с неизбежными трудностями? Чувствовал ли он сожаление, вспоминая о едином плане, который ранее намеревался составить за несколько недель? Но, скорее всего, он отложил идею о едином плане на лучшие времена и просто радовался, что наконец завершил сложную работу и тем самым сделал первый шаг на пути к реализации своей заветной мечты. Так или иначе, трудности, которые он испытал при осуществлении этого проекта, вряд ли оставляли ему возможность для каких-то иных переживаний.

В служебной записке, направленной Госпланом в Совет Труда и Оборона по поводу пересмотра «Контрольных цифр на 1925/26 г.», говорится: «Судьба „Контрольных цифр“ в СТО была глубоко печальной. В прениях были высказаны самые разнообразные и противоречивые суждения. ВСНХ указывал на недостаточность предусмотренного темпа развертывания промышленности и на преувеличение сельскохозяйственной товарной продукции. Наркомфин и Наркомзем упрекали в недостаточном учете интересов сельского хозяйства. Отдельные

товарищи решительно критиковали некоторые методы составления работы и выводы. Совет Труда и Оборона не использовал никак проделанную Госпланом работу»¹.

Особенно прохладное отношение к планированию проявили неонародники. Альберт Вайнштейн в начале своей статьи «О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926/27 г.» отметил, что в принципе он не был противником контрольных цифр и даже считал их «нужными и полезными, но в ограниченной области и в отведенной для них сфере применения». Вайнштейн пишет, что «в прошлом году появление контрольных цифр по народному хозяйству СССР произвело большое впечатление, вызвало много споров и нападок, иногда очень обоснованных». Однако далее он утверждает: «Мы не думаем, что система контрольных цифр должна нам давать будущую модель нашего народного хозяйства, вид последнего через год во всех деталях. Нужно со всей резкостью заявить, что подобная затея является химерой, гаданием на кофейной гуще и ничем иным в настоящее время быть не может. Всякая смета содержит лишь главные статьи, всякий план предусматривает лишь общий абрис, контрольные цифры для народного хозяйства должны давать лишь основные данные, оставив детали для производственных и оперативных плановых ведомств»². Таким образом, Вайнштейн дал, наверное, самую суровую оценку Контрольных цифр. Однако дальнейшее развитие Контрольных цифр, а затем и годовых планов, так и не пошло по предложенному им направлению.

Милютин, нападая на Кондратьева за его критику Контрольных цифр на 1925/26 г., сказал: «Вы знаете, что в целом прогноз на 1925/26 г. оказался осуществленным»³. Однако он не упомянул, что этот прогноз был сделан Громаном. Сам факт, что эта скромная книга, ставшая первой попыткой подобного рода, «произвела большое впечатление» и «вызвала серьезные споры», свидетельствует о том, что в то время назрела необходимость создать что-то хотя бы отдаленно напоминающее план.

¹ Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 44.

² Вайнштейн А. Л. О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926/27 год // Социалистическое хозяйство. 1926. № 4. С. 5, 7.

³ Кондратьевщина. С. 13.

В качестве первой попытки «Контрольные цифры» сыграли существенную роль.

Хотя М. Бирбраер подверг резкой критике «Контрольные цифры» на первые два года, он отметил следующий факт: «Группа экономистов, работавшая над контрольными цифрами 1925/26 и 1926/27 гг., очень ясно отдавала себе отчет в необходимости научной методологии для ее работы. Тов. Громану принадлежит бесспорная заслуга постановки вопроса о законах „восстановительного“ периода и, вообще, об „эмпирических закономерностях“ в народном хозяйстве. Его работы и были положены в основание построения „контрольных цифр“. Мы полагаем, что предложенный тов. Громаном путь в дальнейшем окажется весьма плодотворным»¹.

Трудно перечислить все препятствия, с которыми сталкивались авторы «Контрольных цифр». Во-первых, при составлении прогнозов существовали чисто методологические трудности: каждый последующий год значительно отличался от предыдущего, поскольку соответствовал определенному этапу развития экономики (приближение к концу восстановительного периода, конец восстановительного периода и, наконец, начало периода реконструкции). Одновременно происходила борьба по разным направлениям между представителями власти, политическими группировками и фракциями. Возможно, самая большая сложность была обусловлена тем, что к экономике предъявлялись два основных требования — *viz.*² высокие темпы роста и быстрое расширение социалистического сектора. Эти требования противоречили друг другу, поскольку управление государственными предприятиями в сфере промышленности, торговли и, особенно, строительства требовало огромных затрат. Но, несмотря на эти сложности, работа не только продолжалась, но и быстро приобретала новый размах. «Контрольные цифры на 1927/28 г.» представляли собой том объемом в 600 страниц и содержали весьма разнообразные материалы.

Влияние Громана быстро росло. Вскоре его назначили членом Президиума Госплана. В 1926 г. П. И. Попова сняли с должности главы Центрального статистического управления. Не исключе-

¹ Бирбраер М. К вопросу о методологии построения «перспективных планов» // Экономическое обозрение. 1927. № 6. С. 87.

² А именно (лат.). — Примеч. научн. ред.

но, что на это решение отчасти повлияла критика Громана и его сторонников. После этого Громан стал членом Совета ЦСУ, отвечающим за связи с Госпланом. В результате он приобрел огромное влияние на работу ЦСУ в целом, а также на издательскую деятельность и отбор сотрудников. В 1927 г., по случаю 30-й годовщины деятельности Громана в качестве статистика, по предложению ЦСУ правительство РСФСР присвоило ему звание заслуженного деятеля науки.

Объем этой книги не позволяет даже в самых общих чертах описать первые три выпуска «Контрольных цифр» или хотя бы выпуск за 1927/28 г. В работе «Советская индустриализация» я высказываю предположение, что даже одной фразы Громана из «Контрольных цифр на 1927/28 год» хватило бы для того, чтобы снять его с должности. Эта фраза звучала следующим образом: «Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что для предстоящего года неизмеримо важнее запроектированных количественных сдвигов в соотношении социальных секторов является решение труднейшей задачи по повышению качества работы всего социалистического сектора» (с. 28).

В действительности, Громан лишился своей должности, скорее всего, потому, что Сталин стремился перейти к политике «наступления социализма по всему фронту» с вытекающими из нее совершенно нереалистичными планами (см. выше обсуждение пятилетнего плана). Конечно, при такой политике места для Громана не оставалось. Струмилина какое-то время еще терпели, но через два года и он был отстранен от ответственной работы по планированию.

После выпуска «Контрольных цифр на 1928/29 г.» работа по составлению годовых контрольных цифр перешла в другие руки. Хотя на первый взгляд, новое издание мало отличалось от старого, но оно фактически означало огромный шаг в сторону превращения реалистичных планов в фантастические. Так, за один год планировалось увеличить на 7% территорию пахотных земель, на 3% — урожай, но при этом выдвигалось требование сократить на 7% себестоимость в промышленности¹.

«Контрольные цифры на 1929/30 г.» означали дальнейшее скатывание в пропасть. Контрольные цифры на октябрь-

¹ Кржижановский Г. М. О «Контрольных цифрах на 1928/29 г.» // Плановое хозяйство. 1929. № 2. С. 17. (Эта ссылка неточна. — *Примеч. научн. ред.*)

декабрь 1930 г. и планы на 1931 г. превратили планирование в фантазмагорию. Однако в отличие от пятилетних планов годовые планы стали более или менее реальными. За исключением периода массовых репрессий (1937–1940 гг.) эти планы, несмотря на то, что в них имелись значительные недочеты, особенно в области сельского хозяйства, в основном соответствовали реальности. Конечно, само по себе для пятилетнего планирования этого было недостаточно. Начиная с 1955 г., неоднократно предпринимались попытки улучшить планирование и, в частности, изменить пятилетние планы таким образом, чтобы они не только служили целям пропаганды, но и способствовали реальному управлению экономикой.

15 декабря 1929 г. Вайсберг, один из наиболее влиятельных коммунистов в Госплане, а также бывший член редколлегии журнала «Плановое хозяйство», начал широкомасштабное наступление на меньшевиков и неонародников, в частности, на Громана, Кондратьева и Базарова. Незадолго до этого, 20 сентября 1929 г., он опубликовал статью в газете «Правда», озаглавленную «Первое пятилетие контрольных цифр (1925/26 — 1929/30)». Эта статья стала своего рода предвестником начала большой кампании. Хотя в этой статье Вайсберг яростно нападал на Громана и его единомышленников, о «Контрольных цифрах» он писал следующее: «В свое время первые Контрольные цифры представляли собой огромный шаг вперед в смысле подведения итогов в области методологии планирования. ... Эти попытки дать статистико-экономическое обобщение народного хозяйства в целом, определить тенденции ближайшего прошлого и наступающего нового года являются столь великой исторической заслугой первых контрольных цифр, что ее очень трудно переоценить. Они сыграли революционную роль в деле планирования. Они не только намечали вероятный ход развития, но говорили о том, что нужно делать. ... Нельзя забывать, что если в 1929 г. мог появиться пятилетний план, то это было обусловлено накоплением в стране плановой работы, связанной с несколькими годами составления контрольных цифр»¹.

¹ О важности статистических и динамических коэффициентов, положенных Громаном в основу Контрольных цифр, можно судить по тому факту, что ожесточенные нападки на них продолжают звучать в советской

ПРОГРАММА МЕНЬШЕВИКОВ

Начиная с 1923 г., Громан и Базаров неоднократно формулировали основные принципы планирования, которые легли в основу программы, составленной Громаном и его единомышленниками-меньшевиками из Госплана. Я приведу здесь отрывок из доклада Громана, сделанного им на состоявшейся 29 июня 1927 г. конференции, посвященной контрольным цифрам на 1927/28 г.: «Есть критерии, которые нам позволят найти как характеристики положения и роли каждой отрасли, так и критерий соизмерения их нужд. Эти критерии были сформулированы тов. Базаровым в такой форме: оптимальное сочетание развития производительных сил, роста благосостояния трудящихся масс и развития социалистических форм хозяйства. [Отметим, что в этом перечислении социализация стоит на последнем месте.] Я всегда прибавлял к этому — с учетом сохранения динамического равновесия народного хозяйства, требующего пропорциональности в развитии его отдельных элементов»¹.

Мысль о равновесии наиболее четко была сформулирована Громаном в работе «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве»: «Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований»².

В 1926 г., обсуждая контрольные цифры на 1925/26 г., Громан писал: «Контрольные цифры представляют собой скоординированную систему цифр, отражающую определенную систему отношений (с. 8)»³. При докладе в СТО автором настоящих тезисов было подчеркнуто, что если изменить один из элементов

прессе вплоть до сегодняшнего дня, спустя более чем 35 лет с момента их публикации.

¹ См.: Громан В. Г. Об оценке экономической ситуации в СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 137.

² Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 91.

³ В. Г. Громан ссылался на следующее положение: «Комиссия считала возможным остановиться на том или другом результате вычислений лишь тогда, когда получалась внутренне согласованная система реальных отношений». См.: Контрольные цифры на 1925/26 год. М.-Л.: Плановое хозяйство, 1925. С. 8. — *Примеч. научн. ред.*

в системе контрольных цифр, то изменятся и все другие, так как система контрольных цифр отображает определенную систему динамического равновесия народного хозяйства»¹.

Мне удалось обнаружить формулировку концепции равновесия Громана, которая относится еще к 1923 г., хотя, возможно, существуют и более ранние формулировки. Так, он писал: «Планирующее начало должно быть усилено путем действительного координирования всех мероприятий экономической, финансовой и, в частности, кредитной и социальной политики в Госплане с точки зрения условий развития всего народно-хозяйственного целого, соотносительности и соразмерности отдельных сторон хозяйства народного и государственного и разных типов хозяйства (обобществленного и частного). Объективные противоречия и антагонизмы должны быть смягчаемы, исходя из идеи равновесия общественного организма»².

На самом деле, мысли о равновесии прослеживаются уже в идее единого экономического плана, выдвинутой Громаном в 1917 г., а также в его «статистике народнохозяйственного целого», представленной им либо в 1917 г., либо несколько позже³.

Важная черта динамического равновесия, на которой настаивали Громан и Базаров, состояла в том, что темпы роста сельского хозяйства должны быть достаточно высокими, но не превышающими темпы роста промышленности. Однако идея равновесия предполагала гораздо более важные последствия и представляла собой краеугольный камень созданного Громаном метода планирования.

Тогда, 40 лет назад, в 1920-е годы, не нужно было иметь большого ума, чтобы убедиться в полезности идеи экономического равновесия. Однако стоявшие в то время у власти большевики так спешили добиться впечатляющих результатов, что не вдавались в детали какой-то теории. Главной их целью была индустриализация любой ценой. В начале 1920-х годов идею равновесия не восприняли лишь представители левого крыла партии. Во второй половине 1920-х годов отрицание теории равновесия

¹ Громан В. Г. Тезисы к пересмотру контрольных цифр на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 85.

² Хозяйственное положение СССР // Бюллетень Госплана. 1923. № 10. С. 40.

³ Еще когда Громан жил в Пензе, он встречался с Богдановым, талантливым ученым и страстным защитником идеи равновесия.

легло в основу политики Сталина и так называемой генеральной линии партии. Но Громан все с большей настойчивостью продолжал отстаивать необходимость экономического равновесия.

В 1930 г. началась открытая критика теории равновесия. Рагольский, один из тех, кто выдвигал обвинения в адрес Громана, писал: «Важно иметь в виду, что теория равновесия была выдвинута Громаном совершенно сознательно, имея целью доказать невозможность резких сдвигов в нашей экономике и губительность их»¹. Утверждения Рагольского не соответствовали действительности. Громан с энтузиазмом относился к идее о равновесии еще до прихода большевиков к власти. В 1920-е годы он более активно выступил в защиту этой теории, поскольку уже не оставалось сомнений в том, что большевики откажутся от нее, а Громан прекрасно понимал, к каким непоправимым последствиям может привести этот отказ.

Все критики Громана были солидарны с Рагольским. Вайсберг, выступая с докладом на собрании специалистов Госплана 15 декабря 1929 г., процитировал высказывание Громана о том, что «равновесие, хотя бы подвижное, хозяйственного организма страны есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований»². Затем Вайсберг сказал: «Враки, господин Громан. Не в механическом, побогдановски понятом равновесии дело, ...а в единстве противоположностей и в умелом использовании действительности во имя революционной цели. Благо революции — высший закон, и, когда этот закон требует, мы обязаны идти на нарушение и разрушение равновесия»³.

Одновременно с жесткой критикой теории равновесия проявилась враждебность к другой теории Громана — о соотношении товарной продукции промышленности и сельского хозяйства. Эта идея, являющаяся одним из аспектов теории равновесия, позднее была значительно искажена. В работе

¹ Рагольский М. О вредительской теории планирования Громана и Базарова // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 63.

² См. Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 91. — *Примеч. научн. ред.*

³ Вайсберг Р. Е. Буржуазные извращения в области планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 21.

«О некоторых закономерностях...» Громан пишет, что при составлении баланса народного хозяйства на 1922/23 г. Гухман заметил, что соотношение выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции при существующих в 1922/23 г. ценах почти не отличалось от аналогичных довоенных показателей. Когда Громан обратил внимание на этот факт, он вместе с Гухманом проанализировал ситуацию в 1921/22, 1922/23 и 1923/24 гг. На основе полученных данных он попытался сделать прогноз на 1924/25 г. Процентное соотношение объема товарной продукции сельского хозяйства промышленности, рассчитанное в текущих ценах, оказалось следующим:¹

Год	Сельское хозяйство	Промышленность
1913	37	63
1921/22	52	48
1922/23	41	59
1923/24	38	62
1924/25 (прогноз)	37	63

Ставшую знаменитой идею Громана о соотношении 37 к 63, легко превратить в полный бред, если приписать ему мысль о том, что это соотношение всегда будет неизменным. Именно это и делали враги Громана, и не только они. Однако подобное утверждение нельзя встретить ни в одной из его работ. Статья «О некоторых закономерностях...», в которой наиболее полно была развита идея о соотношении товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, ограничивалась рамками лишь восстановительного периода. В 1924 г., когда Громан работал над этой статьей, он предполагал, что этот период завершится приблизительно к 1926 или 1927 г. Он писал: «Огромная вероятность, что и в следующие годы мы будем иметь дальнейшее приближение к довоенному уровню цен»².

Но под «следующими годами» он подразумевал только ближайшие год или два. Из приведенной выше таблицы видно, что на самом деле он пытался дать прогноз объемов товарной

¹ Плановое хозяйство. 1925. №1. С. 96.

² Там же. С. 99.

продукции лишь на один год (1924/25). В первые два месяца 1924/25 хозяйственного года, т. е. до начала работы над этой статьей, Громан уже размышлял над тем, что произошло с этим соотношением. Для рассматриваемого периода шесть или семь лет были целой вечностью. В 1931 г. Рагольский писал: «Скрытый смысл теории Громана и состоял в обосновании неизбежности непрерывного роста сельскохозяйственных цен в результате неизбежного и непреодолимого относительного роста промышленности. Такой непрерывный рост был на руку кулаку и в ущерб индустриализации»¹. Рагольский даже не удосужился показать, что подсчеты Громана были неверными.

Конечно, и Вайсберг не упустил возможности напасть на предложенные Громаном коэффициенты соотношений между объемами товарной продукции². Он утверждал, что Громан, якобы, неоднократно ссылаясь на предложенную им пропорцию 37 к 63. Одним из фактов вредительства он назвал то, что Громану удавалось в течение некоторого времени включать эту пропорцию в Контрольные цифры. Обвиняя Громана, Вайсберг также не приводит никаких статистических данных.

К сожалению, критические замечания, аналогичные тем, что были высказаны Рагольским и Вайсбергом, можно встретить и в западной литературе. Поэтому, как мне кажется, было бы разумным остановиться на этой проблеме подробнее. На страницах 474 и 475 книги «Контрольные цифры на 1927/28 год» приведены следующие пропорции величин товарной промышленной и сельскохозяйственной продукции в ценах 1924/25 и 1926/27 гг., подсчитанные для плана на 1927/28 г. (в процентном соотношении):

	1924/25	1925/26	1926/27	план 1927/28
Сельское хозяйство	42,7	37,9	36,8	35,8
Промышленность	57,3	62,4	63,2	64,2

¹ Рагольский М. О вредительской теории планирования Громана и Базарова // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 65.

² Вайсберг Р. «Объективная» наука госплановских вредителей // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 39.

Громан по праву мог гордиться своими расчетами. Довоенная пропорция 37 к 63 была в точности соблюдена в 1926/27 г., а в то время считалось, что в этот год завершился восстановительный период.

Борьба за индустриализацию усиливалась в течение 1927/28 г. и особенно в 1928/29 г. Следовательно, можно было ожидать, что соотношение товарной продукции, рассчитанное в 1924 г., не сможет далее сохраняться. Однако отклонения были небольшими, практически несущественными. Согласно Контрольным цифрам на 1929/30 г. (см. с. 422–423), объемы товарной продукции в текущих ценах были следующими (в процентном соотношении):

	1926/27	1927/28	1928/29
Сельское хозяйство	42,7	37,9	36,8
Промышленность	57,3	62,4	63,2

За два важных года, 1927/28 и 1928/29, доля товарной продукции сельского хозяйства в общем объеме товарной продукции снизилась на 1,1%. Эти данные демонстрируют весьма редкую для статистики степень точности¹.

Несмотря на то, что Громан вновь и вновь обращался к вопросу равновесия, главным пунктом его программы был, по видимому, вопрос о росте производительных сил. В любом случае в программе этому пункту придавалось большое значение. В Контрольных цифрах на 1926/27 г. он пишет (с. 5): «Составляя «контрольные цифры» на 1926/27 год, мы старались ответить на следующие вопросы: происходит ли рост производи-

¹ В трех приведенных выше таблицах обнаруживаются некоторые расхождения в данных. Так, на 1926/27 г. пропорция составляла 36,8:63,2 согласно Контрольным цифрам на 1927/28 г. и 33,1:66,9 согласно Контрольным цифрам на 1929/30 г. Разница небольшая, но важно, что в приведенных выше таблицах сравниваются статистические данные из одного и того же источника. Но в итоге никто кроме Громана с такой настойчивостью и не указывал на недостатки статистического материала. (В статье, опубликованной в журнале «Плановое хозяйство» (№1, 1925), он пишет: «Статистические данные очень несовершенны; метод их обработки очень приближенный» (с. 93)).

тельных сил страны? Какой темп этого роста предполагается в 1926/27 году по сравнению с предшествующими годами? Какие перспективы складываются для 1927/28 года?» Сама формулировка «рост производительных сил» является строго марксистской, однако для большевиков рост производительных сил мог иметь нежелательные последствия. Дело в том, что последующую социализацию экономики следовало проводить таким образом, чтобы она не оказала неблагоприятного воздействия на рост производительных сил и тем самым на общее экономическое развитие.

Громана не удовлетворял тот факт, что это ограничение учитывалось лишь при прогнозировании возможных последствий. По-видимому, еще в марте 1924 г., т. е. за пять с половиной лет до того, как Сталин начал кампанию по «наступлению социализма по всему фронту», Громан в своем выступлении в президиуме Госплана заявил: «Изменения социальных форм хозяйства [я бы сказал, «движение к социалистической форме экономики». – Н. Я.] возможны только при условии а) развития производительных сил, б) при улучшении положения трудящихся масс города и деревни, в) без применения методов внеэкономического принуждения»¹.

Прогнозируемые Громаном и Базаровым темпы социализации существенно отличались от официальных параметров, что не могло не вызвать недовольства партийного руководства. В «Контрольных цифрах на 1926/27 г.» (с. 27) говорилось: «Соотношение социальных секторов, огромных массивов народно-хозяйственного целого, это наследие десятилетий и веков предшествующей истории. Нужны будут длительные сроки и гигантские усилия, чтобы радикально изменить эти количественные отношения»².

Приводимое ниже высказывание Базарова касается соотношения между ростом производительных сил и социализацией, предусмотренного в пятилетнем плане: «Возможно такое стечение обстоятельств, при котором требуется на некоторое время

¹ Эта цитата взята из критической статьи Р. Вайсберга в адрес Громана, опубликованной в «Плановом хозяйстве» (1931. № 2–3. С. 12). Вне всякого сомнения, Вайсберг имел в распоряжении материалы, недоступные нам.

² На самом деле, эта цитата взята из Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1927/1928 год. — *Примеч. научн. ред.*

замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепиться на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил. Но невозможно представить себе обратное, т. е. необходимость временного замедления роста производительных сил в целях форсирования народного благосостояния или процессов социализации. Развитие производительных сил есть ведущее звено. В оптимальном плане этот показатель должен обнаруживать плавный рост. Всякие перебои, срывы или замедления свидетельствовали бы в данном случае о дефектности плана»¹.

Поскольку меньшевики и, в частности, Громан, не предполагали возврата к частной собственности в тех сферах, которые уже были социализированы, то ограничения относительно размаха дальнейшей социализации представлялись весьма важными: ведь издержки в общественном секторе были выше, чем в частном секторе до войны. Производственные затраты в промышленности, а также накладные расходы в торговле были более высокими. Единственным исключением, наверное, был железнодорожный транспорт, который до революции принадлежал преимущественно государству.

Коммунистов не устраивал такой подход меньшевиков к социализированному сектору. При составлении Контрольных цифр с 1925/26 г. по 1927/1928 г. невозможно было обойтись без планирования социализации, однако предусмотренные в Контрольных цифрах темпы роста социализированного сектора казались большевикам совершенно неадекватными. Выше уже цитировалась фраза из заключительной части Контрольных цифр на 1927/28 г., касающаяся этого вопроса. Повторим ее, выделив курсивом наиболее важную часть: «Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что для предстоящего года неизмеримо важнее запроектированных количественных сдвигов в соотношении социальных секторов [т. е. большей социализации. — Н. Я.] является решение *труднейшей задачи по повышению качества работы всего социалистического сектора*».

Чтобы в то время включить в Контрольные цифры такую фразу, нужно было обладать большим мужеством. Как уже упо-

¹ Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42–43.

миналось выше, не исключено, что именно эта фраза сыграла столь важную роль в отстранении Громана от работы над Контрольными цифрами сразу же после выхода «Контрольных цифр на 1927/28 г.».

В этом вопросе точку поставил Сталин, резко заявив в апреле 1929 г.: «Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в Советской стране составляет рост производительности труда? Нет, неверно. Нам нужен ведь не всякий рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим»¹. И далее: «В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество, капиталистическое, и докапиталистическое. Отличие советского общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства»².

В действительности, Сталин был готов пожертвовать ростом производительности народного труда и даже согласиться на ее временное сокращение ради построения «социализма», в том виде, в котором он себе его представлял. Нет сомнений, что Сталину в большой степени удалось построить такой «социализм», однако производительные силы, несмотря на огромные жертвы, не смогли достичь значительного роста. В 1931 и 1932 гг. национальный доход даже сократился.

Последние годы жизни

Год 1927, когда были опубликованы Контрольные цифры на 1927/28 г., был, наверное, годом наивысших успехов в деятельности Громана. В этом же году отмечалось тридцатилетие его научной работы. Здесь стоит привести некоторые из высказываний, опубликованных по этому поводу.

¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1947. С. 253.

² Там же. С. 253–254.

В передовой статье от редакции, опубликованной в «Вестнике статистики» за май 1927 г., мы читаем следующее: «Владимир Густавович не умеет мыслить раздробленно, клочками и обрывками; его мысль всегда синтетическая мысль, его анализ всегда охватывает совокупность целого ряда обособленных факторов...»¹.

В статье Базарова характеристика подхода Громана к проблемам народного хозяйства дана уже в ее заглавии: «Громановская концепция народнохозяйственного целого и плановое хозяйство». В этой статье Базаров пишет: «Мне хочется сказать несколько слов о той совершенно исключительной, я бы даже сказал, интимной связи, которая существует между плановым хозяйством и научной деятельностью Владимира Густавовича. Тридцатилетняя исследовательская работа В.Г. Громана пронизана единым творческим замыслом, сцементирована единой руководящей идеей „народнохозяйственного целого“. В.Г. Громан является в известном смысле пионером»². Далее Базаров хвалит Громана еще больше. Я приведу здесь наиболее выразительный абзац: «В.Г. Громан, как выдающийся художник в сфере экономики, обладает искрой таинственного ведения, которое по самому существу своему непереводаемо на язык нашего обычного дискурсивного, научно-методического познания»³.

Упомянутая выше редакционная статья из «Вестника статистики» завершается следующим образом: «Будем надеяться, что В.Г. Громан развернет новую блестящую страницу в истории своей деятельности и поможет четкому выявлению того, что он называет статистикой народнохозяйственного целого»⁴. Но судьба распорядилась иначе. Юбилей праздновался в апреле 1927 г.⁵ Период НЭПа уже близился к концу

¹ К тридцатилетию статистической и научной работы В.Г. Громана // Вестник статистики. 1927. № 2. С. I.

² Базаров В. А. Громановская концепция народнохозяйственного целого и плановое хозяйство: К тридцатилетию научной и общественной деятельности В.Г. Громана // Плановое хозяйство. 1927. № 6. С. 162.

³ Там же. С. 164.

⁴ К тридцатилетию статистической и научной работы В.Г. Громана // Вестник статистики. 1927. № 2. С. VIII.

⁵ По предложению ЦСУ В.Г. Громану было присвоено звание заслуженного деятеля науки. — *Примеч. научн. ред.*

и завершился несколько месяцев спустя. Победу одержала «генеральная линия» Сталина, ни одного пункта из которой Громан не мог принять.

Однако Громан не сложил оружия, а, напротив, развернул активную борьбу. Но «генеральная линия» Сталина стремительно внедрялась в жизнь. Во время дискуссии по докладу Ковалевского «Методология генерального плана», проходившей на состоявшемся весной 1928 г. заседании Клуба сотрудников Госплана, Громан страстно заявил: «Склонность к фантастическим построениям нужно совершенно устранить. Смотрите на факты, а не сочиняйте себе среду, в которой вы живете. Прежде всего, нужно сказать, что кроме сил, которые делают наш план минимальным, есть еще силы, которые могут потащить его назад. Скрывать эти силы от себя не нужно. ...С того момента, как вы перестаете оперировать *реальными силами* или *реальным развитием*, с этого момента вы впадаете в фантастику»¹. В печати все реже и реже появлялись высказывания, носящие явно оппозиционный характер по отношению к «генеральной линии» партии. Можно вспомнить доклад Суханова «Об экономических предпосылках к подъему сельского хозяйства», прочитанный им в Аграрном институте Коммунистической академии 4 декабря 1928 г.²

Еще одним примером может служить его выступление по поводу обсуждения доклада Крицмана «Анализ крестьянского двора», сделанное на конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских организаций в апреле 1929 г.³

И, наконец, последнее оппозиционное заявление прозвучало в открытом письме Громана Рыкову, председателю Совнаркома и Совета по труду и обороне. (Одной из комиссий Совета по труду и обороне был Госплан, где проходила основная деятельность Громана.) В этом письме, опубликованном в одной из московских газет 10 октября 1929 г., Громан не побоялся заявить, что относит себя к «социалистам, не разделяющим точку зрения Коммунистической партии». Рыков дал распоряжение своему секретарю Горбунову ответить на письмо Громана. Тот

¹ См.: Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 160–161, 182 (курсив Ясного).

² См.: Кондратьевщина. С. 111.

³ На аграрном фронте. 1929. № 7. С. 101–102.

в своем ответе совершенно верно обозначил позицию Громана как сторонника II Интернационала¹.

Лишь через месяц после публикации открытого письма Громана Рыкову в газете «Правда» была напечатана знаменитая статья Сталина «Год великого перелома»². В этой статье объявлялось о начале массового колхозного движения. Статья Сталина послужила сигналом для экономических изданий начать публикацию статей, содержащих ожесточенную критику меньшевиков, неонародников и др.³ Травля Громана и его единомышленников началась с доклада Вайсберга, прочитанного на заседании Госплана и опубликованного в журнале «Плановое хозяйство» (1930, № 1) под названием «Буржуазные извращения в области планирования»⁴. Далее можно упомянуть статью Рагольского «О вредительской теории планирования Громана и Базарова»⁵, а также статью Вайсберга «“Объективная” наука госплановских вредителей»⁶. Последним выпадом Вайсберга против Громана стала его статья, опубликованная в «Плановом хозяйстве» (1931, № 2–3), которую я обсуждал выше.

¹ См. также мою работу «Советская индустриализация». С. 430. (В этой работе Ясный сделал предположение, что речь идет о газете «Московская правда». Однако в этой газете, которая называлась в тот период «Рабочая Москва», в номере от 10 октября такого письма нет. Не удалось обнаружить письмо В. Г. Громана и в газетах «Вечерняя Москва», «Торгово-промышленная газета», «Экономическая жизнь» (были просмотрены номера за октябрь 1929 г.) По-видимому, неточна дата: 10 октября начался VI Пленум ВСНХ и публикация письма В. Г. Громана в этот день маловероятна. — *Примеч. научн. ред.*)

² Правда, 7 ноября, 1929. (См. Сталин, т. 12. С. 118–135. — *Примеч. научн. ред.*)

³ Даже после статьи Сталина В. Г. Громану удалось напечатать 13 ноября 1929 г. в газете «Экономическая жизнь» письмо в редакцию, в котором он защищал свою теорию товарного равновесия. В этом же номере газеты была помещена статья Р. Вайсберга «Ответ В. Г. Громану». Вайсберг, в частности, заявил: «С такой „наукой“ нам не по пути. Нужна дезинфекция!». — *Примеч. научн. ред.*

⁴ Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 11–41. (Собственно, травля началась раньше — 13 ноября. См. предыдущую сноску. — *Примеч. научн. ред.*)

⁵ Там же. 1930. № 10–11. С. 60–97.

⁶ Там же. С. 27–59. О том, как власти оценивали относительную значимость своих врагов, говорит тот факт, что имя Громана в этих трех статьях упоминалось 110 раз, имя Базарова в два раза реже, а имена Кондратьева и Осадчего — лишь по 10 раз соответственно.

В «Плановом хозяйстве» (№ 10–11) также упоминаются доклады, представленные на заседании Общества статистиков. На этом заседании председателем была М. Н. Шмит, с которой мы вместе работали зимой 1916–1917 года в возглавляемом Громаном Статистическом бюро Петербургского отдела Всероссийского Союза городов. С докладами выступили профессор Ястремский (который еще незадолго до этого называл себя другом Громана), Старовский, глава Центрального статистического управления, и другие. Во всех выступлениях мишенью для ожесточенной критики был Громан. Старовский в своем докладе также обрушился с критикой на Вишневого.

Ближе к концу этой кампании появилась рецензия, в которой резко критиковалась небольшая книга Громана «Введение в планирование народного хозяйства», опубликованная в Москве издательством Коммунистической академии¹. В этой рецензии, напечатанной в журнале «Плановое хозяйство» (1931, № 2, с. 82–91)², говорилось следующее: «Как уже отмечалось в газете «Правда» [№ 347, 1930]³, эта книга представляет собой попытку, под прикрытием формальной критики Громана и Базарова, оправдать их вредительские теории планирования. Автор выступает с позиций меньшевистской идеологии, его книжка — лучшая защита капиталистических реставраторов Громана и Базарова⁴. В этой рецензии неоднократно подчеркивалась общность идей Громана и Базарова (например, «Громан», «Громан и Базаров», «Громан-Базаров» и т. д.) Однако, если внимательно изучить публикации журнала «Плановое хозяйство» за 1930 г. (все другие журналы, посвященные вопросам планирования, были закрыты раньше) и работу Громана 1931 г.⁵,

¹ Здесь у Ясного неточность. На самом деле речь идет о книге: *Гордон А. С. Введение в планирование народного хозяйства*. М.: изд. Коммунистической академии, 1931. Издание любой работы В. Г. Громана в 1931 г., когда он уже был арестован, было совершенно невозможно. По-видимому, это место Ясный не успел отредактировать. — *Примеч. научн. ред.*

² Рецензия на книгу Гордона, написанная В. Добровым, опубликована в журнале «Плановое хозяйство» (1931. № 1. С. 292–296). — *Примеч. научн. ред.*

³ Речь идет о статье: *Хмельницкая Я. Больше классово-бдительности*// *Правда*. 1930. 18 декабря. № 347. С. 5. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ Ясный дает не точную цитату, а пересказ основных положений статьи В. Доброва. — *Примеч. научн. ред.*

⁵ Речь идет о книге А. С. Гордона. — *Примеч. научн. ред.*

то становится ясно, что основы советского планирования были заложены Громаном, а Базарову принадлежит важная, но второстепенная роль¹.

Когда большая часть этих публикаций появилась в печати, экономисты, против которых была направлена критика, уже находились в тюрьмах. Развязка наступила в марте 1931 г., во время процесса Громана и тринадцати других меньшевиков. В результате длительной болезни Громан к этому времени практически стал инвалидом. Еще с 1923 г. он страдал неизлечимой болезнью *angina pectoris*². Хотя в течение нескольких лет после появления первых симптомов заболевания он чувствовал себя вполне удовлетворительно, к 1927 г. его состояние заметно ухудшилось. Когда в 1927 г., после курса лечения в Бад-Наухайме, он навестил меня в Гамбурге, ему было всего 52 года. Хотя в то время, учитывая тяжесть его заболевания, он находился в максимально хорошем состоянии, все вокруг называли его стариком. После 1927 г. я с ним больше не встречался, но легко могу себе представить, каким он стал к 1928–1930 гг., живя в очень тяжелых условиях и не имея возможности лечиться за границей.

В 1927 г. его отстранили от любимой работы над Контрольными цифрами. В течение двух лет он еще продолжал работать в Госплане, но выполнял маловажные задания. 22 мая 1929 г. он выступил перед коллегией ЦСУ с докладом, который раньше делал в Госплане. Его выступление было посвящено новым методам прогнозирования урожая зерна. Коллегия фактически похоронила его предложения, выразив следующее мнение: «Коллегия, отмечая большой интерес, вызываемый работой В. Г. Громана, считает, однако, недоказанным существование закона о 10-летнем периоде, в течение которого происходит компенсация урожайности»³.

¹ Резкость критики оппонентов отнюдь не доказательство большей значимости научных заслуг. Отметим, что один из наиболее непримиримых критиков Громана и Базарова, Р. Вайсберг, писал: «Если я говорил несколько больше о Базарове, то не потому, что он хуже Кондратьева или Громана, а потому, что он высказывался по большему количеству вопросов и его материал в этом отношении более разносторонен и более интересен». *Вайсберг Р.* Буржуазные извращения в области планирования // *Плановое хозяйство.* 1930. № 1. С. 38. — *Примеч. научн. ред.*

² Стенокардия (лат.). — *Примеч. научн. ред.*

³ *Громан В. Г.* О новом методе прогноза урожая. Стенограмма заседания коллегии ЦСУ СССР // *Вестник статистики.* 1929. № 2. С. 118.

Когда в середине 1930 г. Громана арестовали¹, он был сотрудником Центросахара, что практически означало его отстранение от настоящей работы. На процессе он заявил: «Я должен сказать, что за последние годы я каждый год болел и раза по два у меня были припадки, каждый из которых мог грозить тяжелыми последствиями. Первый раз за все годы я ввиду ареста восемь месяцев провел без припадка: за мной был чрезвычайно тщательный медицинский уход, мне давался и дается совершенно исключительный стол, особо продуманный коллегией профессоров, которые приглашены» (Процесс, с. 120).

Естественно, Крыленко и члены суда не возражали включить в стенограмму Процесса признание о том, что они сделали все возможное, чтобы не потерять своего главного фигуранта. Если бы на скамье подсудимых не было Громана, то и весь Процесс не стоил бы ломаного гроша.

Хотя к моменту начала процесса от Громана оставалась лишь тень того сильного человека, каким он когда-то был, приобретенный им за предшествующие годы авторитет делал его самым заметным из всех обвиняемых. Об этом уже говорилось в главе, посвященной Процессу. Здесь хотелось бы добавить еще некоторые факты.

Когда главный обвинитель Крыленко в своем вступительном слове перешел к обсуждению того, какую роль играл каждый из обвиняемых, он начал с Громана и сказал следующее: «Громан — старик. Вождь! Авторитет! Организатор! Человек, который пользовался большим доверием, который своим авторитетом систематически прикрывал вредительскую работу и ею руководил» (Процесс, с. 355). Наверное, Крыленко хотел придать иронический оттенок словам «вождь, авторитет, организатор». Но когда читаешь его речь, то никакой иронии не чувствуешь, поскольку эти слова полностью соответствуют действительности.

Когда на процессе произносилось несколько фамилий подряд, то фамилия Громана неизменно стояла на первом месте. Так было не только в тех случаях, когда перечислялись все обвиняемые. Например, в показаниях Рамзина говорится: «Основных работников центра, с которыми я имел дело, я назвал — их было 5 человек: Громан, Суханов, Гинзбург, Соколовский

¹ Арест произошел 13 июля 1930 г. — *Примеч. научн. ред.*

и Штерн» (Процесс, с. 176). Тот же Рамзин, заявив, что все экономические сводки блока трех организаций¹, которые «касались экономических вопросов конъюнктурного порядка, составлялись под руководством Громана», добавил: «Специальная записка, представленная в „Торгпром“, была составлена точно так же при участии Громана, Гинзбурга и Кондратьева» (Процесс, с. 177). В материалах Процесса приводятся слова Громана о том, что он был назначен финансовым «диктатором» «Союзного бюро».

Тот, кто регулярно читает советскую прессу, знает, что когда речь идет о стоящих у власти руководителях, их традиционно называют не только по фамилии, но и по имени и отчеству. Об остальных, будь то даже их первые заместители, пишут, используя только фамилии. На процессе меньшевиков государственный обвинитель и судьи обращались к обвиняемым только по фамилии. Таким же образом поступали обвиняемые и свидетели, возможно, по соображениям удобства. Но в случае с Громаном, Сухановым и Финн-Енотаевским достаточно часто делались исключения. Например, на процессе Рамзин говорил: «Персонально этот контакт определялся следующими лицами: в Госплане — Владимиром Густавовичем Громаном, а в ВСНХ — Гинзбургом, Соколовским, Штерном» (Процесс, с. 172). Кондратьев на процессе свидетельствовал: «Мне приходилось встречаться со следующими лицами: во-первых, с Владимиром Густавовичем Громаном, во-вторых, с Николаем Николаевичем Сухановым, в-третьих, с А. Л. Соколовским» (Процесс, с. 195). Главная роль на Процессе была отведена Громану, и это служит лишним доказательством того, что такую же главную роль он играл и в планировании в тот период, когда серьезного планирования еще существовало. Ко времени начала Процесса здоровое планирование уже сменилось «вакханалией планирования»².

О последующем периоде жизни Громана мне известно только по книге Цилиги. Вскоре после Процесса Громан вместе с другими осужденными был доставлен в Нижнеуральский полити-

¹ Имеются в виду Промпартия, Трудовая крестьянская партия и Союзное бюро меньшевиков. — *Примеч. научн. ред.*

² О «вакханалии планирования» см. мою работу «Essays on the Soviet Economy». С. 231–235.

ческий изолятор¹. Ходили слухи, что позднее он был переведен в тюрьму в каком-то большом городе, где днем работал статистиком и получал неплохую зарплату, а ночью возвращался в тюрьму².

Было бы ошибочным полагать, что я недооцениваю Гинзбурга и других меньшевиков, работавших в ВСНХ. Вне всякого сомнения, Гинзбург был весьма способным и энергичным человеком. Я всегда утверждал, что у меньшевиков есть повод гордиться тем, что один из них занимался разработкой плана, который позже стали называть «пятилетний план Гинзбурга». Однако к этому необходимо добавить, что Гинзбургу, в отличие от Громана, в период после НЭПа не приходилось вести никакой борьбы. План, носящий сегодня его имя, был принят с благословения Дзержинского, председателя ВСНХ. Когда Гинзбурга отстранили от работы в ВСНХ, он, будучи профессором, занялся преподаванием экономики промышленности. В своих лекциях он старался обходить все острые политические вопросы. Необходимо признать, что он не отказывался от своих убеждений вплоть до момента ареста. С другими меньшевиками, работавшими в ВСНХ, я не был знаком лично и знал их только по публикациям. Громан говорил мне, что он был очень высокого мнения о Штерне.

Мне хотелось бы обратить внимание еще на один важный момент. Может быть, талантливых и энергичных людей среди меньшевиков было не так много, но в любом случае их было не меньше десяти. Несмотря на то, что Громан иностранными языками не владел, он был весьма незаурядным человеком, поскольку обладал оригинальным мышлением и был готов к решительным действиям. У него был дар притягивать к себе преданных людей. Как верно заметил Крыленко, он был вождем.

По счастливому стечению обстоятельств, одним из соратников Громана стал Базаров. Они очень гармонично дополняли друг друга. Базаров был на порядок более образованным человеком, чем Громан. Отметим хотя бы тот факт, что в отличие

¹ Неточность: осужденные были доставлены в Верхнеуральский политический изолятор. — *Примеч. научн. ред.*

² К сожалению, это были всего лишь слухи. После Верхнеуральского политического изолятора В. Г. Громан был переведен в Суздальский исправительно-трудовой лагерь, где умер 11 марта 1940 г. Он был реабилитирован 13 марта 1991 г. — *Примеч. научн. ред.*

от Громана он был литератором. Громан обладал большей оригинальностью мышления и, кроме этого, он был лидером. Когда он переходил из одной организации в другую, он уводил за собой целую команду единомышленников. Его последователями по праву можно назвать десяток талантливых людей. Здесь, конечно, я не могу привести их полный список, но назову хотя бы некоторых: Д. В. Шуб, Зейлингер, Гухман, Бройтман, Вишневский, Пистрак и Е. П. Громан. Кроме них, сторонником Громана в течение многих лет был Череванин. Вайсберг язвительно писал, что Громан «в Госплане и в ЦСУ был окружен камарильей своих статистиков». Далее он добавляет: «[Громан. — Н. Я.] монополизировал работу по конъюнктуре»¹. В одиночку с такой работой никто бы и не справился: для этого необходимо было иметь маленький, но сплоченный коллектив единомышленников.

Никого из тех, кто работал в области планирования, не называют «базаровцем». Можно сказать, что сам Базаров в некоторой степени был «громанцем». Пути Громана и Базарова разошлись после XV съезда партии, состоявшегося в декабре 1927 г., когда Громан вступил в борьбу, а Базаров пытался найти компромиссное решение. Однако Базарову после того, как он разошелся с Громаном, так и не удалось достичь чего-либо важного. Он полностью утратил свой авторитет, и одной из причин этого, пусть и не самой главной, был его разрыв с Громаном.

Глава 7. Владимир Александрович Базаров

Ранний период

Базаров² (партийная кличка и литературный псевдоним В. А. Руднева) — философ, экономист и журналист — родился в 1874 г. в Туле. В 1892 г. он поступил в Московский университет. В 1896 г. начал революционную деятельность, а в 1897 г. его выслали

¹ См.: Плановое хозяйство. 1930. № 10—11. С. 28, 34.

² Рассматривая биографию Базарова до 1922 г., я опирался на статью Е. А. Преображенского, опубликованную в «Большой советской энциклопедии».

из Москвы. Базаров поселился в Туле, где принимал активное участие в работе социал-демократов. Вместе с А. А. Богдановым и И. И. Скворцовым-Степановым он организовал нелегальные курсы для тульских рабочих. Богданов и Скворцов-Степанов, ставшие в этом деле его единомышленниками, были известными людьми. В течение долгого времени Богданов пользовался в большевистской партии почти таким же авторитетом, как Ленин. После революции Скворцов-Степанов занимал ответственные посты, а с 1925 г. был главным редактором газеты «Известия». Он умер в 1928 г.

В 1899 г. Базарова выслали из Тулы. Некоторое время он жил за границей, затем вернулся в Россию и стал членом московского социал-демократического комитета. Осенью 1901 г. его вновь арестовали и сослали на три года в Восточную Сибирь. В 1904 г., после раскола социал-демократической партии, он примкнул к большевистской фракции. В 1905 г. и 1906–1907 гг. он сотрудничал как с легальными, так и с подпольными большевистскими изданиями. Базаров был членом редколлегии центрального партийного органа, а также членом так называемого Большевистского центра. Позднее он порвал с большевиками, но к меньшевикам не примкнул. В 1911 г. его вновь арестовали и сослали в Астрахань. В годы Первой мировой войны и во время Февральской революции он работал в различных изданиях левого толка, в том числе в ежедневной газете «Новая жизнь», издававшейся Горьким. Эта газета считалась одной из самых «левых», за исключением большевистских изданий.

Базаров заинтересовался философией с самого начала своей публицистической деятельности. Первой работой, в которой

дии» (М., 1926. Т. 4. С. 333–336). Эта статья была написана еще до периода, когда в советских публикациях фальсификация стала нормой. Тем не менее в ней проявились резкие политические разногласия Преображенского и Базарова. Несомненно, Базаров был гораздо более крупной фигурой, чем показано в этой статье. А. Эрлих в работе «Soviet Industrialization Debate. 1924–1928» (Cambridge, Mass., 1960) гораздо более подробно, чем я, описывает теоретические воззрения Базарова (Р. 60–75, 135–140 и др.). Мои оценки Громана и Базарова несколько отличаются от оценок Эрлиха. Эрлих гораздо выше, чем я, ценил заслуги Базарова, которого он характеризовал как «одного из интеллектуальных светил первого десятилетия большевизма, а после революции — как ведущего беспартийного экономиста Госплана» (см.: Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. С. 81. — *Примеч. научн. ред.*).

он более или менее подробно изложил свои философские взгляды, была опубликованная в 1904 г. статья «Авторитарная метафизика и автономная личность»¹. Уже тогда он разочаровался в диалектическом материализме Маркса. Как Богданов и Скворцов-Степанов, он был приверженцем школы Маха-Авенариуса, которая основывалась на позициях позитивизма и была весьма популярна среди большевиков. Поскольку неофициальным лидером этой школы в России был Богданов, ее часто называла «богдановской». Базаров сыграл важную роль в ее становлении в России.

Под редакцией Базарова и Скворцова-Степанова были заново переведены на русский язык три тома «Капитала» К. Маркса, опубликованные под общей редакций Богданова в 1907–1908 гг. В Советском Союзе до сих пор продолжают пользоваться этим изданием, однако имена Базарова и Богданова не упоминаются.

ПЕРИОД РАБОТЫ В ГОСПЛАНЕ

После Октябрьской революции, которую он воспринял без особого восторга, Базаров переехал в Харьков. Там он сотрудничал с меньшевистскими изданиями, некоторые из них были откровенно правого толка. В 1922 г. он поступил на работу в Госплан. Именно в Госплане Громан и Базаров объединились и работали в тесном сотрудничестве на протяжении более пяти лет. Эти два человека удивительно дополняли друг друга. В одной из работ Р. Вайсберг назвал Базарова «теоретическим оруженосцем» Громана². Не вполне ясно, хотел ли он умалить роль Базарова — это зависит от интерпретации этой фразы. Тем не менее, по сути, эта характеристика совершенно справедлива. Однако Громан никогда не относился к Базарову как к своему «оруженосцу».

Базаров 21 ноября 1923 г. выступил перед Президиумом Госплана с докладом «Вопросы планирования народного хозяйства в целом», причем главный акцент был сделан на словах «в целом». На том же заседании выступил с докладом и Гро-

¹ См.: Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушиников, 1904. С. 183–276. — *Примеч. научн. ред.*

² См.: Плановое хозяйство. 1931. № 2–3. С. 12.

ман¹. Он говорил о балансе в народном хозяйстве и, как и Базаров, подчеркивал, что под балансом необходимо понимать баланс народного хозяйства в целом.

В своем докладе Базаров утверждал: «Плановое начало и плановая работа в народном хозяйстве с переходом к нэпу не только не умаляются в своем значении, но, наоборот, должны усилиться. Восстановление товарного рынка и переход государственных предприятий на хозрасчет впервые создают материальные стимулы для эффективного планирования, т. е. стимулы, позволяющие проводить в жизнь плановые предложения, кроме того, устанавливают автоматический контроль успешности работы». Далее Базаров подчеркнул, что «последний год ознаменовался большими успехами планового начала в рамках отдельных производств и отраслей промышленности, вследствие чего был изжит период кризисов недопроизводства, период катастроф, попеременно парализовавших то ту, то другую отрасль народного хозяйства». Однако затем он добавил: «В области рационализации общественного разделения труда сделано чрезвычайно мало, вследствие чего мы и переживаем теперь кризис сбыта (относительного перепроизводства), первый после войны и революции кризис чисто капиталистического типа»².

В 1924 г. Базаров опубликовал брошюру «К методологии перспективного планирования»³. В этой работе речь шла о таких важных проблемах, как переход от восстановительного периода к периоду реконструкции, соотношение сельского хозяйства и промышленности на различных этапах развития народного хозяйства и т. д.

Когда Госплан приступил к планированию народного хозяйства в целом, то сразу возник вопрос, можно ли удержать на прежнем уровне высокие темпы восстановления экономики, которые были достигнуты после введения НЭПа, и, если это возможно, то в течение какого времени. Неизбежное снижение темпов восстановления получило название «затухающая кривая». С самого начала возникла проблема, связанная с денеж-

¹ Бюллетень Госплана. 1923. № 11–12, раздел «В Президиуме Госплана». С. 120–121.

² Там же. С. 119.

³ Базаров В. А. К методологии перспективного планирования. М.: Госплан, 1924.

ным обращением. По словам Громана, эта проблема обсуждалась в комиссии Госплана в 1923 г., когда было утверждено предложенное Базаровым снижение скорости денежного обращения¹.

Не исключено, что именно Громан первым отнес снижение темпов к явлениям, которые характерны для экономики, находящейся в процессе восстановления. Однако Базарову принадлежит исключительно важная роль в развитии этой идеи и в ее дальнейшей судьбе. В статье, опубликованной в журнале «Экономическое обозрение» в 1925 г., практически одновременно с работой Громана «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве», Базаров сделал вывод, что «затухающая кривая» является более широким понятием и может быть использована не только применительно к денежному обращению². Однако Базаров признавал, что понятие «восстановительный период», т.е. особый период со своими законами, первым в научный оборот ввел Громан.

Мне кажется, именно Базаров начал использовать в литературе по планированию понятие «телеологический» в значении «директивный». В статье, опубликованной в 1926 г., он писал: «При оценке перспективных планов обычно имеют в виду один критерий — соответствие с действительностью. Критерий этот мог бы быть признан исчерпывающим в применении к научному прогнозу хозяйственного развития, построенному строго генетически, т.е. исключительно на основе учета объективных закономерностей и тенденций стихийного экономического процесса. Но „перспективный план“ есть не только прогноз, но и директива, не только генетическое исследование, но и телеологическая конструкция, не только учет объектив-

¹ «Все исчисления комиссии сделаны из определенного предположения о неизбежном замедлении скорости обращения денег, причем был принят по предложению В. А. Базарова определенный темп постепенного ослабления процесса замедления (потухающая кривая)». См.: Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 137–138. — *Примеч. научн. ред.*

² Базаров В. А. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 11–29.

ных возможностей, но и система мероприятий, потребных для оптимального использования этих возможностей»¹. Он добавляет: «Основная задача перспективного планирования приводит к необходимости сочетать генетический и телеологический методы на почве отыскания оптимального пути развития. ...Поле телеологического конструирования тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль хозяйства непосредственным оперативным влиянием государства»². И далее: «Сельское хозяйство, раздробленное на более чем 20 с лишком миллионов мелких самостоятельных единиц и в своей товарной продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. ...Государственный сектор народного хозяйства является областью телеологических построений по преимуществу»³.

Отметим, что в условиях безграничного энтузиазма, царившего в СССР в те годы, Базарову следовало бы проявлять большую осмотрительность, когда он говорил о роли телеологического фактора в развитии государственных предприятий. В 1926 г. Базаров выразил надежду, что СССР удастся «догнать и перегнать в своем развитии передовые страны капиталистического мира». Такое высказывание, мягко говоря, было несколько преждевременным. По словам Базарова, эта надежда «покоится, главным образом, на том, что мы рассчитываем найти более короткий и более экономный путь реконструкции, чем это имело бы место, если бы наша хозяйственная политика руководилась исключительно учетом стихийно-меняющейся конъюнктуры»⁴.

Весьма интересными представляются замечания Базарова по поводу применения математических методов в планировании: «Построить оптимальную линию перспективного развития с полной точностью и строгостью мы не в состоянии. ...Вычисление кратчайших или оптимальных путей при определенных, заранее заданных условиях представляет одну из труднейших

¹ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9.

² Там же. С. 9–10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 21

задач счетного искусства. Современная математика указывает способы решения подобного рода задач лишь для немногих простейших случаев. ...Пока же нам приходится при отыскании оптимумов прибегать к довольно грубым прикидкам и нащупывать искомую цель посредством вариантных приближений»¹. Только теперь, спустя тридцать с лишним лет, в советском планировании начинают использовать рекомендованные Базаровым математические методы².

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Когда Базаров писал о том, как в те годы нужно было составлять планы, он, скорее всего, выражал мнение Госплана: «Генеральный план, как основа; перспективный план, как первое уточнение; контрольные цифры, как вполне конкретизированный годовой отрезок генеральной перспективы»³. Таким образом, сформулировав методологию составления планов, Базаров уточнил, что она включает логичную и рациональную последовательность мероприятий, которые Госплан намеревается осуществить в будущем. По его словам, для текущего периода эти мероприятия осуществлялись в обратном порядке. Уже началась работа по составлению контрольных цифр для второго года пятилетки. Через полтора или два месяца должна была завершиться работа над пятилетним планом. Эта работа действительно была завершена, но в результате вместо готового плана получился еще один недоработанный проект. Подготовка генерального плана еще только начиналась. Объясняя этот обратный порядок действий, Базаров отметил: «Учитывая эту острую практическую нужду, Госплан предлагает в ближайшем времени дать набросок пятилетнего перспективного, не взирая на то, что цифры этого последнего, — особенно на теперешней стадии работы, когда еще не наметились с достаточной отчет-

¹ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 13.

² Об этой идее В. А. Базарова см.: *Schlesinger R. A Note on the Context of Early Soviet Planning // Soviet Studies. 1964. July. P. 25.*

³ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9.

ливостью вехи генерального плана, — могут иметь лишь сугубо ориентировочный и предварительный характер»¹.

В середине 1920-х гг. совершенно нереально было создать генеральный план развития экономики, о котором писал в своей статье Базаров и о котором мечтали ведущие специалисты по планированию. Лишь на XXII съезде партии в 1961 г. была принята Программа партии на период до 1980 г., ставшая первым документом, который с некоторой натяжкой можно назвать генеральным планом. Таким образом, генеральный план, о необходимости создания которого говорили еще в середине 1920-х гг., появился с задержкой в 30 лет. Критические замечания по поводу практики составления планов, высказанные Базаровым в 1925 г., свидетельствуют о том, что в те годы планирование носило лишь подготовительный характер. Серьезное планирование в советской экономике началось только после 1961 г. Действительно, если проанализировать пятилетние планы, принятые с 1926 г. вплоть до настоящего времени, то легко убедиться, что большинству из них не хватает конкретных данных, на которые можно было бы ориентироваться при составлении годовых планов. Современные советские специалисты по планированию признают, что в прошедшие годы более или менее успешное планирование осуществлялось только применительно к годовым планам. Оказалось, что неонародники в вопросах планирования проявили больше здравого смысла, чем меньшевики. Хотя в целом неонародники в своей критике планирования и конкретных планов порой заходили слишком далеко, их скепсис по поводу перспективного планирования, по-видимому, был вполне оправданным².

Следующая статья Базарова, посвященная вопросам планирования, была опубликована в «Экономическом обозрении»

¹ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плано-вое хозяйство. 1926. № 7. С. 8.

² А. Н. Челинцев высказывал сомнения по поводу реалистичности подготов-ки генерального (перспективного) плана до составления краткосрочных планов, а также по поводу его использования в качестве ориентира при составлении таких краткосрочных планов. См., например: Челинцев А. Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 53.

(1927, № 5)¹. Именно в ней он сделал свое знаменитое заявление о том, что он является «честным беспартийным, стоящим на советской платформе». Хотя эта статья появилась в начале 1927 г., она уже свидетельствовала о том, что в умах бродили новые идеи. Статью предваряло предисловие от редакции: «В помещаемой ниже статье т.Базаров пытается наметить абстрактные теоретические принципы последовательной рационализации нашей промышленности. Считая эту тему весьма актуальной, редакция не может, однако, согласиться с автором, что препятствием к осуществлению его теоретической схемы являются только наши организационные дефекты и ложные традиции; в критике этих последних автор впадает, по мнению редакции, в несомненные преувеличения».

В начале 1927 г. еще можно было написать следующие слова без риска оказаться мишенью для ожесточенной критики: «Только обильно снабжая деревню хорошими промтоварами по очень дешевым ценам, можно создать действительный импульс к развитию нашего отсталого сельского хозяйства, которое является основной базой, а в своем теперешнем виде также главным тормозом экономического роста страны»². Вскоре после выхода этой статьи авторы сборника «Кондратьевщина» (с. 111) обрушились с резкой критикой на Суханова за то, что он позволил себе выразить похожие мысли в докладе, сделанном в Аграрном институте 4 декабря 1928 г.

В статье Базарова много здравых идей, но в ней также имеется несколько сомнительных выводов, которые свидетельствуют *inter alia* о том, что порой Базарову недоставало чувства реальности и интуиции, особенно когда он выступал с собственными инициативами. Одним из наиболее интересных предложений Базарова в этой статье, было, наверное, следующее: «С каждого переданного промышленности рубля государство должно взимать известный не слишком высокий, но все же чувствительный процент»³. Но, как известно, идея о том, чтобы государственные предприятия в той или иной форме расплачивались с государ-

¹ Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 31 – 53.

² Там же. С. 33.

³ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 46.

ством за предоставляемый в их пользование капитал, стала популярной лишь недавно. Вспомним, например, что Либерман выступил с такой же инициативой на 30 лет позже Базарова¹.

В своей статье Базаров придавал особое значение увеличению эффективности капитала. Так, например, чтобы сделать цены на промышленные товары эффективными, он предлагал понизить их в два-три раза². Но даже для того времени подобная идея была не вполне реалистичной, поскольку такое снижение цен в существующих условиях было невозможным.

Выводы Базарова по поводу сахарной свеклы, а также по поводу соотношения между хлопком и льном, выглядят на удивление несерьезными. Сначала он приводит какие-то невразумительные заключения, сделанные комиссией Госплана об относительной важности для промышленности хлопка и льна (не исключено, что эти выводы были сделаны с его подачи), а затем выступает с еще более нереалистичными предложениями. На странице 43 он пишет: «В СССР имеются все предпосылки для образцового цветущего льноводства, и никаких предпосылок для хлопководства, способного конкурировать с иностранными соперниками». Он прогнозировал 50-кратное увеличение использования льна в промышленности. Согласно Базарову, чтобы добиться такого результата, выпуск льна должен в десять раз превысить некую «довоенную норму»³. По поводу сахарной свеклы он делает следующий прогноз: «При настоящей рационализации [сахарной промышленности. — Н. Я.] и соответственном снижении цен не только внутреннее потребление сахара возросло бы в несколько раз, но мы вместе с тем имели бы ценнейший экспортный продукт»⁴.

¹ Е. Г. Либерман (1897–1981) — советский экономист, 9 сентября 1962 г. опубликовал в газете «Правда» статью «План, прибыль, премия», в которой высказал ряд идей, использованных в реформе 1965 г. На Западе эта реформа часто называется реформой Либермана, в СССР ее часто называли реформой Косыгина. — *Примеч. научн. ред.*

² Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 46.

³ Выпуск льняного волокна в 1962 г. лишь сравнялся с выпуском 1913 г. См.: СССР в цифрах в 1962 г. М.: Госстатиздат, 1963. С. 142–143.

⁴ Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 43.

Однако и сегодня Советский Союз импортирует сахар в огромных количествах, поскольку Хрущев, который считал себя специалистом в вопросах сельского хозяйства, выяснив, что сахарная свекла является одним из ценных кормов, не форсировал производство сахара¹. Базаров сделал выводы относительно экспорта сахарной свеклы 30 годами ранее. Его прогнозы не оправдались: в 1960-е гг. Хрущев проводил совершенно иную политику. Впрочем, Базаров в этой же статье признавал, что в вопросах технологии он полный профан (с. 42)².

Во втором номере «Планового хозяйства» за 1928 г. была опубликована еще одна статья Базарова под названием «Принципы создания перспективных планов». В этой статье он продолжает доказывать важность повышения эффективности народного хозяйства. По его аргументации видно, что он не отказался от своих прежних взглядов: «В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер»³. Что же касается остальных видов промышленности, то, по его мнению, до тех пор, пока в СССР не будет создана прочная основа для их развития, предпочтительнее делать закупки соот-

¹ У Ясного, по-видимому, неточность: он пишет не о свекле, а о сахаре. — *Примеч. научн. ред.*

² Базаров справедливо считал целесообразным увеличить экспорт сахара и шире использовать льняное волокно, что соответствовало дореволюционным тенденциям развития экономики. В одной из своих статей Ясный писал, что для «советской аграрной политики характерно предпочтение культур или методов работы, противоположных тем, которые характерны для стран вне Союза. Вне СССР сахарная свекла производится для переработки на сахар. Хрущев выступил с идеей производить сахарную свеклу в больших количествах на корм скоту, ввиду ее якобы высокой урожайности. На то, что себестоимость производства сахарной свеклы (в кормовых единицах) очень высока, внимания не обращалось. Свекла на корм не производилась, однако, на землях, подходящих для этой культуры, она получала и значительно меньше удобрений и ухода. В результате — мизерная урожайность, еще больше удорожающая стоимость производства» (См.: Начало второго послесталинского десятилетия в сельском хозяйстве // Новый журнал. 1964. № 76. С. 192–193). — *Примеч. научн. ред.*

³ Цит. по: Spulber N. (ed.). Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth. Bloomington, Indiana, 1964. P. 222. (См.: Базаров В. А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 178. — *Примеч. научн. ред.*)

ветствующей продукции за границей или предоставлять концессии иностранному капиталу.

Из глав 3 (посвященной экономическому развитию после НЭПа) и 4 нашей книги следует, что при прогнозировании темпов роста на несколько лет после 1925/26 г. была допущена ошибка. Вопреки всем ожиданиям, эффект «затухающей кривой» не проявился, а темпы промышленного роста значительно увеличились. Независимо от того, какие катаклизмы переживало развитие советской экономики, сталинская политика, скорее всего, осталась бы неизменной. Однако необходимо признать, что ошибочные прогнозы, сделанные в конце НЭПа и в начале периода после НЭПа, которые привели к недооценке темпов промышленного роста, во многом способствовали успешному прохождению первых этапов сталинского «наступления социализма по всему фронту».

По-видимому, именно Базаров первым дал разумное объяснение того, почему в конце НЭПа и в течение нескольких лет после его завершения темпы промышленного роста превышали ожидаемые показатели. Он говорил об этом при обсуждении генерального плана в Клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского всего через полгода после начала 1927/28 фискального года: «Когда я разбираю эти два года [1926/27 и 1927/28. — Н. Я.], то я должен задать вопрос: почему возникает этот оптимизм? Вы здесь говорили, что в 1926/27 г. восстановительный период исчерпывается. Но вот 1927/28 г. дал еще больший рост. Конечно, тут обстоятельства конъюнктурные, но дело в том, что этот тип роста продукции без новых сооружений, путем большей нагрузки старых сооружений не прекратился. При капитализме никогда не может быть технически предельной нагрузки. Всегда экономический предел загрузки при капитализме меньше технически возможного. А у нас в наших специальных условиях это имеет место. ...Мне представляется, что этот двадцатипроцентный коэффициент роста при заведомо плохих достижениях в области нового строительства получился потому, что сверхвосстановительная нагрузка тех же самых предприятий имела у нас место, и мы еще можем процентов 30 на это дать»¹. Иными словами, восстановительный период

¹ Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 152. Не вполне понятно, что Базаров имел в виду под дополнительным 30 %-м ростом. По-видимому, речь здесь

следует считать завершенным и теперь можно предположить, что «затухающая кривая» проявится после того, как будут достигнуты довоенные показатели загрузки производственных мощностей для выпуска продукции, а не уровня довоенного выпуска продукции. Несбывшиеся прогнозы по поводу «затухающей кривой» в ожидаемые сроки были полной неожиданностью как для Базарова и других специалистов по планированию, так и для правительства и партийного руководства.

В мае 1928 г. Госплан выпустил директивы и инструкции по методологии разработки первого пятилетнего плана. Громан и Базаров высказали серьезные возражения по поводу этих документов. Позднее на них с резкой критикой обрушился Гладков: «Вредители Громан и Базаров в своих многочисленных тезисах, докладных записках и выступлениях о перспективном планировании доказывали, что нам нужен не директивный план, а ориентировка, основанная на динамике прошлого. Базаров утверждал, что „тип и стиль нашего народного хозяйства предreshен наличным состоянием наших производственных возможностей, их географическим размещением и соотношением социальных сил, определяющих путь нашего дальнейшего экономического развития“, а посему пытаться форсировать обобществление — это значит дискредитировать социализм, ибо для этого старые общественные формы еще „не созрели“, а стало быть новая форма будет искусственной, будет оковами для производительных сил; „высший критерий“ плана — развитие производительных сил, поэтому нельзя подчинить перспективный план задаче развития социалистического хозяйства, ибо это „может привести к остановке производства и товарооборота, к параличу производительных сил“ — поучал Громан»¹.

Я думаю, что Базаров, принимая во внимание выдвигаемый в те годы призыв к значительному расширению производства, перестал отстаивать телеологический метод в планировании. Громан же никогда не выступал за его использование.

идет о том, что можно было в целом превысить на 30% довоенный выпуск продукции и достичь предела возможного в современный период увеличения выпуска на основе полного использования имеющихся мощностей.

¹ Гладков И. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 128–129. По всей вероятности, Гладков использовал материалы из Архива Президиума Госплана, наверное, за май 1928 г.

В №6 журнала «Экономическое обозрение» за 1928 г. была опубликована статья Базарова «О перспективах хозяйственно-го и культурного развития», имеющая непосредственное отношение к дискуссии о подготовке пятилетнего плана, которая состоялась на Президиуме и на секциях Госплана в мае 1928 г. В этой статье Базаров обсуждал последний проект пятилетнего плана, разработанный ВСНХ. Этот проект предусматривал рост промышленного производства в государственном секторе на 135% за пять лет, т. е. с 1927/28 г. по 1932/33 г. (с. 56). Базаров, подсчитав общее увеличение этих «динамичных» темпов за 10 и 15 лет, заметил: «Захватывающая, чарующая перспектива!» (с. 58). Он также добавил, что такую возможность он не отрицает, но ему хотелось бы «подчеркнуть необходимость огромных организованных усилий для поддержания таких мощных скоростей» (с. 62). Авторы предисловия от редакции, отметив, что статья Базарова публикуется целиком, с сохранением всех деталей исключительно в целях последующего обсуждения, сразу перешли к не менее детальной критике Базарова. *Inter alia*, в предисловии говорилось: «Нам представляется, что тов. Базаров недооценивает преимущества, заложенные в советской системе» (с. 54).

Прогнозируемый ВСНХ рост выпуска продукции в государственном секторе на 135% за период с 1927/1928 г. по 1932/1933 г. был не самым высоким показателем. Эта цифра также не была окончательной: в утвержденном варианте первого пятилетнего плана она была увеличена до 179%. Неудивительно, что после такой резкой редакционной критики статьи Базарова больше не публиковались ни в «Экономическом обозрении», ни в других экономических изданиях.

Последние годы жизни

Валентинов вспоминал, что в декабре 1928 г., незадолго до своего отъезда в Париж, в ВСНХ он встретился со Штерном. Штерн, которого не было среди обвиняемых на Процессе меньшевиков только потому, что он умер незадолго до его начала, рассказал Валентинову, что меньшевики, работавшие в ВСНХ, находились в паническом страхе из-за агрессивных нападок Куйбышева. Он, якобы, сказал: «Даже Базаров запаниковал. Это видно по его статьям для Госплана».

В предыдущей главе мы уже цитировали критические высказывания Громана в адрес Ковалевского из его выступления на заседании Клуба сотрудников Госплана, состоявшемся весной 1928 г. По сравнению с речью Громана, выступление Базарова на той же конференции было вполне сдержанным¹. Впрочем, и в других ситуациях Громан и Базаров вели себя по-разному. Штерн вряд ли мог составить свое мнение о написанных Базаровым материалах для Госплана, основываясь только на его выступлении в Клубе сотрудников Госплана. Ни выступление Базарова во время обсуждения пятилетнего плана в Госплане в мае 1928 г., ни его статья, вскоре опубликованная в журнале «Экономическое обозрение», не свидетельствуют о том, что Базаров испытывал пораженческие настроения. Если же Штерн не ошибался, и Базаров действительно запаниковал, то это могло проявиться не раньше второй половины 1928 г.²

Я думаю, что началом периода «наступления социализма по всему фронту», которому суждено было завершиться трагическим голодом 1932–1933 г., послужила публикация в газете «Правда» от 7 ноября 1929 г. статьи Сталина «Год великого перелома». Незадолго до этого начался период «вахханалии планирования», а первые симптомы этого периода проявились годом раньше³.

¹ Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 149–150.

² Основываясь на архивных материалах Госплана, посвященных обсуждению окончательного варианта первого пятилетнего плана на заседании Президиума Госплана 12 февраля 1929 г., Gladkov (Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 136) пишет: «Осадчий заявил: „Я должен по совести сказать, что если бы мне сказали: подпишись под этим вариантом как под отправным, — я бы сказал нет“. Ему вторил Базаров, обосновывавший нереальность „отправного варианта“ недостатком квалифицированных сил. „Здесь может получиться такая явно нерациональная растрата средств, которая дискредитирует всю идею индустриализации“». Если согласиться с этим высказыванием Gladkova, то здесь можно было бы не цитировать слова Штерна, о которых вспоминал Валентинов. Однако у нас имеются и другие опубликованные подтверждения того, каким было настроение Базарова во время обсуждения генерального плана весной 1930 г.

³ Первые статьи, свидетельствующие о начале «вахханалии планирования», были опубликованы Фельдманом в ноябрьском и декабрьском выпусках «Планового хозяйства» за 1928 г. и Сабсовичем в январском выпуске за 1929 г. Фельдман и Сабсович были поборниками идеи ускоренного развития экономики и главными «проводниками вахханалии планирова-

Хотя между дискуссией по поводу генерального плана, проходившей на заседании Клуба сотрудников Госплана весной 1928 г., и обсуждением, состоявшимся в феврале 1930 г., прошло менее двух лет, состав участников этих обсуждений и тональность выступлений принципиально изменились¹. В 1928 г., в дискуссии уже участвовали коммунисты, например, Вайсберг и Трахтенберг, однако Громану предоставили слово дважды, а в последующих прениях смогли принять участие меньшевики Гухман и Маслов, неонародник Вайнштейн, а также беспартийный А. С. Гордон.

Ковалевский, выступавший с основным докладом на этих судьбоносных обсуждениях как в 1928 г., так и в 1930 г., также был сторонником идеи о развитии экономики ускоренными темпами, хотя придерживался гораздо более умеренных взглядов, чем Фельдман и Сабсович. Однако и он доказывал, что рубль, инвестированный в народное хозяйство, через двенадцать лет даст четырнадцать рублей².

В дискуссии по докладу Ковалевского «К построению генерального плана», проходившей на заседаниях в Институте экономических исследований Госплана 25 февраля и 5 марта 1930 г. выступали только сторонники крайних мер. Из списка докладчиков были вычеркнуты все беспартийные. Кроме Вайсберга, в прениях принял участие Рагольский, еще один заклятый враг Громана и Базарова. Слово было предоставлено также Мендельсону и Фельдману. Сабсович находился в зале, но не выступал. К моему величайшему сожалению, я вынужден констатировать, что Базаров не только находился в зале, но и выступил с короткой речью³.

ния». Сомнительная честь относиться к этой компании принадлежит Золотареву. Согласно разработанному Фельдманом максимальному варианту плана, народный доход за 12 лет (с 1929 по 1941 г.) должен был возрасти в 45–49 раз. Это следует из приводимых в книге «Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth...», р. 486–487) таблиц, составленных Фельдманом. (Речь идет о работе: *Фельдман Г. А. Аналитический метод построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 95–127. Таблица приведена на с. 126–127. — Примеч. научн. ред.*)

¹ Обсуждался доклад Н. А. Ковалевского «К методологии плана реконструкции». Этот доклад и материалы последующей дискуссии были опубликованы в журнале «Плановое хозяйство». 1930. № 3. С. 117–211.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 154–155.

Чтобы не высказываться по существу, он сказал: «В настоящий момент я не пытаюсь дать систематическую критику всего построения в целом, так как к этому не подготовлен». Выступление Базарова было настолько невнятным, что позволило Ковалевскому в заключительном слове назвать его имя вместе с именами тех девяти выступавших, которые, по его словам, отнеслись к его «постановке вопроса в основном положительно (это не исключает, конечно, различия в оценках)»¹. Среди этих девяти были Рагольский и Фельдман, «главный специалист» по планированию. Всего на конференции выступили 16 человек, но о критике остальных семи докладчиков Ковалевский даже не упомянул².

Хотя Базаров не был в числе обвиняемых на Процессе меньшевиков 1931 г., во время судебных слушаний его имя постоянно звучало в показаниях о якобы преступной деятельности меньшевиков. Так, Громан свидетельствовал, что контрреволюционную госплановскую группу, существовавшую с 1923 г., возглавляли он и Базаров (Процесс, с. 36), и что из своего непосредственного окружения и людей, близких ему по работе («я имею в виду Владимира Александровича», — сказал он), он создал группу, которая старалась использовать конъюнктурные обзоры и контрольные цифры для «влияния на экономическую политику советской власти в направлении удержания позиций 1923–1925 гг.» (Процесс, с. 69). Громан далее утверждает, что в 1926 и 1927 гг. он вместе с Базаровым находился в оппозиции к советскому руководству (Процесс, с. 71)³.

Согласно обвинительному заключению (Процесс, с. 17), Базаров был одним из тех, кто «не входил в состав «Союзного бюро», но был осведомлен о существовании его работы и помогал ему в той

¹ Обсуждался доклад Н. А. Ковалевского «К методологии плана реконструкции». Этот доклад и материалы последующей дискуссии были опубликованы в журнале «Плановое хозяйство». 1930. № 3. С. 185.

² Помимо так называемого открытого заседания, работа которого освещалась в журнале «Плановое хозяйство», состоялось и закрытое заседание. На нем Струмилин заявил, что если внедрить предложенную Ковалевским методику, то можно получить продукцию железа, равную четырем объемам земного шара (выступление А. Кона в прениях, там же, с. 157). Естественно, сказанное на закрытом заседании нельзя было цитировать на открытом заседании в феврале 1930 г., а высказывание Струмилина попало в выступление Кона по какому-то недосмотру.

³ Эта ссылка у Ясного неточна. — *Примеч. научн. ред.*

или иной форме». В обвинительном заключении также говорится, что Базаров был председателем программной комиссии «Союзного бюро» для составления программы партии. В дальнейших показаниях Громана (Процесс, с. 26) отмечается, что Базаров был одним из членов группы по подготовке циркулярных писем, которые издавались «Союзным бюро» в ограниченном количестве экземпляров. Финн-Енотаевский показал на Процессе, что в 1930 г. Базаров пригласил его на обед к Кондратьеву, а на следующий день — к Громану¹. Финн-Енотаевский счел необходимым подчеркнуть, что самого Базарова в доме Кондратьева не было.

Ходили слухи, что первоначально на Процессе меньшевиков планировалось главным обвиняемым сделать Базарова. Поскольку в прошлом он был видным большевиком, ему следовало бы публично покаяться в своих «преступлениях». Если бы факты из приведенных выше показаний соответствовали действительности, то нужно было бы признать, что Базаров действительно принимал участие в антисоветской деятельности «Союзного бюро», хотя, возможно, и не состоял в блоке трех организаций. По всей вероятности, его роль в «Союзном бюро» была менее значимой, чем, скажем, Громана или Суханова. Однако вряд ли по этой причине на процессе меньшевиков его не было среди обвиняемых. Наиболее правдоподобным выглядит следующее объяснение: хотя Базаров, по всей вероятности, и проявил готовность пойти на компромисс с политикой Сталина, ОГПУ не удалось сломить его до такой степени, чтобы заставить давать ложные показания на Процессе.

На Процессе Базаров был причислен к меньшевикам². В советской и зарубежной литературе его нередко считают меньшевиком. В связи с этим уместно заметить, что Громан, который часто упоминал имя Базарова, меньшевиком его никогда не называл. Причиной этого, по всей вероятности, была убежденность Громана и других его соратников в том, что истинный меньшевик должен исповедовать принципы марксистско-

¹ Изложение у Ясного неточно. Финн-Енотаевский сказал: «Совещание ... произошло у Кондратьева, куда я был приглашен на обед. Туда же пришли Суханов и Громан. Базарова не было». (Процесс, с. 189). — *Примеч. научн. ред.*

² В. А. Базаров был арестован вместе с другими меньшевиками. На допросах вел себя достойно. См. *Меньшевистский процесс 1931 г. Сборник документов в 2-х книгах.* М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. С. 46–52. — *Примеч. научн. ред.*

го диалектического материализма, а в случае с Базаровым это было не так.

Так или иначе, но о судьбе Базарова ничего не известно с момента начала Процесса меньшевиков. В статье «Что такое махизм?»¹, опубликованной в газете «Правда» 24 декабря 1938 г., упоминается, что в 1931 г. Базаров был осужден за вредительскую деятельность. По всей вероятности это произошло *in camera*². Тем самым подтверждается, что волю его так и не смогли сломить, он не согласился выступить на открытом процессе меньшевиков.

В письме, присланном из СССР в меньшевистский журнал «Социалистический вестник», публиковавшийся тогда в Берлине, от 12 декабря 1931 г. (с. 15) сообщалось, что Базаров был помещен в изолятор в Ярославле. В Большой Советской энциклопедии сказано, что он умер в 1937 г. В тот год Сталин уничтожал людей тысячами, и Базаров вполне мог быть в их числе. Валентинов рассказывал мне, что по информации, полученной им от одного из эмигрантов, Базарова расстреляли³.

Глава 8. Абрам Моисеевич Гинзбург

Абрам Моисеевич Гинзбург был одним из старейших членов РСДРП с дореволюционным стажем. Согласно его показаниям на Процессе, он начал политическую деятельность в 1895 г., в возрасте 17 лет (Процесс, с. 396). В течение двух лет — с 1902 г. по 1904 г. — он находился в тюрьме, после чего его сослали в Якутскую область. В 1905 г. он бежал из ссылки. Гинзбург участвовал в революции 1905 г. и в течение нескольких последующих лет вел активную политическую борьбу. Ему неоднократно

¹ Статья называется «Что такое махизм, эмпириокритицизм». — *Примеч. научн. ред.*

² *In camera* (лат.) — на закрытом судебном процессе. — *Примеч. научн. ред.*

³ В. А. Базаров был осужден на пять лет лишения свободы, после полутора лет тюремного заключения его сослали в Саратов, а в Москву он вернулся в 1935 г. Базаров умер своей смертью в Москве в 1939 г. Реабилитирован 30 июля 1990 г. — *Примеч. научн. ред.*

приходилось скрываться под чужим именем, и такая жизнь, когда чей-то паспорт становился его вторым «я», была непростым испытанием. С 1909 г. по 1921 г.¹ Гинзбург состоял в различных легальных и полулегальных организациях. В период существования 3-й Думы его вновь арестовали, а после выхода из тюрьмы навсегда выслали из Санкт-Петербурга. Начиная с 1912 г., он жил в Киеве. В течение нескольких лет Гинзбург сотрудничал с влиятельной ежедневной демократической газетой «Киевская мысль», где публиковался под псевдонимом Наумов.

С самого начала своей революционной деятельности он состоял в рядах социал-демократической партии, а после ее раскола примкнул к меньшевикам. В течение нескольких лет после Октябрьской революции он был товарищем городского головы в Киеве². Позднее Гинзбург работал в потребительских кооперативах. После провозглашения НЭПа он стал заместителем начальника Киевского губернского планового управления.

В 1922 г. Гинзбург поступил на работу в ВСНХ и сразу получил должность заместителя руководителя экономического отдела. Возможно, на посту товарища городского головы, а также в потребительских кооперативах он и получил некоторый опыт административной деятельности, но для его новой работы ему требовались такие знания в области экономики промышленности, которые он не мог получить за годы карьеры, предшествовавшие его приходу в ВСНХ. Как и другие социал-демократы, он, безусловно, изучал труды Маркса и читал работы более современного исследователя Гильфердинга, однако этого было недостаточно. Несмотря на это, Гинзбургу быстро удалось ликвидировать пробелы в знаниях и стать одним из ведущих советских специалистов в экономике промышленности. В. А. Базаров, видный специалист в области планирования, называл его «одним из крупнейших вдохновителей и руководителей работ по построению перспективного плана ВСНХ»³.

¹ По-видимому, опечатка — 1911 г. — *Примеч. научн. ред.*

² В тот период руководителем органа городского самоуправления был городской голова. Термин «товарищ» означал «заместитель». — *Примеч. научн. ред.*

³ *Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 31. (На самом деле статья опубликована в: Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 31–53. — Примеч. научн. ред.)*

Дзержинский, бывший руководитель ОГПУ, который позднее в течение короткого времени, вплоть до его смерти в 1926 г., возглавлял ВСНХ, говорил, что он гордился тем, что среди его сотрудников были Абрам Гинзбург, а также еще трое меньшевиков¹. Несмотря на то, что в 1927 г. Куйбышев, преемник Дзержинского, подверг резкой критике разработанный Гинзбургом пятилетний план, Гинзбург не потерял своего авторитета. К 1929 г. НЭП был уже отменен и политическая обстановка начинала накаляться. На состоявшемся 25–28 апреля 1929 г. I Всесоюзном совещании по экономике промышленности Гинзбург был одним из членов президиума от Института народного хозяйства им. Плеханова и выступил с основным докладом². Даже позднее, в 1930 г., в Большой Советской Энциклопедии его двухтомная работа по вопросам экономики промышленности³ была названа «единственным на русском языке солидным курсом по экономии промышленности»⁴.

На совещании хозяйственников 18 марта 1924 г. Гинзбург выступил с докладом «К проблеме производительности труда и заработной платы». Основная часть его доклада была опубликована⁵. Доклад Гинзбурга был посвящен исключительно важной теме. В те годы величина валовой продукции промышленности на одного рабочего была поразительно низкой. Согласно данным Госплана, в 1922/23 г. она была на 38 % ниже довоенных показателей, которые были невысокими. В первой половине 1923/24 г. этот показатель был на 31,3 % ниже довоенного уровня (по-видимому, в этом случае учитывались данные по государственному сектору промышленности)⁶. Главными

¹ *Валентинов Н.* Указ соч. С. 210. Тремя другими меньшевиками были А. И. Соколовский, Л. Б. Кафенгауз и сам Валентинов.

² См.: *Экономия промышленности как научная дисциплина* (Краткое изложение докл. проф. А. М. Гинзбурга // Социалистическое хозяйство. 1929. № 4. С. 224–227. — *Примеч. научн. ред.*

³ См.: *Гинзбург А. М.* Экономия промышленности. Лекции, читанные в институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Ч. 1–2. М.-Л.: Госиздат, 1925–1927. Ч. 1. Промышленность и ее организационные формы; Ч. 2. Процесс производства и его элементы. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ Гинзбург Абрам Моисеевич // *Большая советская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1930. Т. 17. С. 44.

⁵ *Социалистическое хозяйство*. 1924. № 4. С. 62–106.

⁶ Там же. С. 69.

причинами сложившейся ситуации назывались: 1) ухудшение и расшатанность оборудования; 2) ухудшение качества сырья; 3) уменьшение загрузки предприятий; 4) обилие нерентабельных подсобных предприятий; 5) увеличение числа подсобных рабочих¹.

Хотя заработные платы были низкими, они все же превышали довоенный уровень, в отличие от выпуска продукции, причем ситуация существенно различалась в разных отраслях промышленности. Положение в двух важнейших отраслях — машиностроении и металлургии — в 1923/24 г. выглядело приблизительно следующим образом (в процентном соотношении к 1913 г.)²:

	Машиностроение	Металлургия
Производительность труда	45	37
Заработная плата	67	75

Таким образом, поставленная на перспективу задача была практически невыполнима.

В 1926/27 г. Гинзбург был заместителем руководителя промышленной плановой комиссии (Промплана) ВСНХ и председателем специальной комиссии по подготовке пятилетнего плана ВСНХ по промышленности. После завершения работы над пятилетним планом летом 1927 г. Гинзбург совершил длительную поездку в США. В марте 1928 г. он вернулся к своим обязанностям в должности заместителя начальника Главного экономического управления ВСНХ, правда, перестал заниматься административными делами. Одновременно он возглавлял Конъюнктурное бюро ВСНХ.

В апреле 1929 г. Гинзбурга назначили на должность заместителя директора Института промышленно-экономических исследований при ВСНХ. Совершенно очевидно, что это была еще менее значимая должность. Когда начался Процесс, ему было 52 года. Учитывая долгие годы, проведенные в тюрьмах и ссылках, он, скорее всего, был не в лучшей форме. По всей вероят-

¹ Социалистическое хозяйство. 1924. № 4. С. 78.

² Там же. С. 74.

ности, он утратил присущее ему ранее мужество еще задолго до процесса¹.

Гинзбург был арестован 16 сентября 1930 г. (Процесс, с. 323) и до начала Процесса провел в тюрьме почти шесть месяцев. О том, как с ним обращались в тюрьме, нам ничего неизвестно, вряд ли мы когда-нибудь узнаем об этом, однако этого оказалось достаточным, чтобы полностью сломить его волю и превратить его на Процессе в послушную марионетку. Однако я должен с удовлетворением отметить, что в печатных изданиях тех лет мне не удалось обнаружить ни одного компрометирующего высказывания Гинзбурга, сделанного до начала Процесса.

Выше уже отмечалось, что работа над пятилетним планом развития промышленности ВСНХ была завершена в начале лета 1927 г., т. е. практически за четыре года до Процесса. Когда Процесс начался, этот пятилетний план уже остался в прошлом. Однако единственным пунктом обвинения, выдвинутого против Гинзбурга, была именно разработка пятилетнего плана развития промышленности, и это выглядело совершенно нелепым. В этом обвинении реальности соответствовало только то, что пятилетний план действительно был составлен под руководством Абрама Гинзбурга. В самом пятилетнем плане не было ничего криминального. Разумеется, в нем могли быть какие-то неточности, но они не шли ни в какое сравнение с ошибками, содержащимися в официальных планах. Естественно, это можно сказать и по поводу обвинений, предъявленных остальным подсудимым на Процессе.

По причинам, изложенным выше, далее в этой главе мы сосредоточимся только на рассмотрении пятилетнего плана Гинзбурга.

ПРОЕКТ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА ГИНЗБУРГА

Так называемый пятилетний план Гинзбурга представляет собой план развития промышленности на пятилетку с 1927/1928 по 1931/1932 г. Он был опубликован ВСНХ под названием «Ма-

¹ Из надежного источника я узнал, что в молодости он однажды перевез из города в город полный типографский набор для нелегальной газеты «Южный рабочий», спрятав его на себе.

териалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР 1927/28–1931/32» (М., 1927). Комиссия по подготовке пятилетнего плана была создана в сентябре 1926 г., а окончательные изменения в проект плана были внесены в мае и начале июня 1927 г.¹ Помимо Гинзбурга, в этом документе приводятся имена свыше 20 экономистов, которые либо были членами комиссии, либо принимали непосредственное участие в составлении плана. Наверное, наиболее видными из них были А. И. Соколовский, В. В. Шер и А. Б. Штерн. Соколовский и Шер оказались в числе обвиняемых на Процессе меньшевиков, а Штерну лишь смерть позволила избежать участи его коллег. Среди составителей плана были еще несколько меньшевиков, но они не стали обвиняемыми на Процессе.

В 1925 г. начало свою работу Особое совещание по восстановлению основного капитала (ОСВОК), которое опубликовало значительное количество материалов по отдельным отраслям промышленности. Это существенно упростило работу по составлению пятилетнего плана. На основе этих материалов возглавляемая Гинзбургом комиссия в самых общих чертах разработала проект пятилетнего плана развития промышленности на период с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1930 г. Вскоре возникла необходимость переработать этот проект.

У новой комиссии по составлению пятилетнего плана не было окончательных данных за 1926/27 г. Объемные показатели промышленного производства оказались несколько выше ожидаемых величин, однако, показатели по производительности труда, производственным затратам и ценам были существенно хуже. Но большевиков интересовали только данные по объему промышленного производства, и именно эти цифры порождали у них неоправданный оптимизм по поводу перспектив роста промышленности. Куйбышев, который приобрел дурную славу на посту руководителя ВСНХ, особенно в период последовавшего вскоре «наступления социализма по всему фронту», писал в предисловии к пятилетнему плану: «Опыт истекающего 1926/27 года, когда первые трудности реконструктивного периода начали преодолеваются, показывает нам с совершенной очевидностью необходимость внесения существенных поправок в отправные моменты пятилетнего плана. ...Все изложенное за-

¹ Материалы. С. 9.

ставляет нас считать настоящую работу незаконченной и подвергнуть ее еще раз переработке на основе того опыта, который пролетарское государство приобрело в течение этого года. ...Поэтому мы считаем необходимым, публикуя настоящую работу в качестве материалов, которые облегчили бы возможность наиболее широкого привлечения общественной критики к делу составления пятилетнего плана развития промышленности, одновременно с этим предпринять работу по пересмотру этих материалов, представляющих громадную ценность для уяснения методологии составления плана и динамики развития отдельных его элементов в их взаимозависимости»¹.

Другими словами, это были роскошные похороны проекта! Многостраничный проект плана был скромно озаглавлен «Материалы», это название было включено даже в заголовок пятилетнего плана. Хотя вся работа Гинзбурга была тем самым фактически перечеркнута, не будучи доведенной до конца, пятилетний план, как уже отмечалось выше, снискал ему признание, а за проектом вместо официального названия «Материалы» закрепилось название «пятилетний план Гинзбурга»².

Проект пятилетнего плана Гинзбурга — это документ, которым можно гордиться. Он состоял из 740 крупноформатных страниц текста, напечатанного мелким шрифтом, из которых 340 страниц занимали таблицы. Для прошедшего периода приводились приблизительные оценки на 1926/1927 г., но в некоторых случаях имелись ссылки на данные за 1925/26 г., а также за 1913 г. Перспективные планы составлялись, в целом, на ежегодной основе на период с 1927/28 г. по 1931/32 г. Впечатляет объем представленных в этом документе материалов, особенно если вспомнить плачевное состояние статистики накануне революции. Одни только базовые показатели для крупной промышленности, запланированные ВСНХ на пятилетку, занимают 10 страниц. Особый акцент сделан не только на данных о производстве, но и на данных о распределении и потребле-

¹ Материалы. С. 3–4.

² См., например, важную работу Л. М. Сабсовича, опубликованную в «Плановом хозяйстве» (1929, № 1) таблицы 2 и 6. (См.: Сабсович Л. М. Гипотеза масштабов продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период генерального плана // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 54–103. В таблицах 2 и 6 ссылок на Гинзбурга нет. — Примеч. научн. ред.)

нии, причем потребление подразделялось на промышленное и личное. Были выделены 13 крупных отраслей промышленности. Из них тринадцатая группа (пищевая промышленность) подразделялась на 12 секторов. Приводились показатели потребления на душу населения более чем 20 видов промышленных товаров¹.

В разделе статистики сельского хозяйства приводились подробнейшие балансы приблизительно для 20 видов сельскохозяйственного сырья. В этих балансах учитывались показатели: площадь земли, урожай с гектара, валовой продукт, потребление производителей, доля товарной продукции, запасы в промышленности на начало и конец пятилетки, импорт, экспорт, а также размеры потребления (общая величина, с выделением потребления в государственном, кооперативном и частном секторах).

Далее будет показано, что при составлении этого пятилетнего плана активно использовался настойчиво рекомендуемый Громаном балансовый метод. Гинзбург не скрывал, что если бы не обстоятельства, на которые комиссия не могла повлиять, то использование балансового метода получило бы повсеместное распространение. Он писал: «К сожалению, состояние статистических и отчетных данных по народному хозяйству таково, что исключает возможность составления сколько-нибудь точных балансов. У нас по многим элементам народного хозяйства нет точных данных, — хотя бы о количестве кустарей, о размерах отхожих промыслов, о заработках, которые эти промыслы дают населению, о размерах частных заготовок, даже о действительном сборе хлебов. При таких условиях невозможно исчисление покупательного фонда населения, а, следовательно, невозможно и составление баланса спроса и предложения. Тем более, что и безупречных данных о размерах и ценности промышленной продукции не существует. Даже в пределах государственного сектора продукция оценивается различно, не говоря уже о секторе частного и кооперативного хозяйства. Значительная произвольность статистических подсчетов и расчетов с выведением совершенно абстрактных средних величин

¹ Огромная заслуга по составлению данных о состоянии промышленности в период до базового года и во время него принадлежит меньшевику Л. Б. Кафенгаузу, возглавлявшему в ВСНХ центральный отдел статистики. С ним мне посчастливилось быть лично знакомым.

по колоссальному кругу разнообразнейших предприятий с многочисленными экстраполяциями и допущениями заставляют проводить существенную разницу между статистическими балансами и экономической увязкой в подлинном смысле слова. Тем не менее, поскольку не существует более совершенных способов проверки сделанных расчетов, приходится пользоваться и балансами, основанными на статистических данных»¹.

Объем книги не позволяет мне подробно рассмотреть все материалы, представленные в пятилетнем плане Гинзбурга. Об их ценности свидетельствует тот факт, что даже Куйбышев придавал им огромное значение при подготовке будущего пятилетнего плана. Поэтому я собираюсь сосредоточиться на тех показателях, из-за которых план подвергся сокрушительной критике в 1927 г. и которые привели к тому, что на открытом Процессе в марте 1931 г. Гинзбург и двое его коллег выступили в роли обвиняемых.

Плановые задания по промышленному выпуску

Что касается плановых заданий и некоторых других показателей, содержащихся в пятилетнем плане Гинзбурга, то необходимо подчеркнуть еще раз, что очевидных недоработок в проекте плана, по всей вероятности, не было. Кроме того, если в нем и имелись какие-то недочеты, то они были несопоставимы с теми серьезнейшими ошибками в плановых заданиях, которые были допущены при составлении более поздних проектов, особенно последнего проекта первого пятилетнего плана. Вплоть до марта 1931 г. цифры в плановых заданиях завывшались в соответствии с решениями партии и правительства.

В проекте Гинзбурга предусматривалось, что в 1931/32 г. выпуск отраслей промышленности, которые контролировались ВСНХ, на 82,1% превысит показатели, прогнозируемые на 1926/27 г.² В соответствии с этим пятилетним планом, за период до 1931/1932 г. включительно, общий объем выпуска и объ-

¹ Материалы. С. 12. Скорее всего, общая часть, названная «Объяснительная записка» (с. 9–72), была написана самим председателем комиссии. В любом случае, журнальные публикации Гинзбурга не оставляют никаких сомнений по этому поводу.

² Материалы. С. 696.

ем выпуска крупной промышленности должны были увеличиться на 73 % и 78,7 % соответственно¹. Объем выпуска мелкой промышленности, не включающий стоимость сырья заказчиков и не учитывающий мукомолье и хлебопечение, к 1931/32 г. должен был увеличиться на 29,2 %².

Выше уже отмечалось, что проект плана Гинзбурга был опубликован под скромным названием «Материалы», что не могло не создать ложного впечатления о его истинной значимости. Первая редакция плана была готова к концу 1927 г. Согласно новым плановым заданиям для отраслей промышленности, контролируемых ВСНХ, на 1931/32 г. планировался их рост на 108 % по сравнению с показателями базового 1926/27 г. Но это было только начало, причем весьма осторожное. Еще только начинали проявляться первые признаки повсеместного безумия и ощущения вседозволенности. Настоящая вакханалия планирования началась в 1928 г. В августе 1928 г. руководители ВСНХ уже твердо уверовали в то, что за пятилетний период — с 1927/28 г. по 1932/33 г. — советская промышленность под их чутким руководством сможет увеличить объем выпуска на 121 %³.

Кроме этого, в Контрольных цифрах, принятых ВСНХ в конце 1928 г., процентные показатели промышленного роста за пять лет подскочили до 167,7 %, что более чем вдвое превышало цифры, запланированные в первоначальном пятилетнем плане Гинзбурга. Утвержденные в пятилетнем плане плановые задания по оптимальному варианту для отраслей промышленности государственного сектора, находящихся под контролем ВСНХ, оказались еще выше. Для периода с 1927/28 г. по 1932/33 г. эти показатели выросли до 179,2 % по сравнению со 167,7 % для того же периода, запланированными в Контрольных цифрах ВСНХ в конце 1928 г.

В главе 3 отмечалось, что на XVI съезде партии, прошедшем в июне-июле 1930 г., показатели плановых заданий были увели-

¹ Материалы. С. 17 и 698.

² Там же. С. 698. В источнике говорится о «мелкой и кустарной промышленности».

³ Важно понимать, что этот период всего на год отличался от периода, обозначенного в оригинальном проекте. Это означает, что партийное руководство устанавливало плановые задания по росту выпуска промышленности, более чем вдвое превышающие любые разумные показатели.

чены. В марте 1931 г. на VI съезде советов прозвучало требование о том, чтобы пятилетний план развития промышленности был выполнен за четыре года, а плановые показатели для ведущих отраслей промышленности были достигнуты за три года.

В 1930 г. и особенно в 1931 г. показатели плановых заданий пятилетнего плана продолжали стремительно увеличиваться. К этому времени дезорганизация в экономике достигла таких масштабов, что не представлялось возможным достичь показателей даже в половину ниже, чем вновь запланированные цифры. Это свидетельствовало о том, что в области планирования царил полный беспорядок. Но, несмотря на это, продолжалось восхваление тех, кто планировал невыполнимые задания, в то время как Гинзбург, вполне реалистично оценивавший ситуацию, был осужден.

Очень важно подчеркнуть, что в проекте пятилетнего плана, подготовленного Госпланом в апреле 1927 г., т. е. незадолго до выхода проекта Гинзбурга, для крупной промышленности планировался рост производства на 79,5% за пятилетний период с 1925/26 г. по 1930/31 г.¹ В проекте Гинзбурга предусматривался рост крупной промышленности на 82,1% для несколько более позднего периода — с 1926/27 г. по 1931/32 г. Таким образом, *ceteris paribus*², запланированные Госпланом темпы роста в период с 1925/1926 г. по 1930/1931 г. могли бы оказаться ниже, чем темпы роста согласно проекту Гинзбурга. Однако коммунисту Струмилину, возглавлявшему работу по составлению проекта Госплана, никто не предъявлял обвинений в саботаже.

Если бы у Гинзбурга была такая возможность, то он, безусловно, переработал бы свой пятилетний план. Как уже отмечалось, у его комиссии не было окончательных показателей по промышленному выпуску в 1926/27 г., которые оказались несколько выше запланированных. Такое неожиданное расхождение, по всей вероятности, было обусловлено тем фактом, что в основе проекта Гинзбурга лежала идея о затухании темпов роста. Гинзбург мог бы запланировать и более высокие цифры,

¹ Перспективы. Таблицы. С. 17. Этот проект был разработан под руководством С. Г. Струмилина. Ни Громан, ни Базаров не были допущены к этой работе. В данном источнике перечислены имена тех, кто внес основной вклад в составление проекта.

² При прочих равных условиях (лат.). — *Примеч. научн. ред.*

если бы он делал расчеты, исходя, например, из предложений Базарова, высказанных по поводу генерального плана развития экономики на состоявшемся весной 1928 г. совещании плановых работников в клубе им. Г. М. Кржижановского.

Базарову, конечно, хотелось заложить в план максимально высокие показатели. Но даже если бы его предложения были приняты, это вряд ли привело бы к большому скачку в цифрах заданий пятилетнего плана для отраслей промышленности, находящихся под контролем ВСНХ, чем самое первое увеличение показателей с 79,5 % (согласно проекту Струмилина) и 82,1 % (согласно плану Гинзбурга) до 108 %.

Гинзбург завершил работу над проектом плана в то время, когда общепринятое представление об экономическом развитии базировалось на идее «затухающей кривой». Эта идея легла в основу пятилетнего плана Гинзбурга, а также подготовленного приблизительно в то же время пятилетнего плана Струмилина. Согласно пятилетнему плану Гинзбурга, к 1931/32 г. планировалось ежегодное снижение темпов экономического роста до 10 % по сравнению с 16,3 %, предусмотренными на 1927/28 г. В основе подготовленных ВСНХ в конце 1927 г. «Контрольных цифр», ставших первой переработанной версией пятилетнего плана Гинзбурга, также лежала идея «затухающей кривой»: ожидалось, что темп роста промышленного производства снизится с 18,1 % в 1927/28 г. до 12,8 % в 1931/32 г.

Как и в случае проекта Госплана, подготовленного под руководством Струмилина весной 1927 г., никто из сотрудников ВСНХ не подвергся гонениям, поскольку плановые задания по промышленности в Контрольных цифрах ВСНХ, завершенных в 1927 г., были также основаны на идее «затухающей кривой». Однако затем у плановой социалистической экономики вдруг обнаружились скрытые возможности, которые как по мановению волшебной палочки избавили ее от необходимости подчиняться закону «затухающей кривой». Это «открытие» впервые проявилось в проекте пятилетнего плана ВСНХ, обнародованного в августе 1928 г. В этом проекте речь пока шла только о том, чтобы предусмотреть в пятилетнем плане одинаковые ежегодные темпы экономического роста (а не падения, как первоначально планировалось) на три года — с 1929/30 г. по 1931/32 г. Однако полностью от идеи «затухающей кривой» еще не отказались, что проявилось в за-

планированных темпах роста 14,4% на 1932/33 г. по сравнению с 19,7% в 1928/29 г.

Прошло лишь несколько месяцев, и в конце 1928 г. от всех первоначальных планов не осталось и следа. Волна безумия приобретала угрожающие размеры. В «Контрольных цифрах», выпущенных ВСНХ в конце 1928 г., а также в окончательном варианте пятилетнего плана на последние два года пятилетки уже планировались более высокие темпы роста, чем на первый год. Темпы роста, предусмотренные в окончательном варианте пятилетнего плана на последний год пятилетки, были не менее чем в 2,5 раза выше темпов роста, прогнозируемых в проекте Гинзбурга. Даже если вместо плана Гинзбурга за основу был бы принят утвержденный весной 1927 г. проект Госплана, эти соотношения вряд ли бы изменились. Достаточно вспомнить, что ежегодные темпы роста крупной промышленности, которые по плану Гинзбурга и по проекту пятилетнего плана Госплана, принятому весной 1927 г., в течение пятилетки должны были снизиться приблизительно на треть, теперь, согласно окончательному варианту пятилетнего плана и утвержденным в конце 1928 г. «Контрольным цифрам» ВСНХ, должны были вырасти вдвое.

Выполнение планов выпуска продукции

В главе 3 я привел конкретные цифры, показывающие, насколько выпуск промышленности оказался меньше показателей, утвержденных в последнем варианте пятилетнего плана. Эти цифры свидетельствуют о том, что плановые задания, сформулированные в последних вариантах «Контрольных цифр» ВСНХ и в утвержденном пятилетнем плане, не были выполнены, и реальные показатели были намного ниже запланированных. Легче всего было бы предъявить авторам этих проектов обвинения в сознательном завышении плановых заданий, что делало их невыполнимыми, а следовательно, в подрыве планирования и во вредительской деятельности в области народного хозяйства. Лично я не стал бы делать такие выводы, поскольку усматриваю в этих плановых заданиях проявление даже не абсурда, а полного сумасшествия.

Необходимо отметить еще один факт. Вплоть до настоящего времени в СССР регулярно рапортуют о выполнении и пере-

выполнении планов. Это происходит уже в течение многих лет и является поводом для гордости. В конце 1964 г. А. Н. Косыгин в докладе, посвященном плану на 1965 г., даже назвал превышение плановых показателей неотъемлемой частью советского планирования. Вслед за ним заместитель председателя Госплана СССР А. Коробов в статье, опубликованной в журнале «Плановое хозяйство», отметил: «В нашей стране есть хорошая традиция — перевыполнять плановые задания»¹. Регулярное перевыполнение планов свидетельствует лишь о том, что планы изначально были заниженными. Однако «занижение» плановых заданий, якобы допущенное Гинзбургом, было классифицировано как преступная деятельность.

Данные, приведенные в главе 3, показывают, что задания по выпуску промышленности, сформулированные в пятилетнем плане Гинзбурга, были более или менее выполнены для отраслей промышленности, находившихся в ведении ВСНХ, хотя, конечно, общий выпуск промышленного производства был значительно ниже запланированных показателей. Недовыполнение плана по общему выпуску было, скорее всего, обусловлено катастрофическим сокращением выпуска мелкой промышленности. Даже если бы в целом ситуация в экономике была более благоприятной и отрасли промышленности, контролируемые ВСНХ, в течение периода, который охватывал пятилетний план Гинзбурга, смогли бы увеличить выпуск более чем на 82,1%, то превышение все равно было бы незначительным. Отметим также, что с 1927/28 г. по 1932 г., т. е. за четырехлетний период, за который предполагалось выполнить пятилетний план, выпуск промышленности в целом увеличился лишь на 45%, а за пятилетний период с 1927/28 г. по 1933 г. (показатели за 1933 г. в официальные отчеты обычно не включались) — не более чем на 55%. Очевидно, что эти цифры ниже плановых заданий, предусмотренных в проекте Гинзбурга.

Однако не только темпы роста выпуска промышленности за весь период, для которого был составлен проект пятилетнего плана Гинзбурга, заслуживали внимания. Необходимо учесть, что проект Гинзбурга, как в его первоначальном варианте, так и в переработанных версиях, в которые были внесены оконча-

¹ Коробов А. О задачах и особенностях народнохозяйственного плана на 1965 год // Плановое хозяйство. 1965. № 1. С. 17.

тельные данные на 1926/27 г., а также учтены предложения Базарова, основываясь на предпосылках о развитии здоровой экономики. На самом деле, в период пятилетнего плана экономика уже была больна, а к концу пятилетки ее состояние стало просто катастрофическим.

«Затухающая кривая», за которую Гинзбург, Громан, Базаров и другие в период после НЭПа подверглись столь жесткой критике, проявилась в гораздо большей степени, чем прогнозировал Гинзбург. Фактическое снижение темпов роста оказалось значительно более существенным, чем можно было ожидать в соответствии с теорией «затухающей кривой». Точнее, если в проекте Гинзбурга на пятилетний период прогнозировалось снижение темпов промышленного роста на 40 %, то, по данным Ходжмана¹, этот показатель сократился в пять раз, причем только за четыре года и три месяца.

В действительности, ситуация была еще хуже. В пятилетнем плане предусматривалось, что в 1932/33 г. темпы роста отраслей промышленности, подотчетных ВСНХ, составят 25,2 %. Учитывая серьезное ухудшение качества продукции, что не было отражено в официальной статистике цен, в 1932/33 г. роста выпуска промышленности вообще не было. В данной ситуации можно говорить, скорее, о падении производства².

Темпы экономического роста в начале, конце и в середине пятилетнего плана в той или иной степени отличались от показателей, предусмотренных в различных проектах пятилетнего плана. В начале периода, на который был составлен проект Гинзбурга, т. е. в 1927/28 г., темпы роста крупной промышленности существенно выросли по сравнению с 1926/27 г., хотя все, в том числе и Гинзбург, ожидали незначительного падения этого показателя³.

¹ *Hodgman. Soviet Industrial Production ...* P. 73.

² Согласно данным Р. Пауэлла (*Economic Trends*. ed. by Bergson, Kuznets, p. 187), добавленная стоимость по промышленности в целом в 1933 г. сократилась на 2 % при расчете в ценах 1928 г. и на 5 % — в ценах 1937 г. Конечно, в расчетах Пауэлла, как и в любых подобных расчетах, вряд ли полностью учтено катастрофическое ухудшение качества промышленной продукции, характерное для того периода.

³ Темпы роста выпуска крупной промышленности в 1927/28 г. увеличились на 23,5 % после их увеличения на 18,1 % в 1926/27 г. См.: Контрольные циф-

В 1928 г. Базаров предложил свое объяснение этого явления (см. главу 7). Он полагал, что восстановительный период в промышленности можно считать завершенным, когда будет достигнут довоенный уровень загрузки производственных мощностей, а не довоенный уровень выпуска. Однако это объясняет только отсутствие падения темпов роста, а не их увеличение. В главе, посвященной Базарову, я уже приводил его цитату о том, что аналогичное воздействие могут оказывать и конъюнктурные факторы. К сожалению, Базаров не уточняет, какие именно конъюнктурные факторы он имел в виду. Он также отмечает, что темпы роста государственного сектора промышленности в 1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г. увеличились, а не остались неизменными, по-видимому, по той причине, что все силы были брошены на расширение выпуска, правда, за счет таких качественных факторов, как производительность труда, производственные затраты и т. д. Эти меры могли дать положительный результат, поскольку тогда экономика была еще относительно здорова.

Статистические данные для периода после 1927/28 г. вызывают некоторые сомнения. Показатели роста выпуска отраслей промышленности, находящихся в ведении ВСНХ, существенно превысили плановые задания на 1928/29 и 1929/30 гг., включенные в проект Гинзбурга. То же самое, но несколько в меньшей степени, происходило и с показателями по промышленности в целом. В 1931 г. даже те отрасли промышленности, которые контролировались ВСНХ, по-видимому, показали меньший рост, чем прогнозировал Гинзбург. С гораздо большей уверенностью то же самое можно сказать о промышленности в целом. Я уже не раз отмечал, насколько катастрофическим было положение, сложившееся в экономике к последнему году пятилетки. Плановые цифры на этот год, включенные в проект Гинзбурга, оказались, конечно, слишком оптимистичными.

Другие важные факторы

Когда в своем 740-страничном проекте пятилетнего плана Гинзбург рассчитывал целевые показатели, которые советские экономисты и сегодня оценивают как слишком низкие, он не

ры народного хозяйства СССР на 1929/30 г. М.: Плановое хозяйство, 1930. С. 422–423.

мог предвидеть, что ситуация и условия изменятся настолько, что обозначенные им плановые задания окажутся невыполнимыми.

В послевоенный период качество производимой продукции резко ухудшилось. В 1926/27 г. качество промышленной продукции все еще было ниже довоенного уровня, и все разрабатываемые в то время пятилетние планы предусматривали существенные улучшения в этой области. В действительности, за тот период, на который Гинзбург составлял свой проект, качество производимой промышленностью продукции значительно ухудшилось. В 1932 г. все журналы и даже правительственные документы печатались на оберточной бумаге. Однако это снижение качества практически не отразилось на ценах, используемых для расчета показателей выпуска, и, следовательно, не было учтено в статистике объемов производства.

Серьезные проблемы существовали и в сфере производительности труда. На процессе меньшевиков Гинзбурга обвиняли в том, что он запланировал чересчур низкие показатели увеличения выпуска на душу населения — «всего» около 50% за пять лет¹. Сталинское руководство не могло допустить принятия таких «несерьезных» задач. В утвержденном первом пятилетнем плане увеличение выпуска на душу населения в государственном секторе промышленности должно было составить не менее 135% за пять лет. В табл. 8.1 приведены плановые задания по выпуску промышленности, а также реально достигнутые показатели.

Согласно расчетам Ходжмана, в период с 1927/28 г. по 1932 г. спад в выпуске продукции на душу населения составил 8%. Недовыполнение поставленных задач по повышению производительности труда было воистину огромным само по себе, даже если допустить, что в расчетах Гинзбурга по промышленному выпуску содержались какие-либо неточности.

Характерно, что производительность труда начала падать еще в 1929/30 г. Данные по производству на душу населения (в физическом выражении) позволяют более подробно проанализировать сложившуюся ситуацию². Эти данные, вне вся-

¹ См. Материалы. С. 408–409.

² Народное хозяйство. Статистический справочник. М.-Л.: Огиз — Гос. соц.-экон. изд., 1932. С. 16.

Таблица 8.1. Плановый и фактический рост выпуска промышленной продукции на одного работника в государственном секторе с 1926/27 по 1932/33 г.

Год	Проект Гинзбурга ^а	Пятилетний план ^б	Выполнение ^в
1926/27	11,6 ^г	—	—
1927/28	10,9	—	—
1928/29	8,5	16,1	7
1929/30	8,7	14,9	-4
1930/31	7,7	15,0	-3
1931/32	7,0	16,1	-8
1932/33	—	17,3	12,6 ^д

Источники:

^а Материалы. С. 542–543.

^б Первый пятилетний план, текст, т. II, ч. I. С. 252–253; ч. II. С. 206–207.

^в Hodgman. Soviet Industrial Production. P. 113. Данные Ходжмана включают не только государственную промышленность, но это не оказывает существенного влияния на сопоставимость показателей.

^г Ожидаемое выполнение.

^д Календарный 1933 год.

кого сомнения завышенные, показывают, что некоторое увеличение производительности труда начало наблюдаться лишь в первой четверти 1930 г. По всей вероятности, в этом проявились положительные тенденции, накапливавшиеся в течение многих лет. Во второй четверти 1930 г. показатели производительности труда оставались на том же уровне, а затем в течение длительного времени снижались. Вскоре Гинзбург был арестован. Это произошло 16 сентября 1930 г. (Процесс, с. 323). Конечно, когда вместо ожидаемого увеличения на 20% выпуска на душу населения произошло абсолютное падение этого показателя, появился прекрасный повод устроить открытый процесс над теми, кто за несколько лет до этого предупреждал именно о такой опасности.

Серьезные ошибки, допущенные составителями официальных планов по оценке перспектив роста производительности

труда, неизбежно повлекли за собой ошибки в расчетах численности рабочих, занятых на производстве. Согласно окончательному проекту пятилетнего плана, в период с 1927/28 г. по 1932/33 г. количество рабочих должно было увеличиться на 1 млн человек, т.е. на 32,8%¹. Эти оценки оказались на редкость неточными: всего за четыре года и три месяца, в период с 1927/28 г. по 1932 г., число рабочих, занятых в крупной промышленности, выросло на 3,3 млн человек². Только за 1931 г., когда начался процесс меньшевиков, количество рабочих в крупной промышленности выросло на 1,2 млн человек. Это превышало показатели, запланированные в последнем проекте пятилетнего плана на весь срок пятилетки, и почти в три раза превышало цифры, предусмотренные в проекте Гинзбурга на пятилетний период. В 1930 и 1931 гг. численность рабочей силы увеличилась на 0,9 млн и 1 млн человек, соответственно. Ситуацию, которая фактически грозила обернуться неизбежной катастрофой, вскоре стали называть свидетельством выполнения заданий первого пятилетнего плана. Повторим еще раз, что по сравнению с ужасающими просчетами в заданиях утвержденного плана некоторые неточности, допущенные Гинзбургом в заданиях по выпуску промышленности, кажутся просто ничтожными.

Дополнительными факторами, которые привели к полному невыполнению заданий по повышению производительности труда, стали высокий уровень смертности и резко сократившийся уровень рождаемости, вызванные низким качеством продовольствия и голодом. Именно эти факторы помогли Сталину решить задачу, которая в середине 1920-х годов казалась невыполнимой: избавиться от огромного избытка сельского населения. Меньшевики, занимавшиеся вопросами планирования в середине 1920-х годов, естественно, не могли с должной симпатией отнестись к сталинским способам решения этой проблемы, за что и поплатились.

В те годы, когда Гинзбург работал над проектом пятилетнего плана, было принято считать, что высокие производствен-

¹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. II. Ч. 2. Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 206–207.

² Социалистическое строительство СССР. М.: ЦУНХУ Госплана, 1935. С. 476.

ные издержки в государственной промышленности представляли собой серьезную помеху на пути экономического прогресса. «Вредитель» Гинзбург в своем проекте предусмотрел сокращение издержек в секторе экономики, подотчетном ВСНХ, на 16,5 % в течение пятилетнего периода (Материалы, с. 648). Составители окончательного варианта пятилетнего плана, «герои», которые придумывали плановые задания, не покидая своих кабинетов, а затем с криками «ура» рапортовали об их выполнении, естественно, не испытывали восторга от такой «скромной» цифры. По их мнению, производственные издержки должны были сократиться на 35 % (Материалы, с. 85).

Даже Сталин не рискнул признать выполненными задания последнего варианта пятилетнего плана по сокращению производственных издержек. Тем не менее он заявил, что в этом направлении были достигнуты большие успехи. Гораздо позже, когда эти проблемы были уже не столь актуальными, в материалах, опубликованных по случаю празднования 40-й годовщины революции, появилась информация о том, что официально восхваляемые в течение 25 лет показатели себестоимости промышленной продукции на самом деле были «улучшены» благодаря тому, что при их расчете не учитывалось повышение номинальной заработной платы¹.

Таким образом, эти показатели, подвергшиеся позднее исправлениям, вместо того, чтобы обнаружить резкое сокращение издержек производства в период с 1928 г. по 1932 г., свидетельствовали об их увеличении на 2,3 %. При этом, естественно, ни слова не сказано о весьма существенном ухудшении качества произведенной продукции².

В пятилетнем плане Гинзбурга предусматривалось, что оптовые цены на товары, произведенные подконтрольными ВСНХ отраслями промышленности, снизятся на 17,4 %³. Составители окончательной версии пятилетнего плана, неудовлетворенные

¹ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах, статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 55, сноска. В действительности, номинальные зарплаты за период с 1928 г. по 1932 г. увеличились вдвое.

² По данным Малафеева («История ценообразования в СССР», с. 406), издержки на производство сопоставимых промышленных товаров сократились на 5,2 % и 6,9 % в 1928/29 г. и 1929/30 г. соответственно, однако затем выросли на 6,8 % и 6,9 % в 1931 г. и 1932 г. соответственно.

³ Материалы. С. 406.

этим показателем, запланировали снижение цен на пятилетку в целом по промышленности на 24 %. Снижение оптовых цен на продукцию государственного сектора предполагалось начать со второго года пятилетки. Согласно данным Малафеева, эти цены выросли на 26,9 % в период с 1 августа 1928 г. по 1 апреля 1932 г.¹

И, наконец, рассмотрим вопрос о заработной плате. Госплановский проект пятилетнего плана, утвержденный в апреле 1927 г. (Перспективы, с. 12), предусматривал рост номинальной заработной платы в промышленности на 33 %, а реальной заработной платы — на 50 %. В пятилетнем плане ставилось задание увеличить на 37,5 % реальные доходы большей доли городского населения. Предполагалось, что эту нереалистичную задачу можно будет выполнить, если существенно (не менее чем на 17 %) понизить цены на промышленные товары и при этом сохранить цены на сельскохозяйственную продукцию (там же, с. 13).

По сравнению с пятилетним планом Госплана, вопрос о заработных платах в проекте Гинзбурга рассматривался очень осторожно (Материалы, с. 68). За период с 1926/27 г. по 1931/32 г. в проекте предусматривалось увеличить номинальные заработные платы в отраслях промышленности, контролируемых ВСНХ, на 20 %², а реальные заработные платы — на 29 %. Какой позор, какое предательство: за пять лет реальная заработная плата героев революции возрастет всего на 29 %! В окончательном тексте пятилетнего плана за период с 1927/28 г. по 1932/33 г. предусматривался рост реальной заработной платы работникам крупной промышленности на 109,2 %³.

Что же в действительности происходило с заработными платами? Приблизительный подсчет показывает, что заработные платы за период с 1928 г. по 1932 г. снизились более чем на 50 %⁴. Задания по реальным заработным платам, утверж-

¹ Малафеев. Указ. соч. С. 400.

² Материалы. С. 406–407.

³ Пятилетний план, текст, т. II, ч. 2. С. 190.

⁴ См. мою работу «The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary» (East Lansing, 1957. P. 41). Согласно данным Малафеева, не исключено, что снижение заработной платы происходило несколько в меньшей степени, однако, в его работе не приводятся данные о реальной заработной

денные в пятилетнем плане, не были выполнены даже на одну треть¹. Плановые задания, предусмотренные в проекте Гинзбурга, оказались более реалистичными, но не намного. Конечно, Гинзбурга нельзя обвинить в том, что при составлении пятилетнего плана он был излишне оптимистичен, поскольку, если он и проявлял оптимизм, то весьма умеренный. Гораздо логичнее было бы предъявить ему претензии в том, что в его плане было больше оптимизма, чем пессимизма. Однако в действительности, в вину ему ставили пессимизм, за который впоследствии он и был осужден. Его обвинили в том, что он не смог разглядеть «огромных возможностей, присущих плановой социалистической экономике».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проект Гинзбурга основывался на предпосылке о развитии здоровой экономики в той мере, насколько это было возможно в условиях советской системы. Не представляло никакого труда внести в проект пятилетнего плана Гинзбурга любые уточнения, связанные с изменившимися концепциями или появившимися свежими данными. Такие поправки не потребовали бы автоматического повышения плановых заданий. На самом деле, в течение первых лет пятилетки наблюдались умеренно высокие темпы роста объемов промышленной продукции. Однако наряду с этим сильно отставали другие промышленные показатели — производительность труда, качество выпускаемой про-

плате в рассматриваемый период. Все остальные данные о доходах выглядят просто ужасающими. Номинальная заработная плата наемных работников в 1928 г. составляла приблизительно 700 руб. в год (Контрольные цифры на 1929/30 г. С. 489). Малафеев в своей книге показывает (с. 407), что в 1932 г. номинальная заработная плата рабочих и служащих составляла 1427 руб. Данные приводятся одной цифрой. Нет полной ясности относительно того, включались ли в эти расчеты все категории работников, учтенные за 1928 г. Согласно данным Малафеева, индекс цен в государственной и кооперативной торговле составлял 255 в 1932 г. (1928=100). Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что реальная заработная плата понизилась почти на 30%. Снижение было бы значительно больше, если бы было учтено непомерное взвинчивание цен на частных рынках.

¹ Здесь не имеет смысла говорить хотя бы о частичном выполнении плановых заданий, поскольку план по этим показателям вообще не был выполнен.

дукции, количество рабочей силы, производственные издержки, заработные платы и т. д.

Еще до завершения пятилетки полностью прекратился рост даже объема производства, а уже в 1932 г. этот показатель, по видимому, стал падать. Другие промышленные показатели отражали отставание, грозящее катастрофой.

Если мы обратимся к соответствующей части процесса (Процесс, с. 296), то увидим, что из всех основных промышленных показателей, фигурирующих в проекте плана, в вину Гинзбургу вменялись только плановые задания по росту совокупного выпуска промышленности. Ни слова не было сказано об огромном невыполнении плана по таким показателям, как производительность труда и производственные издержки, хотя в основе проекта Гинзбурга лежала взаимосвязь этих показателей с заданиями по росту промышленного производства.

В чем же тогда состояло преступление Гинзбурга? Он сознался в том, что якобы занимался вредительской деятельностью. На самом деле, все его действия были направлены на благо страны, во всяком случае, в меру его понимания. Сталинскому руководству нужно было найти козла отпущения, поскольку они осознавали, что обещанных результатов добиться не смогут. Кроме того, они не могли не понимать, что ведут страну в пропасть. В самом деле, рабочих ожидало не обещанное удвоение заработных плат, а настоящий голод. Нельзя не признать, что для того раннего периода Гинзбург проделал весьма важную работу. И не его вина в том, что даже те задачи, которые были запланированы в его проекте и которые признали «сознательно заниженными», не удалось выполнить. Умеренное отставание от поставленных задач наблюдалось только для выпуска промышленной продукции, но и эта «умеренность» достигалась лишь потому, что другие плановые задания катастрофически невыполнялись.

Мне горько писать о том, что Гинзбурга вынудили назвать пятнадцать своих коллег членами вредительской организации (Процесс, с. 34), хотя большинство из них были «виноваты» лишь в том, что работали вместе с ним над составлением пятилетнего плана. Ниже приведены их имена.

Из пятнадцати человек, названных Гинзбургом, девять были членами специальной комиссии по подготовке пятилетнего плана, а один, не входивший в эту комиссию, — основным участником подготовки пятилетнего плана. Люди, которых назвал

Названы Гинзбургом вредителями	Участие в работе над проектом плана ^а
1. Абрамович С. Д.	хх
2. Аркус Я. С.	нет
3. Белоцветов В. А.	нет
4. Гальперин М. В.	нет
5. Гринцер М.	хх
6. Дубовиков Ф. Г.	хх
7. Кукель-Краевский С. А.	хх
8. Лавров В. И.	хх
9. Рабинович А. И.	х
10. Рабинович К. И.	хх
11. Соколовский А. Л.	хх
12. Урицкий М.	нет
13. Чернобаев Н. Г.	хх
14. Шейн С. Д.	нет
15. Штерн А. Б.	хх

^а хх — члены специальной комиссии по подготовке пятилетнего плана.
 х — в специальную комиссию не входил специалист, который был одним из основных участников подготовки пятилетнего плана.

Гинзбург на Процессе и чьи имена не были приведены в «Материалах», по всей вероятности, занимали невысокое положение. В материалах «Процесса» перепутаны инициалы двух составителей плана.

Из перечисленных выше экономистов, меньшевиками Гинзбург кроме себя назвал пятерых: М. Гринцера, К. И. Рабиновича, А. И. Рабиновича, А. Л. Соколовского и А. Б. Штерна¹.

Глава 9. Николай Дмитриевич Кондратьев

Яркая жизнь Николая Дмитриевича Кондратьева была недолгой. Он родился в 1892 г. Наши пути пересекались в 1916 и 1917 гг. В 1916 г. он работал в экономическом отделе Союза Земств, возглавляемом Чаяновым. После Февральской революции, когда ему было всего 25 лет, он уже стал заместителем министра продовольствия и отвечал за поставки в деревню промышленных потребительских товаров. В 1919 г. он начал свою ставшую широко известной работу по длинным циклам, которые он предпочитал называть длинными волнами. Эти исследования заняли достойное место в мировой экономической науке. В 1930 г. его посадили в тюрьму. После Процесса меньшевиков 1931 г., на котором он выступал основным свидетелем, о нем нет никакой информации. Тогда ему было всего 39 лет.

На Западе Кондратьев известен главным образом благодаря своей теории длинных циклов, однако в СССР он снискал себе славу не только и не столько как автор этой теории. Он действительно пользовался огромным научным авторитетом, и этот факт признавали не только его друзья и доброжелатели, но даже его злейшие враги. В своей стране он прославился тем, что внес важный вклад в изучение советской экономики, особенно сельского хозяйства. Успехам Кондратьева немало способствовали его организаторские таланты, которые прояв-

¹ А. М. Гинзбург был осужден на десять лет лишения свободы. Находился в Верхнеуральском политизоляторе, затем в Челябинском исправительно-трудовом лагере. 27 декабря 1937 г. постановлением тройки управления НКВД Челябинской области приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 30 декабря 1937 г. Реабилитирован 13 марта 1991 г. — *Примеч. научн. ред.*

лялись в умении создавать научные коллективы и отстаивать результаты исследований в таких государственных структурах, как Госплан и Наркомзем. Если лидерами меньшевиков можно назвать в первую очередь Громана и затем Базарова, то, вне всякого сомнения, Кондратьев был лидером неонародников.

КОНДРАТЬЕВ КАК УЧЕНИК ТУГАН-БАРАНОВСКОГО¹

Стремительный взлет научной карьеры Кондратьева был, по-видимому, не в последнюю очередь обусловлен тем фактом, что ему посчастливилось стать одним из самых «близких» учеников (как он сам себя называл) профессора М. И. Туган-Барановского. Я полагаю, что Туган-Барановский был самым ярким российским экономистом за всю историю страны. Кондратьев рассказывает о своем учителе в книге-некрологе, опубликованной в Петрограде в 1923 г. в память об умершем в 1919 г. Туган-Барановском. В 1923 г. нужно было обладать изрядным мужеством, чтобы дать ему положительную оценку, а после 1923 г. в СССР уже невозможно было опубликовать добрые слова о нем, поскольку Туган-Барановский был министром украинского правительства Петлюры, которое боролось с большевистским режимом. (Туган-Барановский был не единственным истинным демократом, которого большевики толкнули в ряды реакционеров.)

Некролог, написанный Кондратьевым, проникнут огромным уважением и любовью к своему учителю. Естественно, Кондратьев не имел возможности открыто написать о деятельности Туган-Барановского на Украине и лишь намекнул об этом в заключительной части: «Все мимолетное умрет и покроется пеплом забвения. Но тем ярче будут гореть искры подлинного вдохновения и творчества, черты своеобразия и одаренности, которыми была так богата личность М. И.; тем значительнее будет представляться нам то научно-идеологическое наследие, которое он оставил для грядущих поколений. М. И. умер. Но память о нем и его духовное влияние не умрут»².

¹ Этот раздел мне помогал писать Г. Гарви. См. также биографию Кондратьева, опубликованную Гарви в «International Encyclopedia of the Social Sciences» (New York, 1968. Vol. VIII. P. 443–444).

² Цит. по: Кондратьевщина. С. 36.

Когда пришло время предъявить обвинения Кондратьеву, большевики вспомнили о некрологе, написанном им в память о Туган-Барановском. За этот некролог он подвергся ожесточенным нападкам *inter alia* и в сборнике «Кондратьевщина», включавшем доклады и выступления в Аграрном институте Коммунистической академии 1 октября 1930 г. Прочитывая приведенные выше слова Кондратьева, некто Ужанский заявил: «Мимолетное — это деятельность Туган-Барановского против Страны советов. Нет, господин Кондратьев, скоро забудутся труды и Туган-Барановского, и его верных учеников — кондратьевцев. Но в классовой борьбе никогда не забудется то, что Туган-Барановский и Кондратьев стояли по ту сторону барьера»¹.

Это высказывание свидетельствует о том, что когда в 1930 г. большевики заявили о возможности за два-три года построить индустриальное социалистическое общество, в СССР царила неразбериха, граничащая с безумием. Впоследствии оказалось, что авторы «Кондратьевщины», пророчившие забвение Туган-Барановскому и Кондратьеву, глубоко ошибались. Работы и Туган-Барановского, и Кондратьева входят сегодня в сокровищницу мировой экономической литературы: Туган-Барановский известен главным образом благодаря анализу экономических циклов², а Кондратьев — благодаря своим работам по «длинным волнам». Сегодня, почти полвека спустя после смерти Туган-Барановского, вновь проявляется огромный интерес к его работам и, особенно, к его монетаристской теории³.

¹ Кондратьевщина. С. 36.

² См. статью о Туган-Барановском, опубликованную в «Encyclopedia of the Social Sciences» (vol. XV, 1-st ed., 1937. P. 128–129, vol. XVI, 2-nd ed., 1968. P. 164–167). Т. Хатчисон в работе «A Review of Economic Doctrines, 1870–1929» (Oxford, 1953) отмечает, что книгу Туган-Барановского «Промышленный кризис в Англии» можно по праву назвать новым этапом в исследовании кризисов и циклов (с. 377). Ф. Шпитгоф считает эту книгу «первой научной монографией на эту тему, в которой сочетаются история, статистика и анализ» (цит. по: Хатчисон Т. Указ. соч.). А. Хансен писал: «Он проложил дорогу через джунгли и открыл новые перспективы. Он по-новому стал размышлять об этой проблеме» (Business Cycles and National Income. New York, 1951. P. 28).

³ См. также: Власенко В. Е. Теории денег в России: конец XIX в. — дооктябрьский период XX в. (Киев: изд. Киевского университета, 1963). В этой работе сделана попытка оценить вклад Туган-Барановского, оригинального мыслителя, в развитие теории денег. Власенко пишет: «Есть основания пола-

ТЕОРИЯ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ

В одной из своих работ Кондратьев описывает историю создания теории больших циклов: «Гипотеза о существовании больших циклов появилась у меня в 1919–1920 гг. Не занимаясь специальным анализом, я вскоре сформулировал общие положения в работе „Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны“ (Вологда, 1922). В течение зимы и весны 1925 года я написал специальное исследование, посвященное „большим циклам“, которое появилось в первом томе издания „Вопросы конъюнктуры“, опубликованном Конъюнктурным институтом в 1925 г. в Москве»¹.

6 февраля 1926 г. Кондратьев выступил с докладом по большим циклам в Институте экономики РАНИОНа (Российская ассоциация научных институтов общественных наук, которая позднее вошла в состав Академии Наук СССР). По всей вероят-

гать, что взгляды Кейнса на деньги и денежное обращение формировались в известной степени под влиянием теории денег Туган-Барановского» (с. 213). Далее Власенко делает вывод, что «во всяком случае, несомненно одно: основные идеи теории денег Кейнса, изложенные им в книге „Трактат о денежной реформе“, были высказаны Туган-Барановским почти на десятилетие раньше в работе „Бумажные деньги и металл“» (там же). Еще в 1925 г., в предисловии к русскому переводу работы Кейнса «A Treatise on Money» С. А. Фалькнер замечает, что «точно так же и в ряде других мест мы находим у него положения и мысли, несомненно, заимствованные из России» [т. е. из работ Туган-Барановского. — Н. Я.] (Кейнс Дж. М. Трактат о денежной реформе. М.: Экономическая жизнь, 1925. С. 4).

Самая большая глава в книге Власенко озаглавлена «Конъюнктурная теория денег Туган-Барановского», а раздел 5 этой главы называется «Туган-Барановский — основоположник номиналистически-количественной теории денег — ведущего направления буржуазной теории денег периода общего кризиса капитализма». Не будь Власенко марксистом, он, возможно, согласился бы с моим мнением о том, что Туган-Барановский был самым выдающимся российским экономистом.

В рецензии на книгу Власенко, опубликованной в главном органе Государственного банка СССР «Деньги и кредиты», 3. Атлас, один из ведущих советских экономистов в области денежного обращения, отметил: «К сожалению, у нас еще нет такой работы о Туган-Барановском, которая показывала бы и то ценное и полезное, что имеется в его трудах». (См.: Атлас 3. Исследование о теориях денег в России // Деньги и кредит. 1964. № 7. С. 88. — Примеч. научн. ред.)

¹ Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры. М.: РАНИОН, 1928. С. 114. (Такой цитаты в этой книге нет, но факты изложены правильно. — Примеч. научн. ред.)

ности, это было его последнее выступление на эту тему. На следующей неделе, в том же институте с контрдокладом, более длинным, чем доклад Кондратьева, выступил Опарин. Позднее оба доклада, а также материалы последовавшей дискуссии (правда, в сокращенном варианте) были опубликованы в книге, озаглавленной «Большие циклы»¹.

Объем нашей книги не позволяет подробно остановиться на обсуждении больших циклов. Согласно Кондратьеву, существовало три больших цикла. Третий цикл на тот период времени еще не завершился².

1-й большой цикл	подъем	1780-е гг.	—	1810–1817
	спад	1810–1817	—	1844–1851
2-й большой цикл	подъем	1844–1851	—	1844–1851
	спад	1870–1875	—	1890–1896
3-й большой цикл	подъем	1890–1896	—	1914–1920
	спад	1914–1920	—	?

Большевики приняли в штыки теорию больших циклов Кондратьева, поскольку считали, что она умышленно отвлекает внимание от неизбежного краха капиталистической системы. По их мнению, в капиталистической экономике не могло существовать никаких повышающихся волн.

Российские беспартийные ученые, если и признавали теорию больших циклов Кондратьева, то с большими оговорками. В раз-

¹ Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Указ. соч. Главной публикацией на эту тему на английском языке является работа «The Long Cycles», напечатанная в журнале «The Review of Economic Statistics» (November, 1935), которая представляет собой сокращенный перевод этой статьи, изданной на немецком языке в «Archiv für Business Sozialwissenschaften und Sozialpolitik» в 1926 г. Эта работа была перепечатана в «Readings in Business Cycles Theory» (Philadelphia, 1944), решение об этой публикации принял комитет Американской экономической ассоциации. Комментарий редактора английского издания: «Опарин начал публиковаться в 1914 г., в начале 1930-х годов его публикации прекратились, а затем появились вновь в 1955 г. Биографический очерк о нем можно найти в рецензии на его работу „Multi-Sector Economic Account“ (Oxford, 1963), написанной М. Кайзером и опубликованной в „Journal of the Royal Statistical Society“, Series A, Part 3, 1964. P. 460–461».

² Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры. С. 49.

личных российских журналах появились многочисленные критические статьи на эту тему¹. В 1929 г. вышла целая книга, направленная против больших циклов Кондратьева². М. Краев в статье «Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства», опубликованной в журнале «Плановое хозяйство» (№ 1 за 1931 г.), также критиковал идеи Кондратьева³.

Зарубежные экономисты по-разному относились к теории больших циклов Кондратьева, однако никто не оспаривал ее важный вклад в развитие экономической науки⁴. Й. А. Шумпетер, которого по праву можно назвать одним из великих экономистов, закрепил за теорией больших циклов имя Кондратьева. По сей день в литературе по экономическим циклам эта теория называется теорией больших циклов Кондратьева. По словам Шумпетера, «именно Кондратьев представил научному сообществу полное описание этого явления [больших циклов. — Н. Я.] и провел систематический анализ всех доступных ему материалов; в основе его рассуждений лежала идея о существовании больших циклов, характеризующих процесс капиталистического производства». Шумпетер также полагал, что большие циклы «как минимум, связаны с определенными процессами, происходящими в ходе развития промышленности, которые имеют такую же природу и характеризуются такими же признаками, что и процессы, обуславливающие проявление общепризнанных циклов»⁵.

¹ См.: *Garvy G. Kondratieff's Theory of Long Cycles//The Review of Economics and Statistics. 1943. Vol. XXV.* В этой статье содержится подробный анализ эмпирических данных, использованных Кондратьевым в нескольких статьях о больших циклах, а также обзор советских публикаций, посвященных обсуждению его теории. Статья Гарви была переиздана в «*Readings in Business Cycles and National Income*» (Alvin Hansen, Richard V. Clemence (eds.). New York, 1953).

² *Герценштейн А. Г.* Существуют ли большие циклы конъюнктуры? Критика взглядов Н. Д. Кондратьева. М.: изд. Коммунистической академии, 1929.

³ Статья М. Краева состояла из двух частей. См.: *Плановое хозяйство. 1931. № 1.* С. 128–153; № 2–3. С. 122–162. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ В начале 1930-х годов Кондратьев был избран одним из первых членов международного Эконометрического общества.

⁵ См.: *Schumpeter J. A. Business Cycles. Vol. I, New York, London, 1939. P. 164 and footnotes.*

Артур Ф. Бернс и Уэсли К. Митчелл назвали гипотезу Кондратьева «наиболее ценной из всех теорий больших циклов»¹. Рассмотрению этой гипотезы они посвятили отдельную главу своей книги, где привели убедительные доказательства ее огромного значения. Исследование Бернса и Митчелла стало лишь одним из многочисленных трудов, посвященных теории больших циклов, которые появились после публикации статьи Кондратьева².

Только настоящий ученый мог начать заниматься исследованием больших циклов в историческом аспекте в то время, когда в самом разгаре была гражданская война и когда в результате экспериментов Ленина по построению коммунизма над страной нависла угроза экономической катастрофы, которая повлекла за собой голод и смерть миллионов людей. Конечно, в те годы ученые вряд ли могли повлиять на ход экономического развития. Вновь Кондратьев обратился к этим проблемам в 1924—1926 гг., несмотря на огромный объем работы, который ему приходилось выполнять в качестве директора Конъюнктурного института.

Конъюнктурный институт

После Октябрьской революции Кондратьев, естественно, потерял работу, но он был не тем человеком, который стал бы сидеть без дела. Уже в 1919 г. он опубликовал работу «Производство и сбыт масличных семян в связи с интересами крестьянского хозяйства». В 1922 г. вышла из печати его известная книга «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции»³. Еще раньше, в 1920 г., он создал Конъюнктурный институт, которому суждено было играть весьма важную роль в течение целого десятилетия. Кондратьев также начал работу по созданию индексов оптовых цен, которые вскоре приобрели огромное значение.

¹ Burns A. F., Mitchell W. C. Measuring business cycles. New York: National Bureau of Economic Research, 1946. P. 431.

² Библиография трудов по большим циклам на шести языках представлена в 500-страничной монографии Гастона Эмбера (См.: Imbert G. Des mouvement de duree Kondratieff. Aix-en-Provence, 1959). См. также: Weinstock U. Das Problem der Kondratieff-Zyklen, Berlin, 1964.

³ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922.

В середине 1922 г. вышел первый номер «Экономического бюллетеня Конъюнктурного института». Это издание Кондратьев редактировал сначала один, а с 1925 г. — в тесном сотрудничестве с Альбертом Вайнштейном. Со временем журналы становились все более объемными. Например, выпуск № 10–11 за 1924 г. состоял из 80 страниц и включал четыре отдела: 1) российский отдел: общие экономические показатели Конъюнктурного института; 2) российский отдел: показатели народного хозяйства СССР; 3) иностранный раздел; 4) статьи, представляющие прикладной и теоретический интерес¹. В первом разделе рассматривались различные индексы цен, включая новый индекс оптовых цен Конъюнктурного института. Небольшие главы были посвящены денежному обращению, кредиту, транспорту, выпуску тяжелой и легкой промышленности, а также общим экономическим показателям (в том числе и методам их расчета с помощью показателя средней геометрической величины).

В разделе 2 следующего выпуска Бюллетеня содержались очень подробные данные о внутреннем положении экономики, причем особый акцент сделан на индексы оптовых цен. Для цен в промышленности и в сельском хозяйстве приводились отдельные индексы, которые далее подразделялись на подгруппы. Самым важным был расчет соотношения между индексом оптовых цен для промышленных товаров и индексом оптовых цен для сельскохозяйственной продукции. Внешний раздел представлял собой компиляцию различных индексов для США и Великобритании. Именно этот раздел бюллетеня вызывал наибольшее раздражение властей. Руководители страны очень боялись, что граждане Советского Союза узнают об условиях жизни за границей, а иностранцы получают информацию о жизни в СССР. В докладе «Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве», прочитанном в Коммунистическом Аграрном институте 1 октября 1930 г., Милютин

¹ Здесь у Ясного неточность: такого номера не было, были сдвоенные номера 9–10 и 11–12. По-видимому, речь идет о № 11–12 за 1924 г., в котором 80 страниц. В нем, как и в других номерах, было три отдела: русский отдел, иностранный отдел и статьи общего и теоретического характера. В русском отделе в данном номере содержалось восемь подразделов: общий обзор, цены и индексы, финансы, кредит, сельское хозяйство, торговля, транспорт, труд. — *Примеч. научн. ред.*

заметил: «Конъюнктурный институт Наркомфина был по существу органом кондратьевщины, непосредственно связанным с заграничными буржуазными институтами, которые он информировал подробнейшим образом о положении дел в СССР»¹.

Милютин настаивал, что Конъюнктурный институт передавал информацию за границу «в извращенном виде», хотя на самом деле, это «извращение» состояло лишь в отказе от слепой перепечатки фальсифицированных официальных данных и комментариев. На том же совещании в Аграрном институте Ужанский вслед за Милютиным добавил: «Кондратьев со своим аппаратом в Конъюнктурном институте, сплошь наполненном кондратьевцами, занимался изучением хозяйства зарубежных стран и освещал их положение в многочисленных бюллетенях и книгах»². Вот уж, воистину, страшное преступление!

После выпуска № 4 за 1928 г., т. е. вскоре после начала кампании по индустриализации, Конъюнктурный институт был расформирован. «Экономический бюллетень» передали Центральному статистическому управлению, после чего он вскоре прекратил свое существование³.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ИНДЕКСЫ

Считалось, что индекс оптовых цен, предложенный Конъюнктурным институтом, не мог адекватно использоваться для анализа крестьянских хозяйств. Однако было обнаружено, что и существующий индекс стоимости жизни не применим к крестьянским хозяйствам. Главная причина такого положения состояла в том, что в индекс стоимости жизни не включались цены на промышленные товары, используемые в сельском хозяйстве. В любом случае, назрела необходимость срочно ввести особый «крестьянский индекс», и Конъюнктурный институт быстро решил эту задачу⁴.

¹ Кондратьевщина. С. 9.

² Там же. С. 33.

³ В 1929 г. вышло только девять номеров. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ Н. Д. Кондратьев (ред.) Крестьянские индексы. Сборник трудов. М.: Научно-исследовательский конъюнктурный институт, 1927. Интересные материалы по этому вопросу также можно найти в статье А. Л. Вайнштей-

Крестьянские индексы фактически состояли из 20 ценовых индексов на товары, приобретаемые и используемые крестьянами. Товары классифицировали следующим образом:

- 1) Индустриальные товары, приобретаемые для личного потребления;
- 1) Индустриальные товары, приобретаемые для хозяйственного потребления;
- 2) Все приобретаемые индустриальные товары личного потребления;
- 3) Сельскохозяйственные товары, приобретаемые для личного потребления;
- 4) Сельскохозяйственные товары, приобретаемые для хозяйственного потребления;
- 5) Все приобретаемые сельскохозяйственные товары;
- 6) Все товары, приобретаемые для личного потребления;
- 7) Все товары, приобретаемые для хозяйственного потребления;
- 8) Все приобретаемые товары.

Далее выводили еще девять индексов цен на сельскохозяйственные товары, закупаемые крестьянами, включая цены на товары, используемые в сельском хозяйстве¹. Наконец, выделяли индексы для общего объема производимой и отчуждаемой сельскохозяйственной продукции. Также предполагались дополнительные индексы для отдельных сельскохозяйственных товаров, продаваемых самими крестьянами. В список были внесены пять видов зерна, картофель, сахарная свекла, семена подсолнечника, лен, сено, говядина, молоко и яйца.

Важно отметить, что помимо индексов, применимых для экономики СССР в целом, предлагались индексы для регионов с различными типами сельского хозяйства. Было выделено пять регионов, для которых рассчитывались особые индексы: картофелеводческий район (Ярославская и Костромская губернии),

на «Крестьянские индексы СССР как показатели конъюнктуры сельского хозяйства» (Социалистическое хозяйство. 1927. Кн. III. С. 60–76). Согласно Вайнштейну, «инициатива и разработка системы крестьянских индексов принадлежит И. Н. Живковичу и И. Н. Озерову» (Там же. С. 64).

¹ Здесь допущена неточность: эти индексы рассчитывались для товаров, затрачиваемых натурой. — *Примеч. научн. ред.*

льноводческий район (Смоленская и Тверская губернии), свекловодческий район (Курская губерния), молочный район (северо-восток лесостепной зоны, Зауралье), пшеничный район (Северный Кавказ). Индекс для районов, специализирующихся на выращивании льна, рассчитывался как для двух губерний в целом, так и для каждой отдельной губернии.

При расчете индексов использованы данные за первое число каждого месяца, рассматриваемые периоды начинались в основном с 1 октября 1925 г., а в некоторых случаях — с 1 октября 1926 г. Базой для расчета индексов были цены 1913 г.¹ Это весьма существенный момент, поскольку важнейшим фактором при оценке успешности развития сельского хозяйства в СССР было соотношение между упавшими после 1913 г. ценами, по которым крестьяне могли продать свою продукцию, и ценами, по которым они могли купить необходимые им товары. Сразу после введения крестьянских индексов обнаружилось, насколько они полезны. Так, эти индексы показали, что для регионов, специализирующихся на выращивании льна, ценовой индекс на продукцию, проданную крестьянами, упал с 1,90 на 1 октября 1925 г. до 1,76 на 1 марта 1927 г. В этот же период индекс цен на товары, закупленные крестьянами для личного потребления и для использования в сельском хозяйстве, вырос с 1,96 до 2,20, соответственно. Некоторые из последних по времени индексов цен, приведенных в «Крестьянских индексах», представлены в табл. 9.1.

На 1 марта 1927 г. в регионе, специализирующемся на выращивании льна, индексы цен составили следующие величины (Крестьянские индексы, с. 82–85):

Закупки, общее количество	2,48
Продажи, общее количество	1,79
Лен	1,37
Льняное семя	1,55

¹ В сборнике «Крестьянские индексы» (с. 30) отмечается, что при расчете индексов были приняты цены за 1913 г., установленные на местах по архивным и печатным материалам или путем экспертных оценок, что было наименее надежным методом.

Таблица 9.1. Индексы цен на 1 марта 1927 г. (1913 = 100)

	Картофель	Сахарная свекла	Молочная продукция	Зерно
				Закупки
Промышленных товаров, всего	243	229	214	236
				Продажи
Основные продукты, всего	168	135	139	172
Картофель	144	—	—	—
Сахарная свекла	—	117	—	—
Молоко	—	—	164	—
Пшеница	—	—	—	140

Источник: Крестьянские индексы, 1 марта 1927 г. С. 78–79.

В условиях падения цен на сельскохозяйственную продукцию «крестьянские индексы» со всей очевидностью продемонстрировали, что руководство страны ожидало значительного увеличения размера товарной продукции сельского хозяйства по отношению к стоимости товаров, приобретаемых крестьянами.

Сотрудникам Конъюнктурного института не удалось усовершенствовать методику расчета крестьянских индексов — через год после опубликования индексов институт был расформирован. По-видимому, не последнюю роль в его печальной судьбе сыграла личная неприязнь руководства страны к Кондратьеву и его единомышленникам.

Пятилетний план развития сельского хозяйства и другие планы

Пятилетний план развития сельского хозяйства был подготовлен в Наркомземе Кондратьевым совместно с Н. П. Макаровым еще в 1923–1924 гг. Прделанная работа действительно была очень серьезной. Уже 18 января 1924 г. в Госплане обсуждался

первый проект. Вскоре был готов и второй проект, который вышел из печати 8 июля 1924 г. в виде брошюры под названием «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства»¹. Последующая работа над пятилетним планом продолжалась в течение практически целого года, а опубликованные по этой теме материалы занимали несколько тысяч страниц. В конце осени 1924 г. Госплану были переданы 16 отдельных планов. В июле 1925 г. Кондратьев выступил пред Госпланом с третьим вариантом плана. Его содокладчиком был П. И. Попов, руководитель Центрального статистического управления и член сельскохозяйственной секции Госплана. В дискуссии также приняли участие пять докладчиков. Основные положения докладов были опубликованы в журнале «Пути сельского хозяйства» (№ 2 за 1927 г.)².

Как видно из табл. 9.2, плановые задания на 1928 г., сформулированные в соответствии с прогнозами Кондратьева, для сельского хозяйства в целом были даже несколько перевыполнены, но плановые задачи по сбору зерна, как экспортного товара, были значительно невыполнены. Скорее всего, это было связано с тем, что мировые цены на зерно в 1928 г. относительно цен 1913 г. оказались менее благоприятными, чем прогнозировалось. По-видимому, не последнюю роль здесь сыграло разделение крупной земельной собственности на отдельные крестьянские участки. Задания по выпуску льняного волокна были значительно перевыполнены. Еще лучше оказалась ситуация с выполнением плана по сахарной свекле. Перевыполнение планов по выпуску льна вполне объяснимо, поскольку лен всегда выращивали средние крестьянские хозяйства. Напротив, са-

¹ Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. М.: Новая деревня, 1924. Этот проект представлял собой пятый выпуск отчета Земплана (организации по планированию при Комиссариате сельского хозяйства РСФСР).

² Сноска неточна. См.: Обсуждение «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства» на заседании Президиума Госплана СССР 4 июля 1925 г. (Доклад Н. Д. Кондратьева от НарКомЗема РСФСР)// Пути сельского хозяйства. 1925. № 4. С. 186–214; Обсуждение «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства» на заседании Президиума Госплана СССР от 11/VII 1925 г. Речи тт. Попова, Бушинского, Крицмана, Горева, Громана, Дубровского// Пути сельского хозяйства. 1925. № 5. С. 162–192. — *Примеч. научн. ред.*

Таблица 9.2. Запланированный и фактический выпуск сельскохозяйственной продукции в 1928 г. (изменение по отношению к 1913 г., в процентах)

	Плановый выпуск	Фактический выпуск
Валовой выпуск	+3.5	+10.0
Размер пашни	+0.8	-3.2
Зерно	-5.6	-8.3
Волокно	+11.6	+32.3
Сахарная свекла	-25.0	+18.8
Скот		
Лошади	-21.7	-6.7
Крупный рогатый скот	+3.8	+16.3
Коровы	+6.7	18.1
Свиньи	+2.0	+24.9
Овцы и козы	-10.7	+21.0

Источник: Таблица 17 в: *Jasny N. Socialized Agriculture of the USSR*. Stanford: Stanford University Press, 1949. P. 219, см. примечание.

харную свеклу до Первой мировой войны выращивали исключительно крупные землевладельцы, и трудно было ожидать, что после разделения крупных хозяйств крестьяне смогут быстро наладить выпуск этой культуры. Однако крестьянам удалось это сделать, хотя достигнутая ими урожайность сахарной свеклы с гектара была меньше, чем урожайность, которой добивались крупные землевладельцы до войны¹.

Перевыполнение заданий пятилетнего плана развития сельского хозяйства подтвердило прогноз Громана. Во время дискуссии, состоявшейся в июле 1925 г., он высказался со свойственной ему прямолинейностью: «Мы получили план сельского

¹ Средний урожай сахарной свеклы по стране в целом в 1909–1913 гг. составлял 150 центнеров с гектара, а в 1927/28 г. — 135 центнеров с гектара (См. мою работу «Socialized Agriculture of the USSR», p. 507).

хозяйства, безусловно резко отставший от жизни»¹. Он объяснил ошибки, допущенные при составлении плана, следующим образом: «Где основные причины ошибок всех планов, и этого, и других? Я считаю, что познавательной причиной ошибок является недостаточное уразумение в момент составления планов у всех, в том числе и у меня, самой закономерности восстановительного процесса»².

Громан в первую очередь высказал критику в адрес Земплана. По его мнению, Земплан между вторым и третьим обсуждениями проекта Кондратьева должен был пересмотреть плановые задания в сторону их повышения. Однако Громан не называл ошибки плана «огромными», как это делал в своем выступлении Дубровский³. Дубровский (о котором у меня нет никакой информации) и Крицман (известный человек, коммунист, занимавшийся вопросами сельского хозяйства) с яростной критикой обрушились на план Кондратьева. Дубровский заявил, что «в плане допущены ошибки» и что «у Наркомзема нет плана, а есть беспланье»⁴. По словам Крицмана, план носит «странный ублюдочный характер», поскольку «в нем сочетается попытка подхода коммунистического, марксистского, с подходами совершенно иного сорта»⁵. Крицман высказал предложение вернуть план в Наркомзем и коренным образом переделать. Содокладчик Попов, напротив, не имел «возражений против той картины эволюции сельского хозяйства, которая дана Наркомземом»⁶. Он, однако, полагал, что проблема перенаселения не получила в плане должного освещения.

Профессор Бушинский от имени сельскохозяйственной секции Госплана заявил, что теоретическая часть (т. е. принципы) плана не была в достаточной мере увязана с фактической реализацией перспективного плана и с развитием производительных сил⁷. Сельскохозяйственная секция придавала этому вопросу большое значение и подготовила для Президиума Гос-

¹ См.: Пути сельского хозяйства. 1925. № 5. С. 186. — *Примеч. научн. ред.*

² Там же. — *Примеч. научн. ред.*

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же.

⁵ Пути сельского хозяйства. 1925. № 5. С. 184. — *Примеч. научн. ред.*

⁶ Там же. С. 163. — *Примеч. научн. ред.*

⁷ Там же. С. 170.

плана свой проект постановления, в котором были даны оценки проекта плана Наркомзема.

План развития сельского хозяйства Кондратьева действительно был выдающимся достижением, особенно, если учесть, что планирование в целом находилось в зачаточном состоянии. Хорошим примером неразвитости системы планирования может служить, например, тот факт, что еще приблизительно в 1919 г. Ленин уверовал в совершенно нелепую идею о том, что экономические планы должны составляться исключительно инженерами (полностью от этой идеи он так и не отказался). Коммунист Кржижановский, инженер по профессии, по поручению Ленина занимался подбором инженеров для составления планов. Приглашенные им инженеры превратили планирование в настоящий фарс. Как правило, в планы они вносили заниженные показатели, и то, что на самом деле происходило в экономике в течение ряда лет, даже отдаленно не напоминало разработанные ими планы¹. Справедливости ради, отметим, что в те годы, когда в экономике страны царил полная неразбериха, а планирование только начинало развиваться, сделать по-настоящему хорошие прогнозы было невозможно.

Поскольку Кондратьев работал в Наркомземе и играл самую непосредственную роль в составлении первых проектов пятилетнего плана развития сельского хозяйства, он не мог не знать о положении в области планирования. После того, как был обнародован первый проект пятилетнего плана Госплана, составленный под руководством Струмилина и изложенный на страницах журнала «Плановое хозяйство» (№ 4 за 1926 г.), несколько представителей неонародников опубликовали работы, в которых со-

¹ Главным достижением инженеров стал знаменитый план ГОЭЛРО (план электрификации России), подготовленный в 1920 г. Помимо заданий по электрификации, в этот план были включены некоторые другие задачи, предусматривавшие, главным образом, выпуск основных промышленных товаров. Конечно, можно заниматься восхвалением плана ГОЭЛРО, как это делается в советских публикациях, однако, для этого нужно закрыть глаза на соотношение между плановыми и фактическими показателями. Я кратко излагаю результаты сравнения этих показателей в работе «Perspective Planning» („Essays on the Soviet Economy“). В действительности, влияние ГОЭЛРО на развитие советской экономики было ничтожным.

держался детальный анализ этого проекта¹. Хотя в целом эти статьи носили критический характер, редакция назвала их интересными и отметила, что затронутые в них проблемы заслуживают широкого обсуждения (там же, с. 3). Кондратьев в своей статье ограничился рассмотрением общих вопросов планирования и практически не коснулся проблем сельского хозяйства. В небольшой статье Макарова содержалась критика пятилетнего плана развития сельского хозяйства, подготовленного Н. П. Огановским, А. Е. Лосицким и Н. М. Вишневым. Челинцев в своей статье представил глубокий анализ проблемы планирования сельского хозяйства как отдельной отрасли, а также как важной составной части народного хозяйства в целом.

В начале статьи Кондратьева приведены рассуждения, в которых он, по всей вероятности, хотел высказать критические замечания в адрес Базарова. Хотя имя Базарова не называется, речь идет о сферах применения предложенных им генетического и телеологического методов планирования. Базаров полагал, что генетический метод применим, в первую очередь, к крестьянскому хозяйству, а телеологический метод больше подходит для социализированного сектора экономики. Кондратьев, однако, утверждает (с. 9), что «построение перспектив как в плане развития сельского хозяйства, так и в плане развития промышленности неизбежно опирается как на телеологический метод, так и на генетический метод». Кондратьев также замечает: «Вовсе не значит, что задачи и перспективы в области развития промышленности мы можем строить по произволу, просто потому, что мы так хотим, без учета объективной возможности, то есть без апелляции к генетическому методу»².

Кондратьев делает вывод, что если и существуют различия между использованием этих двух методов, то они носят не ка-

¹ В журнале «Пути сельского хозяйства» (1927, № 2) были опубликованы статьи: *Кондратьев Н. Д.* «План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности» (с. 3–36); *Макаров Н. П.* «Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству» (с. 37–44); *Челинцев А. Н.* «К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству» (с. 45–82).

² *Кондратьев Н. Д.* План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 9.

чественный, а, скорее, количественный характер. Он, как и другие неонародники, решительно выступал против существующих методов планирования, которые, впрочем, используются в СССР и сегодня. В первую очередь, он настаивал на том, чтобы не допустить внесения в планы произвольно выведенных показателей: «Возможно и даже несомненно, что планы в части предположений на будущее станут значительно беднее и скромнее. Но мы не видим в этом ровно никакого ущерба. Одно из двух: или мы хотим иметь серьезные и реальные планы, и в таком случае должны говорить в них лишь то, на что мы имеем известные научные основания; или мы будем продолжать заниматься всевозможными „смелыми“ расчетами и выкладками на будущее без достаточных оснований и тогда мы должны заранее примириться, что эти расчеты произвольны, что такие планы лишены реальности. Но какая цель и цена таких планов? В лучшем случае они останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем — они будут вредными, потому что могут ввести практику в жестокие ошибки»¹.

Далее Кондратьев утверждает, что «операционные [т. е. годовые. — Н. Я.] и перспективные [т. е. пятилетние. — Н. Я.] планы практически не отличаются друг от друга по существу». По поводу особого генерального плана на 15 лет он с сожалением замечает, что это «в сущности, также просто перспективный план, только не на 3 или на 5 лет, а на 15»².

Кондратьев и другие неонародники резко выступали против включения в проект плана гигантских таблиц, которые они с сарказмом называли «простынями». В этих таблицах содержалось огромное количество цифр, самым скрупулезным образом иллюстрирующих различные ежегодные показатели. «Необходимо категорически отказаться от фетишизма цифр», — заявил Кондратьев³. Он считал, что подробные данные нужно включать в таблицы лишь в оперативных планах⁴. В этом вопросе А. Вайнштейн пошел дальше Кондратьева. Против Контроль-

¹ Кондратьев Н. Д. План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 31.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

ных цифр, одного из первых ежегодных планов, он выдвинул те же возражения, с которыми Кондратьев выступал против среднесрочных и долгосрочных планов. Вайнштейн писал: «Мы не думаем, что система контрольных цифр должна нам давать будущую модель народного хозяйства. Нужно со всей резкостью заявить, что подобная затея является химерой, гаданием на кофейной гуще и ничем иным в настоящее время быть не может. Нам представляются совершенно бесплодной затеей, статистическим гурманством громадные простыни-таблицы, запроектированные Госпланом для разных отраслей народного хозяйства в целях построения контрольных цифр. Чем более обща запроектированная цифра, тем более шансов за правильное ее определение, тем менее будет наша ошибка»¹.

Совершенно иного мнения по поводу Контрольных цифр придерживался Челинцев (по всей вероятности, он имел в виду тот же выпуск Контрольных цифр на 1926/27 г., на который ссылался Вайнштейн). Он, в частности, заявил: «Большое значение в отношении методики получила выработка контрольных цифр народного хозяйства, которая усвоила принцип взаимной увязки всех сторон народного хозяйства и сфер деятельности всех наркоматов на основе балансового метода, особенно в части, касающейся финансирования соответствующих разделов народного хозяйства и мероприятий по ним»².

Кондратьев требовал еще более решительных шагов: «Так как доступное нам количественное предвидение будущего ... всегда лишь приблизительно, то во избежание ошибок на практике следует давать не однозначно-точное цифровое выражение предположений, а всегда с указанием приблизительной вероятной ошибки его»³.

Объем книги не позволяет мне подробно обсудить взгляды Макарова и Челинцева по вопросам планирования. В следующей главе я собираюсь сказать несколько слов об отношении

¹ Вайнштейн А. Л. О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926/27 г. // Социалистическое хозяйство. 1927. Кн. IV. С. 7.

² Челинцев А. Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 47.

³ Кондратьев Н. Д. План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 34.

Челинцева к исключительно важной проблеме соотношения плана развития сельского хозяйства и плана развития экономики в целом.

Через месяц после публикации статьи Кондратьева «План и предвидение» («Пути сельского хозяйства» № 2, 1927) в журнале Плановое хозяйство (№ 3 за 1927 г.) появились подготовленные Госпланом статьи о пятилетнем плане на 1926/27–1930/31 гг. Кондратьев отреагировал на эти публикации статьей «Критические заметки о плане развития народного хозяйства», вышедшей в следующем номере этого журнала. Его заметки действительно носили критический характер. Основной вывод Кондратьева заключался в следующем: «Основная ошибка, допущенная при построении плана, лежит в том, что при составлении его хотели одновременно в максимальной степени разрешить ряд задач, указанных выше (т. е. и максимального и бескризисного роста производительных сил, и максимального удовлетворения текущих потребностей, и т. д.), без достаточного учета того, что эти частные задачи при своем крайнем выражении вступают друг с другом в коллизию»¹.

Политическая позиция Кондратьева

В отличие от Громана, который целиком принял НЭП и считал необходимым внести лишь незначительные изменения в текущую политику, Кондратьев настаивал на существенном углублении НЭПа, возлагая надежды на зажиточных крестьян, поскольку именно они обеспечивали рост производства. Также Кондратьев не одобрял идею о монополии внешней торговли. Давая свидетельские показания на Процессе, он описывал свои взаимоотношения с Громаном в период до 1927 г. следующим образом: «Нужно сказать, что с Громаном Владимиром Густавовичем хотя я и был знаком лично с 1915 г., но стоял на довольно различных позициях и нередко в государственных учреждениях — в СТО, в Госплане и других — мы боролись друг с другом» (Процесс, с. 195).

¹ Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 33.

На Процессе Громан свидетельствовал, что сам не возражал против хода процесса индустриализации, хотя и полагал, что темпы капиталовложений могли быть несколько ниже, чем запланированные показатели. Кондратьев же выступал за гораздо более низкие темпы капиталовложений и считал, что в будущем основной акцент в развитии страны нужно сделать на сельском хозяйстве.

Естественно, что разногласия, существовавшие между Громаном и Кондратьевым вплоть до конца 1927 г., привели к тому, что аналогичные разногласия возникли во мнении как их сторонников, так и коммунистов, занимавших ответственные должности в Наркомземе и Наркомфине. В течение длительного времени отдел планирования в Комиссариате сельского хозяйства РСФСР возглавлял И. Теодорович. Комиссаром по вопросам финансов был Г. Я. Сокольников, а его рупором — Л. Шанин. Большевик Шанин, занимавший должность советника Комиссариата по теоретическим вопросам, был бухаринцем. В работе «Экономическая природа нашего бестоварья» Шанин утверждал, что капиталовложения в промышленность, особенно в тяжелую промышленность, в 1924/25 г. были слишком значительными¹. Он настаивал, что главной задачей плана должно стать увеличение выпуска предметов широкого потребления и экспортных товаров: «Надо взять линию более медленного на первых порах и более осторожного развертывания тяжелой индустрии»².

В «Кондратьевщине» (см. например, статьи И. Д. Лаптева (с. 51) и Я. П. Никулихина (с. 66–67)) содержатся многочисленные критические замечания по поводу позиции Теодоровича и Шанина–Сокольникова, которые выступали за преимущественное развитие сельского хозяйства. По мнению авторов «Кондратьевщины», Бухарин, Теодорович и Кондратьев стояли на единой идеологической платформе, причем Никулихин утверждал, что Шанин и Сокольников выступали за самые крайние меры в аграрной политике: «Наиболее яркий блок правых и кондратьевцев запечатлелся в одном совместном документе „Материалы по перспективному плану развития сельского

¹ Шанин Л. Экономическая природа нашего бестоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11. Цит. по: Spulber (ed.). P. 205–209. (Цитаты из статьи Л. Шанина сверены с оригиналом. — Примеч. научн. ред.)

² Там же. С. 209–210.

хозяйства“, Труды Земплана, вып. XIV, 1928 г. под редакцией т. Теодоровича. Во всей этой книге командная роль в развитии народного хозяйства присвоена сельскому хозяйству»¹.

В отличие от Кондратьева, Теодоровича, Шанина и Сокольников, Громан и Базаров полагали, что темпы роста всех отраслей промышленности должны быть приблизительно одинаковыми. В статье «Итоги истекшего года и злоба текущего дня» Базаров выразил официальную позицию Госплана и сделал ряд мягких критических замечаний в адрес Шанина².

Со временем Кондратьев отказался от некоторых самых крайних взглядов, которых он придерживался на начальном периоде НЭПа, поскольку, он, по-видимому, убедился, что развитие не пошло по предложенному им пути. Так, не оставалось никакой надежды, что монополия на внешнюю торговлю когда-нибудь будет отменена. Не исключено, что Кондратьев искренне пересмотрел свои взгляды, но, скорее всего, он просто предпочитал молчать.

Кондратьев возглавлял группу неонародников, которая в конце 1930 г. стала называться Трудовая крестьянская партия (ТКП). Другими видными деятелями этой партии были Макаров, Чайнов, Челинцев и, возможно, Вайнштейн. Скорее всего, Кондратьев придерживался более правых взглядов, чем остальные, хотя, возможно, он просто занимал более последовательную позицию. В любом случае, в критических публикациях его имя постоянно упоминалось вместе с именами Юровского и даже Литошенко. В прессе отношение к Кондратьеву было более враждебным, чем к другим неонародникам. Юровский, согласно показаниям Кондратьева на Процессе, был членом ТКП еще в конце 1920-х годов. Литошенко, по всей вероятности, был кадетом, хотя и не принадлежал к левому крылу. Можно привести множество других примеров, когда Кондратьева объединяли в одну группу с Литошенко и Юровским и приписывали ему более правые взгляды, чем Чайнову, Макарову и Челинцеву³.

¹ Никулихин Я. П. Кондратьевцы и правые в вопросах индустриализации страны // Кондратьевщина. С. 67. — *Примеч. научн. ред.*

² Базаров В. А. Итоги истекшего года и злоба текущего дня // Экономическое обозрение. 1925. № 12. С. 38–41. — *Примеч. научн. ред.*

³ В принятой в апреле 1929 г. резолюции Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, посвященной задачам марк-

Если среди неонародников и существовали какие-то разногласия, то в официальной прессе их значение было сильно преувеличено.

Не исключено, что разногласия в позициях Кондратьева и Челинцева, о которых говорится в приведенной выше цитате из резолюции конференции от апреля 1929 г., отчасти связаны с тем фактом, что Челинцев сложил оружие почти на год раньше Кондратьева. Он вынужден был признать свое поражение еще во второй половине 1928 г. Кондратьев капитулировал в конце 1929 г.

В литературе цитировалось следующее высказывание Н. Д. Кондратьева, сделанное во время чистки Наркомфина в декабре 1929 г.: «Кондратьеву ставят вопрос: возможно ли массовое строительство колхозов даже без наступления на кулака? Он дает следующий ответ: Я считаю возможным массовое строительство колхозов даже без наступления на кулака, но процесс будет быстрее, если одновременно будет сопровождаться мерами нажима на кулака»¹.

Из этой фразы не вполне ясно, что именно имел в виду Кондратьев. Однако следующие слова, якобы произнесенные Кондратьевым приблизительно в то же самое время, свидетельствуют о его полной капитуляции: «Против генеральной линии я не возражаю и не возражал нигде и никогда»². Я не утверждаю,

систской науки в области аграрного вопроса, говорилось: «Конференция отмечает распад ранее единого мелкобуржуазного идеологического фронта — неонародничества, в результате чего часть этого фронта тесно смыкается с буржуазией (кондратьевщина), а другая часть сдает свои позиции марксизму (Челинцев). Конференция считает необходимым вести самую решительную борьбу против буржуазных теоретиков (Кондратьев, Литошенко и др.)» См.: На аграрном фронте. 1929. № 8. С. 105. Участвовавший в прениях О. П. Давыдов сказал: «Не случайно мы получили „признания“ и осуждение своих прежних позиций от ряда спецов, как например Чаянова, Челинцева, а в последнее время даже от таких оголтелых контрреволюционеров, как Литошенко и Кондратьев (Кондратьевщина. С. 114).

¹ Кондратьевщина. С. 105. Эту и несколько других цитат я взял из выступления В. С. Муллина, опубликованного в «Кондратьевщине» (с. 105–107). В этом источнике приводятся ссылки на стенографический отчет беседы с Кондратьевым во время чистки Комиссариата финансов в 1929 г. Муллин дважды упоминал о «стенограмме беседы» с Кондратьевым (с. 105–106), а затем назвал этот документ «стенограммой показаний» (с. 107).

² Там же. С. 107.

что здесь Кондратьев выразил свои искренние чувства, однако, если эти слова действительно были произнесены, то это означало конец его политической карьеры¹.

Государственный обвинитель Крыленко на Процессе меньшевиков говорил о Кондратьеве так, как если бы он был одним из главных обвиняемых, а также отмечал его принадлежность к так называемой контрреволюционной кулацко-эсеровской организации Кондратьева—Чаянова (Процесс, с. 53). Очевидно, это делалось с прицелом на то, что после первых двух процессов (процесса Промпартии, состоявшегося в конце ноября — начале декабря 1930 г., и обсуждаемого здесь процесса меньшевиков 1931 г.) последует третий — процесс трудовой крестьянской партии (неонародников). Однако процесс неонародников (по крайней мере, открытый судебный процесс) почему-то не состоялся. О причинах остается только гадать. Может быть, власти сочли, что Кондратьев к тому времени был морально раздавлен, и его вполне можно было сделать основным свидетелем на Процессе меньшевиков, но чтобы выставить его главным обвиняемым на Процессе трудовой крестьянской партии, он еще не был полностью сломлен духом. Кроме того, может быть, появились опасения, что после большого Процесса меньшевиков, на котором годом или двумя ранее все главные обвиняемые полностью признали свою вину, процесс неонародников не будет таким зрелищным. В сборник «Кондратьевщина» вошел текст доклада В. П. Милютина, возглавлявшего в то время Центральное статистическое управление, под названием «Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве». Этот доклад, прочитанный в Аграрной коммунистической академии 1 октября 1930 г., вызвал широкую дискуссию, что стало хорошим дополнением к выступлениям обвинителя Крыленко на Процессе меньшевиков.

Как уже отмечалось, интересен тот факт, что Милютин в своем докладе ни словом не обмолвился о зарубежной интервенции. Идея зарубежной интервенции, по всей вероятности, появилась позже и была использована для усиления обвини-

¹ В журнале «Плановое хозяйство» (1931. № 1. С. 299) М. Краев пишет, что слова Кондратьева нужно понимать следующим образом: он выступал за социалистическую реорганизацию сельского хозяйства, но без наступления на кулака. Вероятно, эта была весьма вольная трактовка процитированного выше не вполне понятного высказывания Кондратьева.

тельного приговора меньшевиков. «Вредительство», в котором обвиняли Кондратьева и других, по словам Милютин, состояло в преднамеренных попытках разработать изначально неверные программы и планы¹.

Особое раздражение Милютина вызывала идея Кондратьева об ограничении числа количественных плановых заданий. Он считал, что неонародники пытались внедрить эту идею в практику. Он утверждал, что «общие регуляторные принципы», которые отстаивали Кондратьев, Макаров, Челинцев и Чайнов, были чертами капиталистического планирования и противоречили количественным плановым заданиям, характерным для социалистического планирования.

Выше уже отмечалось, что на Процессе меньшевиков Кондратьев выступал в качестве одного из главных свидетелей. В своих показаниях он заявил (Процесс, с. 208), что у него было время (очевидно, имелось в виду время, когда он находился в тюрьме) на то, чтобы обдумать и пересмотреть свои позиции², и что теперь он считает всю свою практическую деятельность преступной.

¹ Кондратьевщина. С. 15–16. Каким бы абсурдным это ни показалось, но в список виновных в этом преступлении Милютин включил даже Громана.

² По-видимому, к началу Процесса меньшевиков Кондратьев находился в тюрьме уже в течение года. В «Кондратьевщине» говорится (с. 115), что он был арестован через два или три месяца после чисток в Наркомземе, которые происходили одновременно с чистками в Наркомфине, т. е. в декабре 1929 г. (У Ясного неточность: в тексте «Кондратьевщины» говорится только о Н. П. Макарове. — *Примеч. научн. ред.*) Следовательно, можно предположить, что его арестовали в марте 1930 г. Процесс меньшевиков начался в начале марта 1931 г. В «Кондратьевщине» упоминается об аресте Макарова, однако, трудно себе представить, что он был арестован раньше, чем Кондратьев или Чайнов. (Н. Д. Кондратьев был арестован 19 июня 1930 г., Н. П. Макаров — 24 июня, А. В. Чайнов — 21 июля. — *Примеч. научн. ред.*) В связи с этим отметим, что государственный обвинитель Крыленко на Процессе задал Громану любопытный вопрос: «Вы были арестованы вначале по делу ТКП?» (См.: Процесс, с. 323. — *Примеч. научн. ред.*) Громан был арестован первым из группы меньшевиков, и его арест состоялся лишь в июле 1930 г., т. е. через несколько месяцев после ареста неонародников. Даже в сборнике «Кондратьевщина», вышедшем позднее, Громана и Кондратьева еще не называли представителями различных группировок, а имя Базарова вообще не упоминалось. По-видимому, решение организовать Процесс именно меньшевиков созрело несколько позже, во второй половине 1930 г.

Ему пришлось не только признать генеральную линию Сталина *in toto*¹, но и согласиться со знаменитой сталинской формулировкой о «ликвидации кулачества как класса» (там же, с. 209). В те дни «ликвидация кулачества как класса» предполагала широкомасштабную физическую ликвидацию кулаков.

Согласно показаниям Кондратьева, вплоть до конца 1928 г. Трудовая крестьянская партия, которую он представлял, относилась к иностранной интервенции «совершенно отрицательно». Позднее через Рамзина было получено сообщение от Чаянова о том, что было решено делать ставку на интервенцию. Это сообщение, по-видимому, изменило отношение членов ТКП к вопросу об интервенции и, по словам Кондратьева, привело к созданию «молчаливого блока с интервенцией» (Процесс, с. 198). Выдвинутые на Процессе обвинения в практической поддержке меньшевиками зарубежной интервенции или в одобрении ими этой идеи были полностью сфабрикованы, а выпады против Кондратьева выглядели совершенно нелепыми. По-видимому, в этом и состоял компромисс между Крыленко и несговорчивым Кондратьевым.

Если внимательно ознакомиться с показаниями Кондратьева на Процессе меньшевиков, то легко заметить, что они практически не отличались от показаний обвиняемых. Незначительные различия проявлялись только в выборе формулировок, когда речь шла о принятии ими идеи интервенции. По-видимому, Кондратьев старался не называть имена членов своей партии. Так, в его показаниях ни разу не прозвучало имя Макарова, зато он упомянул имена Юровского и Чаянова (Процесс, с. 199)². В своих показаниях Кондратьев высказывается о Чаянове в таком ключе, что можно сделать вывод о его активном участии в организации интервенции. Стоит отметить и тот факт, что главных обвиняемых, т. е. Громана, Финн-Енотаевского и Суханова, Кондратьев практически при каждом упоминании называл по имени и отчеству³. Не исключено, что такая уважительная манера была выбрана им совершенно сознательно.

¹ В целом (лат.). — *Примеч. научн. ред.*

² В своих показаниях Н. Д. Кондратьев не упоминал А. В. Чаянова. — *Примеч. научн. ред.*

³ В СССР, как и в России до революции, считается не очень вежливым обращаться к человеку по фамилии, даже в сочетании со словами типа «господин» или «профессор».

В целом, показания Кондратьева по сути не отличаются от показаний обвиняемых на Процессе меньшевиков или от показаний Рамзина и Ларичева, осужденных на процессе Промпартии в конце 1930 г. И все же показания Кондратьева производят менее гнетущее впечатление. Несмотря на то, что он «сознался» в совершении серьезных преступлений, он сохранил в себе больше силы духа, чем большинство обвиняемых на Процессе меньшевиков, и больше, чем Рамзин и Ларичев на Процессе Промпартии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне ничего не известно о судьбе Николая Дмитриевича Кондратьева после Процесса меньшевиков. Насколько я знаю, он так и не объявился и после смерти Сталина, как это было в случае с Макаровым, Вайнштейном и, возможно, Челинцевым. Конечно, более чем за 20 лет он мог умереть своей смертью, но, скорее всего, он был расстрелян еще в 1937 г., одновременно с Чайновым, Базаровым и многими другими¹. В любом случае, карьера этого одаренного человека закончилась очень рано, когда ему было всего 39 лет. Это свидетельствует о том, что сталинский режим не нуждался в блестящих экономистах.

Глава 10. Другие меньшевики

Я посвятил отдельные главы Громану, Базарову, Гинзбургу и Кондратьеву. В этой и следующей главе я попытаюсь хотя бы в нескольких словах воздать должное тем очень разным представителям оппозиции, которые придерживались более правых взглядов, чем большевики, и более левых взглядов, чем

¹ Коллегией ОГПУ 26 января 1932 г. Н. Д. Кондратьев был приговорен к 8 годам тюремного заключения и препровожден в помещавшийся в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздальский политический изолятор. 17 сентября 1938 г. военной коллегией Верховного Суда приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян. В мае 1963 г. реабилитирован по делу 1938 г. По делу Трудовой крестьянской партии реабилитирован 16 июля 1987 г. — *Примеч. научн. ред.*

кадеты¹. Практически все они были социалистами, хотя назвать неонародников социалистами можно лишь с большой натяжкой, а о политической принадлежности троих рассматриваемых здесь представителей оппозиции мне ничего не известно.

Эта глава будет посвящена меньшевикам, а следующая — неонародникам. О меньшевиках у меня имеется намного больше информации, частично благодаря сохранившемуся «стенографическому отчету» Процесса меньшевиков. Кроме того, меньшевики наиболее активно проявили себя в вопросах планирования, а именно эти проблемы больше всего меня интересуют. И, наконец, я и сам в некотором отношении меньшевик, поэтому, естественно, знаю о них гораздо больше, чем о неонародниках.

Я сознательно не включаю в рассмотрение тех людей, чьи лица я не могу вспомнить. Если я хотя бы мимолетно встречался с кем-то, то в моей памяти остается его зрительный образ. Иногда вспомнить, встречался ты с человеком или нет, помогает фотография, но, к величайшему сожалению, мне удалось найти хорошие фотографии лишь Громана и Базарова. Поэтому я не пишу о тех обвиняемых на Процессе меньшевиков, чей зрительный образ не могу восстановить в памяти, хотя, возможно, такие меньшевики, как Залкинд или Якубович, заслуживают рассмотрения в этой книге никак не меньше, а, может быть, даже и больше, чем другие.

СУХАНОВ

По своим человеческим качествам, а также с учетом огромного влияния, которое он оказывал на меньшевиков в последние решающие годы, Николай Николаевич Суханов (настоящая фамилия Гиммер), безусловно, заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельный очерк. Суханов родился 10 декабря 1882 г. Он был очень одаренным человеком, его отличал пытливый ум, из-за чего, по-видимому, порой он не всегда занимал последовательную позицию, в том числе, и в политике. Он также блестяще владел пером².

¹ В этой книге рассматривается, по крайней мере, один кадет — Л. Н. Литошенко.

² Однажды, когда Суханов редактировал одну из моих статей, он сказал: «Ясный, вы пишете о таких скучных вещах. [В то время я писал исклю-

Во время Процесса Громан отметил, что «Суханов всегда выражался очень витиевато, кстати и некстати» (Процесс, с. 31).¹ Вряд ли он был лидером в полном смысле этого слова, хотя на Процессе его имя называли среди пяти основных руководителей меньшевиков (Процесс, с. 46–47).² Однако «лидером» можно назвать как выразителя идей, так и организатора³.

Любому, кто владеет русским языком, я посоветовал бы прочитать автобиографию Суханова, датированную январем 1929 г.⁴ Его отец, мелкий железнодорожный чиновник, страдал алкоголизмом. Суханов был слабым от рождения ребенком; он никогда не испытал тепла родного дома. Его родители расстались, мать посадили в тюрьму⁵. Эта ситуация подарила Л. Н. Толстому сюжет для его пьесы «Живой труп». С 14 лет Суханов жил один. Он зарабатывал себе на жизнь репетиторством. В старших классах школы он увлекся творчеством Л. Н. Толстого, идеи которого воспитали в нем негативное отношение к политическому режиму. Через несколько лет, под влиянием революционеров, с которыми он встречался в Париже, Суханов разочаровался

чительно о мировых рынках зерна. — Н. Я.] Сделайте интересным хотя бы вступление. Возьмите читателя за глотку, убедите его в том, что он очень многое потеряет, если не дочитает до конца вашу работу».

¹ В тексте Процесса такого высказывания В. Г. Громана нет. — *Примеч. научн. ред.*

² В обвинительном заключении (Процесс, с. 469–470) говорится о четырех меньшевиках, включая Суханова, которые занимали руководящие должности. (На страницах 46–47 приведены список обвиняемых и основные обвинения. О лидерстве упоминаний нет. — *Примеч. научн. ред.*)

³ В своих показаниях Н. Н. Суханов говорил: «Я участвовал в руководящем центре, в пятерке. ... Роль моя и в этой пятерке и вообще в организации была преимущественно ролью идеологического порядка» (Процесс, с. 133). — *Примеч. научн. ред.*

⁴ См.: Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции: Автобиографии и биографии. М.: Книга, 1989. Репринт. воспроизведение Приложения к циклу статей «Союз Советских Социалистических Республик», помещенных в 41-м томе энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат. Ч. III. Стб. 129–133. — *Примеч. научн. ред.*

⁵ Супруги хотели развестись, но разрешение на развод не было получено. Отец Н. Н. Суханова по договоренности с матерью симулировал самоубийство, она получила вдовий вид и смогла вновь выйти замуж. Вскоре полиция раскрыла обман, супруги были отданы под суд и приговорены к ссылке на семь лет. — *Примеч. научн. ред.*

в толстовской идее «непротивления злу насилием». Из автобиографии мы также узнаем, что математика давалась ему с трудом.

Сочетание толстовских идей и революционных теорий способствовало тому, что у Суханова сформировались крайние левые взгляды, которых он придерживался в течение четверти века, до тех пор, пока сталинский режим не продемонстрировал со всей очевидностью, чем могут грозить крайние убеждения. В 1903–1904 гг. он состоял в партии эсеров. Поняв, что взгляды эсеров для него были слишком умеренными, он вышел из их партии (Процесс, с. 385). В последующие годы он продолжал заниматься литературной деятельностью и публиковался в основном в демократических журналах. В это же время он все больше проникался идеями марксизма. По словам Суханова, уже в 1908–1909 гг. он считал себя настоящим марксистом. По поводу своих политических взглядов во время Первой мировой войны и в первые годы после революции в автобиографии он пишет следующее: «В вопросах международного рабочего движения я с начала войны стоял на точке зрения III Интернационала, и впоследствии — коммунизма, в вопросах внутренней экономической политики и социалистического строительства разделяю взгляды правящей партии со времени новой экономической политики»¹. В 1917–1920 гг. он был членом группы Мартова, представлявшей левое крыло меньшевистской фракции (Процесс, с. 386). Суханов занял агрессивно-враждебную позицию по отношению к политике военного коммунизма. В показаниях на Процессе он неоднократно заявлял, что военный коммунизм представлялся ему «экономическим нонсенсом», который он «оценивал враждебно» и считал «величайшим злом» (Процесс, с. 387). Правда, далее он заметил, что через год после введения НЭПа он «в собственных глазах стал коммунистом» (Процесс, с. 388). В декабре 1923 г. Суханов подал заявление о вступлении в коммунистическую партию, но не был принят (там же). По всей вероятности, в это время он состоял в рядах Германской коммунистической партии. Тем не менее к коммунистическим идеям он относился с некоторой настроенностью и когда вернулся в Москву, продолжил общение с меньшевиками и беспартийными. В период с 1923 по 1928 г. формально он не принадлежал ни к одной из партий и не во-

¹ См.: Деятели Союза Советских Социалистических Республик... Стб. 132–133.

дил в Лигу наблюдателей, о деятельности которой подробно писал в своих мемуарах Валентинов.

При Ленине введением для гордости считался любой комментарий, прозвучавший из его уст, пусть это была даже самая уничижительная критика. В своих трудах Ленин неоднократно упоминал имя Суханова, причем он не только резко критиковал его, но иногда давал ему и положительные оценки. Так, он характеризовал Суханова следующим образом: «г. Гиммер не первый встречный, не случайный автор случайной журнальной статьи, а один из самых видных экономистов, представляющих наиболее демократическое, крайнее левое *буржуазное* направление русской и европейской общественной мысли. [Для Ленина все, что не было коммунистическим, было буржуазным. — Н. Я.]»¹. В другой работе Ленин писал: «Если мы возьмем писателя Н. Суханова из «Новой Жизни», то наверное все согласится, что это не худший, а один из лучших представителей мелкобуржуазной демократии. У него есть искреннее тяготение к интернационализму, доказанное им в самые трудные времена, в разгар царистской реакции и шовинизма. У него есть знания и желание разбираться в серьезных вопросах самостоятельно, что он доказал своей долгой эволюцией от эсеровщины по направлению к революционному марксизму»².

Суханов, в отличие от Кондратьева, в течение нескольких лет горячо отстаивал идею крестьянской общины, законодательно закрепленной в 1861 г. По его мнению, в общине, если рассмотреть ее в самом строгом смысле, заложены механизмы перехода к социализации сельского хозяйства³. Суханов утверждал, что после революции многие общественные институты приобрели новые функции. Этот процесс затронул и крестьянскую общину⁴. Однако в ходе дальнейших рассуждений он пришел к выводу, что сохранение таких традиционных функций общи-

¹ Ленин. Т. 27. С. 134.

² Ленин. Т. 34. С. 122.

³ Эта мысль особенно отчетливо сформулирована в работе об общине, опубликованной в журнале «На аграрном фронте», № 11–12, 1926, с. 97–110. (Статья Н. Суханова «Община в советском аграрном законодательстве» содержала примечание редакции журнала о том, что она напечатана «в порядке обсуждения». — *Примеч. научн. ред.*)

⁴ Представляется, что Ясный не совсем правильно передает позицию Суханова, который писал: «Сколько ценностей радикально переоценила ре-

ны, как принудительное перераспределение земли, может стать помехой на пути развития сельского хозяйства и позволит Сталину в самые сжатые сроки провести насильственную коллективизацию. Осознав это, Суханов пережил тяжелейший удар: ему казалось, что сам факт его горячей поддержки идеи общины может пошатнуть заработанный им ранее научный авторитет. Однако неонародники особого интереса к общине не проявили, а коммунисты выступали против идеи общины, поскольку в нее входили также и «кулаки»¹.

«Я чувствовал в себе коммунистические настроения в течение 5 лет», — отметил Суханов на Процессе (Процесс, с. 388). Он, наверное, говорил о периоде с 1921 по 1926. По его показаниям можно понять, что завершение политики НЭПа произвело на него тяжелое впечатление. С Громаном он сблизился лишь в 1928 г. На Процессе он сказал: «В самом начале 1929 года Громан предложил мне вступить в организацию, стоящую не на моей, а на буржуазно-демократической, буржуазно-реставраторской платформе» (Процесс, с. 390).

В 1928–1929 гг. Суханов организовал что-то типа «салона» и по воскресеньям принимал у себя гостей (Процесс, с. 171). Поскольку нигде, кроме Процесса меньшевиков, об этом салоне не упоминается², уместным будет хотя бы перечислить имена людей, которые посещали дом Суханова. По материалам Процесса можно понять, что они представляли три основные политические группировки. Во-первых, меньшевики Галов, Громан, Череванин, Ерманский, Кан, Рубин, Сандомирский и Маслов. Во-вторых, эсер Кондратьев, бывший эсер Анеев, а также Букшпан, Вайнштейн и Клучков, которые по своим убеждениям находились между эсерами и народниками. И, наконец, Горфинкель, Биссель, 73-летний Каламанович и Мальянтович, ко-

волюция, сколько понятий она превратила в собственную противоположность. ...Но общине не повезло». (Там же. С. 99). — *Примеч. научн. ред.*

¹ О позиции коммунистов см. напр.: *Кубанин М.* Община при диктатуре пролетариата // На аграрном фронте. 1926. № 11–12. С. 111–126. Эта статья помещена сразу после упоминаемой Ясным статьи Суханова и имеет подзаголовок «Ответ Н. Суханову». — *Примеч. научн. ред.*

² В связи с тем, что организации меньшевиков на Процессе приписывалось получение огромных субсидий, стоит отметить, что, согласно показаниям Суханова, в его гостиной имелось лишь три стула, а чай подавали без сахара (См. выше, с. 141 — *Н. Я.*)

торый в свое время был министром Временного правительства. Эта группа не относилась ни к меньшевикам, ни к эсерам и, скорее всего, тяготела к кадетам.

В сборнике «Кондратьевщина» с возмущением говорится о том, что «уже в самом конце 1928 г. Суханов выступил с тезисом, в существе своем ничем не отличающимся от приведенных кондратьевских тезисов [т. е. тезисов, сформулированных Кондратьевым в 1922 г. — *Н. Я.*]». Речь идет о докладе, с которым Суханов выступил в Аграрном институте Коммунистической академии 4 декабря 1928 г. В этом докладе «Об экономических предпосылках к подъему сельского хозяйства» Суханов утверждал, что «всякие заботы о подъеме сельского хозяйства» он считает утопией, «если крестьянин не будет на рынке получать ответной единицы промтоваров»¹. Конечно, в этом утверждении не было ничего нового, но чтобы произнести эти слова в Комакадемии в конце 1928 г., требовалось огромное мужество.

В апреле 1929 г., на конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских организаций, Суханов пока еще имел возможности принять участие в дебатах, посвященных обсуждению статьи Л. Крицмана «Анализ крестьянского двора»². Ни одному из неонародников слова не предоставили. В заключительном слове Крицман назвал Суханова «политическим трупом»³. Суханов мог гордиться, что стал объектом для критики «самого» Крицмана.

На Процессе Суханов утверждал, что когда в 1929 г. он примкнул к меньшевистской организации, он согласился лишь с тактикой меньшевиков, но не с их программой. Возможно, еще в то время, когда он придерживался взглядов эсеров, его интересовал крестьянский вопрос, поэтому он сблизился с народниками разного толка. По этой причине его нередко относят к неонародникам, однако, вне всякого сомнения, в течение долгого времени — вплоть до 1931 г. — он был убежденным марксистом, а в период с 1929 г. по 1931 г. встал на платформу меньшевиков, разделяя с ними общие взгляды относительно практической деятельности.

¹ Кондратьевщина. С. 110–111.

² См.: На аграрном фронте. 1929. № 7, 8. Речь Суханова. № 7. С. 101–102.

³ Там же. 1929. № 8. С. 101.

Если внимательно проанализировать период первого пятилетнего плана, то можно прийти к выводу, что самыми катастрофичными были 1931 г. и особенно 1932 г. По сравнению с ними 1930 г., не говоря уже о 1929 г., выглядят почти благополучными. В связи с этим интересно вспомнить слова Суханова, сказанные им по поводу зимы 1929/1930 г.: «Эта зима стоит народному хозяйству столько, сколько могла бы стоять добрая война» (Процесс, с. 457).

Суханов был арестован 20 июля 1930 г. (Процесс, с. 456). Следовательно, в деятельности якобы существующей меньшевистской организации, которую сотрудники ОГПУ называли «Объединенным бюро», он мог участвовать не более одного года. По слухам, отбыв наказание, к которому его приговорили на Процессе меньшевиков, Суханов был сослан в маленький городок, где-то на северо-востоке России. Вскоре после этого он покончил жизнь самоубийством¹. Так Россия потеряла еще одного из своих самых талантливых мыслителей.

ШТЕРН

Александр Борисович Штерн был еще одним «вредителем» из ВСНХ, который пользовался почти таким же авторитетом, как Гинзбург. Валентинов вспоминает о нем, как об аскете, исключительно совестливом человеке с нежной душой и постоянно грустными глазами. У него был достаточно высокий оклад, но на себя он почти ничего не тратил и зимой вместо пиджака носил летнюю рубашу. Большую часть денег он отсылал родственникам. В прошлом он был убежденным меньшевиком, но, по его словам, «ему всегда было стыдно слышать о диктатуре пролетариата».

Хотя Штерн не принял Октябрьскую революцию, для него она была «неизбежным злом». Уж если преступлению суждено было свершиться, то единственное, что оставалось сделать, это свети до минимума его последствия, обрушившиеся на население.

¹ После суда Н. Н. Суханов находился в Верхнеуральском изоляторе, затем был сослан в Тобольск. В сентябре 1937 г. он был снова арестован и обвинен в связях с немецкой разведкой, а также в антисоветской агитации. Трибунал Сибирского военного округа 27 августа 1939 г. приговорил его к смертной казни, приговор был приведен в исполнение 29 июня 1940 г. Реабилитирован 13 марта 1991 г. — *Примеч. научн. ред.*

По крайней мере, это была более благородная позиция, чем бегство из страны и попытка навесить ярлык предателя на каждого, кто остался в России и начал работать на Советы. (Вспомним, что многие эмигранты предателями считали даже тех, кто начал работать в советском аппарате еще до того, как Сталин полностью захватил власть.)

Штерна отличало фанатичное отношение к работе. Он работал в Комиссариате Украины по продовольствию, откуда был переведен в Москву, в Комиссариат по финансам. Дзержинскому, возглавлявшему в те годы ВСНХ, пришлось приложить много сил, чтобы добиться согласия коллег-большевиков из руководства страны на перевод Штерна в свое ведомство. Согласно мемуарам Валентинова, Штерн был переведен в ВСНХ в конце 1925 или в самом начале 1926 г. Если Дзержинский не назвал имени Штерна, говоря о четырех заслуживающих большого уважения меньшевиках из ВСНХ, то только потому, что он сказал об этом еще до перехода Штерна в эту организацию.

В ВСНХ Штерн отвечал за финансы. Около 1926 г. ему также было поручено взять под свой контроль краткосрочное планирование (годовые и квартальные планы), поскольку Гинзбург в это время занимался исключительно подготовкой пятилетнего плана, который впоследствии был назван планом Гинзбурга. Поэтому именно Штерну было поручено подготовить для Госплана сводный план государственной промышленности¹.

Соколовский

Арон Львович Соколовский, которому в 1931 г. исполнилось 47 лет, был основателем и членом центрального комитета сионистско-социалистической рабочей партии (сокращенно СС, также известной под названием партии территориалистов). Позднее он вошел в центральный комитет Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, а затем вместе с некоторыми лидерами этой партии вступил сначала в Бунд, а затем в коммунистическую партию. Он начал работать в ВСНХ

¹ Штерн А. Б. Сводный план государственной промышленности на 1926/27 год. // Плановое хозяйство. 1927. № 1. С. 29–66; № 2. С. 36–72. См. также: Штерн А. Б. Контрольные цифры промышленности 1926/27 год // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. V. С. 33–60.

в 1921 г. и более двух лет занимал там второстепенные позиции. Однако в 1923 г. он стал одним из главных сотрудников ВСНХ. По словам Валентинова, он был «немного талантливее Гинзбурга. Его ум живее, работает быстрее и острее»¹.

В 1923 г. сотрудники ВСНХ, с подачи Пятакова, предприняли совершенно нелепую попытку улучшить положение в промышленности за счет резкого повышения отпускных цен на промышленные товары. Поскольку в то время Соколовский возглавлял отдел по торговой политике и был председателем Бюро цен, то ему было поручено выправить ситуацию, сложившуюся в результате этих действий. В 1924 г. под редакцией Соколовского вышла книга, посвященная проблемам сырья², а в 1926 г. Соколовский опубликовал статью «Издержки производства госпромышленности»³. В своей деятельности Соколовский проводил в жизнь политику руководителя ВСНХ Дзержинского. Он был одним из тех четверых меньшевиков, о которых с похвалой отзывался Дзержинский.

На Процессе ему в частности предъявляли обвинения в том, что в пятилетнем плане он занижил задания по выпуску сырья и особенно по производству хлопка. Обвинения относились еще к 1926 г. Более того, количество полученного сырья и хлопка в те годы, как и сегодня, определялось объемом продукции сельского хозяйства, планированием которого занимался не Соколовский, а совсем другие люди. Однако никто из них не предстал перед судом на Процессе. Это выглядит совершенно нелогично, но, с другой стороны, кого из руководителей СССР в 1931 г. волновала логика?

Приговор, вынесенный Соколовскому: восемь лет лишения свободы⁴.

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 207–208. — *Примеч. научн. ред.*

² Сырьевые проблемы промышленности. Сборник статей под ред. А. Л. Соколовского. 1-е изд. М.: ВСНХ, 1924. — 179 с.; 2-е изд. М.: Госиздат, 1928. — *Примеч. научн. ред.*

³ Соколовский А. Л. Издержки производства госпромышленности // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. VI. С. 18–44.

⁴ К концу срока заключения Особое совещание НКВД 14 августа 1938 г. осудило А. Л. Соколовского еще на восемь лет заключения. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 13 марта 1991 г. — *Примеч. научн. ред.*

ГРОМАНЦЫ

В показаниях Громана, которые он давал во время предварительного следствия, приведены имена тех, с кем он якобы осуществлял вредительскую деятельность в Госплане. Кроме Базарова, он также назвал бывших меньшевиков В. И. Зейлингера, Б. А. Гухмана, Г. В. Шуба, Г. М. Пистрака, Р. Я. Бройтмана и беспартийного Н. М. Вишневого¹ (Процесс, с. 36)².

¹ В. И. Зейлингер (29.04.1891–1944). Решением коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден на пять лет лишения свободы, с конфискацией имущества. Б. А. Гухман (1898–?). Решением коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден на пять лет лишения свободы с конфискацией имущества. Реабилитирован 30 июля 1990 г.

Г. В. Шуб (? — 5.11.1937). Со следствием сотрудничать отказался. Решением коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден на восемь лет лишения свободы, с конфискацией имущества. Решением тройки Управления НКВД по Челябинской области от 2 октября 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован 11 декабря 1962 г.

Г. М. Пистрак (1891–21.11.1942). Решением коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден на пять лет лишения свободы, с конфискацией имущества. Вновь арестован 3 марта 1938 г. Приговорен особым совещанием при НКВД СССР 7 апреля 1940 г. к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. По этому делу реабилитирован 23 октября 1956 г. По делу о Союзном бюро реабилитирован 30 июля 1990 г.

Р. Я. Бройтман (1895–?). Решением коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден на пять лет лишения свободы, с конфискацией имущества. 2 апреля 1934 г. в связи с пересмотром дела был выслан в Горьковский край на оставшийся срок. Вновь арестован 3 марта 1938 г. Приговорен особым совещанием при НКВД СССР 7 апреля 1940 г., к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 23 октября 1956 г. за отсутствием состава преступления.

Н. М. Вишневский (1891–?). Решением коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден на пять лет лишения свободы, с конфискацией имущества. Реабилитирован 30 июля 1990 г. — *Примеч. научн. ред.*

² В документе имена и отчества отсутствуют, поэтому нет полной ясности относительно экономиста Шуба. На самом деле, было два экономиста по фамилии Шуб, и оба они участвовали в составлении Контрольных цифр на 1926/27 г. Скорее всего, Громан имел в виду Г. В. Шуба, с которым он работал еще в Пензе. См., например, доклад Громана о балансе народного хозяйства в «Экономическом обозрении» (№ 1, 1927, с. 46), где отмечено, что доклад готовился «при участии Р. Я. Бройтмана и Г. В. Шуба». (Речь идет о работе: *Громан В. Г. Тезисы доклада «О теории баланса народного хозяйства и о методах его построения»* (При участии Р. Я. Бройтмана

Самым талантливым из упомянутых экономистов, был, я думаю, Гухман. Помимо того, что он возглавлял Конъюнктурное бюро Госплана, созданное Громаном, Гухман играл заметную роль в работе экономико-статистического сектора Госплана (С. Г. Струмилин, по-видимому, был номинальным руководителем). Г. В. Шуб, помимо своих основных обязанностей, был главным редактором одного из ежегодников, публикуемых издательством «Экономическая жизнь», — «Народное хозяйство в 1921 году». В этой же книге было указано, что он возглавлял экономико-статистическую секцию этого издательства. Шуб, Гухман, Зейлингер и какое-то время Бройтман занимались составлением баланса народного хозяйства, т. е. работой, которой Громан придавал особое значение. Когда под эгидой ЦСУ начал издаваться «Вестник статистики», его редакторами стали Громан, который к тому времени пользовался в ЦСУ огромным авторитетом, и Зейлингер. Вишневский был специалистом по вопросам крестьянского хозяйства. По всей вероятности, они работали вместе с Громаном еще в Пензе. В 1920 г. под редакцией Громана была опубликована работа Вишневского «Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости»¹.

Из экономистов, названных в показаниях Громана, все, кроме Зейлингера, перечислены в списке составителей «Контрольных цифр на 1926/27 г.», причем в создании этого документа главная роль приписывалась Гухману, Громану, Базарову и Струмилину. Среди главных разработчиков проекта первого пятилетнего плана Госплана на 1926/27 — 1930/1931 гг., который в данной работе я называю «Перспективы», упоминаются имена Вишневского и народника Огановского. Их имена также фигурировали в списке авторов первого пятилетнего плана развития сельского хозяйства, но с оговоркой, что главным составителем является коммунист М. М. Вольф. Правда, даже разрешения упомянуть их имена добиться было очень нелегко. Гухман и С. В. Рывкинд были на-

и Г. В. Шуба) // Вестник статистики. 1927. № 1. С. 46–55. — *Примеч. научн. ред.* Имя И. В. Шуба фигурирует только среди авторов первого пятилетнего плана, разработкой которого Громан не занимался.

¹ Вишневский Н. М. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. М.: ВСНХ, 1920.

званы ответственными за составление подробнейших статистических таблиц для первого пятилетнего плана, что было весьма непростой задачей. Однако вряд ли можно возложить на них ответственность за формулировку заданий пятилетнего плана.

Создается впечатление, что в те годы ощущался недостаток во «вредительских действиях» в области статистики: никому, кроме В. Старовского, возглавлявшего тогда ЦСУ, не удалось сфабриковать по этому поводу никаких серьезных обвинений¹. На собрании общества марксистов-статистиков, состоявшемся 12 ноября 1930 г.², Старовский выдвинул обвинения в адрес Вишневого в том, что тот, якобы, занимался фальсификацией статистических данных. «Преступление» Вишневого состояло в том, что он подсчитывал общий объем полученного сена и соломы в ценах, усредненных по объемам продаж, т. е. использовал методику расчета, принятую в СССР после революции, а может быть, даже еще до революции³.

В любом случае, за выбор рекомендуемых статистических методик отвечало ЦСУ, но никак не Госплан. Только в такой период полного безумия, как 1930-е годы, можно было вынести на обсуждение вопрос о том, что фальсификацией статистических данных занимается один из «громанцев».

Через несколько месяцев после запрета на публикацию работ Громана и Базарова в журналах «Плановое хозяйство» и «Экономическое обозрение» перестали появляться статьи Гухмана и Вишневого (до этого оба этих экономиста публиковались очень часто, а Вишневский еще и преподавал). Коммунист Р. Е. Вайсберг, который пользовался в Госплане большим вли-

¹ С биографией Старовского, карьера которого по меркам СССР была беспрецедентно долгой (31 год на одной должности, до 1971 г.), можно ознакомиться в: *Kaser M. The Publication of Soviet Statistics // V. G. Trembl, J. P. Hardt (eds.). Soviet Economic Statistics. Durham: Duke University Press, 1972. P. 45–65. — Примеч. ред. англ. издания.*

² Председателем на этом собрании была М. Шмит, с которой, как уже отмечалось выше, я вместе работал в отделе, возглавляемом тогда Громаном. Шмит числилась статистиком, но на самом деле была исследователем-аналитиком.

³ Подтверждение использования этой методики можно найти в: *Шольц С. В. Курс сельскохозяйственной статистики. М.: Госпланиздат, 1945. С. 162. По поводу упомянутого выше собрания см.: Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 139–168.*

янием и хорошо знал ситуацию изнутри, сказал на собрании специалистов Госплана 15 декабря 1929 г.: «Я не стану говорить о других. У нас имеются, например, такие, как Вишневский и Гухман, которые стараются иногда сесть между двух стульев, поддержать и тот и другой лагерь, а по существу они подпевают Громану, являясь его выучениками и рупором. Никто из этой “парочки,, не выступал в ожесточенных спорах, имевших место в Госплане, на стороне тех, кто с Громаном спорил. Ученики не выступают против учителя»¹.

РУБИН

Исааку Ильичу Рубину в 1931 г. было 45 лет. Он был членом Бунда, а также состоял в партии меньшевиков с 18 лет и до начала Процесса. «Преступление» Рубина заключалось в том, что он преподавал марксизм в духе идей Каутского и других признанных в этой области авторитетов, не следуя новейшим трактовкам марксизма в интерпретации большевиков, тем более в интерпретации Сталина. Партийное руководство испытывало особое раздражение к Рубину, поскольку многие большевики относились к его идеям как к истинному марксизму.

В 1930 г. в журналах «Большевик» и «Плановое хозяйство» была опубликована статья В. Милютин и Б. Борилина «К разногласиям в политической экономии», в которой содержалась ожесточенная критика в адрес Рубина. В этой статье, в частности, говорилось: «Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И. И. Рубин»². И далее: «Глубоко ошибочно изображать И. И. Рубина борцом за ортодоксальный марксизм против ревизионизма механистов и против „социального направления“, принимать некритически с ничтожными оговорками ряд его теоретических положений, как строго марксистские (см. сборник «Против механистических тенденций» и т. д. под редакцией

¹ Вайсберг Р. Буржуазные извращения в области планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 22. Дополнительная стенограмма доклада на собрании специалистов Госплана СССР 15 декабря 1929 г. — *Примеч. научн. ред.*

² Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии // Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 127. Статья опубликована также в журнале Большевик. 1930. № 2. С. 48–61.

Борилина и Леонтьева, статьи Греблиса, Коровая, Степанова и Г. Деборина)»¹.

Эта статья сопровождалась комментарием от редакции, в котором сообщалось о прекращении публикации дискуссий по поводу «рубинщины», т. е. теоретических воззрений Рубина и его последователей. Незадолго до начала Процесса тот же самый Борилин выступил в газете «Правда» с обличительной статьей «Вырвать с корнем рубинщину»². Уже во время процесса в «Правде» была опубликована статья с похожим названием³.

Рубин согласился сотрудничать со следствием, и был осужден на пять лет⁴. К сожалению, на Процессе ему пришлось сказать, что коммунист Рязанов, директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, по его просьбе прятал какие-то нелегальные материалы. В прессе Рязанова стали называть пособником меньшевиков, вскоре он был арестован и помещен в политизолятор, в одиночную камеру⁵.

Лосицкий

Когда я общался с Александром Емельяновичем Лосицким в 1916–1917 гг., он уже тогда был немолодым и не очень здоровым человеком. Несмотря на это, он продолжал работать в ЦСУ в качестве эксперта по вопросам статистики личного потребления и весьма эффективно выполнял свои обязанности. В те тяжелые голодные годы статистика личного потребления касалась главным образом продовольственных продуктов и особенно

¹ Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 132.

² Борилин Б. Вырвать с корнем рубинщину // Правда. 1931. 13 января. С. 4.

³ Мушперт Я. Разоблачить рубинщину (О программе политэкономии коммунистического университета им. Свердлова) // Правда. 1931. 7 марта. С. 5. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ И. Рубин находился в Верхнеуральском политизоляторе, с 1933 г. — в ссылке. В ноябре 1937 г. вновь арестован в связи с обвинением в троцкизме и 25 ноября расстрелян. Реабилитирован 13 марта 1991 г. — *Примеч. научн. ред.*

⁵ Д. Б. Рязанов 16 апреля 1931 г. осужден к трем годам ссылки в Саратов. Работал на историческом факультете Саратовского государственного университета. 23 июля 1937 г. вновь арестован и 21 января 1938 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорён к расстрелу. В тот же день расстрелян. Реабилитирован 22 марта 1958 г. — *Примеч. научн. ред.*

зерна. Позднее к этому списку были добавлены и некоторые потребительские товары. В течение какого-то времени Лосицкий занимался также статистикой животноводства и запасов зерна у крестьян. Его работа основывалась на бюджетах рабочих и крестьян, полученных в результате проводимых исследований. Чайанов отзывался о его работе следующим образом: «Наибольшее значение имели, конечно, статистические работы всей нашей статистической сети, руководимые отделом статистики потребления ЦСУ, возглавляемым А. Е. Лосицким»¹. Лосицкий регулярно публиковал результаты своей работы в профессиональных журналах. Он также преподавал в Московском университете. Его научные разработки продолжали широко использоваться в течение многих лет. Последними из опубликованных им экономических статей были следующие: «Запасы зерна у крестьян согласно опросам населения» («Вестник статистики», № 2, 1927) и «Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе (в период генерального плана)» (Плановое хозяйство. 1927. № 4, с. 79–91)². Прогнозы по потреблению продуктов, сделанные им во второй статье, были весьма скромными, по крайней мере, по стандартам хрущевского времени. Так, он планировал, что в 1940/41 г. потребление мяса на душу населения составит 1,87 пуда (почти 30 кг). Нужно признать, что даже эти запланированные им невысокие показатели были весьма значительно недовыполнены, но вины Лосицкого в этом не было. В последующие годы предлагаемый меньшевиками курс на участие рабочих в распределении прироста национального богатства был отвергнут. Развитие экономики пошло по пути, предложенному Преображенским, в основе которого лежала жестокая эксплуатация трудящихся масс в целях проведения индустриализации в кратчайшие сроки.

Последней публикацией Лосицкого был некролог на смерть П. А. Вихляева, одного из лидеров эсеров и известного статистика («Вестник статистики», № 2, 1928)³. Вскоре умер и сам Лосицкий. Такие люди до пенсии не доживают.

¹ Чайанов А. В. Бюджетные исследования. История и методы. М.: Новый агроном, 1929. С. 88.

² Ссылка на первую статью неверна. — *Примеч. научн. ред.*

³ Эта сноска неверна. — *Примеч. научн. ред.*

МАСЛОВ

Петр Павлович Маслов (1867–1946) был автором книги «Аграрный вопрос в России» — наиболее значимой книги по данному вопросу, написанной российским социал-демократом¹. Эта книга несколько раз переиздавалась в Германии. Маслов также был автором весьма неудачной аграрной программы меньшевиков (я всегда считал эту программу обреченной на провал). В 1920-е годы Маслов сохранял творческую активность. Гражданская война забросила его в Восточную Сибирь. Именно там он написал свою серьезную работу «Теория кооперации»², основу которой составили статистические отчеты о животноводстве и земледелии в Бурятии. Вернувшись в Москву, он возглавил отдел общей экономики в престижном Институте экономики РАНИОН.

На посту заведующего отделом Маслов проявил склонность к разработке теоретических проблем. Можно вспомнить такие его работы, как «Проблема распределения производительных сил»³ и «Закончился ли промышленный кризис?» (эта статья также была опубликована в журнале «Экономическое обозрение», но в другом номере). В РАНИОНЕ в 1926 г. были изданы следующие его работы: «Влияние природных и общественных условий на производительность труда» и «Влияние расстояния на распределение производительных сил». В 1928 г. Маслов участвовал в обсуждении генерального плана развития экономики на 15 лет, однако в своем выступлении он проявил недостаточное знакомство с организацией планирования⁴.

Одна из его работ заслуживает более подробного рассмотрения. В начале октября 1924 г. в «Торгово-промышленной газете», ежедневно издаваемой ВСНХ, была опубликована статья

¹ Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. 6-е изд. Т. 1. М.-Л.: Госиздат, 1926. (Том 1 был опубликован в 1903 г. под названием «Условия развития сельского хозяйства в России». Том 2 вышел в 1908 г. под названием «Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение». — *Примеч. научн. ред.*.) Мне не известно, учитывались ли дореволюционные издания в нумерации последующих изданий.

² Маслов П. П. Теория кооперации. Чита: Госкнига, 1922.

³ Маслов П. П. Проблема распределения производительных сил // Экономическое обозрение. 1924. № 11. С. 3–11.

⁴ См. Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 145–148. — *Примеч. научн. ред.*

Маслова «О воспроизводстве основного капитала», в которой он с энтузиазмом выступил в поддержку взглядов Пятакова а, следовательно, и Преображенского. Маслов утверждал, что доля используемого капитала превышает долю воспроизводимого капитала. Чтобы исправить это положение, он предлагал в качестве главной меры сократить личное потребление. Валентинов, редактор газеты, пришел в ярость. Он вспоминает, что члены Лиги наблюдателей также восприняли эту статью весьма отрицательно. В своих мемуарах Валентинов отзывается о Маслове весьма уничижительно. Он приводит слова, в которых, как он считает, проявилось общее отношение членов Лиги наблюдателей к этой проблеме: «Стоять за „расширенное воспроизводство“ за счет уменьшения потребления населения не хотим и не будем»¹. Согласно Валентинову, он убедил Маслова внести в статью некоторые изменения, после чего она была опубликована в газете 10 октября 1924 г.² Надеюсь, что статья Маслова не вызвала у Громана таких же отрицательных эмоций, как у Валентинова. В любом случае, Громан не позволил бы себе столь резких отзывов в адрес такого выдающегося ученого, как Петр Павлович Маслов.

В последующие годы Сталин взял на вооружение рекомендации Преображенского. В 1924 г. трудно было себе представить, к каким последствиям это приведет. К Маслову отношение властей было более мягким, чем к другим меньшевикам. Так, он стал действительным членом Академии наук СССР в 1929 г., когда над оппозицией в целом и особенно над беспартийной оппозицией уже начинали собираться тучи. Трудно сказать, с чем это было связано. Возможно, какую-то роль в этом сыграла обсужденная выше статья Маслова. Не исключено, что на это мог повлиять и тот факт, что Маслов неоднократно подвергался критике со стороны Ленина (в то время даже критика Ленина была почетна и свидетельствовала о некотором признании). Может быть, Маслов не подвергался гонениям просто по-

¹ Валентинов Н. Указ. соч. С. 231.

² Даже в переработанном варианте вывод статьи П. П. Маслова звучал так: «Городское население, лично потребляющее львиную долю народнохозяйственного дохода, не может сократиться. Потребление жизненно необходимых продуктов тоже не может сократиться. Остается только сокращение расходов на менее настоятельные потребности». — *Примеч. научн. ред.*

тому, что в область его научных интересов не входили вопросы, за разработку которых можно было получить обвинение во вредительской деятельности.

Отметим также, что, в отличие от других представителей оппозиции, Маслов удостоился отдельной статьи в двух изданиях «Большой Советской энциклопедии»¹. В этих изданиях отмечается, что Маслов был меньшевиком, а его воззрения характеризуются как вредные; подробно пишется также о критике Маслова со стороны Ленина. Однако сам факт появления отдельной энциклопедической статьи свидетельствует об определенном признании его заслуг. Во 2-м издании «Большой Советской энциклопедии» ничего не говорится о периоде жизни Маслова между Октябрьской революцией и его смертью в 1946 г. Однако на основе этой небольшой статьи можно предположить, что после 1930 г. он несколько лет провел в ссылке². Некоторые западные исследователи утверждают, что Маслов перешел на сторону большевиков, однако, если бы это было так, то в «Большой Советской энциклопедии» этот факт не преминули бы отметить.

ЧЕРЕВАНИН

Федор Андреевич Череванин (настоящая фамилия Липкин) был очень приятным в общении человеком³. Будучи социал-демократом и меньшевиком с большим стажем, он, помимо партийной работы, которая всегда стояла для него на первом месте, занимался также экономическими исследованиями. Ко времени

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1938. Т. XXXVIII. С. 326–327; Большая советская энциклопедия. 2-ое изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 26. С. 430–431.

² В этой статье говорится: «В 1929 г. был избран действительным членом Академии Наук СССР. В последние годы жизни Маслов занимался изучением экономики социалистического сельского хозяйства, особенно МТС и совхозов СССР» (там же. С. 431). П. П. Маслов привлекался по делу Союзного Бюро меньшевиков. 25 апреля 1931 г. был освобожден из-под стражи и выслан за пределы Москвы на три года. Дело было пересмотрено 30 апреля 1931 г. и П. П. Маслову было разрешено свободное проживание на территории СССР. — *Примеч. научн. ред.*

³ У меня нет информации о том, что он участвовал в борьбе со сталинизмом на экономическом фронте, в отличие от других экономистов, которым посвящена данная книга.

революции 1917 г. пик его славы уже прошел. В период с 1918 г. по 1929 г. он практически целиком провел в ссылках. В материалах Процесса (с. 13) упоминается, что в Москву он вернулся лишь в 1929 г. По возвращении он сразу окунулся в привычную для него атмосферу и, в первую очередь, возобновил контакты со своим старым другом Громаном¹.

В показаниях на Процессе Кондратьев заявил, что ему приходилось встречаться с Череваниным как с одним из членов контрреволюционной организации меньшевиков (Процесс, с. 195). Совершенно очевидно, что Кондратьева заставили это сказать, поскольку, по всей вероятности, с Череваниным он даже не был знаком. Организаторам этого Процесса очень хотелось иметь в числе подсудимых видного члена меньшевистской партии, однако, по-видимому, им не удалось выбить признательные показания у Череванина, несмотря на его пожилой возраст² и пристрастие к алкоголю. В 1931 г. Череванин уже отбывал срок наказания в изоляторе в Верхнеуральске³, так что пожить на свободе ему удалось совсем недолго⁴.

ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ

Во время Процесса Александру Юльегичу Финн-Енотаевскому было 58 лет. Он был профессором экономики, известным специалистом по вопросам мировой экономики. Он занимался политической деятельностью в течение многих лет, вплоть до 1915 г. и был членом большевистской партии. После 1915 г. Финн-Енотаевский целиком посвятил себя преподаванию и исследовательской деятельности в области экономики. На Процессе он свидетельствовал, что принадлежит к меньшевистской

¹ В 1916–1917 гг. он был заместителем Громана в отделе статистики в Петрограде (в этом же отделе работал и я — см. главу, посвященную Громану). Однако с Громаном он познакомился гораздо раньше.

² Ф. А. Череванин родился в 1869 г. — *Примеч. научн. ред.*

³ Здесь я воспользовался информацией югославского коммуниста А. Цилиги (см.: «Социалистический вестник», 27 марта 1936 г.).

⁴ В апреле 1931 г. Коллегией ОГПУ Ф. А. Череванин был приговорен по делу «Союзного бюро ЦК меньшевиков» к пяти годам заключения, в мае 1935 г. сослан на три года в Акмолинск. 8 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1989 г. — *Примеч. научн. ред.*

организации, хотя меньшевиком он, конечно, никогда не был, в отличие от Громана или Гинзбурга, которых, хоть и с натяжкой, но можно было отнести к меньшевикам. Он просто был близким другом Громана и вел с ним беседы о положении в мировой экономике. Десять лет тюрьмы стали дорогой ценой за несколько обедов у Громана и Кондратьева (см. Процесс, с. 189 и главу 4)¹.

КАФЕНГАУЗ

Лев Борисович Кафенгауз был профессором Московского государственного университета и Московского промышленно-экономического практического института имени Рыкова. Он был одним из тех меньшевиков, которыми особо гордился руководитель ВСНХ Держинский (эта информация взята мною из мемуаров Валентинова). У Держинского были все основания для этого. В течение почти десяти лет Кафенгауз отвечал за статистику отраслей промышленности, находившихся в ведении ВСНХ. Он также был редактором ежегодника «Промышленность СССР» и «Ежемесячного статистического бюллетеня». Проблемы начались с выпуска ежегодника за 1927/28 г., публикация которого задержалась на месяц и который был подписан к печати не Кафенгаузом, как обычно, а редакционным советом. Редактором «Бюллетеня» он оставался несколько дольше: последний раз он подписал выпуск в марте 1930 г.

Подготовленные под руководством Кафенгауза статистические отчеты были составлены на высоком уровне и для того времени являлись первоклассными материалами. Они стали огромным подспорьем при прогнозировании направлений развития экономики и составлении перспективных планов. Без статистики Кафенгауза не смогло бы работать Особое совещание по восстановлению основного капитала (ОСВОК) и не были бы составлены проект пятилетнего плана Гинзбурга и последующие пятилетние планы развития промышленности. При подготовке более поздних пятилетних планов реальные стати-

¹ А. Ю. Финн-Енотаевский после окончания срока заключения Особым совещанием НКВД был приговорен 1 июля 1941 г. еще к восьми годам. Умер 7 февраля 1943 г. в Карагандинском исправительно-трудовом лагере. Реабилитирован 13 марта 1991 г. — *Примеч. научн. ред.*

стические данные нередко игнорировались. В промышленной статистике Кафенгауза даже ОГПУ не удалось обнаружить достаточного количества доказательств «вредительской деятельности», поэтому его не смогли заставить выступить на Процессе в роли марионетки. Судя по тому, что в 1930 г. его имя одновременно с именами других «вредителей» исчезло из списка постоянных авторов журнала «Сельское хозяйство», можно предположить, что он был отправлен в ссылку¹.

ДРУГИЕ ПОДСУДИМЫЕ

На Процессе также обвинялись: Василий Владимирович Шер (47 лет), Михаил Петрович Якубович (39 лет), Лазарь Борисович Залкинд (45 лет), Иван Григорьевич Волков (47 лет), Кирилл Гаврилович Петунин (46 лет), Борис Макарович Берлацкий (41 год) и Моисей Исаевич Тейтельбаум (54 года). (В списке отсутствует имя еще одного подсудимого — Владимира Константиновича Икова². Я не пишу о нем в этой книге, поскольку его

¹ Л. Б. Кафенгауз был арестован 16 августа 1930 г. как участник Трудовой крестьянской партии. Постановлением Коллегии ОГПУ от 26 января 1932 г. заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года, досрочно освобожден и выслан в Уфу сроком на три года. (См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923/ Вступ. ст., сост. В. Макарова, В. Христофорова; коммент. В. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 448). — *Примеч. научн. ред.*

² Возраст подсудимых приводится Н. Ясным на момент Процесса. В. В. Шер на момент ареста был членом правления Госбанка СССР. Осужден на 10 лет лишения свободы, был в Верхнеуральском политизоляторе. Умер в заключении 30 августа 1940 г. М. П. Якубович до ареста был зам. начальника сектора снабжения Наркомторга СССР. Осужден на 10 лет лишения свободы, был в Верхнеуральском политизоляторе. В июне 1941 г. осужден еще на 10 лет. 10 мая 1967 г. написал письмо Генеральному прокурору о том, как организовывался процесс меньшевиков (приводится в приложении к книге). Л. Б. Залкинд накануне ареста был начальником учетно-статистического сектора Наркомторга СССР. Осужден на 8 лет лишения свободы. 23 августа 1938 г. осужден еще на пять лет. Дальнейшая судьба неизвестна. И. Г. Волков перед арестом был консультантом финансового сектора ВСНХ СССР. Осужден на пять лет лишения свободы. 11 ноября 1935 г. отправлен в ссылку в Уфу. Дальнейшая судьба неизвестна. К. Г. Петунин накануне ареста был членом правления Центросоюза. Осужден на 10 лет лишения свободы. 2 сентября 1937 г. за «контрреволюционную деятельность» приговорен

деятельность не была связана с экономикой.) Все они оказались на скамье подсудимых потому, что в течение 12 с лишним лет отказывались принимать генеральную линию партии и Сталина. Пусть на Процессе меньшевиков из них выбили ложные показания, и им пришлось сознаться в вымышленных «преступлениях», но все равно они заслуживают нашего глубочайшего уважения.

ВАЛЕНТИНОВ

Николай Владиславович Валентинов (настоящая фамилия Вольский, еще один псевдоним — Е. Юрьевский) умер в 1964 г. в возрасте 86 лет. Главной его страстью была философия, другим его увлечением была политика. Он также был талантливым журналистом. Самым счастливым временем своей жизни он называл период с 1922 г. по 1927 г., когда он занимал должность заместителя редактора и фактически выполнял функции главного редактора ежедневной газеты ВСНХ¹. В своих мемуарах он рассказывает о том, как ему удалось превратить эту второразрядную газету, которая даже не всегда выходила в срок, в солидный орган ВСНХ, в его рупор. Практически в течение всего

к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. Б. М. Берлацкий к моменту ареста был членом правления Госбанка СССР. Осужден на 8 лет лишения свободы. Находился в заключении в Верхнеуральском политизоляторе, затем в Балашовской тюрьме Ленинградской области, где умер 3 декабря 1937 г. М. И. Тейтельбаум накануне ареста был старшим директором по стандартизации экспортных товаров Наркомата торговли СССР. Осужден на пять лет лишения свободы. Находился в Верхнеуральском политизоляторе. Дальнейшая судьба неизвестна. В 1953 г. был амнистирован посмертно. Шер, Якубович, Залкинд, Волков, Петунин, Берлацкий, Тейтельбаум реабилитированы 13 марта 1991 г. В. К. Иков (1882—1956) накануне ареста 11 января 1931 г. был редактором отдела литературы, искусства и языкознания Большой советской энциклопедии. 9 марта 1931 г. осужден на восемь лет лишения свободы. 12 февраля 1939 г. освобожден. 14 июня 1951 г. вновь арестован и по приговору Особого совещания лишен свободы на пять лет. По амнистии 1953 г. вернулся в Москву. В последние годы жизни писал воспоминания. См.: *Иков В. К. Листопад. Воспоминания // Вопросы истории. 1995. № 8—12. — Примеч. научн. ред.*

¹ В тот период она называлась «Торгово-промышленная газета». — *Примеч. научн. ред.*

этого периода ВСНХ возглавлял Дзержинский, по своим политическим взглядам примыкавший к крайнему правому крылу партии большевиков. Валентинов полностью поддерживал его позицию. Он был одним из тех четверых меньшевиков, работавших в ВСНХ, деятельность которых так высоко оценивал Дзержинский.

К счастью для Валентинова (а также для его будущих читателей), в конце 1928 г. его командировали в Париж, где он должен был издавать советский журнал. В 1930 г., когда ни у кого уже не оставалось сомнений, что в Советском Союзе при сталинском режиме здравомыслящему и честному человеку невозможно выжить, Валентинов решил не возвращаться в СССР. Лишь ему удалось избежать печальной участи тех, кому посвящена эта книга. Он прожил долгую жизнь и смог поведать о событиях и фактах, которые без его воспоминаний канули бы в Лету. В течение более 30 лет он активно занимался литературной деятельностью, но в этом исследовании из всех его многочисленных работ нас интересует только книга «Встречи с Лениным», опубликованная в 1953 г. в Нью-Йорке издательством им. Чехова¹.

Эту книгу очень интересно читать. В ней ярко обрисован портрет человека, приведшего Россию к катастрофе военного коммунизма. Валентинов рассказывает о последнем периоде жизни Ленина, когда он гораздо лучше, чем кто-либо из его соратников, осознал непоправимые последствия своей политики².

В 1956 г. Валентинов закончил работу над следующим большим разделом «Мемуаров», который охватывает, в том числе, и интересующий нас период. Эти материалы до сих пор не опубликованы, но с ними можно ознакомиться. Валентинов, который был непосредственным свидетелем событий, описываемых в этой книге, жил в эмиграции, и благодаря этому мне удалось вступить с ним в активную переписку. Впоследствии я прочи-

¹ Валентинов Н. В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1953. Позднее эта книга была переведена на английский язык П. Роста и Б. Пирсом: *Valentinov N. Encounters with Lenin*. London: Oxford University Press, 1968.

² Здесь у Н. Ясного неточность. В книге «Встречи с Лениным» Н. Валентинов описывает период 1904 г., когда он встречался с Лениным в Женеве. Последние годы Ленина описаны в книге Валентинова «НЭП и кризис партии после смерти Ленина». — *Примеч. научн. ред.*

тал его «Мемуары» и до сих пор испытываю чувство удовлетворения от того, что еще до этого я изучил большое количество материалов на эту тему.

Глава 11. Другие неонародники

В период до 1928 г. и даже позднее преподаванием и научными исследованиями проблем сельского хозяйства и, в частности экономики крестьянского хозяйства, занимались практически только неонародники. Они также внесли большой вклад в развитие планирования сельского хозяйства. Кроме неонародников, в исследовании экономики сельского хозяйства заметный след оставили, пожалуй, только Л. Н. Литошенко и Н. М. Вишневский. Литошенко в течение некоторого времени руководил в ЦСУ разработками в области крестьянских бюджетов и опубликовал по этому вопросу весьма интересные работы. Он был одним из ведущих авторов работы «Баланс народного хозяйства Союза ССР за 1923/24 г.», подготовленного ЦСУ¹. Оппоненты часто пытались провести параллель между ним и Кондратьевым, но, с точки зрения политики и идеологии, Литошенко придерживался гораздо более левых взглядов, чем Кондратьев². Вишневский же, как уже отмечалось ранее, был громанцем.

О том, насколько серьезным власти считали того или иного врага из лагеря неонародников, можно судить по последова-

¹ Баланс народного хозяйства Союза ССР за 1923/24 год/Под ред. П. И. Попова. Труды ЦСУ. Т. XXIX. М. 1926. Решением коллегии ОГПУ 26 января 1932 г. Л. Н. Литошенко по обвинению в принадлежности к Трудовой крестьянской партии был приговорен к трем годам лишения свободы, при этом заключение было заменено высылкой в Саратов. В том же 1932 г. он вернулся в Москву и устроился в НИИ обмена веществ и эндокринных расстройств. 7 января 1938 г. Литошенко был арестован и обвинен в «воссоздании ТКП». 9 апреля 1938 г. Особым совещанием НКВД приговорен к заключению в лагерь на восемь лет. В одном из лагерей Северо-Восточного края (Колыма) Литошенко умер 27 ноября 1943 г. — *Примеч. научн. ред.*

² И. Д. Верменичев в работе «Против кондратьевщины, классовая борьба в экономической теории» (М.: Молодая гвардия, 1931, с. 12) называет Литошенко безусловным сторонником Кондратьева. [Для краткости в данной работе мы называем ее «Против кондратьевщины». — Н. Я.]

тельности перечисления их имен в различных публикациях. Так, в цитате из статьи коммуниста Верменичева, ведущего специалиста по сельскому хозяйству, мы видим следующий список: «Группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чайнова, Челинцева и др., к которым примкнули Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики»¹. Безусловно, лидером неонародников был Кондратьев. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что несколько книг и брошюр, авторы которых сделали карьеру на критике Кондратьева, назывались «Кондратьевщина» или «Против кондратьевщины»². В упомянутой выше статье Верменичев назвал Чайнова и Челинцева «мелкобуржуазными утопистами», а Кондратьева, Макарова, Юровского и других — «откровенными защитниками интересов кулака»³. На следующей странице Верменичев добавил во вторую группу и Литошенко.

Юровский и Дояренко, чьи имена в приведенной выше цитате даются после имени Кондратьева, будут рассмотрены во втором разделе данной главы. В списке Верменичева вслед за Юровским и Дояренко идут Огановский, Макаров, Чайнов и Челинцев. В моем списке неонародников имена этих экономистов приводятся в начале и стоят сразу после имени Кондратьева, но несколько в ином порядке. Кроме них, в настоящей работе я собираюсь рассмотреть только П. Вихляева и А. Вайнштейна. Наверное, стоило сказать хотя бы несколько слов о А. Д. Рыбникове⁴ и Г. А. Студентском, ученике Чайно-

¹ Против кондратьевщины. С. 3. Каратыгин, осужденный по другому делу, представил список, несомненно, продиктованный ему сотрудниками ОГПУ, в котором повторяются те же имена, за исключением Юровского. (Там же. С. 58).

² Сборник «Кондратьевщина» вышел в издательстве Аграрного института коммунистической партии (Коммунистической академии. — *Примеч. научн. ред.*), а брошюра «Против кондратьевщины» была опубликована в серии «Аграрная библиотека комсомольского актива» в издательстве «Молодая гвардия».

³ Против кондратьевщины. С. 11.

⁴ См.: А. А. Рыбников — статистик, экономист, экономикогеограф. По материалам личных фондов РГАЭ // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 66–84.

ва, но я не делаю этого по причинам, упомянутым во введении к предыдущей главе.

В главе посвященной рассмотрению Процесса, а также в других главах я привожу цитаты из статей и книги югославского коммуниста А. Цилиги. По всей вероятности, он был хорошо осведомлен о происходивших событиях, и его воспоминаниям вполне можно доверять. Говоря о 1931–1932 гг., он упоминает о существовании большого количества различных группировок и приводит много имен, однако, никого из неонародников он почему-то не называет. Не исключено, что причиной этого является тот факт, что в целом отношении к неонародникам было менее жестким, и в виде наказания их отправляли в ссылку, а не сажали в тюрьму¹.

МАКАРОВ

В списке лидеров группы неонародников имя Николая Павловича Макарова, вместе с Чайновым (см. ниже), можно поставить сразу после Кондратьева. Он родился в 1886 г. Макаров получил известность в 1912 г., когда совместно с Чайновым, Огановским, П. П. Масловым-марксистом и С. Л. Масловым-эсером он начал работать в совете Лиги аграрных реформ² и опубликовал очень интересное исследование, посвященное проблемам молочной промышленности³.

Электронная версия: <http://www.vestarchive.ru/arhivovedenie/748--m--e-----.html>. — *Примеч. научн. ред.*

¹ Это высказывание Ясного ничем не обосновано. Политические заключенные распределялись по различным тюрьмам. Так, в Верхнеуральском политизоляторе, где некоторое время находился А. Цилига, содержались в основном троцкисты (около половины заключенных), но были также меньшевики, левые эсеры, децисты и три человека из группы Мясникова. (См.: *Bourrinet P. An Ambiguos Journey. Ante Ciliga (1898–1992)*. <http://www.left-dis.nl/uk/ciliga.htm#t52>). Н. П. Макаров и А. В. Чайнов содержались в Ярославском политизоляторе, Н. Д. Кондратьев — в Суздальском политизоляторе. — *Примеч. научн. ред.*

² См. введение к брошюре А. В. Чайнова «Что такое аграрный вопрос» (М.: Универсальная библиотека, 1917)

³ По-видимому, имеется в виду работа: *Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство и производство в Московском уезде // Экономико-статистический сборник. М., 1914. Вып. 8. С. 1–202. — *Примеч. научн. ред.*

Через пять лет вышла в свет его 392-страничная книга «Крестьянское хозяйство и его интересы»¹.

В начале 1920-х годов некоторое время он жил в США и Германии. Макаров отказался от интересного предложения профессора Уоррена занять должность в Корнельском университете [об этом мне рассказывал Макаров. — *Н. Я.*] и приблизительно в 1923 г. вернулся в Россию. Он продолжал преподавать и заниматься научными исследованиями и опубликовал несколько книг, посвященных вопросам развития сельского хозяйства в СССР и крестьянской экономике. Помимо этого, он написал 406-страничное исследование об американских фермерах².

В 1927 г. в издательстве «Экономическая жизнь» была опубликована его 568-страничная работа «Организация сельского хозяйства»³. Эта книга сопровождалась весьма объемным предисловием от редакции, в котором, в частности, говорилось: «Книга принадлежит перу уже неоднократно выступавшего в печати автора, известного своей принадлежностью к трудо-потребительской школе, к тому направлению, которое вполне „заслуженно“ именуется неонародничеством. Центральным пунктом этой идеи является положение, что крестьянское хозяйство лишено всяких предпринимательских интересов. Кладя в основу своей деятельности удовлетворение потребительских запросов своей семьи, хозяин находит средства к осуществлению этой цели в наличных запасах труда своей же семьи»⁴. Далее в предисловии очень подробно разъясняется, в чем состояла «ошибочная» позиция этой школы. Несмотря на сделанные критические замечания, в середине (с. 8) и в конце (с. 19) редакторского предисловия отмечается, что «книга Н. М. Макарова — полезная

¹ Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М.: Универсальная библиотека, 1917. (У Ясного неточность: 392 страницы в другой книге — Макаров В. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М.: тип. Н. Желудковой, 1920. — *Примеч. научн. ред.*)

² Макаров Н. П. Как американские фермеры организовали свое хозяйство. New York: Association Press, 1921. — *Примеч. научн. ред.*

³ Макаров Н. П. Организация сельского хозяйства. 2-е изд. М.: Экономическая жизнь, 1927.

⁴ Макаров Н. П. Организация сельского хозяйства. 2-е изд. М.: Экономическая жизнь, 1927. С. 3.

книга». Макаров также ярко проявил себя в области планирования. Отметим, что его мнение относительно планирования выпуска сельскохозяйственной продукции серьезно расходилось с мнением специалистов из Госплана.

Более 25 лет я находился под огромным впечатлением от того, что Макаров и Челинцев по доброй воле вернулись из-за границы в Россию. Вплоть до недавнего времени у меня не было никаких сомнений, что с их стороны это был акт героического самопожертвования. Однако когда я работал над этой книгой, я вдруг осознал, что оба они, скорее всего, поверили в широко распространенные в среде эмигрантов идеи о том, что НЭП будет продолжаться вечно и что, возможно, развитие СССР повернуло вспять к капитализму. Хотя под влияние этих идей попали многие эмигранты, в СССР вернулись лишь единицы.

После публикации книги Макарова прошло несколько лет, но за это время наступила совершенно другая эпоха. В декабре 1929 г., когда в Наркомземе уже полным ходом шли «чистки», Макарова затравили настолько, что он вынужден был выступить с заявлениями, которые мне не очень приятно приводить в этой книге. Я думаю, что ни один из тех, кто, подобно Макарову, «признал» ошибки, на самом деле не поменял свои убеждения. Этого, собственно, от них и не требовалось. В одном из своих выступлений Макаров, якобы, заявил: «Надо принять какие-то меры, чтобы темп обобществления был почти доведен до 100% теперь же»¹. Но ведь ему хорошо было известно, что используемые в те годы «меры» состояли в том, чтобы штыками загнать крестьян в колхозы.

Кроме этого, Макарову приписывается еще одно высказывание, якобы произнесенное им в том же выступлении: «Два года назад я предупреждал и совершенно открыто говорил, что наступать не следует, потому что нам нужна товарная продукция этих групп (кулаков). Сейчас же вопрос совершенно изменился. Никакой товарной продукции от них нет. От них есть только социально-политическое беспокойство. И поэтому надо завер-

¹ Кондратьевщина. С. 118. Приходится признать, что такие ужасающие высказывания действительно могли прозвучать из уст неонародников. Что касается меньшевиков, то на сколько-нибудь серьезные компромиссы с собственной совестью они шли только после ареста.

шить процесс обобщественного строительства»¹. В этой фразе уже чувствуется скрытый призыв к физическому уничтожению кулаков.

Макаров прекрасно понимал, что понятие «кулак» использовалось лишь как повод для расправы. Любого крестьянина, который не хотел добровольно вступать в колхоз, причисляли к кулакам. Можно ли было считать кулаками тех, кто производил сельскохозяйственную продукцию в количестве, достаточном лишь для того, чтобы обеспечить собственные потребности, а не для того, чтобы продавать излишки на рынке? Не следует всерьез принимать слова Макарова. По всей вероятности, он просто потерял голову от страха. Слабым утешением может быть тот факт, что Макаров был не первым и не последним неонародником, сложившим оружие.

Уже отмечалось, что апологеты генеральной линии Сталина даже не пытались сделать вид, что верят в искренность раскаяния Макарова. Годом ранее Д. П. Давыдов в своем выступлении заклеил его «идеологом кулачества» и «одним из вождей кулачества», а приведенные выше высказывания Макарова охарактеризовал как проявление двуличности².

Начиная с декабря 1929 г. и в течение последующих 30 лет о Макарове ничего не было известно. Если пересчитать работы, которые он написал за пять неполных лет после его возвращения из США, то даже трудно себе представить, сколько он мог бы сделать для развития науки, сложись его судьба по-другому. (То же самое можно сказать и о других ученых.) Когда в 1928 г. прервалась его научная карьера, ему было всего 43 года³.

В предисловии отмечалось, что работа над книгой в основном была завершена еще в 1954 г. Советские специалисты в области сельского хозяйства получили милостивое разрешение восхвалять и развивать аграрную политику Хрущева. «Вреди-

¹ Кондратьевщина. С. 116.

² Там же. С. 115, 116.

³ До 1935 г. Н. П. Макаров находился в заключении. С 1935 г. работал агрономом, плановиком совхоза и МТС. С 1948 г. по 1955 г. — профессор Ворошиловградского сельскохозяйственного института, с 1955 г. по 1973 г. — профессор Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования. См.: *Лунден И. Л. Н. П. Макаров // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: Экономика, 1990. С. 314–316. — Примеч. научн. ред.*

тели» 1920-х годов, которым позволили вернуться к работе, должны были проявлять огромную осмотрительность, чтобы не перейти границы дозволенного. Хотя смерть Сталина и дала Макарову возможность вернуться к нормальной жизни, его судьба все равно вызывает огромное сочувствие¹.

ЧАЯНОВ

Александр Васильевич Чаянов родился в 1888 г. Когда перечисляли лидеров Трудовой крестьянской партии, его имя, вместе с именем Макарова, обычно называли после Кондратьева².

Чаянов рано проявил выдающиеся способности. В 1911 г., в возрасте 23 лет, он выступил с серьезным докладом на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению³. В обсуждении его доклада участвовали такие видные ученые, как А. Н. Челинцев и Б. Д. Бруцкус. На следующий год он опубликовал свою первую работу «Очерки по теории трудового хозяйства»⁴. Позднее эта книга была переведена на немецкий язык.

Опубликованное в 1922 г. исследование Чаянова по оптимальным размерам сельскохозяйственных предприятий стало эталонной работой по этой проблеме и принесло ему международную известность⁵. Согласно его расчетам, оптимальным сельскохозяйственным предприятием было крупное хозяйство, однако он полагал, что его результаты не распространялись

¹ Н. П. Макаров умер в 1980 г., реабилитирован вместе с остальными проходившими по делу Трудовой крестьянской партии 16 июля 1987 г. — *Примеч. научн. ред.*

² См.: Кондратьевщина. С. 5, 7 и др.

³ См.: Чаянов А. В. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства // Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21–28 февраля 1911 г. Т. 1, 1 секция. М., 1911. С. 35–48. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ Чаянов А. В. Очерки по теории трудового хозяйства. М. Вып. 1. Соотношение производства и потребления. 1912; Вып. 2. Основы сложения потребительского бюджета. 1913.

⁵ Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1922. В 1924 г. вышло второе издание этой книги, а в 1928 г. она была переиздана в третий раз. Третье издание было опубликовано на немецком языке в 1930 г.

на трудовые крестьянские хозяйства, целью которых не было получение прибыли. Несмотря на такой вывод, Чаянов, наряду с Макаровым и Челинцевым, стал известен как создатель теории трудового крестьянского хозяйства, в котором крестьянская семья производит продукты, а торговые функции принадлежат крестьянским кооперативам. Он не видел необходимости в создании кооперативного производства, однако выступал в поддержку других форм сельской кооперации, которые могли помочь крестьянам воспользоваться преимуществами крупных сельскохозяйственных предприятий.

Россия опережала другие страны в области изучения крестьянской экономики и крестьянской жизни с помощью бюджетных статистических исследований. Подобные исследования начались в России еще в начале 1890-х годов. Одним из самых известных специалистов в этой области был Ф. А. Щербина¹. Начиная с первых лет своей исследовательской работы, Чаянов проявлял огромный интерес к этой методике. В 1912 и 1913 гг. появились его первые публикации на эту тему. После революции он продолжил работу в области бюджетных статистических исследований и внес важный вклад в развитие данного направления. В своей работе «Бюджетные исследования» Чаянов также описывает историю развития разработок подобного рода и приводит обширную библиографию². На тот момент его книга была единственным исследованием в этой области.

Примерно в 1920 г. Чаянов был назначен директором научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. На этом посту он развернул весьма энергичную деятельность. В институте работали такие талантливые исследователи, как А. Вайнштейн, Г. А. Студентский и С. Клепиков. Чаянов принимал самое активное участие в издаваемой институтом серии научных трудов. Одним из примеров может служить публикация работы «Методы количественного учета эффекта землеустройства», авторами которой были Б. Брук, А. Вайнштейн, С. Платова,

¹ См.: *Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты*. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900.

² Чаянов А. В. *Бюджетные исследования: История и методы*. М.: Новый агроном, 1929. (Труды института сельскохозяйственной экономики, вып. 47). — *Примеч. научн. ред.*

К. Сазонов, а редактором был А. Чайнов¹. Институт по праву называли чайновским институтом². В 1924 г. вышла в свет книга Чайнова на немецком языке „Sozialeconomie“ (ранее она была опубликована на русском языке)³.

Я очень высоко ценю талант Чайнова, однако должен признать, что к чувству сострадания, которое я испытываю ко всем тем, кому пришлось капитулировать перед властями, в случае с Чайновым у меня примешивается досада. Он сложил оружие в то же время, что и Челинцев. Хотя он был намного моложе Челинцева, и, вне всякого сомнения, считал себя более серьезным ученым, он отказался от своих прежних взглядов с гораздо большей решительностью. В газете «Экономическая жизнь» 15 февраля 1929 г. появилась его статья под названием «От классовой крестьянской кооперации к социалистической реконструкции сельского хозяйства». Одно название этой статьи о многом говорит.

На самом деле, достаточно вспомнить выводы Чайнова в его исследовании «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий», чтобы понять, что переход от идей трудового крестьянского хозяйства к поддержке крупных сельскохозяйственных предприятий, включая колхозы, для него произошел гораздо легче, чем для других сторонников этой школы. Однако даже такая радикальная смена взглядов меркнет перед тем, что он писал в упомянутой выше статье, а также в других работах, опубликованных приблизительно в то же время. В своей статье Чайнов заявляет, что с его стороны было бы неправильным и даже реакционным продолжать защищать прежнюю позицию. Далее (и это еще более показательным) он подчеркивает, что его новая позиция «полностью совпадает с генеральной ли-

¹ Методы количественного учета эффекта землеустройства. М.: Кооперативное издательство, 1925.

² Кондратьевщина. С. 41. Интерес также представляет замечание одного из авторов сборника о том, что «Институт экономики Комакадемии, куда коммунисты довольно скромно изредка входили, был ареной их [кондратьевцев. — А. Б.] подрывной работы» (там же).

³ Ясный говорит о книге «Die Sozialagronomie ihre Grundgedanken und Arbeitsmethoden» (Berlin: P. Parey, 1924). На русском языке она выдержала три издания — в 1918, 1922 и 1924 гг. См. напр.: Чайнов А. В. Основные идеи и методы работы общественной агрономии. 3-е изд. М.: Новая деревня, 1924. — *Примеч. научн. ред.*

нией реконструкции народного хозяйства»¹. В то время «генеральная линия» могла означать только генеральную линию Сталина. Создается впечатление, что Чаянов пошел даже дальше Сталина, когда в своей статье заявил: «Будущие формы организации сельского хозяйства мною мыслятся не в виде конгломерата совхозов, колхозов, кооперативов и оставшихся индивидуальных хозяйств, а в виде единого общественного хозяйства целых волостей». Исходя из этого высказывания, можно сделать вывод, что в 1929 г. Чаянов призывал к такой степени социализации сельского хозяйства, которую не удалось достичь вплоть до сегодняшнего дня. Более того, Чаянов усмотрел положительные моменты даже в политике военного коммунизма². Редакторы газеты «Экономическая жизнь» сделали вид, что верят в искренность слов Чаянова (см. примечание к процитированной выше статье), однако в статье М. Сулковского «Эволюция и распад неонародничества»³ Чаянов вновь подвергся резкой критике.

Если Чаянов и решил отказаться от своей прежней позиции по поводу экономики крестьянских хозяйств, то ему совершенно необязательно было начинать соревнование с невежественными коммунистами и даже превзойти их в безудержном восхвалении идеи о сверхкрупных сельскохозяйственных предприятиях. В двух статьях, посвященных государственным зерновым фабрикам⁴, Чаянов утверждал, что американская сель-

¹ В статье А. В. Чаянова этих слов нет. Он пишет, что у него произошел «идеологический сдвиг от теории семейного хозяйства к организации колхозов и совхозов». Похожая формулировка есть в примечании редакции, в котором о Чаянове говорится: «Он открыто признает ошибочность своей принципиальной позиции и правоту линии социалистической реконструкции сельского хозяйства». — *Примеч. научн. ред.*

² У Ясного неточность. О военном коммунизме в статье А. В. Чаянова есть только одно высказывание: «Я был крайним скептиком в отношении колхозов эпохи военного коммунизма, не считая экономическую и политическую обстановку того времени обеспечивающей этой идее возможности широкого развития». — *Примеч. научн. ред.*

³ На аграрном фронте. 1929. № 11–12. С. 76–96.

⁴ Эти статьи я цитирую и подробно обсуждаю в книге «The Socialized Agriculture of the USSR», Р. 27–28. (См. напр.: Чаянов А. В. Техническая организация зерновых фабрик // Экономическое обозрение. 1929. № 12. С. 95–101. — *Примеч. научн. ред.*) Чаянов уже проявлял огромный энтузиазм

скохозяйственная триада — трактор, комбайн и грузовик — дала возможность создать гигантские фабрики, производящие исключительно зерно. Более того, он полагал, что такие огромные сельскохозяйственные предприятия могут оказаться полезными не только для производства зерна. Я не знаю, учли ли большевики рекомендации Чаянова или воспользовались еще чьими-то советами, но они попытались создать такие гигантские зерновые фабрики. Однако прошло не более трех лет, и обнаружилось, что этот проект потерпел полный крах вследствие неэффективного руководства, сезонного характера работ, недостаточной борьбы с сорняками и полной потери побочных продуктов¹.

Единожды отступив от своих принципов, уже трудно остановиться. Некто Д. П. Давыдов вспоминал, что на семинарах, проходящих в Национальном институте организации сельскохозяйственной экономики (НИОСХЭ), Чаянов задал своей аудитории следующий вопрос: «Почему бы вам, коммунистам, т. е. небольшой, но крепко сплоченной армии, военной силой не загнать крестьян в колхозы?»².

Все это очень напоминает попытку спастись, предав свои убеждения. Однако Чаянову это не помогло. Напротив, на несостоявшемся открытом процессе неонародников Чаянову, наряду с Кондратьевым, было уготовано место главного обвиняемого (Процесс, с. 53). Этот процесс должен был состояться в марте 1931 г., но вместо этого они были осуждены в закрытом порядке³.

по поводу создания зерновых фабрик в статье (или в статьях), опубликованной в журнале «Совхоз», № 9 и 10 за 1928 г. (См.: Чаянов А. В. Эволюция идеи о совхозах // Совхоз. 1928. № 9–10. С. 45–52. — *Примеч. научн. ред.*)

¹ См. мою работу «The Socialized Agriculture of the USSR» (глава XI). Перевод работы Чаянова «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий» вышел на немецком языке лишь в 1930 г. В отдельном предисловии он попытался в нескольких параграфах разъяснить свою новую позицию. Для научного сообщества это стало оскорблением.

² Кондратьевщина. С. 119. Дата, когда были сказаны эти знаменательные слова, не указывается.

³ Приговор осужденным «руководителям» Трудовой крестьянской партии был вынесен на заседании коллегии ОГПУ 26 января 1932 г. Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров и Л. Н. Юровский были приговорены к восьми годам лишения свободы; А. В. Чаянов, А. Г. Дояренко, А. А. Рыбников — к пяти годам; к трем годам с заменой этого наказания высылкой на тот же срок были приговорены Л. Н. Литошенко, С. К. Чаянов и Л. Б. Кафенгауз; к трем годам

После Процесса меньшевиков 1931 г. о судьбе Чайанова ничего не известно¹.

ЧЕЛИНЦЕВ

Александр Николаевич Челинцев родился в 1874 г. Задолго до первой мировой войны он уже был известен как талантливый экономист-аграрник. В 1901 г. была опубликована его статья, посвященная поденной заработной плате сельскохозяйственных работников в Европейской части России². Еще до начала Первой мировой войны он проявлял большой интерес к бюджетным статистическим исследованиям крестьянской экономики. В 1919 г. в Харькове была издана его работа «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства»³. Примерно в это же время он уехал в Прагу, где продолжал заниматься преподавательской и исследовательской деятельностью. В Россию

с заменой этого наказания ограничением в месте жительства на тот же срок — А. В. Тейтель и И. Н. Леонтьев; к трем годам с последующим освобождением от наказания — А. О. Фабрикант. Все они были реабилитированы 16 июля 1987 г. — *Примеч. научн. ред.*

¹ По некоторым сведениям, во время Процесса меньшевиков Чайанов находился в тюрьме и вместе с Кондратьевым и другими неонародниками ждал процесса над своей партией. [Более полный очерк о жизни и творчестве Чайанова можно найти в предисловии к книге А. В. Чайанова „The Theory of Peasant Economy“ (trans. D. Thorner, V. Kerblay, R. F. Smith). Homewood, Illinois, 1966. — *Примеч. ред. англ. издания*]. (См. также: *Балязин В. Н.* Профессор Александр Чайанов. М.: Агропромиздат, 1990. В 1933 г. заключение в тюрьме было заменено А. В. Чайанову ссылкой в Казахстан. В 1933–1935 гг. он работал в Казахском сельскохозяйственном институте старшим экономистом-аналитиком Наркомата земледелия в балансовой группе планово-финансового отдела. 28 июня 1935 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР срок ссылки А. В. Чайанова был продлен на три года. В конце 1936 г. он снова был арестован, а затем освобожден. 16 марта 1937 г. арестован в третий раз. 3 октября 1937 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло А. В. Чайанову смертный приговор. Расстрелян в тот же день. — *Примеч. научн. ред.*)

² *Челинцев А. Н.* Поденная плата пешим рабочим в сельском хозяйстве Европейской России // Русская мысль. 1901. № 5. С. 72–101. — *Примеч. научн. ред.*

³ См.: *Челинцев А. Н.* Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков: Союз, 1919. — *Примеч. научн. ред.*

он вернулся в 1923 г. Выше я уже высказал свое мнение по поводу возвращения в Россию Макарова. То же самое я мог бы сказать и по поводу возвращения Челинцева. Мне остается только добавить, что поскольку Челинцев был гораздо старше Макарова, его поступок достоин еще большего уважения.

Челинцев был одним из самых последовательных сторонников семейно-потребительской теории крестьянского хозяйства. Даже в 1927 г. он продолжал доказывать преимущества индивидуального крестьянского хозяйства¹. Его интересовали все основные проблемы сельского хозяйства, в частности, крестьянского хозяйства, а также вопросы планирования. Кроме этого, Челинцев был крупным специалистом в области региональных особенностей сельского хозяйства. Он начал заниматься разработкой этих проблем еще до Первой мировой войны.

Я думаю, что после завершения периода НЭПа Челинцев первым начал сдавать свои позиции, однако, насколько мне известно из имеющихся источников, он поступился своими принципами не в такой степени, как Макаров, не говоря уже о Чайнове. Тем не менее, судя по его решительному заявлению, и ему пришлось отказаться от своих прежних взглядов: «При внешней видимости „политической прогрессивности“ этого учения [теории трудового крестьянского хозяйства, которую Челинцев пропагандировал в течение многих лет. — Н. Я.] оно имеет весьма реакционную сущность, как правильно отметила марксистская критика»². Теперь Челинцев стал сторонником идеи производственных кооперативов как основной формы перехода сельского хозяйства на социалистические рельсы. Он, однако, полагал, что этот процесс может завершиться лишь в отдаленном будущем. По всей вероятности, он пошел еще на один компромисс, когда в своей последней статье, опубликованной в журнале «Пути сельского хозяйства», он утверждал, что ТОЗ, самая слабая форма обобществления³, в течение длительного време-

¹ Челинцев А. Н. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С. 114–132.

² Челинцев А. Н. К теории организации хозяйства массы крестьянских хозяйств // Пути сельского хозяйства. 1928. № 8. С. 28

³ Пути сельского хозяйства. 1928. № 11. В сельском хозяйстве существовали три формы обобществления: коммуна, артель и ТОЗ (товарищество по обработке земли), в котором скот оставался частной собственностью.

ни должна оставаться главной формой кооперации крестьянских хозяйств¹.

В последние годы в научных публикациях вновь появилось имя Челинцева². Однако человеку его возраста практически невозможно наверстать упущенное за 30 лет. Нужно признать, что его научная карьера завершилась в 1928 г., когда в журнале «Пути сельского хозяйства» были опубликованы его последние статьи³.

ОГАНОВСКИЙ

Николай Петрович Огановский родился в 1874 г. До первой мировой войны он уже был известен как видный экономист-аграрник. Он был членом Учредительного собрания от партии эсеров (эту информацию я получил от М. Вишняка, который был секретарем Учредительного собрания). По своим полити-

¹ А. Н. Челинцев был арестован в 1930 г. по делу Трудовой крестьянской партии и затем выслан в Воронеж. Через два года он был освобожден от дальнейшего отбывания наказания с правом свободного проживания на территории СССР и переведен в Москву. До 1950 г. он работал в Наркомате земледелия СССР, Арало-Каспийской научной экспедиции Академии наук СССР по проблемам ирригации и развития хлопководства в Средней Азии, других учреждениях. Умер в 1962 г. Реабилитирован в 1987 г. — *Примеч. научн. ред.*

² См., напр: *Челинцев А. Н. Сельскохозяйственные районы СССР // Вопросы народного хозяйства СССР. К 85-летию Струмилина С. Г. М.: изд. АН СССР, 1962. С. 233–246. — Примеч. научн. ред.*

³ Ясный имеет в виду следующие статьи: «К теории организации хозяйства массы крестьянских хозяйств» (№ 8, с. 23–31), «К вопросу о предмете, задачах и методе организации сельского хозяйства» (№ 9, с. 12–21), «О принципах строительства и производственных типах колхозов» (№ 11, с. 22–38). Однако и позже, в 1929–1930 гг., А. Н. Челинцев опубликовал ряд работ, в частности: «Сельское хозяйство и перспективы его по автономным республикам РСФСР» (Плановое хозяйство, 1929. № 1. С. 251–263; № 2. С. 309–323); «Животноводство и кормовой вопрос» (Пути сельского хозяйства. 1929. № 2. С. 35–55; № 3. С. 20–42; № 4. С. 21–36); «Специализация сельского хозяйства по районам СССР» (Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 2. С. 54–80). До последних дней А. Н. Челинцев продолжал научную работу. В частности, в 1961 г. он подготовил рукопись книги «Сельскохозяйственные районы СССР 1956–1959 гг. и сопоставление их с сельскохозяйственными районами 1925–1938 гг.» (308 с.) Однако опубликовать эту работу ему не удалось. — *Примеч. научн. ред.*

ческим взглядам он принадлежал к партии народных социалистов, менее известной, чем партия эсеров, но близкой к ней идеологически.

Помимо преподавательской деятельности Огановский занимался вопросами планирования сельского хозяйства. У него было такое огромное количество публикаций, что их объем не мог не сказаться на качестве работ. Так, у него возникли неприятности, когда в одной из его серьезных статей обнаружилось арифметические ошибки¹. В книге «Выдающиеся ученые СССР» отмечается, что Огановский проживал в общежитии, в комнате № 44². Остается только надеяться, что в этой комнате ему не приходилось ютиться с соседями и что он жил там один или, если он был женат, с женой. Конечно, такие жилищные условия вряд ли способствовали плодотворной творческой деятельности.

Зимой 1926/27 г. Огановский, Вишневский и Лосицкий (который занимался проблемами животноводства) завершили работу над планом развития сельского хозяйства с 1926/27 г. по 1940/41 г., которым они занимались по поручению Госплана³. Они запланировали среднегодовой рост валовой продукции сельского хозяйства в размере 4,6%. Кондратьев, Макаров и Челинцев сочли такие темпы роста слишком высокими и выступили с резкой критикой в адрес составителей плана⁴.

¹ См.: Крицман Л. Арифметика и знание дела (о трудах Земплана и профессорах Кондратьеве и Огановском//На аграрном фронте. 1925. № 1. С. 86–97; Теодорович И. Письмо в редакцию//На аграрном фронте. 1925. № 3. С. 198–199. (По данному вопросу см. также: Кондратьев Н. Письмо в редакцию по поводу статьи Л. Крицмана//На аграрном фронте. 1925. № 3. С. 181–186; Крицман Л. Н. Психологический метод и его жертвы (ответ профессору Кондратьеву)//На аграрном фронте. 1925. № 3. С. 186–198. — Примеч. научн. ред.)

² Prominent Scholars of the USSR, Vol. IV. Moscow, 1930. (По поводу этого высказывания Н. Ясного нет полной ясности. По-видимому, речь идет о справочнике: Наука и научные работники СССР, вып. IV. Научные работники Москвы. М.-Л.: Изд. АН СССР. Однако в издании 1930 г. Н. П. Огановский не упомянут, а в издании 1925 г. приводится его адрес: ул. Б. Полянка, д. 7, кв. 118, а также телефон 1–85–31. Скорее всего, он проживал не в общежитии, а в квартире. — Примеч. научн. ред.)

³ См.: Огановский Н. Реконструкция сельского хозяйства и генеральный план//Социалистическое хозяйство. 1927. № 2. С. 33–52.

⁴ См.: Макаров Н. П. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству//Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 39 и далее.

Я. Никулихин (яркая «звезда» на темном небосклоне того периода), напротив, полагал, что запланированные темпы роста были слишком низкими¹. Если бы за последующие 15 лет удалось добиться увеличения темпов роста на 4,6%, то это почти вдвое превысило бы исходный уровень производства. Однако на самом деле, за эти 15 лет уровень выпуска сельскохозяйственной продукции значительно снизился².

Скорее всего, Огановский придерживался иной позиции, чем Кондратьев и другие неонародники. Не исключено, что он был готов пересмотреть свои взгляды. Но в период широкомасштабного наступления социализма по всему фронту высокопоставленные большевики видели перед собой только широкие горизонты и поэтому не могли разглядеть такую мелочь, как разницу в подходах Кондратьева и Огановского. Р. Е. Вайсберг, который в течение многих лет был хорошо знаком с Огановским, в статье «Буржуазные извращения в области планирования» писал о нем так: «Если взять его работу над планом, то получается интересная картина. Человек начинает, примерно, с мизерных темпов роста посевной площади, а когда его подхлестывали, поднимал этот рост еще на ½%, еще на 1% и т.д. Не лучше у него было с урожайностью. Напомню его статью в „Сельскохозяйственной газете“ в связи с повышением урожайности на 35%³. Там он доходил до 13% — цифра, которую он называл в Госплане и выше которой никак не мог подняться. 13 и 35. Мы воочию видим здесь те прямые нити, которые непосредственно ведут от Кондратьева к Огановскому»⁴.

¹ Против кондратьевщины. С. 141.

² В книге «Народное хозяйство СССР в 1958 г.» (М.: Статистика, 1959. С. 350) отмечается увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции на 11% за 14 лет в период с 1926 г. по 1940 г., однако эти достижения были связаны с увеличением территории СССР перед началом второй мировой войны.

³ В соответствии с решением 11 сессии ЦИК СССР, принятым в декабре 1928 г. Это решение предусматривало увеличение урожайности зерна с гектара минимум на 30–35% за пять лет. В оптимальном варианте первого пятилетнего плана, который был принят к исполнению, предусматривалось увеличение урожайности зерна на 35%.

⁴ Вайсберг Р. Е. Буржуазные извращения в области планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 1. С. 17.

В декабре 1928 г. было принято решение партии об увеличении минимум на 30–35% урожайности зерна с гектара. По-видимому, статья Огановского, на которую ссылается Вайсберг, была опубликована несколько позднее (к сожалению, Вайсберг, как это часто случалось в то время, не дает выходных данных статьи Огановского). Поэтому можно предположить, что в то время, когда некоторые неонародники уже признали свое поражение и были готовы сложить оружие, Огановский еще стойко держался своих прежних позиций¹.

ВАЙНШТЕЙН

В многочисленных критических публикациях конца 1920-х годов, направленных против неонародников, имя Альберта Вайнштейна упоминается относительно редко, хотя в предшествующие годы его работы часто цитировались. Вайнштейн родился в 1892 г. Его первые работы (по крайней мере, насколько мне известно) были опубликованы в 1920 г. чаяновским институтом. Вскоре он был принят на работу в Конъюнктурный институт в качестве старшего научного сотрудника и оставался на этой должности пока институт возглавлял Кондратьев. Он также публиковался в других изданиях, например, в еженедельнике «Финансы и народное хозяйство» и в журнале «Социалистическое хозяйство», выпускаемых чаяновским институтом.

По поручению Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики (чаяновского института), который проводил исследования для сельскохозяйственного отдела Госплана РСФСР и Госплана СССР, Вайнштейн принимал участие в большом исследовательском проекте «Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем». Материалы этого проекта в сокращенном виде были опубликованы им в журнале «Плановое хозяйство»². Ко-

¹ В марте 1930 г. Н. П. Огановский был арестован по делу Промпартии. В марте 1931 г. Коллегией ОГПУ приговорен к пяти годам лишения свободы. Срок отбывал в Карагандинской области. В марте 1933 г. на оставшийся срок он был выслан в Уфу. В июне 1935 г. освобожден и остался там на постоянное жительство. Скончался предположительно в 1938 г. Реабилитирован в 1989 г. — *Примеч. научн. ред.*

² См.: Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 81–100; № 8. С. 57–89.

нечной целью этого проекта было сделать прогнозы по поводу урожайности зерна на ближайшие 10–15 лет.

Ранее неоднократно предпринимались попытки проанализировать долгосрочные тенденции урожайности зерна. Были получены некоторые результаты, однако Вайнштейну удалось поднять решение этого вопроса на новый уровень. Он пришел к выводу (там же, № 8, с. 87), что при благоприятных условиях за 15 лет можно будет добиться повышения урожайности на 30–33%. Трудно сказать, чем руководствовался Вайнштейн при подсчетах. Не исключено, что ему просто хотелось представить властям цифры, которые их устроили бы. Так или иначе, благоприятные условия, которые были основным условием прогнозов Вайнштейна, не были созданы, и урожайность зерна в течение 25 лет не повышалась¹.

В статье, опубликованной в журнале «Финансы и народное хозяйство», Вайнштейн поднял важный вопрос по поводу одного из первых проектов пятилетнего плана, который разрабатывался под руководством коммуниста С. Г. Струмилина (бывшего меньшевика). В этом проекте предполагалось, что за период с 1925/26 г. по 1930/1931 г. доходы сельского населения увеличатся лишь на 4,4%, а доходы городского населения — на 43,6% в расчете на каждого работника².

В 1928 г., во время известной дискуссии о генеральном плане, состоявшейся в клубе плановых работников, Вайнштейн утверждал: «Для генерального плана мы должны вовсе отказаться от статистических подсчетов элементов всего народного хозяйства»³. Однако точно такую же точку зрения еще раньше отстаивал П. С. Осадчий, который руководил работой по составлению генерального плана в Госплане вплоть до 1926 г. Аналогичное мнение уже высказывал Кондратьев, сам Вайнштейн

¹ Не вполне ясно, почему разработка этого проекта не была поручена В. М. Обухову, признанному авторитету в этой области. Может быть, руководители страны надеялись, что оценки Вайнштейна будут более подходящими? Конечно, не было бы ничего плохого, если бы разработкой столь жизненно важного вопроса параллельно занимались два опытных специалиста.

² *Вайнштейн А. Л.* Зарплата и уровень благосостояния различных слоев населения по пятилетнему плану // *Финансы и народное хозяйство*. 1927. № 24 (32). 10 июля. С. 3.

³ См.: *Плановое хозяйство*. 1928. № 6. С. 155–158.

и, возможно, другие экономисты. Неудивительно, что Вайнштейн, будучи сотрудником кондратьевского Конъюнктурного института, для оценки перспектив развития экономики СССР на ближайшие 10–15 лет пытался использовать теорию больших циклов Кондратьева. Однако его мнение разделяли немногие. Во время дискуссии он высказал ряд вполне здравых соображений и по другим вопросам, однако они интересовали его гораздо меньше. В тот период, когда Вайнштейн наиболее ярко проявил себя на научной стезе неонародничества, ему, как и Кондратьеву, было немногим более 30 лет. Это еще один пример того, как таланту ученого не суждено было развиваться в полной мере¹.

В 1957 г. в издательстве АН СССР в сборнике «Ученые записки по статистике» (т. III) была опубликована статья Вайнштейна «Методы статистического исчисления народного богатства в связи с исчислением его для предреволюционной России»². В редакторском примечании было сказано, что эта

¹ А. Л. Вайнштейн был арестован в июле 1930 г. по делу Трудовой крестьянской партии, сослан в Казахстан. Реабилитирован в 1933 г. Снова арестован 8 июля 1941 г., осужден на восемь лет лагерей строгого режима; срок отбывал в Карагандинской области. После освобождения в 1949 г. оставлен в Караганде на пожизненное поселение, где находился до окончательной реабилитации в 1957 г. Документы о реабилитации А. Л. Вайнштейн получал в здании КГБ СССР на Лубянской площади у молодого лейтенанта, который явно испытывал неловкость. Тот спросил: «Почему Вы не радуетесь, что мы во всем разобрались?» Вайнштейн ответил: «Понимаете, это произошло и рано и поздно». — «Почему поздно?» — «Прошло более 25 лет, неужели раньше не было понятно, что дело было сфабрикованным?». — «А почему же рано?» — «Да ведь из репрессированных сотрудников кондратьевского института в живых остались только я и Я. П. Герчук. Вы бы подождали несколько лет, и извиняться не пришлось бы». (Научному редактору данного издания это сообщил известный математик И. В. Романовский, которому об этом эпизоде рассказывал сам А. Л. Вайнштейн). — *Примеч. научн. ред.*

² Насколько мне известно, только в случае с Вайнштейном можно быть полностью уверенным, что это тот самый Вайнштейн, о котором ничего не было слышно с конца 1920-х годов. Так, например, на странице 127 он ссылается на собственную статью, опубликованную в 1929 г., и называет ее «моя статья». Также с большой долей уверенности можно предположить, что и Макаров, статьи которого появились в наши дни, тот же самый экономист, который работал в 1920-х годах.

62-страничная работа представляет собой лишь малую часть его исследования¹.

Как и следовало ожидать, в этой работе Вайнштейн использовал стандартные для того времени формулировки и доказывал, что в дореволюционной России почти все национальное богатство находилось в руках капиталистов и крупных землевладельцев. По сути, подобные утверждения не вызывали сомнений, потому этой работой он не мог навлечь на себя неприятностей. Даже в 1950-е годы он предпочитал заниматься исследованием дореволюционных проблем, чтобы избежать необходимости давать оценку более поздним событиям советского периода. Это лишний раз доказывает, что, несмотря на то, что ему пришлось пережить за 25 лет вынужденного молчания, он сохранил в себе верность принципам, достойную глубокого уважения. В последние годы Вайнштейн продолжал публиковаться и участвовал в различных важных экономических дискуссиях².

Вихляев

Конечно, Пантелеймон Алексеевич Вихляев никогда не причислял себя к неонародникам. В течение многих лет, предшествовавших Октябрьской революции, он был одним из лидеров эсеров. Приверженность к партии эсеров он сохранил до самой смерти, а умер он в 1928 г. Я пишу о нем в главе, посвященной неонародникам, только потому, что не смог найти более подходящего места в книге³.

Вихляев родился в 1869 г. Он получил образование агронома. В течение первых 20 лет он работал в различных земствах, сначала в качестве агронома и статистика, а позднее — в качестве экономиста. Он всегда проявлял серьезный интерес к проблемам крестьянской экономики. Основное направление его науч-

¹ См.: *Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М.: Госстатиздат, 1960. — *Примеч. научн. ред.*

² Вайнштейн умер в 1970 г. Официальный некролог был опубликован в журнале «Вопросы экономики» (1970. № 5. С. 160). — *Примеч. ред. англ. изд.*

³ Тот факт, что Макаров даже не упоминает имени Вихляева в своей книге 1926 г., свидетельствует о том, насколько его позиция отличалась от платформы неонародников.

ных исследований отражено в названии его интересной брошюры «Аграрный вопрос с правовой точки зрения»¹. Огромную важность его исследований для крестьянской экономики Московской губернии с 1903 г. по 1915 г. отметил А. Е. Лосицкий в некрологе на смерть Вихляева, опубликованном в журнале «Экономическое обозрение» (1928, № 2, с. 31)².

В период Первой мировой войны Вихляев переключил свои научные интересы с земских на общероссийские проблемы. При Временном правительстве он работал в Министерстве сельского хозяйства и фактически руководил работой, связанной с аграрными проблемами. Министром сельского хозяйства тогда был В. Чернов, который, по воспоминаниям М. В. Вишняка, в основном занимался другими вопросами. Перед министерством стояла задача скорейшим образом подготовиться к проведению социализации земли, которая была главным пунктом программы эсеров. Однако проработка отдельных деталей шла очень медленно, что, в первую очередь, было вызвано стремлением провести социализацию максимально справедливо. Возможно, это промедление стало главным фактором, который позволил Ленину прийти к власти и обратиться к крестьянам с призывом захватывать землю и распоряжаться ею по своему усмотрению. Естественно, столь важные государственные вопросы нужно было решать гораздо энергичнее, однако нельзя возложить всю ответственность за задержку исключительно на Вихляева, хотя большая доля вины лежит и на нем.

После 1919 г. он занимался преподавательской и исследовательской деятельностью, в основном в области статистики. Он создал первый в России факультет статистики при Московском университете и в течение нескольких лет возглавлял его. В это же время он занимался активной деятельностью в ЦСУ на посту главы отдела по подготовке специалистов в области статистики. Вихляев умер 23 февраля 1928 г.

¹ Вихляев П. А. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. (Критические заметки по аграрному вопросу) М.: Молодая Россия, 1906.

² Эта ссылка неточная. — Примеч. научн. ред.

ДРУГИЕ

У меня нет сведений о политической принадлежности еще трех экономистов, поэтому я решил объединить их и посвятить им отдельную главу.

Один из них, на самом деле, принадлежит к дореволюционной эпохе. Тот факт, что его, вместе с другими экономистами, сделали мишенью для ожесточенной критики, лишний раз свидетельствует об искаженном менталитете того времени. Безумцы, устремившиеся к пропасти, взывали: «Вставайте рядом с нами [эти призывы относились даже к мертвым. — *Н. Я.*] — все, кто не с нами, будут уничтожены!»

Леонид Наумович Юровский, 1884 г. рождения, был одним из наиболее талантливых людей, о которых я пишу в этой книге. В. П. Милютин в своем выступлении перед сотрудниками Аграрного института Коммунистической академии 1 октября 1930 г., перечисляя «агентов мирового капитализма» внутри СССР, в частности сказал: «Юровский в Наркомфине играл выдающуюся роль, был членом коллегии Наркомфина»¹. В Наркомфине Юровский проработал много лет. Коммунист Бронский в 1924 г. о небольшой книге Юровского, опубликованной в начале того же года, писал следующее: «Книжка Л. Н. Юровского — знатока финансовых проблем, является ценным вкладом в литературу о современной экономике с ее финансовой стороны. Профессор Юровский прекрасно владеет пером. Он пишет ясно, четко и умеет точно формулировать свои мысли. Он сумел одну из труднейших проблем экономической науки представить в книжке, которая читается с увлечением и легкостью»². Прошло всего лишь четыре года, и в том же журнале Бронский выступил с самой ожесточенной критикой в адрес Юровского в пространной статье, озаглавленной «Неокапиталистическая идеология в советской экономической литературе»³. Считается, что именно Юровскому принадлежит важная роль в создании идеи червонца — денежной единицы, введенной в 1922 г.

¹ Кондратьевщина. С. 7. — *Примеч. научн. ред.*

² Бронский М. Проф. Л. Н. Юровский. «На путях к денежной реформе». М.: Изд. Финансовой газеты, 1924 // Социалистическое хозяйство. 1924. № 2. С. 383.

³ См.: Социалистическое хозяйство. 1928. № 3. С. 5–50.

после краха денежной системы, унаследованной от старого режима. Он также читал несколько курсов по экономике в Московском промышленно-экономическом институте им. Рыкова и активно занимался научной деятельностью. На состоявшемся в конце 1930 г. процессе Промышленной партии, к которому он был привлечен в качестве свидетеля, Юровский заявил о своей принадлежности к Трудовой крестьянской партии¹. В конце 1920-х годов на страницах советской прессы его нередко называли членом этой партии. Но, как мне кажется, авторы книги «Против кондратьевщины» не ошиблись, когда назвали его кадетом (с. 85). Еще правильнее было бы назвать его «левым кадетом». По крайней мере, он исповедовал такие взгляды до начала сталинского «масштабного наступления социализма по всему фронту». Как и многие неонародники, Юровский признал свое поражение еще в 1929 г.²

Алексея Григорьевича Дояренко часто включают в число лидеров Трудовой крестьянской партии³. В книге «Против кондратьевщины» отдельная статья посвящена «дояренковщине»⁴. Дояренко не занимался экономическими проблемами. Он был профессором Тимирязевской академии сельского хозяйства и читал курс по общей агрономии, а также возглавлял экспериментальную работу. Самое внятное обвинение, которое удалось выдвинуть про-

¹ Правда. 1930. 2 декабря. (На самом деле — 6 декабря. С. 3. — *Примеч. научн. ред.*)

² Л. Н. Юровский перед арестом был членом Коллегии Наркомфина, членом Совета Госбанка. Арестован 26 июля 1930 г. по обвинению в принадлежности к Трудовой крестьянской партии. Осужден на восемь лет, содержался в Суздальском политизоляторе. 13 декабря 1934 г. освобожден. В конце 1937 г. вновь арестован, 17 сентября 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 16 июля 1987 г. — *Примеч. научн. ред.*

³ А. Г. Дояренко (родился в 1874 г.) был арестован в 1930 г. по обвинению в принадлежности к Трудовой крестьянской партии. Осужден на пять лет, помещен в Суздальский политизолятор в одну камеру с А. А. Рыбниковым. После освобождения жил в Вятке, затем в Саратове. Скончался 9 мая 1958 г. в Саратове. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ См.: Против кондратьевщины. С. 93–111. Все данные о Дояренко взяты из этого источника. (На самом деле речь идет о статье, опубликованной в другой книге. См.: *Мошин И.* Дояренко в борьбе за кадры // Кондратьевщина и борьба за кадры. М.: Сельколхозгиз, 1931. С. 93–111. — *Примеч. научн. ред.*)

тив него, состояло в том, что «Дояренко, занимавший в бывшей Тимирязевской сельскохозяйственной академии кафедру общего земледелия и возглавлявший там же опытное дело, чрезвычайно упорно во всей своей педагогической и научной работе в области земледелия и опытного дела проводил ставку на кулацкое [читай: индивидуальное. — Н. Я.] хозяйство вплоть до своего ареста в 1930 г.»¹. Дояренко проявил огромное упорство, когда его попытались заставить идти в общем строе, принять коммунистические взгляды. В 1928 г. в Тимирязевской академии было назначено переизбрание на профессорские должности, при этом кандидатуры наиболее заслуженных профессоров утверждались на новый срок без прохождения процедуры переизбрания. Среди них оказался, например, А. Н. Челинцев, в то время как Дояренко, гораздо более серьезный ученый, в эти списки не был включен. Он якобы был отведен общественными организациями по той причине, что не состоит членом профсоюза, не состоит членом секции научных работников и не принимает активного участия в общественной жизни. «Одновременно эти организации указывали, что профессор Дояренко являлся идеологом единого крестьянского хозяйства»².

Когда были выдвинуты обвинения против прославленного *Александра Федоровича Фортунатова*³, то это был перебор даже для советских властей. Если я не ошибаюсь, Фортунатов родился в 1856 г. Он начал преподавательскую деятельность в Тимирязевской академии еще в 1884 г., то есть за 33 года до Октябрьской революции. Он умер в 1925 г. В книге «Кондратьевщина» ему посвящена целая статья под названием «Идеолог вредителей». В этой статье автор восклицает: «Фортунатов всю жизнь работал в сельскохозяйственной школе: „вереницы академических поколений несли на себе влияние Фортунатова“» (с. 59)⁴.

¹ Кондратьевщина и борьба за кадры. С. 15. (См.: *Иванович К. К.* Экономические основы и вредительская работа кондратьевщины // Кондратьевщина и борьба за кадры. С. 15. — *Примеч. научн. ред.*)

² Хроника // Пути сельского хозяйства. 1929. № 4. С. 143.

³ Здесь неточность: Фортунатова звали Алексей Федорович. — *Примеч. научн. ред.*

⁴ На самом деле приведена цитата из другой книги. См.: *Храпаль П.* Идеолог вредителей (А. Фортунатов) // Кондратьевщина и борьба за кадры. С. 59. — *Примеч. научн. ред.*

Неужели советские руководители считали, что Фортунатов должен быть изменить свое мировоззрение, прозорливо угадав, что когда-нибудь к власти придет Ленин? Или, может быть, они полагали, что ему захочется поменять свои взгляды в зрелом возрасте (ему было 67 лет) только по той причине, что в октябре 1917 г. большевики захватили власть? Нет никаких сомнений в том, что его просто заставили разделить участь своего ученика Дояренко. Вот уж, воистину, перевернутый с ног на голову мир, достойный страны чудес, в которой побывала Алиса.

БИБЛИОГРАФИЯ Н. ЯСНОГО¹

Публикации на русском языке

1. Взаимоотношения земств и городов // Известия Всероссийского Союза городов. 1916. № 34. Июль. С. 4–26.
2. Взаимоотношения земств и городов. М. [без изд., без года] — 23 с.²
3. С продовольственного съезда // Известия по продовольственному делу. № 1 (32). Май 1917 года. С. 11–15.
4. Опыт регулировки снабжения хлебом / Под ред. Ф. А. Липкина. Всерос. Союз городов. Экон. отд. Стат. экон. бюро. Петроград: тип. Андерсона и Лойцянского, 1917. — 156 с. Рецензия — см.: Известия по продовольственному делу. № 1 (32). Май 1917 года. С. 148.
5. Перспективы предстоящей хлебной кампании // Известия по продовольственному делу. № 2 (33). Июнь-июль 1917 года. С. 8–12.
6. Продовольственный кризис и хлебная монополия: Хлеб. рынок в первые два года войны. Третий год войны и неудачный опыт регулировки; Первые шаги новой власти [и др.] Петроград: Ясный—Попов, 1917. — 32 с. Рецензия — см.: Известия по продовольственному делу. № 2 (33). Июнь-июль 1917 года. С. 85–86.

¹ В основу положена библиография работ Н. Ясного, помещенная в приложении к его мемуарам: *To Live Long Enough. The Memoirs of Naum Jasny, Scientific Analyst. Lawrence — Manhattan — Wichita: University Press of Kansas, 1976. — 190 pp.* Нами добавлены работы, опубликованные на русском языке в России, Германии и Грузии. — Здесь и далее примечания научного редактора.

² Ссылка на эту работу содержится в издании: *Город. Вестник Всероссийского союза городов. 1917. № 10. С. 16.* Очевидно, это изданная отдельно первая статья Ясного.

7. Продовольственная политика и VII съезд Союза городов // Город. Вестник Всероссийского союза городов. 1917. № 10. 1 ноября.¹ С. 5–6.
8. Может ли Украина быть экономически независимой? Харьков: Товарищество потребительских обществ Юга России, 1918. — 72 с.
9. Война и народное хозяйство / Под ред. И. А. Трахтенберга. Харьков: Союз, 1919. — 87 с.
10. Вопросы торговой политики // Борьба. Тифлис. 1920. 31 января. С. 3.
11. Денежная реформа и обесценение денег // Борьба. Тифлис. 1920. 4 февраля. С. 3.
12. Обзор западноевропейского рынка // Борьба. Тифлис. 1920. 20 февраля. С. 3.
13. Мировой хлебный рынок // Борьба. Тифлис. 1920. 6 марта. С. 4.
14. Версальский мир и новый переворот // Борьба. Тифлис. 1920. 19 марта. С. 2.²
15. Батум — порто-франко // Борьба. Тифлис. 1920. 23 марта. С. 3.
16. Что может дать советская Россия // Борьба. Тифлис. 1920. 28 марта. С. 3.
17. Еще о хлебе // Борьба. Тифлис. 1920. 3 апреля. С. 2.
18. Военное вознаграждение // Борьба. Тифлис. 1920. 9 июня. С. 2.
19. Упорядочение валютного рынка // Борьба. Тифлис. 1920. 8 октября. С. 2–3.³
20. Современная Вена // Утро. Нью-Йорк. 1922. 25 января.⁴
21. Заокеанская конкуренция прежде и теперь // Союз Потребителей. Москва. 1924. № 1–2. С. 49–52.
22. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1923. № 39. С. 8–10.
23. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1923. № 40–41. С. 13–14.
24. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1923. № 42–43. С. 15–16.
25. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1923. № 45–46. С. 15–16.

¹ По старому стилю.

² Автор указан как М. Ясный.

³ Указаны только инициалы автора — Н. Я.

⁴ В этом издании опубликованы еще две статьи Н. Ясного — см.: Мемуары, с. 50.

26. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1923. № 47. С. 10–11.
27. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1923. № 48. С. 13–14.
28. Мировой хлебный рынок в 1923 году // Внешняя торговля. 1924. № 2–3. С. 20–22.
29. К вопросу об элеваторном строительстве // Внешняя торговля. 1924. № 4–5. С. 19–21.
30. Классификация хлебов // Союз Потребителей. Москва. 1924. № 3. С. 50–51.
31. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 14. С. 20–23.¹
32. Международный хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 15–16. С. 22–23.
33. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 17–18. С. 20–21.
34. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 19–20. С. 19–20.
35. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 21. С. 13–14.
36. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 22–23. С. 20–21.
37. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 24–25. С. 20.
38. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 28–29. С. 20–21.
39. Мировой рынок и русский хлебо-экспорт // Союз Потребителей. Москва. 1924. № 10. С. 87–93.
40. Мировое производство хлебов в послевоенные годы // Материалы для изучения мирового хозяйства. Приложение к Торговому Бюллетеню Торгового представительства СССР в Германии. Берлин. 1924. Кн. III–IV. Сент. — окт. С. 60–75.²

¹ В журнале «Внешняя торговля» статьи Н. Ясного, посвященные мировому (международному) хлебному рынку, за исключением № 13 и № 17 за 1925 г., подписаны Н. Я.

² В своих воспоминаниях Н. Ясный пишет, что он публиковался в экономическом еженедельнике торгового представительства СССР в Германии (Мемуары, с. 61). Очевидно, речь идет об издании «Торговый Бюллетень Торгового представительства СССР в Германии». К сожалению, все материалы в нем не содержат подписи автора. Можно с уверенностью сказать, что все разделы, связанные с торговлей хлебом, написаны с участием Н. Ясного.

41. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 30–31. С. 19–20.
42. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 32. С. 14.
43. Германские таможенные пошлины и наши задачи // Внешняя торговля. 1924. № 33. С. 12–13.
44. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 33. С. 17–18.
45. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1924. № 35. С. 16–17.
46. Мировой хлебный рынок / Энциклопедия русского экспорта / Под ред. П. А. Берлина, А. Г. Галлопа, В. Г. Громана, М. Я. Кауфмана, Л. В. Коробочкина и М. И. Тейтельбаума. Берлин: изд. Торгового представительства СССР в Германии, 1924. Т. 1.¹ С. 123–156.
47. Организация экспортной хлебной торговли / ЭРЭ. С. 177–192.
48. Хлеб / ЭРЭ. С. 193–194.
49. Качество зерна и его оценка / ЭРЭ. С. 195–204.
50. Пшеница / ЭРЭ. С. 226–238.
51. Рожь / ЭРЭ. С. 239–244.
52. Мука и торговля мукой / ЭРЭ. С. 245–259.
53. Таланов В., Ясный Н. Кукуруза / ЭРЭ. С. 260–268.
54. Таланов В., Ясный Н. Ячмень / ЭРЭ. С. 269–277.
55. Таланов В., Ясный Н. Овес / ЭРЭ. С. 278–283.
56. Просо и пшено / ЭРЭ. С. 284–286.
57. Гречиха и гречневые культуры / ЭРЭ. С. 287–289.
58. Бобовые / ЭРЭ. С. 290–298.
59. Отруби / ЭРЭ. С. 299–303.
60. Жмыхи / ЭРЭ. С. 304–309.
61. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 1. С. 18.
62. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 4. С. 17–18.
63. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 7. С. 17.
64. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 8–9. С. 23–24.
65. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 10. С. 17–18.
66. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 11. С. 15–16.
67. Мировой хлебный рынок // Внешняя торговля. 1925. № 12. С. 17.

¹ Далее — ЭРЭ.

68. Мировой хлебный рынок//Внешняя торговля. 1925. №13. С. 16–17.
69. Мировой хлебный рынок//Внешняя торговля. 1925. №14. С. 15–16.
70. Мировой хлебный рынок//Внешняя торговля. 1925. №15–16. С. 21–22.
71. Мировой хлебный рынок//Внешняя торговля. 1925. №17. С. 18–19.
72. Мировой хлебный рынок//Внешняя торговля. 1925. №18. С. 20–21.
73. Ввоз и потребление хлебов на европейском рынке // Материалы для изучения мирового хозяйства. Приложение к Торговому Бюллетеню Торгового представительства СССР в Германии. Берлин. 1925. Кн. I. Янв. — апр. С. 31–51.
74. Элеваторы в Северной Америке и в России. М.: Центросоюз, 1925. — 70 с.
75. Хлеб/Энциклопедия советского экспорта/Под ред. Б. С. Беленького, П. А. Берлина, А. Г. Галлопа, В. Г. Громана, М. Я. Кауфмана, Л. В. Коробочкина, М. И. Тейтельбаума, А. А. Трояновского, В. З. Турова. Изд. 2-е. Берлин: изд. Торгового представительства СССР в Германии, Центросоюза и Госторга. 1928. Т. I.¹ С. 175–176.
76. Мировое производство главных хлебов/ ЭСЭ. С. 180–187.
77. Цены на хлеб/ ЭСЭ. С. 188–199.
78. Качество и оценка хлебов/ ЭСЭ. С. 239–250.
79. Классификация хлебов и хлебная инспекция/ ЭСЭ. С. 253–257.
80. Хлебные биржи и союзы хлеботорговцев/ ЭСЭ. С. 264–267.
81. Срочные сделки на хлеб/ ЭСЭ. С. 302–304.
82. Кооперативный сбыт и пулы/ ЭСЭ. С. 309–311.
83. Элеваторы/ ЭСЭ. С. 312–316.
84. Ботанические разновидности пшеницы/ ЭСЭ. С. 350.
85. Качество и оценка пшеницы/ ЭСЭ. С. 351–356.
86. Страны, импортирующие пшеницу/ ЭСЭ. С. 357.
87. Канадская пшеница/ ЭСЭ. С. 358.
88. Пшеницы Соединенных Штатов/ ЭСЭ. С. 361–363.
89. Пшеницы прочих экспортных стран/ ЭСЭ. С. 364–366.
90. Пшеницы СССР/ ЭСЭ. С. 367–372.
91. Пшеничная мука/ ЭСЭ. С. 373–382.
92. Пшеница — дурум/ ЭСЭ. С. 383–387.
93. Мировое снабжение и цены пшеницы/ ЭСЭ. С. 388–394.

¹ Далее — ЭСЭ.

94. Рожь/ ЭСЭ. С. 398–409.
95. Ржаная мука/ ЭСЭ. С. 410–412.
96. Таланов В., Ясный Н. Ячмень/ ЭСЭ. С. 413–427.
97. Таланов В., Ясный Н. Кукуруза/ ЭСЭ. С. 428–439.
98. Таланов В., Ясный Н. Овес/ ЭСЭ. С. 440–451.
99. Отруби/ ЭСЭ. С. 473–476.
100. Жмыхи/ ЭСЭ. С. 479–486.
101. Конкурентноспособность важнейших заокеанских стран на мировом пшеничном рынке // Социалистическое хозяйство. 1928. Кн. IV. С. 75–108; Кн. V–VI. С. 96–112.
102. Новейшие течения в заокеанском хлебном производстве // Социалистическое хозяйство. 1929. Кн. II. С. 126–159; Кн. III. С. 139–163.
103. Ахиллесова пята колхозной системы // Новый журнал. 1946. № 14.
104. Что Россия будет есть? // Социалистический вестник. 1953. № 1. С. 3–6.
105. Исследовательская работа по советской экономике / *The Present Situation and Future Prospects in the Political, Economic and Nationality Questions in the USSR* (Proceedings of the Fourth Institute Conference in Munich-Tutzing from July 5 to 7, 1954). Vol. 1, Munich, 1954. С. 118–24.
106. С. Н. Прокопович и исчисление народного дохода // Социалистический вестник. 1955. № 7–8. С. 138.
107. Вместо хозяйственной политики — панацеи // Социалистический вестник. 1955. № 10. С. 187–188.
108. Вопросы рабочей силы // Социалистический вестник. 1956. № 4. С. 72.
109. Разрушение семьи другие проблемы населения // Социалистический вестник. 1956. № 7–8. С. 144–145.
110. Индустриализационная вакханалия начала 30-х годов // Социалистический вестник. 1956. № 12. С. 243–244.
111. Медвежья услуга // Социалистический вестник. 1957. № 4. С. 74–75.
112. Территориальный разрез и централизм // Социалистический вестник. 1957. № 5. С. 91–93.
113. Реальная заработная плата // Социалистический вестник. 1957. № 7. С. 140–142.
114. Юбилейные торжества и фальшивая статистика // Социалистический вестник. 1957. № 11. С. 215–216.
115. Сельскохозяйственные итоги // Социалистический вестник. 1958. № 2–3. С. 38–41.

116. О реалистичности семилетнего плана // Социалистический вестник. 1959. № 6. С. 112–113.
117. На заре планирования. 1. В. Г. Громан — основоположник советского планирования // Социалистический вестник. 1961. № 7. С. 139–143.
118. На заре планирования. 2. 1925–1929 гг. // Социалистический вестник. № 8–9. 1961. С. 169–171.
119. На заре планирования. 3. Разгром // Социалистический вестник. 1961. № 10–11. С. 199–200.
120. Культура неиспользованных возможностей // Социалистический вестник. 1962. № 5–6. С. 199–200.
121. Хрущевская агрономия и факты // Социалистический вестник. 1962. № 11–12. С. 171–173.
122. Начало второго послесталинского десятилетия в сельском хозяйстве // Новый журнал. 1964. № 76. С. 182–201.¹

Публикации на немецком языке

1. Der russische Weizen // Landwirtschaftliche Jahrbücher, vol. 63, no. 3 (1926), s. 411–461.
2. Der Weizenexport der Vereinigten Staaten // Landwirtschaftliche Jahrbücher, vol. 66, no. 4 (1927), s. 635–646.
3. Die Weltmarktkonkurrenz von Mais und Gerste // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 18 (May 4, 1928), s. 818–821.
4. Deutschlands Roggenausfuhr vor und nach dem Kriege // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 25 (June 22, 1928), s. 1018–1022.
5. Das Fleischproblem in den Vereinigten Staaten // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 27 (July 6, 1928), s. 1094–97.
6. Protein und die Zukunft der Weizenproduktion // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 30 (July 27, 1928), s. 1219–21.
7. Die Getreideterminbörse in Chicago // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 33 (August 17, 1928), s. 1333–36.
8. Der Mahdrescher in der überseeischen Landwirtschaft // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 36 (September 7, 1928), s. 1456–58.
9. Die Lage des Weltmarktes für Brotgetreide // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 38 (September 21, 1928), s. 1544–47.
10. Die Lage des Weltmarktes für Futtergetreide // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 40 (October 5, 1928), s. 1628–31.

¹ Эта статья доступна онлайн: http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/novyj_zhurnal_076_1964_text.pdf.

11. Die Aufgaben des Internationalen Landwirtschaftlichen Instituts in Rom // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 44 (November 2, 1928), s. 1797–99.
12. Die Traktoren in der überseeischen Landwirtschaft // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 47 (November 23, 1928), s. 1930–32.
13. Stabilisierung der Getreidepreise // Wirtschaftsdienst, vol. 13, no. 49 (December 7, 1928), s. 2009–12.
14. Entwicklung des überseeischen Getreideanbaus // Wirtschaftsdienst, Part 1: vol. 13, no. 51 (December 21, 1928), s. 2103–7; Part 2: vol. 13, no. 52 (December 28, 1928), s. 2150–54.
15. Die Getreide-, Mehl- und Futtermittelhandlung // Wirtschaftsjahrbuch, 1928, s. 202–7.
16. Die Konkurrenzfähigkeit der wichtigsten Überseeländer auf dem Weizenweltmarkt // Berichte über Landwirtschaft, N. F., vol. 9, no. 1/2 (1929), s. 1–68.
17. Die deutsche Getreideernte // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 3 (January 18, 1929), s. 91–94.
18. Der Kanadische Getreidepool // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 6 (February 8, 1929), s. 210–14.
19. Die Lage der Getreidemärkte // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 8 (February 22, 1929), s. 338–39.
20. Die Zukunft der Sojabohne // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 9 (March 1, 1929), s. 353–356.
21. Zum Plan einer Marktausgleichsgebühr für Weizen // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 11 (March 15, 1929), s. 441–43.
22. Schweizer: Ende des Getreidemonopols // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 12 (March 22, 1929), s. 508–10.
23. Der Weltweizenmarkt // Wirtschaftsdienst, Part 1: Produktion und Verbrauch, vol. 14, no. 16 (April 19, 1929), s. 673–75; Part 2: Einfuhr und Ausfuhr, vol. 14, no. 17 (April 26, 1929), s. 719–23.
24. Farmerhilfe in den Vereinigten Staaten von Nord-Amerika // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 20 (May 17, 1929), s. 841–44.
25. Die Baisse auf den Getreidemärkten // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 23 (June 7, 1929), s. 966–69.
26. Neuordnung der Getreidewirtschaft // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 27 (July 5, 1929), s. 1141–45.
27. Die Weltmärkte für Weizenmehl // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 31 (August 2, 1929), s. 1323–28.
28. Die Getreideweltmärkte im Jahre 1928/29 // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 33 (August 16, 1929), s. 1410–13.
29. Das Erntejahr '28/'29 in Deutschland // Wirtschaftsdienst, vol. 14, no. 36 (September 6, 1929), s. 1536–39.

30. Die Neuordnung der deutschen Getreidewirtschaft//Wirtschaftsdienst, vol. 15, no. 2 (January 10, 1930), s. 44–46.
31. Die Weltgetreidemärkte//Wirtschaftsdienst, vol. 15, no. 39 (September 26, 1930), s. 1657–60.
32. Die deutschen Brotgetreidemärkte//Wirtschaftsdienst, vol. 15, no. 41 (October 10, 1930), s. 1741–44.
33. Die 'Wheat Studies' des kalifornischen Food Research Institute // Archiv, weltwirtschaftliches, vol. 30 (1930), s. 129–41.
34. Die neuzeitliche Umstellung der überseeischen Getreideproduktion und ihr Einfluss auf Weltmarkt. Sonderheft 16 der Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Institut für Konjunkturforschung. Berlin: R. Hobbing, 1930. — 88 s.
35. Die Zukunft des Roggens. Sonderheft 20 der Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Institut für Konjunkturforschung. Berlin: R. Hobbing, 1930.
36. (Together with A. Hanau) Die Märkte der Wichtigsten landwirtschaftlichen Produkte / Handbuch der Landwirtschaft, edited by Aereboe, Hansen, and Roemer. Berlin: P. Parey, 1930.
37. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft Wirkung des verlangsamten Bevölkerungszunahme auf Konsumgestaltung. Schriftenreihe des Institut für landwirtschaftliche Marktforschung, no. 2. Berlin: P. Parey, 1931.- 88 s.
38. Bevölkerungswachstum und Landwirtschaft // Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung, vol. 1, no.9 (February, 1931), s. 335–42.
39. Struktur der deutschen Mühlenindustrie // Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung, vol.1, no.10 (March, 1931), s. 461–73.
40. Deutsche Roggenpolitik//Deutscher Volkswirt, no. 28 (April 10, 1931); no. 29 (April 17, 1931); no. 30 (April 24, 1931).
41. Die Weltagrarkrise//Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung, vol. 1, no. 12 (May, 1931), s. 571–86.
42. Der Schlepper in der Landwirtschaft, seine Wirtschaftlichkeit und weltwirtschaftliche Bedeutung. Berlin: P. Parey, 1932. 155 s. (Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft. Berichte über Landwirtschaft, N. F. Sonderheft 62.)
43. Die Standardisierung von Getreide. Schriftenreihe des Institut für landwirtschaftliche Marktforschung, no. 4. Berlin, 1932. 151 s.
44. Die Lage am Getreidemarkt // Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung, vol. 3, no. 6 (November, 1932), s. 233–51.
45. (Together with A. Hanau) Die deutsche Getreidebilanz//Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung, vol. 3 (1933), s. 131–49 и 307–17.

46. Zum Weltgetreideproblem // Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung, vol. 3 (1933), s. 510–17.
47. Рецензия на: Carl Boehm's Die Elastizität der deutschen Getreide-Anbauflächen, Reviews, vol. 19, no. 4 (November, 1937), s. 959–60.
48. Soviet Planning / Beiträge zur empirischen Konjunkturforschung. Festschrift zum 25th jährigen Bestehen des Deutschen Instituts für Wirtschaftsforschung. Berlin, 1950, s. 179–207.
49. International Organisationen und Sowjetstatistik // Ost-Probleme, vol. 2 (1950), s. 086–92.
50. Probleme der Grosskolchose // Ost-Probleme, vol. 3 (1951), s. 1280–82.
51. Sklavenarbeit und Produktion, Ost-Probleme, vol. 3 (1951), s. 1553–62.
52. Die Landwirtschaft im 5. sowjetischen Fiinfjahresplan // Agrarwirtschaft, vol. 2 (February, 1953), s. 60–65.
53. Der neue Kurs in der sowjetischen Landwirtschaft // Agrarwirtschaft, vol. 3 (February, 1954), s. 40–45.
54. Der sowjetische Staatshaushalt // Finanzaichiv, vol. 15, no. 1 (1954), pp. 125–70; vol. 15, no. 3 (1955), s. 53–55.
55. Der sowjetische Staatshaushalt 1956 // Osteuropa-Wirtschaft, vol. 1, no. 1 (August, 1956), s. 33–40.
56. Die Zuwachsraten der sowjetischen Wirtschaft // Konjunkturpolitik, no. 2 (1956), s. 74–84.
57. Chruschtschow und die Sowjetwirtschaft // Ost Europa, vol. 7, no. 10 (October, 1957), s. 709–18.
58. Die Landwirtschaft in der Sowjetunion // Agrarwirtschaft, vol. 7, no. 8 (August, 1958), s. 248–55.
59. Vergleich der Kolchosbauern- und Arbeitereinkommen in der Sowjetunion: ein vernachlassigtes Thema // Berichte iiber Landwirtschaft, N. F., vol. 39 (1969). (Переработка английской статьи.)

Публикации на французском языке

1. L'agriculture soviétique // Le Contrat Social, vol. 2, no. 3 (May, 1958), p. 152–58. (Перевод с английского языка.)
2. De l'interprétation des statistiques soviétiques // Le Contrat Social, vol. 3, no. 1 (January, 1959), pp. 45–48. (Перевод с английского языка.)
3. Revenus des paysons et des ouvriers en U. R. S. S. // Le Contrat Social, vol. 4, no. 5 (September, 1960), p. 303–7. (Перевод с английского языка.)

4. Étapes du développement économique en U. R. S. S. // *Le Contrat Social*, vol. 5, no. 4 (July/August, 1961), p. 215–22. (Перевод отрывков из книги *Soviet Industrialization, 1928–1952.*)
5. L'agriculture soviétique dix ans après Staline // *Le Contrat Social*, vol. 8, no. 4 (July/August, 1964), p. 214–20. (Перевод с русского языка.)

Публикации на английском языке

1. Tractor versus Horse as a Source of Farm Power // *American Economic Review*, vol. 25, no. 4 (December, 1935), p. 708–23.
2. Wheat Problems and Policies in Germany / *Wheat Studies* (Stanford University, Calif.: Food Research Institute, 1936), vol. 13, no. 3, p. 65–140.
3. Research Methods on Farm Use of Tractors. *Columbia University Studies in the History of American Agriculture*, ed. by Harry J. Carman and Rexford G. Tugwell, vol. 5. New York: Columbia University Press, 1938. – 273 p.
4. Competition among Grains. *Grain Economic Series of Stanford University*, Food Research Institute. Vol. 2. Stanford University, Calif., 1940. – 606 p.
5. Proposal for Revision of Agricultural Statistics // *Journal of Farm Economics*, vol. 24, no. 2 (May, 1942), p. 402–19.
6. Competition among Grains in Classical Antiquity // *American Historical Review*, vol. 47, no. 4 (July, 1942), p. 747–64.
7. Price and Cost of Bread in the United States and Other Countries. U. S. D. A., Bureau of Agricultural Economics, Washington, D. C., June, 1943. (For administrative use only).
8. Wheat Prices and Milling Costs in Classical Rome. / *Wheat Studies* (Stanford University, Calif.: Food Research Institute, 1944), vol. 20, no. 4, p. 137–170.
9. The Wheats of Classical Antiquity. *The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science*, ser. 62, no. 3. Baltimore, Md.: The Johns Hopkins Press, 1944. – 176 p.
10. Labor Productivity in Agriculture in USSR and USA // *Journal of Farm Economics*, vol. 27, no. 2 (May, 1945), p. 419–432.
11. Decline and Recovery in European Agriculture: World Wars I and II // *Foreign Agriculture*, vol. 10 (April/May, 1946), p. 66–75.
12. Recovery in European Agriculture, World Wars I and II. U. S. D. A., Office of Foreign Agriculture, 1946. – 14 p.
13. Unirrigated Cotton in Southern Russia and the Danubian Countries // *Foreign Agriculture*, vol. 11, no. 1 (January, 1947), p. 2–14.

14. The Breads of Ephesus and Their Prices// *Agricultural History*, vol. 21, no. 1 (July, 1947), p. 190-92.
15. Intricacies of Russian National-Income Indexes// *Journal of Political Economy*, vol. 55, no. 4 (August, 1947), p. 299-322.
16. The Plight of the Collective Farms// *Journal of Farm Economics*, vol. 30, no. 2 (May, 1948), p. 304-21.
17. *Agricultural Geography of Europe and the Near East. (Atlas) U. S. D. A. Misc. Pub. 665, 1948. — 67 p. By L. B. Bacon and others. N. Jasny, associate author.*
18. Soviet Agriculture and the Fourth Five-Year Plan// *Russian Review*, vol. 8, no. 2 (April, 1949), p. 135-41.
19. *The Socialized Agriculture of the USSR: Plans and Performance. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1949. — 837 p.*
20. USSR: Law on Measures to Ensure High and Stable Yields in the Steppe and Forest-Steppe Regions// *Land Economics*, vol. 25, no. 4 (November, 1949), p. 351-58.
21. Soviet Statistics// *Review of Economics and Statistics*, vol. 32, no. 1 (February, 1950), p. 92-99.
22. The Daily Bread of the Ancient Greeks and Romans// *Osiris* 9 (1950): p. 227-53.
23. International Organizations and Soviet Statistics// *Journal of the American Statistical Association*, vol. 45, no. 249 (March, 1950), p. 48-64. (Перевод с немецкого.)
24. The Soviet Price System// *American Economic Review*, vol. 40, no. 5 (December, 1950), p. 845-63.
25. Discussion of Papers: Soviet Agricultural Collectivism in Peace and War, by Lazar Volin, and The Economic War Potential of the U. S. S. R., by Joseph A. Kershaw// *American Economic Review*, vol. 41, no. 2 (May, 1951), p. 484-94. Papers and Proceedings of the Sixty-third Annual Meeting of the American Economic Association, Chicago, Illinois, December 27-30, 1950.
26. Kolkhozy, the Achilles' Heel of the Soviet Regime// *Soviet Studies*, vol. 3, no. 2 (October, 1951), p. 150-63.
27. Labor and Output in Soviet Concentration Camps// *Journal of Political Economy*, vol. 59, no. 5 (October, 1951), p. 405-19.
28. *Results of Soviet Five-Year Plans / The Soviet Union*, edited by Waldemar Gurian. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1951. P. 30-63.
29. *The Soviet Economy during the Plan Era. Food Research Institute, Stanford University, Miscellaneous Publication 11A. Stanford University, Calif.: Stanford University Press, 1951. — 116 p.*

30. The Soviet Price System. Food Research Institute, Stanford University, Miscellaneous Publication 11B. Stanford University, Calif.: Stanford University Press, 1951. — 179 p.
31. A Close-up of the Soviet Fourth Five-Year Plan // Quarterly Journal of Economics, vol. 66, no. 2 (May, 1952), p. 139–71.
32. Soviet Grain Crops and Their Distribution // International Affairs, vol. 28, no. 4 (October, 1952), p. 452–59.
33. Soviet Prices of Producers' Goods. Food Research Institute, Stanford University, Miscellaneous Publication 11C. Stanford University, Calif.: Stanford University Press, 1952. — 180 p.
34. Errors and Omissions in Jasny's Monographs on the Soviet Union. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1952. — 2 p.
35. The New Economic Course in the USSR // Problems of Communism, vol. 3, no. 1 (January/February, 1954), p. 8–14. (Reprinted from Twentieth Century, London, November, 1953.)
36. A Soviet Planner—V. G. Groman // Russian Review, vol. 13, no. 1 (January, 1954), p. 52–58.
37. Soviet Economic Growth // Social Research, vol. 21, no. 1 (Spring, 1954), p. 11–42.
38. Prospects for Soviet Farm Output and Labor // Review of Economics and Statistics, vol. 36, no. 2 (May, 1954), p. 212–19.
39. Price of Soviet 'Progress': Real Wages below 1928 Level // Daily Telegraph & Morning Post (London), May 31, 1954.
40. Some Problems in Soviet Statistics // American Statistician, vol. 9, no. 2 (April, 1955), p. 22–24.
41. Indices of Soviet Industrial Production, 1928–54. Corporation for Economic and Industry Research, Report A-46. Washington, D. C., 1955.
42. On the Wrong Track // Soviet Studies, vol. 8, no. 1 (July, 1956), p. 50–76.
43. More Soviet Grain Statistics // International Affairs, vol. 32, no. 4 (October, 1956), p. 464–66.
44. The Soviet Population of 1956 // American Statistician, vol. 11, no. 1. (February, 1957), p. 18–20.
45. Germany's Capacity to Produce Agricultural Products // Foreign Agriculture, vol. 21, no. 5 (May, 1957), p. 217–56.
46. Russia's Big Weakness: There's Not Enough to Eat // U. S. News and World Report, September 13, 1957, p. 70–77.
47. Death Rates and Living Standards in the Soviet Union // American Statistician, vol. 11, no. 4 (October, 1957), p. 18–20.
48. The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary. East Lansing: Michigan State University Press, 1957. — 212 p.
49. Soviet Agriculture // Current History, vol. 34, no. 197 (January, 1958), p. 21–27. (Перевод с французского.)

50. The Rates of Soviet Economic Growth// *American Statistician*, vol. 12, no. 3 (June, 1958), p. 21–24.
51. Penny Plain, Twopence Coloured: Interpreting Soviet Statistics // *Soviet Survey*, no. 26 (October-December, 1958), p. 9–14. Трижды переиздана в сборниках материалов конференций, а также издана Военной академией в Вашингтоне. Переведена на французский.
52. Some Thoughts on Soviet Statistics: An Evaluation// *International Affairs*, vol. 35, no. 1 (January, 1959), p. 53–60.
53. 'A Mighty Maze! But Not without a Plan': Soviet Economy: Target for Tomorrow// *Soviet Survey*, no. 27 (January-March, 1959), p. 53–60.
54. The Soviet Seven-Year Plan: Is It Realistic?// *Bulletin of the Institute for the Study of the USSR*, vol. 6, no. 5 (May, 1959), p. 21–28.
55. Peasant-Worker Income Relationships: A Neglected Subject// *Soviet Studies*, vol. 12, no. 1 (July, 1960), p. 14–22. (Переведена на французский и немецкий языки.)
56. On Professor Polanyi's Thesis// *Soviet Survey*, no. 34 (October-December, 1960), p. 103–4. (Comments on Michael Polanyi's *Towards a Theory of Conspicuous Production*, p. 90–99.)
57. A Note on Rationality and Efficiency in the Soviet Economy// *Soviet Studies*, Part 1: vol. 12, no. 4 (April, 1961), p. 353–75; Part 2: vol. 13, no. 1 (July, 1961), p. 35–68.
58. Stages of Soviet Economic Development// *Survey*, no. 37 (July-September, 1961), p. 24–33. (Translated into French.)
59. Improving Soviet Planning: Thirty-Five Years of Mediocrity// *International Affairs*, vol. 37, no. 4 (October, 1961), p. 465–76. (Translated into French.)
60. The Price of Soviet Industrialization// *Current History*, vol. 41, no. 243 (November, 1961), p. 292–98.
61. Plan and Superplan// *Survey*, no. 38 (October, 1961), p. 29–43.
62. *Soviet Industrialization, 1928–1952*. Chicago: University of Chicago Press, 1961. 467 p.
63. Rationality and Efficiency: A Further Note// *Soviet Studies*, vol. 13, no. 3 (January, 1962), p. 321–23.
64. How 'Phoney' Are Soviet Statistics?// *Statist*, vol. 175, no. 4378 (February 2, 1962), p. 329–30.
65. *Soviet Statistical Yearbooks for 1955 through 1960*// *Slavic Review*, vol. 21, no. 1 (March, 1962), p. 121–56.
66. The Secret 1941 Uzbek Economic Plan// *Soviet Studies*, vol. 13, no. 4 (April, 1962), p. 407–13.
67. The Russian Economic 'Balance' and Input-Output Analysis: A Historical Comment// *Soviet Studies*, vol. 14, no. 1 (July, 1962),

- р. 75–80. (Переведена на французский, опубликована также под названием: *The Soviet Balance of National Income and the American Input- Output Analysis* // Editrice L'industria, Milano, no. 1 [Milan, 1962], p. 3–9.)
68. *Essays on the Soviet Economy*. New York: Praeger, 1962, 297 p. Эта книга вышла также в: Munich: Institute for the Study of the USSR, 1962.
69. *Prospects of the Soviet Iron and Steel Industry* // *Soviet Studies*, vol. 14, no. 3 (January, 1963), p. 275–94.
70. *A Short Cut to Growth Rates in Soviet National Income* // *Soviet Studies*, vol. 15, no. 1 (July, 1963), p. 38–42.
71. *Low- and High-Yielding Crops in the USSR / Soviet Agricultural and Peasant Affairs*, ed. by Roy D. Laird. Lawrence: University of Kansas Press, 1963. p. 215–47.
72. *The Failure of the Soviet Animal Industry* // *Soviet Studies*, Part 1: vol. 15, no. 2 (October, 1963), p. 187–218; and Part 2: vol. 15, no. 3 (January, 1964), p. 285–307.
73. *Khrushchev's Crop Policy*. Glasgow, Scotland: George Outram, for Institute of Soviet and East European Studies, University of Glasgow, [1965]. — 243 p.
74. *Review of Boris Nikolaevsky's Power and the Soviet Elite* // *Soviet Studies*, vol. 18, no. 1 (July, 1966), p. 105–7.
75. *Production Costs and Prices in Soviet Agriculture* // *In Soviet and East European Agriculture*, ed. by Jerzy F. Karcz. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967, p. 212–57.
76. *Soviet Economists of the Twenties: Names to Be Remembered*. Vol. 1 of *Soviet and East European Studies*. Cambridge, Eng.: At the University Press, 1972. — 218 p.
77. *To Live Long Enough*. The Memoirs of Naum Jasny, Scientific Analyst. Lawrence — Manhattan — Wichita: University Press of Kansas, 1976. — 190 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо И. В. Сталина В. Р. Менжинскому
(после 2 октября 1930 года)¹

Тов. Менжинский!

Письмо от 2/Х и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях — это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о *сроке* интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию в 1930 г., но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно. Это тем более важно, что исходит от первоисточника, т. е. от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющей самую сильную социально-экономическую группу из всех существующих в СССР и эмиграции группировок, самую сильную как в смысле капитала, так и в смысле связей с французским и английским правительствами. Может показаться, что ТКП или „Промпартия“ или „партия“ Милюкова представляют главную силу. Но это неверно. Главная сила — группа Рябушинского–Денисова–Нобеля и т. п., т. е. „Торгпром“. ТКП, „Промпартия“, „партия“ Милюкова — мальчики на побегушках у „Торгпрома“. Тем более интересны сведения о *сроке* интервенции, исходящие от „Торгпрома“. А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес.

Отсюда мои предложения.

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, „Промпартии“ и особенно Рамзина вопрос об интервенции и сроке интервенции (1). Почему отложили интервенцию в 1930 г. 2) Не потому ли, что Поль-

¹ Коммунист. 1990. № 11. С. 99–100; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 388. Л. 270–271.

ша еще не готова? 3) Может быть, потому, что Румыния не готова? 4) Может быть, потому, что лимитрофы еще не сомкнулись с Польшей? 5) Почему отложили интервенцию на 1931 г.? 6) Почему „могут“ отложить на 1932 г.? 7) И т. д. и т. п.).

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов „ЦК Промпартии“ и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания Рамзина.

в) Строжайше допросить Громана, который, по показанию Рамзина, заявил как-то в „Объединенном центре“, что „интервенция отложена на 1932 г.“.

г) Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от „тенденции к интервенции“, но являющихся (бесспорно!) интервенционистами, и строжайше допросить их о сроках интервенции (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Миллюков, к которому они ездили на „беседу“).

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и К° и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем в той или иной форме достоянием секций КИ и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно.

Понятно?

Привет!

И. Сталин.

Письмо М. Якубовича

Михаил Якубович, Письмо Генеральному Прокурору СССР о процессе меньшевиков в 1931 г., 5 мая 1967 г.¹

Генеральному прокурору СССР

В связи с проверкой, производящейся Прокуратурой СССР по делу, по которому я был осужден в 1931 г., я представляю следующие объяснения.

Никакого «Союзного бюро меньшевиков»[1]² в действительности никогда не существовало. Осужденные по этому делу не все знали друг друга и не все принадлежали когда-либо в прошлом к меньшевистской партии. Так, А. Ю. Финн-Енотаевский — в прошлом один из организаторов Московского Рабочего Союза в 1895 г. — со времени II съезда РСДРП в 1903 г. принадлежал к большевикам и, хотя отошел от партийной организации во время империалистической войны 1914–1917 гг., никогда никакой связи с меньшевиками не имел. А. Л. Соколовский в прошлом принадлежал к сионистам-социалистам, к так называемым «эс-эсовцам», но никогда не был меньшевиком. Большинство обвиняемых в той или иной степени имели, однако, в прошлом связь с меньшевистской партией. Некоторые — весьма слабую и случайную (напр. Н. Г. Петунин и Б. М. Берлацкий), другие принадлежали к ее основным и даже руководящим кадрам (И. И. Рубин, И. Г. Волков, А. М. Гинзбург, В. В. Шер, Якубович). Но и те и другие уже давно порвали с меньшевиками

¹ Письмо М. П. Якубовича существует в нескольких незначительно отличающихся друг от друга вариантах. В настоящем издании приводится текст, доступный онлайн в Антологии самиздата, поскольку он содержит интересные комментарии о судьбе М. П. Якубовича (см.: <http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/yakubovich.html>). А. Л. Литвин опубликовал копию письма, хранящуюся в архиве ФСБ (см.: *Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов.* Кн. 2. С. 457–464). Эти два варианта практически идентичны. — *Примеч. научн. ред.*

² См. примечания на с. 332, 336. — *Примеч. научн. ред.*

при разных обстоятельствах и по разным мотивам. Единственный участник процесса, действительно сохранивший связь с меньшевистским партийным центром за границей (как я узнал от него впоследствии в Верхнеуральском политизоляторе) и даже являвшийся председателем или секретарем меньшевистского «Московского Бюро» — В. К. Иков — ни одним словом не обмолвился перед следствием и на суде о своих действительных партийных связях и о своей действительной партийной деятельности, и даже само существование «Московского Бюро» осталось невскрытым на суде и на следствии. Между прочим, В. К. Иков был единственным из осужденных по делу «Союзного Бюро», который по отбытии назначенного ему судом 8-летнего срока заключения в 1939 году возвратился на жительство в Москву и оставался здесь до 1951 г., когда был вновь арестован по другому делу.

Следователи ОГПУ и не стремились ни в какой степени вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию Икова или кого-либо из других обвиняемых. У них была готовая схема «вредительской» организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата, а настоящие подпольные меньшевики такого положения не занимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителем двух уже ранее намеченных вредительских процессов — Промпартии и ТКП [2] — Рамзиным и Кондратьевым, которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе «Союзного Бюро». Им необходимо было для стройности политической композиции дополнить нарисованную ими схему наличием третьей политико-вредительской организации — социал-демократической. Так мне объяснил между прочим, посаженный ко мне на несколько дней в камеру — очевидно для разъяснения следственной ситуации — один из крупнейших участников ТКП профессор Л. Н. Юровский, признавший себя «министром финансов» в «теновом кабинете» Н. Д. Кондратьева.

Идея Кондратьева была с готовностью подхвачена его личным приятелем В. Г. Громаном, которого сотрудники ОГПУ, явившиеся арестовать Кондратьева, застали у него на квартире, что и явилось первоначальным поводом для возбуждения следствия против Громана. Громану было обещано след-

ствием, что в случае содействия с его стороны в организации процесса вредителей-меньшевиков, ему будет гарантировано возвращение к работе с последующей полной амнистией. Впоследствии, когда осужденные по процессу «Союзного Бюро» были доставлены в Верхнеуральский политизолятор, Громан в помещении «вокзала» с отчаянием и негодованием восклицал: «Обманули! Обманули!» Готовность Громана взять на себя организацию процесса была подкреплена его алкоголизмом. Следователи подпаивали его и получали все желательные для них показания. Уже во время процесса, в ожидании отправки после судебного заседания во внутреннюю тюрьму ОГПУ, когда меня возили в одной легковой машине вместе с Громаном, я был свидетелем такого разговора с ним одного из следователей: «Ну как, Владимир Густавович, сейчас подкрепимся коньячком?!» — «Хи-хи-хи, — посмеивался Громан, — уж как всегда!» Деятельным помощником в создании вредительской версии явился К. Г. Петунин — человек малоинтеллигентный, примкнувший к меньшевистской партии после февральской революции и вскоре после Октябрьской победы большевиков покинувший ее. По его рассказам в Верхнеуральске, он «скалькировал», что наиболее выгодным в создавшихся для него после ареста условиях является действительное содействие следствию в конструировании вредительского процесса, за что он получит от ОГПУ соответствующее вознаграждение в виде возвращения на свободу и предоставления работы... В противном случае он может попасть на длительный срок в заключение и даже погибнуть. Петунину принадлежала мысль составить «Союзное Бюро» по принципу ведомственного представительства [3] — из числа руководящих работников соответствующих аппаратов, о которых он слышал, что они бывшие меньшевики. Не зная, однако, в точности политического прошлого названных лиц, он допустил такую неточность, как включение в составленный им список «эс-эсовца» Соколовского. Следователи были мало озабочены подобной «неточностью» — им надо было получить «признание» намеченных жертв, а были ли они в действительности меньшевиками, им было безразлично.

Тогда началось извлечение признаний. Некоторые, подобно Громану и Петунину, поддались на обещания будущих благ, так же быстро поддался Б. М. Берлацкий, который впоследствии

в тюрьме сошел с ума. Других, пытавшихся сопротивляться, «вразумляли» методами физического воздействия — избивали (били по лицу, по голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, душили за горло и т. п.), держали без сна на конвейере, сажали в карцер (полуодетыми и босиком на морозе или в нестерпимо жаркий без окон). Для некоторых было достаточно одной угрозы подобных воздействий, с соответствующей их демонстрацией. Для других они применялись в разной степени — строго индивидуально, в зависимости от сопротивляемости. Больше всего упорствовали А. М. Гинзбург и я.

Мы ничего не знали друг о друге и сидели в разных тюрьмах: я в северной башне Бутырской тюрьмы, Гинзбург во внутренней тюрьме ОГПУ. Но мы пришли к одинаковому выводу: мы не в силах выдержать применяемого воздействия и нам лучше умереть. Мы вскрыли себе вены. Но нам не удалось умереть. После покушения на самоубийство меня уже больше не били, но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все равно — какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и на других — лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания. Меня еще удерживала мысль, что я один впал в такое малодушие, и мне было стыдно за свою слабость. Но мне дали очную ставку с моим старым товарищем В. В. Шером, которого я знал как человека, пришедшего в рабочее революционное движение задолго до победы революции из богатой семьи, то есть как человека безусловно идейного. Когда я услышал из уст Шера, что он признал себя участником вредительской меньшевистской организации и назвал меня как одного из ее членов, — я тут же на очной ставке окончательно сдался. Дальше я уже нисколько не сопротивлялся и писал любые показания, какие мне подсказывали следователи — Д. З. Апресян, А. А. Наседкин, Д. М. Дмитриев. В ходе следствия часть обвиняемых, в том числе и меня, вывозили для усиления средств физического воздействия в Суздаль, где содержали в старой монастырской тюрьме, предназначенной в царское время для заключения так называемых еретиков. Там, в ответ на требование написать какое-то неправдоподобное признание, я сказал следователю Наседкину: «Поймите, ведь этого никогда не было и быть не могло». Наседкин, человек очень нервный и лично

в истязаниях участия не принимавший, ответил мне: «Я знаю, но Москва требует».

Было ли какое-нибудь вредительство в Наркомторге? В планировании использования товаров, в чем меня и Л. Б. Залкинда обвиняли? Не только не было, но и быть не могло. Ведь планы завоза промышленных товаров рассматривались с подробными обоснованиями на заседаниях коллегии Наркомторга. В заседаниях коллегии принимали участие ответственные и опытные партийные работники и эксперты от разных ведомств — ВСНХ, Наркомфина, крупнейших хозяйственных объединений, например, Текстильного Синдиката [4]. Председательствовал на Коллегии А. И. Микоян, который критически, даже придирчиво просматривал каждую цифру, прежде чем согласиться на ее утверждение. О каком вредительстве в такой обстановке могла бы идти речь? Разве все, кроме меня, были слепцы? Да, я пользовался доверием Коллегии, Наркома и всех ответственных работников, меня знавших (включая Ф. Э. Дзержинского, с которым я непосредственно работал в комиссии СТО [5] по государственным фондам, где он был председатель, а я при нем управляющим делами). Но это доверие было завоевано обоснованностью и убедительностью докладов, которые я делал, а также многими годами работы в советском государственном аппарате, начиная с его первоначальной организации, наконец, «советской политической линией», которую я проводил сперва в рядах меньшевистской партии, а затем, порвав с ней в 1920 г., когда убедился, что не смогу повернуть ее на советский путь.

В следственном деле есть показания, написанные моей рукой, в которых перечисляются вредительские акты с указанием номеров, «исходящих» из Наркомторга. Но ведь в тюрьме я ни одного документа не видел и их мне никто не показывал. Эти номера взяты «с потолка» и рассчитаны на то, что их никто не будет проверять. Но был один факт прямого нарушения мною правительственного постановления о бронировании товарных контингентов для Магнитостроя и Кузнецкостроя. И этот факт усиленно использовался следствием как центральный обвинительный материал против меня и доказательство раскрытого вредительства. Но как я совершил это нарушение? Народный комиссар торговли А. И. Микоян вызвал меня и передал устное распоряжение И. В. Сталина снять эти товарные контингенты с Магнитостроя и Кузнецкостроя и, вопреки постанов-

лению СТО, передать их Москве. Я колебался. Но А. И. Микоян сказал: «Что? Вы не знаете, кто такой Сталин?». Нет, я знал. И, конечно, выполнил его распоряжение. А через несколько дней в «Правде» появилась заметка о том, что Якубович не выполняет постановлений правительства и самовольно дает товарным фондам, предназначенным для Магнитостроя, другое направление. Я принес эту заметку т.Микояну. Он обещал поговорить со Сталиным. Не знаю, говорил ли. Когда меня спустя немного времени арестовали, то следователи обвинили меня во вредительстве, разоблаченном «Правдой». Я предлагал спросить Микояна, спросить Сталина. Но следователи надо мною хохотали. Вот в этом «вредительстве» я тоже «сознался». Когда «Союзное Бюро» уже было «сформировано» на междуведомственной основе, его пополняли по указанию следователей, дополнительными членами. В их числе, между прочим, оказался и В. К. Иков. Неожиданно для основных участников. Как происходило это пополнение, можно судить по примеру М. И. Тейтельбаума. Уже состав «Бюро» был определен и согласован следствием и обвиняемыми, когда меня вызвали из камеры к следователю Апресяну. В его кабинете я застал Тейтельбаума, которого никто из обвиняемых в своих показаниях не называл. Я знал Тейтельбаума много лет как партийного работника социал-демократа. В прошлом он был большевиком, во время первой мировой войны перешел к меньшевикам, в 1917 г. состоял секретарем Московского комитета меньшевиков, после Октябрьской революции порвал с меньшевиками и работал в заграничном аппарате Наркомвнешторга. Когда я вошел, Апресян поднялся и вышел, оставив нас вдвоем. Тейтельбаум обратился ко мне: Я уже давно сижу в тюрьме, меня били и требовали признания в том, что я брал взятки за границей с капиталистических фирм. Я не выдержал истязаний и «признался». Это ужасно — ужасно жить и умереть с таким позором. Но следователь Апресян вдруг сказал мне: «Может быть, вы хотите переменить показания, признаться, что участвовали в контрреволюционной организации, в меньшевистском «Союзном Бюро»? Тогда у вас будет не уголовное, а политическое преступление». — «Да, хочу», — ответил я. — «Как это сделать?» — Апресян говорит: «А я сейчас позову Якубовича, вы его знаете?» — «Знаю». — «Если он согласится принять вас в Союзное Бюро, я не возражаю». Вот он и позвал вас. Товарищ Якубович, умоляю вас, включите меня в это Союз-

ное Бюро. Лучше я умру, как контрик, а не как мошенник и негодяй». Тут в комнату вошел Аapresян.

«Ну как, договорились?» — обратился он ко мне с усмешкой. Я молчал. На меня смотрели с мольбой глаза Тейтельбаума. «Я согласен, — сказал я, — я подтверждаю участие Тейтельбаума в Союзном Бюро». «Ну, вот и хорошо, — сказал Аapresян, — пишите все показания, а старые я уничтожу». Вот так формировалось «Союзное Бюро».

Ни один из обвиняемых по делу «Союзного Бюро» не принадлежал к числу моих личных друзей и ни с кем из них я не поддерживал до возникновения этого дела дружеских отношений. В. В. Шера, в прошлом моего друга, я не встречал до этого в течение нескольких лет. Мои действительные друзья и товарищи этих лет не были названы мною и к делу «Союзного Бюро» не привлекались. Это были Ю. М. Двойлацкий, Л. Е. Гальперин, М. Л. Никифоров, И. В. Шостак. Никто из них никогда меньшевником не был. Гальперин (по партийной кличке «Коняга») был членом ЦК большевиков во времена подполья, остальные были членами ВКП(б) в описываемое время [6].

За несколько дней до начала процесса состоялось первое «организационное» заседание «Союзного Бюро» в кабинете старшего следователя Д. М. Дмитриева и под его председательством. В этом «заседании» кроме обвиняемых, принимали участие следователи Аapresян, Наседкин, Радищев. На заседании обвиняемые знакомились друг с другом, согласовывали и репетировали свое поведение на суде. На первом «заседании» эта работа не была закончена, и оно было повторено.

Я был в смятении, как вести себя на суде? Отрицать данные на следствии показания? Попытаться сорвать процесс? Устроить мировой скандал? Кому он пойдет на пользу? Разве это не удар в спину Советской власти, коммунистической партии? Я не вступал в нее, уйдя от меньшевиков, но ведь я политически и морально был с нею и остаюсь с нею. Какие бы преступления ни совершал аппарат ОГПУ, я не должен изменять партии и государству. Не скрою, что я думал и о другом.

Если я откажусь от данных мной показаний, что со мною сделают палачи-следователи? Страшно об этом подумать. Если б только смерть! Я хочу смерти, я ее искал и пытался умереть. Но ведь они умереть не дадут, они будут медленно пытаться, пытаться бесконечно долго. Не будут давать спать, пока не наступит

смерть. А когда она наступит? Раньше, вероятно, придет безумие. Как на это решиться? Во имя чего? Если бы я был врагом коммунистической партии и советского государства, я нашел бы нравственную опору своему мужеству в ненависти к ним. Но ведь я не враг. Что же может побудить меня на такое отчаянное поведение на суде?

С такими мыслями и в таком душевном состоянии меня вывели из камеры и привели в кабинет, где сидел Н. В. Крыленко, назначенный государственным обвинителем на наш процесс. Я знал Н. В. Крыленко давно, еще с дореволюционных времен. Знал близко. А в 1920 г., когда я был Смоленским губпродкомиссаром, он приезжал в Смоленск в качестве уполномоченного ЦК партии и ВЦИК Советов по наблюдению за хлебозаготовками. Некоторое время он жил в моей квартире, мы спали в одной комнате. Словом, я и Крыленко хорошо знали друг друга.

Предложив мне сесть, Крыленко сказал: «Я не сомневаюсь в том, что вы лично ни в чем не виноваты. Мы оба выполняем наш долг перед партией — я вас считал и считаю коммунистом — я буду обвинителем, вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это наш с вами партийный долг. Но на процессе могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Я буду рассчитывать на вас. Я попрошу председателя в случае необходимости дать вам слово. А вы найдете, что сказать». Я молчал. «Договорились?» — спросил Крыленко. Я пробормотал что-то непонятное, но в том смысле, что обещаю выполнить свой долг. Кажется, на глазах у меня были слезы. Крыленко приветственно помахал рукой. Я вышел.

На процессе действительно возникло осложнение, предвиденное Крыленко. Так называемая «Заграничная делегация» меньшевистской партии обратилась к суду с пространной телеграммой-протестом, опровергающей материалы происходящего процесса. Крыленко огласил эту телеграмму и, окончив чтение, попросил председательствующего Н. М. Шверника предоставить слово подсудимому Якубовичу. Мое положение было бы затруднительным, если бы «Заграничная делегация» в своей телеграмме, честно отвергая лживые измышления о якобы совершавшемся по ее указанию вредительстве, высказала бы сочувствие к обвиняемым, вынужденным насильем давать ложные показания. Что мог бы я противопоставить таким заявлениям? Но «Заграничная делегация» сама облегчила мою роль.

Отвергая обвинительный материал, она вместе с тем заявила, что подсудимые не имеют и никогда не имели никакого отношения к социал-демократической меньшевистской партии, что это не более как провокаторы, подкупленные Советским правительством.

Тут уж я мог говорить правдиво и честно, избобличая «Заграничную делегацию» во лжи и лицемерии, напоминая о роли и заслугах в истории меньшевистской партии ряда подсудимых и обвиняя меньшевистское руководство в измене революции и предательстве интересов социализма и рабочего класса.

Я говорил с эмоциональным подъемом и силой убеждения. Это была одна из моих лучших политических речей. Она произвела большое впечатление на аудиторию переполненного Колонного зала (я это чувствовал по моему ораторскому опыту) и, пожалуй, была кульминационным пунктом процесса — обеспечила его политический успех и значение. Мое обещание, данное Н. В. Крыленко, было выполнено.

На другой день, начиная свои показания перед судом, А. Ю. Финн-Енотаевский заявил, что он полностью присоединяется ко всему сказанному мною в адрес «Заграничной делегации» и добавил, что я выступал в данном случае от имени всех обвиняемых.

Процесс прошел гладко — с внешним правдоподобием, несмотря на допущенные следствием грубые ошибки в его монтировании. В особенности в эпизоде с якобы имевшим место нелегальным приездом в Советский Союз члена меньшевистского ЦК Р. А. Рейн-Абрамовича. Надо было знать Абрамовича, как знал его я, чтобы понять всю нелепость утверждения о возможности его нелегального приезда в СССР. Во всем составе «Заграничной делегации» не было человека, менее способного на подобный риск. Как на предварительном, так и на судебном следствии мне удалось уклониться от подтверждения моего свидания с ним. Но Громан и некоторые другие подсудимые наперебой рассказывали о своих с ним встречах. Я слышал впоследствии, что Абрамович опубликовал на Западе неопровержимые доказательства своего алиби.

В своей обвинительной речи Крыленко потребовал применения высшей меры наказания к пяти подсудимым, включая меня. Он не оскорблял меня в этой речи — сказал, что не сомневается в моей личной честности и бескорыстности, назвал меня «ста-

рым революционером», но характеризовал меня, как фанатика своей идеи, а идеи мои признал контрреволюционными. Поэтому и требовал моего расстрела. Я был ему благодарен за данную им мне характеристику, за то, что он не унижал меня перед смертью, не смешивал с грязью.

В своей защитительной речи я сказал, что преступления, в которых я сознался, заслуживают высшей меры наказания, что требования государственного обвинителя не являются преувеличенными, что я не прошу у Верховного Суда сохранения мне жизни. Я хотел умереть. После дачи мною ложных показаний на следствии и на суде я ничего не хотел кроме смерти — не хотел жить, покрытый позором. Когда после выступления я сядил на место на скамье подсудимых, Громан, сидевший рядом со мной, схватил меня за руку и в гневе и отчаянии проговорил полушепотом: «Вы с ума сошли! Вы нас всех губите! Вы не имели права перед товарищами так говорить!»

Но нас не приговорили к смерти.

Когда после приговора нас выводили из зала, я столкнулся в дверях с А. Ю. Финн-Енотаевским. Он был старше по возрасту всех подсудимых и старше меня на двадцать лет. Он мне сказал: «Я не доживу до того времени, когда можно будет сказать правду о нашем процессе. Вы моложе всех, у вас больше, чем у всех остальных, шансов дожить до этого времени. Завещаю вам рассказать правду».

Исполняя это завещание моего старого товарища, я пишу эти объяснения и давал устные показания в Прокуратуре СССР.

Михаил Якубович.

5.v.1967 г

[1] О Якубовиче и деле «Союзного бюро меньшевиков» см. «Хроника» №10 и «Политический дневник» №№ 33 и 63. «Хроника текущих событий» № 10 (31 октября 1969 года):

«ДЕЛО М. П. ЯКУБОВИЧА»

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ЯКУБОВИЧ родился в 1891 г. Он правнук декабриста А. И. ЯКУБОВИЧА, племянник поэта и революционера П. Ф. ЯКУБОВИЧА.

С юношеских лет участник революционного движения в России. Впервые арестован гимназистом 6 класса. Вначале боль-

шевик, после начала мировой войны, разойдясь с большевиками в вопросе о войне, примкнул к меньшевистской фракции РСДРП.

М. П. ЯКУБОВИЧ активно участвует в революции 1917 г., избирается первым председателем Смоленского Совета рабочих и солдатских депутатов, кооптируется в состав Петроградского Совета в качестве представителя Западного фронта, избирается членом ВЦИК первого созыва и членом бюро ВЦИК. Во время Корниловского выступления, будучи комиссаром Временного правительства при 1 армии, арестовывает генерала ДЕНИКИНА. После Октябрьской революции М. П. ЯКУБОВИЧ, занимая видное положение в РСДРП(м), пытается привлечь партию меньшевиков к активному сотрудничеству с большевиками и с Советской властью. Сам он в это время работает продовольственным комиссаром Смоленской губернии (единственный в Советской России губернский продкомиссар — меньшевик). Когда попытка сближения меньшевиков с большевиками провалилась, он в 1920 г. выходит из партии и работает на руководящих должностях в центральных советских учреждениях: управляющим Комиссии по государственным фондам Совета труда и обороны, начальником управления промтоваров Наркомторга СССР и т. п. М. П. ЯКУБОВИЧ — автор ряда трудов и статей по экономической политике и социалистическому строительству.

В 1930 г. М. П. ЯКУБОВИЧ был арестован, а в 1931 г. осужден на 10 лет по процессу «Союзного бюро меньшевиков». С 1931 по 1939 г. содержался в Верхнеуральском политизоляторе. Там же в 1936 г. находились ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ. В 1939 г. его перевели в Орловскую тюрьму, а затем в Унжлаг (ныне Костромская обл.). В 1941 г., вскоре после окончания срока, он работал в Унжлаге вольнонаемным, М. П. ЯКУБОВИЧ снова был арестован и по заочному решению Особого совещания (ОСО) получил новый десятилетний срок. В 1950 г. был переведен в Спасск под Карагандой (Песчлаг). Этап из северных лагерей в карагандинские впоследствии был описан им в неопубликованной повести «Красная роза».

Пробыв почти четверть века в заключении, М. П. ЯКУБОВИЧ был освобожден лишь через два года после окончания второго срока, в 1953 г., и направлен в Тихоновский инвалидный дом в Караганде, где до 1955 г. находился на положении ссыльного.

Там М. П. ЯКУБОВИЧ живет до настоящего времени. Он пользуется огромным уважением и авторитетом и, несмотря на преклонный возраст, ведет активную общественную работу, являясь председателем культкомиссии — фактического органа самоуправления и защиты интересов и прав инвалидов перед администрацией. В значительной степени благодаря ему, Тихоновский дом инвалидов отличается от других инвалидных домов сравнительно мягким режимом.

В 1956 г. М. П. ЯКУБОВИЧ был реабилитирован по второму делу.

В 1961 г. он направил XXII съезду КПСС заявление о пересмотре процесса «Союзного бюро». Прокуратура СССР ответила, что вина ЯКУБОВИЧА и других осужденных доказана предварительным и судебным следствием, а также признаниями самих обвиняемых. Вскоре после этого Е. Д. СТАСОВА обращалась с такой же просьбой к Н. С. ХРУЩЕВУ, но не получила никакого ответа.

В 1966 г. М. П. ЯКУБОВИЧУ была назначена персональная пенсия. В 1967 г. он был вызван из Караганды в Москву, в Прокуратуру СССР, где его — в форме беседы, без протокола — допросили об обстоятельствах процесса «Союзного бюро», а затем предложили изложить все рассказанное письменно. В своем письменном объяснении, адресованном Генеральному прокурору, М. П. ЯКУБОВИЧ, единственный оставшийся в живых участник одного из открытых политических процессов 30-х годов, подробно рассказывает, как был инсценирован этот процесс. <...>

В тот же приезд в Москву в мае 1967 г. М. П. ЯКУБОВИЧ встретился с А. И. МИКОЯНОМ, заместителем которого он работал накануне ареста. В ходе беседы МИКОЯН признался, что он никогда не сомневался в невиновности ЯКУБОВИЧА, но ничего не мог тогда сделать. Касаясь возможности пересмотра процесса 1931 г., МИКОЯН дал понять, что этот вопрос будет окончательно решаться не союзной прокуратурой, а более высокой инстанцией; однако сейчас, как там считают, неподходящее время для пересмотра политических процессов и для новых реабилитаций.

Вместо ответа Прокуратуры СССР в журнале «Вопросы истории» (конец 1967 — начало 1968 г.) была опубликована серия статей старшего советника юстиции Д. Л. ГОЛИНКОВА. В разделе

«Антисоветская деятельность меньшевиков» (N 2, 1968 г.) автор, используя, в частности, показания ЯКУБОВИЧА на процессе, пишет о «Союзном бюро» в духе подобных статей сталинской эпохи.

Находясь в инвалидном доме, М. П. ЯКУБОВИЧ занимался литературной работой. Кроме упомянутой повести «Красная роза», им написаны: «Смерть Бориса Годунова», историко-литературная работа, в которой он обосновывает непричастность ГОДУНОВА к смерти царевича ДМИТРИЯ; «Христианство и индуизм», этико-философское исследование, доказывающее нравственное превосходство индуизма; «Что есть время», философский анализ понятия времени в теории относительности ЭЙНШТЕЙНА; «Отношение к смерти у Л. Толстого и Дж. Голсуорси»; «Письма неизвестному», серия политических характеристик, написанных с позиций ленинизма и в значительной мере основанных на личных воспоминаниях и малоизвестных фактах: три работы этой серии — о СТАЛИНЕ, КАМЕНЕВЕ и ТРОЦКОМ — были окончены в 1966–67 гг., четвертая — о ЗИНОВЬЕВЕ — осталась незавершенной.

24 апреля 1968 г. у М. П. ЯКУБОВИЧА был произведен обыск, изъяты все рукописи и письма. Одновременно Карагандинское УКГБ начало следствие по делу ЯКУБОВИЧА по ст. УК КазССР, соотв. ст. 190–1 УК РСФСР. К делу были привлечены также двое его друзей, обвиняемых в «распространении». Следовател, нач. следственного отдела УКГБ майор КОВАЛЕНКО, вел себя — по крайней мере, по отношению к самому ЯКУБОВИЧУ — вполне корректно. Протоколы допросов верно отражали показания ЯКУБОВИЧА. Контрастом корректности следствия явилась научная экспертиза трудов ЯКУБОВИЧА.

Эксперты — профессора кафедр общественных наук Политехнического и Медицинского институтов Караганды ГОРОХОВ и МУСТАФИН (фамилия третьего эксперта неизвестна) написали свое заключение в духе худших образцов сталинской эпохи. Заключение содержало грубые оскорбления и брань; извращая и фальсифицируя смысл и содержание работ ЯКУБОВИЧА, эксперты обвиняли его в провокации, контрреволюции, идеологической диверсии, протаскивании меньшевистской идеологии, клевете на марксизм-ленинизм и т. д. Все это относилось не только к мемуарно-политическим, но и к философским, литературным и историческим работам ЯКУБОВИЧА.

Несмотря на такое заключение экспертизы, по истечении установленного двухмесячного срока предварительного следствия, 24 июня, по указанию из Москвы, дело было прекращено, изъятые при обыске письма были возвращены, но все рукописи, плод многолетнего труда, остались в КГБ «приобщенными к уголовному делу».

Адрес М. П. ЯКУБОВИЧА: Казахская ССР, Караганда 1, Тихоновский дом инвалидов.

[2] ТКП — Трудовая крестьянская партия.

[3] В другой копии этого документа здесь указано подробнее: «...2 человека от ВСНХ, 2 — от Наркомторга, 2 — от Госбанка, 1 — от Центросоюза, 1 — от Госплана. При этом он назвал поименно этих «ведомственных представителей» — из числа...»

[4] В другой копии «комбината».

[5] СТО — Совет труда и обороны, 1920–1937.

[6] В другой копии дальше: «(Двойлацкий — член президиума Коммунистической Академии и начальник Экономического управления Наркомторга, Никифоров — председатель правления Резинотреста, Шостак — мой зам. по Управлению промтоварами.)»

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамович Р. А. 120–121, 134, 331¹

Абрамович С. Д. 230

Анеев 262

Аркус Я. С. 230

Атлас З. В. 234

Базаров В. А. 9, 29, 30, 31, 40, 43, 68, 76, 88, 105, 106, 113, 114, 121, 125, 126, 127, 128, 129–130, 132, 139, 142, 156, 164, 165, 172–173, 178, 181, 183, 185, 189–207, 208, 217, 247, 252, 255, 282

Белоцветов В. А. 230

Берлацкий Б. М. 118, 126, 135, 278, 279, 325

Бернс А. Ф. 237

Бернштейн Э. 136

Бирбрауер М. 169

Биссель 262

Богданов А. А. 40–41, 173, 190, 191

Большаков И. 87

Борилин Б. 270, 271

Бройтман Р. Я. 127, 155, 189, 267, 268

Бронский М. 302

Брук Б. 288

Бруцкус Б. Д. 27, 287

Букшпан Ю. М. 28, 156, 157

Бушинский В. 245

Бухарин Н. И. 28, 45, 72, 251

Вайнштейн А. Л. 60, 113, 168, 204, 238, 240, 248–249, 252, 257, 262, 282, 297–300

Вайсберг Р. Е. 68, 87–88, 132–133, 162, 171, 178, 183, 185, 189, 191, 204, 269, 296

Валентинов Н. В. (Вольский) 7, 27, 28, 54, 59, 65, 66, 83–84, 86, 87, 91, 121, 122, 155, 160–161, 162, 202, 207, 209, 261, 264–266, 274, 277, 279–281

¹ Курсивом выделены страницы, где имя упоминается в предисловии или примечании научного редактора либо в приложении.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Вейнсток А. (Weinstock U.) 237
Верменичев И. Д. 85, 281, 282
Вихляев П. А. 272, 282, 300–302
Вишневский Н. М. 90, 113, 127, 267, 268, 269, 270, 281, 295
Вишняк М. 13, 294, 301
Власенко В. Е. 233
Вознесенский Н. А. 117
Волков В. Г. 118, 126, 129, 141, 278, 323
Вольф М. М. 268
- Галов 262
Гарви Г. (Garvy G.) 7, 232, 236
Гарви А. П. 135
Гвоздев К. А. 119
Гильфердинг Р. 136
Гинзбург А. М. 9, 26, 65, 87, 90, 105, 113, 114, 118, 119, 121, 122, 123, 126, 128, 129, 131, 135, 141, 186, 188, 207–231, 265, 323, 326
Гладков И. 105, 201, 203
Горбунов 182
Гордон А. С. 184, 204
Горький М. 37, 38, 161, 190
Горфинкель 262
Гриневецкий Е. 160
Гринзер М. 230
Гринько Г. Ф. 104
Громан В. Г. 13, 14, 21, 25, 26, 28, 30, 33, 40, 41, 42, 44, 50, 65, 68, 69, 75, 76, 77, 80, 84, 87, 88, 90, 91, 113, 118, 121, 124, 126–127, 128, 129–131, 132, 134, 135, 138, 140–141, 146–189, 190, 191, 193, 201, 203, 204, 205, 206, 214, 217, 221, 245, 250, 251, 252, 255, 256, 259, 262, 267, 268, 274, 276, 277, 321, 323–325
Гуревич см. Смирнов Э. Л.
Гухман Б. А. 62, 88, 113, 127, 155, 175, 189, 204, 267–268, 270
- Давидов О. П. 253
Давыдов Д. П. 286, 291
Далин Д. 134
Дан Т. 132, 134, 135
Дейчер И. (Deutscher I.) 142
Денике Ю. П. 134
Дзержинский Ф. Э. 25, 32, 209, 265, 277, 280
Дояренко А. Г. 282, 291, 303–304
Дубовиков Ф. Г. 230
Дубровский С. М. 243, 245

Ерманский О. А. 262

Желудков И. З. 120, 139

Живкович И. Н. 240

Залкинд Л. Б. 118, 119, 121, 126, 129, 141, 258, 278, 327

Зейлингер В. И. 150, 189, 267, 268

Зиновьев Г. Е. 32, 116, 117, 333

Иванцов А. Н. 151

Изон В. 107

Иков В. К. 118, 138, 278, 279, 324, 328

Иоффе М. Н. 119, 120

Каблуков Н. А. 149

Кайзер М. С. 7, 19, 235

Каламанович М. И. 262

Калинников И. А. 34, 36, 66, 86, 131

Каменев Л. Б. 32, 116, 117, 333, 335

Кан И. А. 262

Каратыгин 282

Кафенгауз Л. Б. 28, 113, 209, 214, 277–278, 291

Каутский К. 136

Кауфман А. (Kaufman A.) 101–103

Кейнс Д. М. 234

Клеменс Р. В. (Clemence R.) 236

Клепиков С. 288

Клучков 262

Ковалевский Н. А. 166, 203, 204

Коган-Бернштейн 131

Кон А. 205

Кондратьев Н. Д. 8, 15, 25, 27, 30, 44, 45, 68, 84, 87, 89, 113, 115, 119, 125, 130–131, 139, 159, 171, 183, 187, 206, 231–257, 262, 263, 276, 281, 282, 283, 291, 292, 295, 296, 297, 299, 322, 324

Краев М. 89, 236, 254

Красин Л. Б. 163, 165

Кржижановский Г. М. 59, 68, 166, 170, 246

Крицман Л. Н. 59, 182, 243, 245, 263, 295

Круммин Г. 164

Крыленко Н. В. 31, 124, 125, 186, 254, 255, 330–331

Куйбышев В. В. 209, 212, 215

Кукель-Краевский С. А. 230

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Кутлер Н. Н. 90

Кенэ Ф. 165

Ланге О. 91

Лаптев И. Д. 85, 251

Ларичев В. А. 34, 36, 119, 131, 140, 257, 321–322

Ларин Ю. (Лурье) 59, 159

Лавров В. 230

Ленин В. И. 32, 59, 159, 160, 162–163, 164, 165, 246, 261, 274, 280

Левитский В. А. 28

Левицкий В. О. 154

Лежнев А. И. 124

Либерман Е. Г. 198

Литвин А. Л. 8, 39, 43, 323

Литошенко Л. Н. 44, 86, 252, 258, 281, 291

Лоример Ф. (Lorimer F.) 63

Лосицкий А. Е. 90, 247, 271–272, 295, 301

Левин (Levin H. S.) 12

Макаров Н. П. 44, 87, 89, 112, 122–123, 130, 242, 247, 252, 255, 256, 282, 283–287, 291, 299

Малафеев А. Н. 29, 30, 70, 110–111, 115, 226, 227

Малянтович П. Н. 28, 262

Маркс К. 191, 208

Мартов Ю. О. 154, 206

Маслов П. П. 89, 121, 122, 204, 262, 273–275

Мекк Н. К. 86

Мендельсон А. 88, 204

Милютин В. П. 33, 59, 85, 86, 132, 168, 238–239, 254–255, 270, 302

Митчелл У. К. (Mitchell W. C.) 237

Муллин В. С. 253

Наттер У. (Nutter W.) 100–101, 105, 108–109

Некрасов Н. В. 119–120

Николаевский Б. 135

Никулихин Я. П. 251

Огановский Н. П. 80, 247, 268, 282, 294–297

Озеров И. Н. 240

Опарин Д. И. 234–235

Осадчий П. С. 131, 166, 183, 203, 298

- Пауэлл Р. 221
 Первушин С. А. 113
 Петров А. 155
 Петунин К. Г. 118, 126, 132, 133, 136, 138, 140, 141, 278, 279, 323, 325
 Пешехонов А. 83
 Пистрак Г. М. 127, 189, 267
 Платова С. 288
 Поллок Ф. (Pollock F.) 60, 64, 68
 Попов П. И. 90, 169, 243, 245
 Преображенский Е. А. 54, 122, 189–190, 272, 274
 Прокопович С. Н. 27, 159
 Пятаков Г. Л. 69, 87, 117, 266, 274
- Рабинович А. И. 230, 231
 Рабинович К. И. 230, 231
 Рагольский М. 105, 132–133, 174, 176, 183, 204, 205
 Радек К. 117
 Рамзин Л. К. 30, 34, 36, 39, 40, 116, 119, 122, 130–131, 144–145, 186–187, 256, 320–321
 Рейн-Абрамович Р. А. см. Абрамович Р. А.
 Рубин И. И. 88, 118, 121, 129, 130, 141, 262, 270–271, 323
 Рывкинд С. В. 268
 Рыков А. И. 25, 29, 38, 50, 113, 117, 182
 Рязанов Д. Б. 271
- Сабсович Л. М. 203, 204, 213
 Садырин П. 30, 31, 87
 Сазонов К. 289
 Сандомирский Х. 262
 Скворцов-Степанов И. И. 190
 Смирнов Э. Л. 28
 Смит М. Н.
 Соколовский А. Л. 87, 118, 119, 126, 129, 186, 209, 212, 230, 231, 265–266, 325
 Сокольников Г. А. 32, 251
 Спалбер Н. (Spulber N.) 199, 251
 Сталин И. В. 30, 31, 33, 34, 37, 38, 50, 58, 73, 91, 93, 94, 107, 111, 112, 321
 Старовский В. Н. 184, 269
 Струве П. В. 151, 298
 Струмилин С. Г. 60, 68, 77, 88, 128, 155, 156, 164, 170, 205, 217
 Студентский Г. А. 288
 Сулковский М. 209

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Суханов Н. Н. (Гиммер) 30, 31, 32, 33, 39, 53, 54, 65, 86, 87, 90, 113, 118, 119, 130, 138, 141, 144, 160, 182, 186, 187, 197, 258–264

Тейтельбаум М. И. 17, 118, 119, 123, 124, 141, 278, 328

Теодорович И. 31, 251–252, 295

Толстой Л. Н. 259

Трахтенберг И. 204

Троцкий Л. Д. 8, 32, 69, 116, 165

Туган-Барановский М. И. 232–233, 234

Тухачевский М. Н. 117

Урицкий М. 32, 230

Фабрикант А. О. 89, 292

Фалькнер С. А. 53, 89, 113, 234

Федоров А. 65, 86

Фельдман Г. А. 203, 204, 205

Финн-Енотаевский А. Ю. 88, 118, 119, 129, 139–140, 141, 206, 256, 276–277, 323, 331

Фортунатов А. Ф. 304–305

Хансен А. (Hansen A.) 233, 236

Хатчисон Т. В. (Hutchison T.) 233

Хинчук Л. 83

Ходжман Д. (Hodgmen D.) 101, 105, 221, 223, 224

Хрущев Н. С. 20, 51, 117, 199

Цилига А. 91, 142–145, 283

Чарновский Н. 34, 131

Чаянов А. В. 80, 30, 44, 89, 113, 122, 123, 131, 132, 231, 252, 255, 256, 272, 282, 283, 287–292, 322

Челинцев А. Н. 89, 113, 196, 247, 250, 252, 253, 255, 282, 285, 292–294, 295, 304

Череванин Ф. А. (Липкин) 14, 39, 54, 121, 189, 262, 275–276

Чернобаев Н. Г. 230

Чернов В. 301

Чупров А. И. 151

Шанин Л. 251, 252

Шеин С. Д. 131, 230

Шер В. В. 118, 119, 121, 126, 129, 130, 135, 137, 138, 140, 141, 212, 278, 323, 326, 329

Шингарев А. И. 150, 160

Шольц С. В. 269

Шпитгоф А. 233

Штейн А. 131

Штерн А. В. 87, 113, 129, 130, 135–136, 187, 188, 202, 203, 212, 230, 264–265

Шуб Г. В. 127, 150, 155, 189, 267, 268

Шумпетер Й. А. 236

Эмбер Г. (Imbert G.) 237

Эрлих А. 28, 35, 37, 190

Юровский Л. Н. 15, 30, 36, 87, 90, 131, 256, 282, 291, 302–303, 322, 324

Якубович М. П. 39, 118, 121, 126, 129, 135–136, 141, 258, 278, 323–326

Ястремский Б. С. 184

Научная литература

Наум Ясный

**Советские экономисты 1920-х годов
Долг памяти**

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Редактор *В. Ю. Григорьева*

Художник *В. П. Коршунов*

Верстка *Т. А. Файзуллина*

Подписано в печать 5.12.11. Формат 60×90/16

Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 21,5

Тираж 1500 экз. Изд. № 577. Заказ № 410

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119 571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел

тел. (495) 433–25–10, (495) 433–25–02

com@anx.ru

www.delo.ane.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46